

Елена Тебнёва

Неправильная сказка

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Не пытайтесь увидеть будущее в зеркалах, иначе потеряете покой и сон. Не ходите к гадалкам и не принимайте сомнительных даров, иначе очнетесь в сказке. В сказке, в которой с самого начала все пошло не так... Анну ждали во дворце, но она оказалась в затерянной среди лесов избушке. Она должна была полюбить владельца, но отдала сердце его врагу. И кто поручится за ее жизнь, когда вокруг плетутся интриги и открываются давние тайны? Но зыбкая тропа может стать самой надежной дорогой, а первый встречный — самым верным защитником, ведь даже в неправильных сказках порой случаются настоящие чудеса.

- [Елена Тебнёва](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
    - [ГЛАВА 10](#)
    - [ГЛАВА 11](#)
    - [ГЛАВА 12](#)
    - [ГЛАВА 13](#)
    - [ГЛАВА 14](#)
    - [ГЛАВА 15](#)
    - [ГЛАВА 16](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)

- [ГЛАВА 3](#)
  - [ГЛАВА 4](#)
  - [ГЛАВА 5](#)
  - [ГЛАВА 6](#)
  - [ГЛАВА 7](#)
  - [ГЛАВА 8](#)
  - [ГЛАВА 9](#)
  - [ГЛАВА 10](#)
  - [ГЛАВА 11](#)
  - [ГЛАВА 12](#)
  - [ГЛАВА 13](#)
  - [ГЛАВА 14](#)
  - [ГЛАВА 15](#)
  - [ГЛАВА 16](#)
  - [ГЛАВА 17](#)
  - [ЭПИЛОГ](#)
-

Елена Тебнёва

НЕПРАВИЛЬНАЯ СКАЗКА

ПРОЛОГ

Молния расколола черное небо, осветив застывшего у окна мужчину, заворуженно взирающего на буйство грозы. В ладонях он сжимал пустую чашку из-под крепкого бодрящего отвара, терпкий, горький, тревожный аромат которого все еще витал в воздухе. От громового удара содрогнулись стены и отозвалось что-то в самой глубине сердца, что-то настолько же древнее, как этот дворец, и безудержное, как летняя гроза.

Распахнуть бы створки и шагнуть навстречу стихии. Избавиться от всего чуждого, навязанного веками существования бок о бок с презренными людишками, стать наконец-то частью жестокого ветра и безжалостного дождя...

...и утратить себя в ночном безумии. Стать подобным низшим чентолям, чьи призрачно мерцающие тела рассекают воздух наперегонки с молниями...

Шэт-шан Канро, полновластный владетель Прайго, резко отвернулся от окна и смерил тяжелым взглядом застывшего возле стола человека, кутающегося в плащ с капюшоном. Единственная свеча не могла победить мрак, а молнии не так уж и часто его разрывали, однако старому звездочету Агрийо всегда было мало тьмы. Порой казалось, что под плащом скрываются ожившие тени, и даже голос старика, служившего еще отцу Канро, был им под стать — вкрадчивый, невесомый, пробирающий до мурашек. Не владетеля конечно же, но, как Агрийо действует на простых смертных, шэт-шан понимал — сплетен в свое время наслушался достаточно. И не только о бессменном звездочете. Слуги знали все. Или же думали, что знают. И их рассказы, украдкой передающиеся из уст в уста, изрядно развлекали Канро и щекотали нервы вольным и невольным его гостям.

В этот раз Агрийо ничем не порадовал своего господина. Напротив, вести, принесенные им, породили новую волну желания шагнуть в окно и слиться с грозой. Вялую такую волну, бессильную.

Сбежавшую невесту наследника до сих пор так и не нашли.

— Не нашли, — нараспев повторил Канро. Злость выплеснулась накануне, вся, до последней капли, оставив вместо себя опустошение и

разочарование. И усталость. Тяжелую, как ритуальные доспехи, и непреодолимую, как дороги ночной равнины Заката.

— Обязательно найдут, — заверил Агрийо. — Звезды сулят вам удачу, мой господин. А еще они говорят, что в ночь, когда Сверкающая расчертит небо, в наш мир вернется его утерянная частичка...

— То же самое твои звезды обещали два года назад, — поморщился Канро.

Изящные, униженные кольцами пальцы задумчиво огладили пузатый бок чашки, повторили рельефный узор — сцепившиеся воедино знаки терпения и благополучия. Только тот, кто умеет ждать, обретет счастье. Но всякому терпению рано или поздно приходит конец.

— Тогда они лишь указали на возможность, — поклонился звездочет. — Сейчас же это неизбежно.

Агрийо все-таки откинул капюшон, смело встретив пристальный, хотя и недолгий взгляд своего шэт-шана. Право слово, уж лучше бы и дальше оставался безликой тенью... Канро прищурился на пламя свечи, и оно расплылось, растянулось туманным маревом. За таким же скрывалось будущее, о котором столь уверенно вещает ученый червяк. Как есть червяк. Длинный, тощий, с нелепыми усиками и собранными в жидкую косицу наполовину седыми волосами. И это с ним говорят звезды? Ему поверяют сокровенные тайны?

Мысли о неизбежном счастье были сладки. Но можно ли полностью погрузиться в них, доверившись обещаниям этого червя?

Можно. Если взять все в свои руки. Счастье — птица редкая, капризная и свободолюбивая, и хватать ее нужно крепко. Есть лишь одна попытка. И он, Канро-шан, владелец Прайго, сделает все, чтобы сия птица оказалась надежно запертой в его личной клетке.

До явления Сверкающей оставался ровно один лунный цикл. Достаточно времени для того, чтобы подготовить неизбежному счастью подобающий прием.

Гроза словно взбесилась. Молнии почти непрерывно рассекали небо, и, поднимаясь на самый верх восточной башни, Агрийо глубже натягивал капюшон плаща, пряча слезящиеся глаза от ярких всполохов. Тянуть далее было нельзя. Канро-шан на пределе, да и погода подходящая. В такие ночи грань между мирами особенно тонка...

Добравшись до круглой комнаты под прозрачной крышей башни, старый звездочет не стал зажигать свет. Быстро нашел нужную вещь, сдернул скрывавшую ее тяжелую ткань. Очередная вспышка отразилась в огромном зеркале, поселила в его глубине призрачное сияние, оставшееся даже после того, как молнию бесследно поглотила тьма ненастья.

— Я знаю, ты слышишь меня, — проскрежетал Агрийо, легко касаясь ледяной поверхности сухими узловатыми пальцами. — Время пришло.

Под глухой рокот грома зеркальная гладь пошла рябью, словно кто-то щедро плеснул на нее расплавленное серебро. И из этого серебра, живого, подвижного, проступило лицо с тонкими чертами и незрячими, широко распахнутыми глазами, в свете еще одной молнии блеснувшими столь ярко, что Агрийо отшатнулся, прикрывшись полой широкого плаща. А когда вновь осмелился посмотреть на зеркало, из него медленно появлялась рука. Раскрылась узкая серебряная ладонь, нетерпеливо дрогнули пальцы, и звездочет поспешно вложил в них маленький мешочек из черного бархата. Пальцы сжались, рука так же медленно втянулась в зеркало. Беззвучно шевельнулись серебряные губы, и прежде, чем лицо тоже исчезло, Агрийо прошелестел:

— В этот раз ты не имеешь права на ошибку. Ее ценой станет не только твоя жизнь.

Последние слова потонули в громовом раскате, но в том, что их все-таки услышали и в полной мере осознали, старик ничуть не сомневался.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Все началось с дурацкого гадания.

Зеркальный коридор казался бесконечным, и пламя свечи расцветало в каждом из бесчисленных отражений, растекалось жидким золотом, туманило сознание, затягивая в таинственный, только что сотворенный мир. Или он, мир этот, существовал всегда и лишь ждал, когда кто-нибудь откроет в него проход? Игра разума. Ловушка для души. И сердце бьется так сильно, что становится больно, но даже боль не отрезвляет, не позволяет оторвать зачарованный взгляд от переливающихся граней зеркал... от того, что происходит за ними, постепенно истончающимися, исчезающими.

Золотисто-багряное небо — свечи по эту сторону реальности щедро поделились с ним своим сиянием. Усыпанное крупными фиолетовыми бутонами дерево, огромное, крепкое, с мощным стволом, который и трое людей не обхватят. На примятой синеватой траве — такой же багряный, как и небо, меч. Рядом с деревом стоит высокий мужчина, лица которого почти не видно из-за растрепавшихся темных волос.

Идиллическая картина. Нестерпимо хочется взять в руки карандаш и набросать ее на бумаге, торопясь запечатлеть каждую мелочь, прежде чем...

Всего лишь миг — и обрушившийся с неба огонь поглотил и дерево, и траву, и мужчину, который не предпринял ни единой попытки спастись, и сам иллюзорный мир, а потом хлынул в зеркальный коридор, пронесся по нему, плавя стены, и выплеснулся в мир настоящий.

Щеки обдало нестерпимым жаром, горячая волна омыла тело, а сердце едва из груди не выпрыгнуло. Отшатнувшись, я не удержала равновесия и неуклюже упала. Встать не сумела — перед глазами все еще плясали огненные всполохи, а кожа горела, словно ее и в самом деле опалило.

— Аня! Эй, ты чего?!

Меня потрясли за плечо, и я наконец-то окончательно пришла в себя.

Я — это я. И я нахожусь в собственной квартире, а не невесть где, и надо мной простирается потолок, а не плюющееся огнем небо... И вообще, неплохо бы подняться и выпить воды. И чем холоднее она будет, тем лучше.

Я с трудом села и тут же получила большую кружку с водой. Махом осушила ее и в упор посмотрела на взволнованную подругу. Да, я бы тоже испугалась, свались кто при мне посреди святочной забавы. Но вопросы задавала бы другие...

— Что ты видела?! — жадно спросила Света, едва я оторвалась от кружки и блаженно вздохнула, ощутив, что жар отступил.

— Спасибо, я в порядке, — хмыкнула я.

— И без тебя вижу, — отмахнулась подруга. — Но ты ведь что-то видела? Или кого-то? Видела же?!

Я вздрогнула, в подробностях припомнив видение, и помотала головой:

— Глупости. Зря только на твои уговоры повелась, как малолетка...

Света обиженно надулась и фыркнула. Гадания она, в отличие от меня, уважала. И не беда, что ничто из нагаданного никогда не сбывалось. Порой я даже завидовала такому непоколебимому оптимизму и твердой вере в светлое будущее. А сейчас тихо радовалась тому, что гадалка из подруги никудышная. Как бы мог сбыться подобный бред? Сценка была бы уместна в фэнтезийном фильме, но не в реальной жизни. А у меня просто последствия усталости и недосыпа. И ладно бы еще что приятное привиделось... Наверное, кошмары — мое все. Что во сне, что наяву.

Ночью я убедилась, что так оно и есть, потому как приснилось мне то же самое. Дерево, меч, мужчина и поглощающее все пламя. И следующей ночью. И следующей...

Все началось с дурацкого гадания, продолжилось не менее дурацким сном и, увы, на этом не закончилось...

Вновь наступила ночь.

И вновь горело дерево и молча погибал мужчина, которого я знать не знала, но чья нелепая смерть раз за разом рвала сердце в клочья. И вновь я ничего не могла сделать, лишь смотреть и безмолвно плакать,

потому как закричать не получалось, словно я была русалочкой, у которой злая колдунья забрала голос, так и не дав взамен ног.

— Когда Сверкающая расчертит небо, — зловеще шепнули в самое ухо, и я, задохнувшись от последней вспышки чужой, но на эти долгие мгновения ставшей моей боли, наконец-то очнулась.

Лежала я долго, уставившись в затянутый сумерками потолок. Прийти в себя ночь от ночи удавалось все сложнее. И все реальнее становился жуткий сон, не дающий мне покоя. Вот уже целый месяц. Как привязался с того дня гаданий, так и не отвязывается. Не помогали ни снотворное, ни успокоительные, ни медитация. Хорошо еще идти никуда не надо...

Но хорошо было лишь до Светкиного звонка. Отвечать не хотелось, но я по горькому опыту знала: подруга все равно не отстанет и добьется моего полного внимания. Так или иначе. На сей раз ей требовалось не только внимание, но и присутствие. Пришлось быстро приводить себя в порядок, одеваться и выходить из теплой квартиры в промозглую сырость февральского дня. Между прочим, рабочего, с чего бы это подруга ко мне заявила, вместо того чтобы изображать бурную трудовую деятельность в офисе? Если бы она вдруг решила упорхнуть на свободу, непременно бы сказала. Как это сделала я неделю назад.

В небольшой торговой компании я проработала три года. Первый год все было в порядке, а вот потом начались странности, и последнюю пару лет меня не покидало ощущение, что там мне не место. Вроде бы и работа по душе, и с коллективом более-менее ладила, но царапало что-то, не давало покоя. И наступил момент, когда стало ясно: либо я уволюсь, либо слягу с нервным срывом и буду лечиться, долго, нудно и, возможно, безрезультатно. Моя интуиция работала хорошо. В отношении других. Я могла назвать выигрышные номера лотереи соседу или же отговорить подругу от свидания с подозрительным кавалером, впоследствии оказывавшимся вовсе не таким белым и пушистым, каковым стремился выглядеть. Но вот в отношении меня интуиция действовала странно: могла как вмешаться, так и отмолчаться. Второе происходило гораздо чаще. Когда же она все-таки просыпалась, я старалась от нее не отмахиваться и не прогадывала. Сбережения, причем неплохие, имелись, и я решила сделать паузу и отдохнуть. В последнее время это практически не

удавалось, и сейчас я наслаждалась спокойствием, наступившим в моей жизни.

Однако Светлана искренне считала, что мне нужно не отдыхать, а устраивать личную жизнь, отсутствие которой меня, в отличие от окружающих, совершенно не волновало. И сегодня подруга вознамерилась спасти мою заблудшую душу из глубин мрака одиночества, в которых она вообще-то отродясь не бывала. План спасения Света не уточнила, а спросить не хватило смелости.

Когда я вывалилась из подъезда, подруга уже поджидала меня. Ухватила под руку и потянула в подворотню, загадочно сообщив, что наша цель находится неподалеку и мы быстрее дойдем пешком, нежели доедем. В тот момент я слегка занервничала, но сбежать бы мне никто не дал, а потому пришлось смириться и покорно идти вслед за воодушевленной Светой, преисполненной решимости меня осчастливить.

Божечки-кошечки, надеюсь, я выживу.

— Тебе скоро тридцатник, — вещала подруга, — оглянуться не успеешь, как окажешься одна-одинешенька в окружении тридцати кошек!

— Во-первых, среди такой толпы одинокой быть не выйдет, — фыркнула я, — а во-вторых, почему это кошек всего тридцать, разве положено не сорок?

— Сорок будет в сорок, — отрезала Света.

— Надо бы подыскать квартиру попросторней, — пробормотала я.

— Бестолочь! — возмутилась подруга. — Ты вообще понимаешь, о чем я?!

— Конечно же понимаю, — хмыкнула я. — Непросто за три года обзавестись тридцатью пушистикami. Но, поверь, я двигаюсь в этом направлении.

Котика уже приглядела. И все необходимое для его содержания купила. Надеюсь, уживемся. А там, возможно, и второго смогу приютить. Сорок, конечно, перебор, на один только корм работать придется, но хотя бы пятерых ласковых питомцев я завести планировала, пусть и не в ближайшем будущем.

Все это я и выложила Свете, от глубокого возмущения едва не споткнувшейся на ровном месте.

— Ненормальная, — надулась подруга. — Вот попомнишь еще мои слова...

Угу. И ее, и мамины, и любимой сестрицы. Почему-то все норовили учить меня жизни, причем словно по одному конспекту. Сначала это задевало, но потом я стала относиться к нотациям философски. Мало ли какие у кого увлечения. Хотя лучше бы они крестиком вышивали, для нервов окружающих полезнее.

За разговором я не заметила, как мы буквально уперлись в обшарпанную дверь. Да и само здание было ей под стать: серое, безобразное. Казалось, оно осознавало собственную ущербность, оттого и пряталось стыдливо в глухом тупике.

— Это что? — осторожно уточнила я, опасливо разглядывая кричащую вывеску, на которой жуткого вида тетка сосредоточенно пялилась в хрустальный шар. С экспрессией художник явно переборщил: создавалось впечатление, что глаза тетки вот-вот вывалятся из орбит.

— Лучшая предсказательница из всех, что мне попадались, — предусмотрительно сцапав меня под локоток, сообщила Света. — Может, хотя бы она вправит тебе мозги!

Я, конечно, любила фэнтези во всех его проявлениях, однако четко разграничивала реальность и сказку, как бы порой ни хотелось оказаться в последней, и в НЛО, вампиров, гадалок и прочую нечисть принципиально не верила. Так что кому из нас нужно мозги вправлять, тот еще вопрос... А памятуя о последствиях прошлого гадания, я попыталась сбежать. Куда там! Сначала меня удержала нежная, но хваткая ручка подруги, а потом — ее же жалобный взгляд, способный растопить айсберг.

Хотя, может, и стоило вырваться и унести ноги. Мало святочных приключений было? Пусть во всем и виновато мое излишне живое и болезненное воображение, но кто гарантирует, что здесь его и вовсе не покалечат?

Здравая мысль пришла не вовремя — отступать стало поздно, да и некуда. Коридорчик оказался чересчур узким, а сзади выразительно сопела Светлана, ненавязчиво подталкивая вперед, к еще одной непритязательной дверце, в которую после непродолжительной борьбы меня и впихнула. Изящная, невысокая, похожая на фею

блондинка в определенных обстоятельствах проявляла недюжинную силу...

В комнату я практически влетела. Выдохнула сквозь зубы, сдерживая ругательства, и, оглядевшись, застыла на месте. За низким столиком, скрестив ноги, сидела женщина. Благодаря приглушенному свету я не могла ее рассмотреть, однако ответный взгляд ощутила всей кожей. По спине рассыпались ледяные мурашки, заставив поежиться. Я прикрыла глаза, пару раз глубоко вдохнула и выдохнула. Кое-кому нужно чаще с людьми общаться, а то одичать немудрено.

— Присаживайся, — вывел меня из оцепенения глубокий, завораживающий голос. — После бессонных ночей нелегко держаться на ногах, Анна.

Я как стояла, так и села. И лишь тогда заметила, что пол застелен пушистым ковром. Сразу же стало неловко, что ввалилась сюда в сапогах. Вскочив на ноги, я шарахнулась к двери, но не успела ее открыть, как вновь послышался чарующий голос:

— Если уж пришла, не разумнее ли остаться? Неужели не интересно, что тебя ждет? Или как справиться с тем, что не дает покоя здесь и сейчас?

Я до боли в пальцах сжала дверную ручку. Медленно обернувшись, сняла пуховик, разулась, прошла к столику и устроилась напротив гадалки — или кем она там является? — молча следившей за мной. Оказавшись ближе, я смогла ее рассмотреть. Не старше меня, тонкие черты лица, огромные светло-карие глаза, обрамленные длинными темными ресницами, яркие пухлые губы, которым наверняка очень шла улыбка. Широкий халат, украшенный вышивкой и бисером, скрывал фигуру, а похожий на чалму из восточных сказок головной убор — волосы. И лишь одна непокорная темно-каштановая прядка змейкой вилась вдоль изящной шеи. Гадалка неспешно, все так же не нарушая молчания, зажгла стоявшие на столике свечи, и по комнате поплыл еле уловимый сладкий аромат. Надеюсь, это не наркотики и меня не накроет безумными грезами. Оных мне и по ночам хватает.

Кстати о них...

Но я и рта раскрыть не успела. Женщина протянула руку и требовательно посмотрела на меня. Я неохотно подала ей свою. Раз уж осталась, нужно подчиниться правилам игры. А уж потом я Свете все

выскажу, да так, что она про паранормальные глупости надолго забудет.

— Две дороги, три пути, — нараспев произнесла гадалка, водя кончиком изящного пальца, на котором блестело колечко с небольшим бриллиантом, по линиям моей ладони.

— Что? — не поняла я, борясь с желанием сбежать отсюда. Слова отозвались дрожью в теле и совершенно мне не понравились.

— Для тебя уготовано две широкие дороги, — посмотрела прямо в глаза женщина. — Удобные, укатанные, и плата, за них требуемая, посильна. Но перед тобой лежат не два, а три пути. Выбирать лишь тебе.

Три пути? Третий что же, по бездорожью прокладывать придется?
Ну что за бред!

Терпение все же закончилось, и я решительно высвободила ладонь. Но гадалка вцепилась в мое запястье, и не успела я и глазом моргнуть, как на нем оказался браслет. Я поднесла руку к лицу, разглядывая неожиданный подарок. Тонкая кожаная лента ласково лгнула к телу, а по внешней ее стороне серебрились пластинки, похожие на мелкие чешуйки. Словно крошечная змейка обернулась вокруг запястья и заснула, прикусив собственный хвост. А ничего так смотрится... и чувствуется. Никакого дискомфорта и желания тотчас же снять безделушку не возникло.

— Что это? — недоуменно спросила я. Женщина выглядела уставшей, будто с момента, как мы встретились, прошло не несколько минут, а минимум полдня.

— Компас, — слабо усмехнулась она и провела дрожащей рукой по побледневшему лбу. — Должна же ты найти свои дороги, чтобы выбрать единственно верный путь.

Ее слова мне не понравились. Я нахмурилась и повертела браслет в поисках застежки. Тщетно. Попыталась снять его, не расстегивая, но он не поддался. В отчаянии дернула сильнее, но лишь кожу содрала. Зашипела, зажимая ранку, и мрачно уставилась на гадалку:

— Что это за фокусы? Прекратите немедленно!

— Ты пришла за помощью, — пожала она плечами. — Я сделала все, что в моих силах. Поверь, отныне тебя не побеспокоят странные сны. И мысли о том, что в этом мире ты лишняя, больше не будут тебе досаждают.

Я подавилась собственным возмущением и теперь взидала на женщину не со злостью, а со страхом. Ни о снах, ни тем более о глупых мыслях, все чаще меня посещающих, я даже Свете не говорила!

— Ступай, — махнула рукой гадалка. — И ничего не бойся. Верь себе, и все обязательно получится.

Я послушно встала, медленно кивнула и пошла к выходу. В голове было пусто и звонко, щеки пылали, а запястье приятно покалывало. И это отчего-то успокаивало. Словно так и должно быть.

А может, и правда должно?

Мне действительно нужна помощь. Пусть даже я и сама себе в этом не признавалась...

Две дороги, три пути. Что бы это ни значило, выбирать надо осторожнее, дабы не оказаться на бездорожье.

ГЛАВА 2

Автобус неспешно ехал по залитым красноватым сиянием фонарей улицам, замирая на светофорах и остановках, впуская и выпуская людей. Я сидела в конце салона, заткнув уши наушниками и прижавшись лбом к холодному стеклу, и прокручивала в голове визит к гадалке.

«Твою судьбу насильно изменили, — сказала она напоследок, протягивая листок бумаги с красиво выведенным адресом. — Если хочешь вернуть то, что принадлежит тебе по праву, будь там в девять часов вечера. Одна».

Свете я ничего не сказала. Не смогла сразу решить, нужно ли ехать в противоположный конец города или же забыть о странном разговоре, а подружка точно отвертеться не позволила бы. Я не верила во всю эту чушь, но червячок сомнений назойливо нашептывал, что стоило бы проверить. Хотя бы для того, чтобы убедиться: со всякими шарлатанами лучше не общаться. Определилась я в самый последний момент. Словно толкнуло что-то, вынуждая одеться и выбежать из дома, надеясь, что автобус не задержится.

Он не задержался. Я успевала. Сама не знаю, куда, для чего и зачем...

Автобус неожиданно дернулся, и я сильно приложилась лбом о стекло. И одновременно с этим меня словно молнией прошило.

Что я делаю?!

Мысль оказалась настолько сильной и яркой, что я будто от долгого сна очнулась. Огляделась удивленно, поежилась от внезапного холода... и решительно направилась к дверям. Сойду на следующей же остановке.

Народу было мало, в наушниках играла бодрая мелодия, настроение стремительно выправлялось. Едва двери распахнулись, я выпорхнула из автобуса, улыбаясь неизвестно чему, и, споткнувшись, упала. Показалось, что запястье обожгло, а воздух превратился в нечто мягкое, упругое, серебристое... И это нечто подхватило меня, покрутило и опустило на землю.

Чего только со страху не померещится!

Я лежала, пытаюсь выровнять дыхание и осознать, не повредила ли чего. И вроде даже не ушиблась, а встать почему-то не могла. И никто, что характерно, помочь не торопился. Неудивительно, в общем-то, но все равно обидно...

Под неуместно жизнерадостную музыку я оторвалась-таки от земли, с охами села... и торопливо зажмурилась. Стащила дрожащими руками наушники, осторожно ощупала голову, не обнаружила повреждений и рискнула приоткрыть глаза. Но так им и не поверила. Как и ушам, которые слышали вовсе не привычный городской шум, а шелест ветвей на легком ветерке и разноголосый птичий щебет. И сидела я вовсе не на плохо очищенном от наледи асфальте, а чуть ли не по пояс в удивительно мягкой синеватой траве, простирающейся до линии горизонта. Обернувшись, я увидела стену деревьев, теряющихся в разбавленных очень странным освещением сумерках.

А подняв голову, надолго потеряла способность думать, ибо по нереально черному небу медленно летел большой сияющий шар, оставляя за собой шлейф золотых, голубых и серебряных искр. Они расчерчивали тьму причудливыми узорами, гасли и тут же вспыхивали, словно тысячи крохотных фейерверков, дождем опадали на землю, но так и не достигали ее, истаявая. Невероятно красиво. Завораживающе. Страшно.

Божечки, как же страшно!

Вновь зажмурившись, я потеряла глаза, с надеждой распахнула их... и поняла, что все-таки слишком сильно ударилась головой. И, вероятнее всего, лежу сейчас на остановке без сознания. Надеюсь, кто-нибудь вызовет «скорую». Умирать, пусть даже и в окружении такой красоты, совершенно не хотелось.

— Приди в себя, ну же! — прошипела я зло и со всей дури ущипнула себя за руку. Ойкнула от неожиданно сильной боли, проморгалась от слез и обреченно вздохнула, ибо ничего не изменилось. Разве что немного темнее стало...

Невероятный шар уплывал, тускнея с каждым мигом, и оставленные им искры медленно растворялись в чернильной глубине неба.

Сверкающая улетала все дальше и дальше, погружая мир в объятия ночи, а потом и вовсе исчезла, поглощенная бездонной

чернотой. И лишь разноцветные искры — упавшие на землю частицы Сверкающей — слабо мерцали в траве, разгоняя плотный мрак. Одна из драгоценностей этого мира, чистое волшебство.

Но сейчас Канро совершенно не интересовали ни искры, ни та польза, что они принесут. На указанном Агрийо месте так никто и не появился. Сам звездочет переминался с ноги на ногу рядом, и владетель слышал его тяжелое прерывистое дыхание, а из-за сползшего капюшона видел и залившую старческое лицо бледность.

— Она здесь, господин, — прошелестел Агрийо, перехватив взгляд Канро. — Я чувствую, что мир принял ее.

— Было бы намного лучше, если бы ты, а заодно и я видели ее, — процедил шэт-шан.

— Расчеты подобного рода не всегда точны, — поклонился звездочет. — Существует множество причин...

— Тебя должна волновать лишь одна, — перебил Канро, — почему я не могу прямо здесь и сейчас оборвать твою жалкую жизнь?

Звездочет промолчал, только склонился еще ниже, и владетель отвернулся от него. Обвел взглядом сияющую траву, посмотрел на темное небо. Канро всегда получал то, чего хотел, и на сей раз исключения не будет. Другое дело, что это займет больше времени, нежели обычно, и, возможно, потребует больше сил, ведь даже Агрийо не знал, кого они ищут — мужчину или женщину. Но в итоге утерянная частица мира будет во власти шэт-шана. Рано или поздно. Так или иначе.

Ночевать под открытым небом мне не приходилось, и желанием приобрести такой опыт я не горела. Пусть даже это и бред, вызванный неудачным столкновением моей дурной головы и асфальта. А голова и правда дурная. Могла бы чего и поприятнее организовать. У меня даже бред скучный до невозможности! Ну, за исключением небесного представления. Такого моя фантазия еще не выдавала, ни во сне ни наяву.

То, что трава мерцает, словно ее украсили светодиодными гирляндами, я заметила, лишь когда странный шар окончательно пропал. Золотые, голубые и серебряные искры вовсе не растаяли в воздухе, а осели на землю, преобразив унылый пейзаж. Я провела рукой по траве, и искры прильнули к коже, остались на одежде,

превратив меня в безумного светлячка. Да, я безумна, раз видела это. Раз верила, что это — правда. Но не верить не получалось: я чувствовала боль, мне было жарко в пуховике, свитере и зимних ботинках, а еще хотелось пить. Воды поблизости не наблюдалось, но кое-что я могла исправить. Достала телефон, убедилась, что сигнала здесь нет и, похоже, никогда не было, постаралась свыкнуться с мыслью, что помощи ждать неоткуда, по крайней мере, незамедлительной. Сняла пуховик и, скатав его, с трудом запихала в сумку, ничуть не напоминавшую изящный дамский ридикюль. Хотела разуться, но, поразмыслив, передумала. А если здесь водятся змеи или еще кто мелкий, злобный и зубастый? Лучше уж пострадать от жары, чем быть укушенной или на осколок стекла наступить. А чтобы свести подобные вероятности к минимуму, нацепила на нос заранее извлеченные из сумки очки. Обычно я их не носила, но здесь нужно быть настороже и подмечать любую мелочь, а как раз-таки мелочи мои глаза различали не всегда.

— Сумасшедший турист на свободе, — пробормотала я, перекинув ремень распухшей сумки через плечо, и, вздохнув, побрела в противоположную от деревьев сторону. Вряд ли близ леса найдется жилье, по крайней мере, никаких его признаков не видно и не слышно. Сейчас не важно, где я и как сюда попала, главное, отыскать людей. Телефон. Позвонить родным. Вернуться домой.

Убить Светку, из-за которой потащилась неизвестно куда на ночь глядя.

Хотя злилась я больше на себя. Подруга в моей собственной дури не виновата. Ну, почти не виновата, ибо талантом разбудить эту дурь обладают немногие.

Шла я долго, но пейзаж не менялся. Темное небо расцветило крупными яркими звездами, искры в траве мерцали подобно крошечным светлячкам, все выглядело красиво и невероятно романтично... И только уставшая, растрепанная, злобно пыхтящая девица, прокладывающая путь в травяном море, абсолютно в эту красоту не вписывалась.

Я готова была упасть и позорно разреветься, когда в сиянии звезд и искр возникла темная фигура с факелом в руке. У меня открылось второе дыхание, и до неспешно шагающего навстречу человека я долетела за считанные секунды. Факт, что он оказался странно одетым,

широкоплечим и бородатым, а из его густой ярко-красной шевелюры выглядывают аккуратные рожки, мой окончательно уставший мозг старательно проигнорировал.

— Дядечка! — радостно воскликнула я, вываливаясь из травы на широкую тропку. — Спасите, пожалуйста!

«Дядечка», даром что был выше и явно сильнее, шарахнулся в сторону, и я едва увернулась от вспыхнувшего факела. Нервный какой! Хотя, наверное, не каждую ночь на него безумные девицы выпрыгивают... Пришлось повторить вопль отчаяния, на этот раз чуть потише и не столь эмоционально, но вместо клятвенных заверений, что все непременно будет хорошо и мне конечно же помогут, потенциальный спаситель нахмурился, смачно почесал бороду и выдал нечто замысловатое и совершенно непонятное.

Подобного языка я никогда не слышала. А странный рогатый мужик явно ожидал реакции... Я и отреагировала. На английском, ломаном итальянском и жутком немецком, от звуков которого сама поморщилась. Да я даже жестами попыталась донести, что мне нужно! Но к пониманию мы так и не пришли. Бородатый окинул меня внимательным взглядом, обошел, покачал головой и неожиданно ткнул пальцем в небо, очертил ладонями большой круг и указал на свои, а затем на мои глаза.

Это он чего, спрашивает, видела ли я ту сияющую штуку? Да ее лишь слепой не увидел бы! Мое зрение неидеальное, но не настолько же.

Прогресс в нашем общении таки наметился. Я энергично закивала и тоже обозначила в воздухе круг, еще и искорки изобразила. Ну, как могла, так и изобразила. Мужик просиял и хлопнул огромной лапищей по своему бедру, но порадоваться вместе с ним я не успела: на голову подло накинули плотный мешок и, бесцеремонно оторвав меня от земли, куда-то потащили.

Кажется, мы друг друга поняли как-то не так. Я бы даже сказала, совершенно не поняли!

По всем законам читанных мною книг я должна была красиво потерять сознание, но увы. Так и болталась на чьем-то невероятно костлявом неудобном плече головой вниз, словно набитая овощами авоська. Обращались со мной соответственно, протестующее мычание игнорировали, а после попытки — удачной, кстати — лягнуть

обидчика встряхнули, едва без зубов не оставив, и очень неласково рывкнули. Что именно, не разобрала, но на всякий случай прониклась и решила тихонечко повисеть, пока вместо чувств не лишилась жизни.

Бред из фантастического превращался в криминальный...

Божечки, за что мне это? Попала неизвестно куда, встретила не пойми кого... Теперь еще и похитили! Для чего, спрашивается? Денег все равно не получают, хоть по частям режьте, жаль, объяснить не могу. И проснуться — тоже! Нет, это явно не сон. Иначе я давно бы уже вскочила, перебудив соседей, и пила бы щедро сдобренный валерьянкой чай на своей уютной кухне.

Я успела окончательно загрузить, когда меня отпустили — вернее, уронили — и наконец-то сдернули мешок. Я зажмурилась от неожиданно яркого света, приоткрыла глаза — и, судорожно выдохнув, все-таки отключилась.

В себя я приходила постепенно. Сначала появились звуки. Неясные шорохи, осторожные шепотки, невнятное бормотание... Затем — запахи. Остро пахло какой-то травяной настойкой, и оттого во рту горчило, а еще захотелось чихнуть. Я смогла пошевелиться, потереть зачесавшийся нос... И резко сесть, когда вместе с чувствительностью вернулись воспоминания. Ну как вернулись... Обрушились горным водопадом на мою несчастную голову, которая болела так, будто по ней долго и упорно били.

Глаза я открывала с опаской. Не была уверена, что моя психика выдержит новую встречу с образиной, увиденной до обморока и весьма оному поспособствовавшей. Но, вопреки страхам, ничего ужасного здесь не оказалось. В отличие от странного... Комнатка была небольшой, конусообразной, будто я попала в шалаш. Стены обтянуты светлой, мягкой тканью. Пол устлан теплым ковром, а на нем, помимо меня, расположились еще несколько человек, причем никто ни на кого не обращал внимания. Неподалеку свернулась калачиком девушка — если судить по хрупкой фигурке и длинным темным волосам, лица я не видела. Чуть дальше, скрестив ноги и покачиваясь из стороны в сторону, сидел худощавый парень. Женщина средних лет, беззвучно шевеля губами, вычерчивала на стене пальцем только ей ведомые узоры. Еще одна девушка, сидевшая в центре, не сводила с меня глаз. И одеты все одинаково: свободные брюки, рубашка и длинная

безрукавка. Серые, без единой цветной детальки. Скучно. И жутковато. Куда меня опять занесло?!

Впрочем, на себе я обнаружила кое-что, чего не было на остальных. Мою шею обхватывал неширокий ошейник из мягкой кожи с нашитыми металлическими пластинками, и на нем, как и на браслете, и намека на застежку не имелось. Что еще за пакость? И почему только я удостоилась сей чести?

Я хотела было разбавить гнетущую атмосферу психиатрической клиники парочкой животрепещущих вопросов, но тут открылась не замеченная ранее дверца, впуская печально знакомого рогатого-бородатого. При виде бесстыжего похитителя я сжала кулаки и приготовилась выяснять отношения вовсе не на словах, которые тот все равно не понимает, но снова не успела.

— Наружу выбираться не советую, даже пытаться не стоит, — равнодушно сообщил он. Я его понимаю! Понимаю! Какого черта лысого этот рогатый из себя иностранца строил?! — Ваша судьба скоро решится. Хотя кому я это говорю...

Он обвел нашу маленькую серую компанию взглядом, в котором причудливо мешались презрение и жалость, и хотел было выйти... но тут отмерла я.

— Эй! — зашипела потревоженной гадюкой, вскочив на ноги. Оные, между прочим, были босыми, на тапочки «благодетели» не расщедрились. И, чтобы удивленно обернувшийся рогатый убедился, к кому именно обращаюсь, невежливо ткнула в него пальцем. — Что происходит? Где я? Кто вы?

— Надо же, она соображает, — растерянно пробормотал он, смотря на меня как на заговорившую зверушку.

— Я и в первую нашу встречу неплохо соображала, — поджала я губы. — А вы меня, словно картошку, в мешок запихали!

Рогатый поморщился и отступил к выходу. Врешь, не уйдешь! Но ослабшие ноги подвели, и я растянулась на полу, чем и воспользовался похититель. Рыбкой нырнул за дверь и захлопнул ее, еще и запер наверняка, потому как мне она не поддалась.

— Эй! — Я забарабанила по мягкой ткани со всей дури, коей ныне осталось прискорбно мало. — А ну открывай! Немедленно объясни, что происходит! Эй!..

Никто из моих товарищей по несчастью даже не пошевелился, не говоря уж о том, чтобы присоединиться к бунту. Их что, опоили? Слишком безучастны они были, слишком... И, наверное, нужно бы испугаться и последовать их примеру, но такая злость накатила, что правильные мысли из головы вымело. Я застучала и закричала с новыми силами, и дверь все же распахнулась. Мрачный рогатый ввалился внутрь и потянулся своей лапищей к моему горлу. Душить свободу слова, вестимо...

Но чужие пальцы всего лишь сдвинули пару пластинок на ошейнике, и я сильно удивилась. Так сильно, что опомнилась, когда рогатый уже закрывал за собой дверь. И возмутиться не вышло — как ни старалась, не сумела выдать из себя ни словечка. Даже шепотом.

Допрыгалась, Васильева. Докричалась.

Этот гад в самом прямом смысле лишил меня дара речи.

Не прошло и минуты, как бородатый вернулся и без предупреждения швырнул мне в лицо мерцающую пыль, от которой нещадно защекотало в носу. Я чихнула и испытала непреодолимое желание откусить рогатому нос. Его счастье, что стоял далеко. Мое, впрочем, тоже, негигиенично это, грязные носы в рот тянуть.

Мужик уставился на меня, словно ожидая, что прямо сейчас превращусь в лягушку. Но что-то явно пошло не так...

— Ты видела?! Видела огненный шар в небе?! — прорычал он, нависая надо мной. Вернуть голос не додумался, пришлось кивать. Кажется, с этим мы уже разобрались, чего сейчас-то пристал?

— Не может быть! Тогда почему?..

Не знаю, что именно должно было произойти и почему не произошло, но до кого-то дошло, что утащил он не того человека. Следовало нормально спрашивать, а не притворяться глухонемым! Или же на месте проверять, чтобы потом не разочаровываться.

— Ладно, — процедил рогатый. — Небось на что-нибудь да сгодишься.

Эй! Я так не играю! Ведь можно и просто отпустить с миром, извинившись за причиненные неудобства! Да я даже без извинений согласна, только оставьте вы меня уже в покое!..

Рогатый ушел, а я так и не смогла высказать наболевшее. Вцепилась в ошейник, пытаюсь если не растянуть, то порвать, но

тщетно, только пальцы поранила, из-за чего злость разгорелась еще ярче. Да я и молча могу здесь все разнести!

Но между мной и дверью встала светловолосая. Округлив глаза, прижала палец к губам и, схватив мою руку, села, вынуждая последовать ее примеру.

— Зря ты так, — шепнула она, наклонившись ближе. — Ничего не добьешься, только хуже себе сделаешь.

Я упрямо сжала губы и попыталась подняться, но меня удержали.

— Ты не в себе, — торопливо сказала девушка, — тебя одурманили. Но вместо покорности разбудили ярость. Усмири ее, пока не погибла. Ты же не знаешь, где мы?

Я отрицательно качнула головой и вырываться прекратила. Действительно, в том, как я себя вела, было много странного.

— Ты ведь видела Сверкающую?

Что видела? Она о злополучном шаре? Или еще о чем-то? Вряд ли. Сверкал же он... Начинаю подозревать, что все мои беды как раз из-за того сверкания и приключились.

— А о торговцах, стало быть, ничего не слышала?

Сдается, она не о тех, кто тихо-мирно продает безобидные безделушки. Если здесь чем и торгуют, то только людьми.

— Откуда же ты такая взялась? — удивилась девушка. — Сверкающая появляется раз в пару лет, манит, притягивает магов. Как ни прячь свою суть, этой ночью ничего не выйдет... Торговцам только и остается, что следовать за ней и пленять тех, кто услышал ее зов. Говорят, с каждым годом таковых все меньше и меньше... Но кто-то же должен собирать искры — великий дар Сверкающей...

Девушка говорила тихо, приходилось буквально ловить каждое ее слово. И в том, что правильно все расслышала, я сильно сомневалась. Какие еще маги? Какой дар?! Хотя... Тот же ошейник, отбирающий голос, тоже не вписывался в мою реальность. Как и рогатый похититель. И та жуть, что я не столь давно имела сомнительное счастье видеть.

Кажется, попала я куда дальше и крепче, чем могла представить.

Пока я пыталась переварить новую информацию, девушка разглядывала и ощупывала мой ошейник, но в итоге, вздохнув, виновато потупилась:

— Прости, я не знаю, как это снять.

На иное и надеяться было бы глупо.

Мы сидели друг против друга, размышляя о своем. Остальным дела до нас не было, они и себя-то не помнили, не осознавали. Интересно, почему со мной и со светловолосой иначе? На нее тоже неведомая гадость не так подействовала? Судя по поведению, не просто не так, а вообще никак. Меня до сих пор сжигала ярость, которую я еле сдерживала, а девушка была спокойна и в великие героини-сокрушительницы не рвалась.

— Я не маг, — пояснила она, когда я, устав от молчания, умудрилась жестами выразить недоумение. — Случайно здесь оказалась...

Ну да, случайно. Вон как щеки покраснели. Не хочет говорить — не надо. Тем более толку от тех разговоров... Я вот тоже не маг, но и меня прибрали. И отпускать не собираются. Шутка затянулась, однако. Ощувив, что вот-вот снова взорвусь, я задышала медленно и размеренно, за неимением лучшего сосредоточившись на подруге по несчастью.

Волосы словно золото, глаза медовые, огромные, ресницы пушистые. А я... Обычная. Русая, с едва заметной рыжинкой, сероглазая. И балахон, в который меня обрядили, эту обычность наверняка лишь подчеркивает. И оттого еще обиднее!

Тряхнув головой, я зажмурилась. И все же, кто здесь сумасшедший? Я или они? В то, что я попала к чокнутым любителям фэнтези, верилось охотнее, хотя и пугало не меньше, чем собственное безумие. Кто знает, на что они способны? И удастся ли выпутаться из этой абсурдной ситуации...

Тихий вскрик прервал мои невеселые мысли. Я распахнула глаза и поначалу им не поверила: заветная дверь оказалась открыта! А светловолосая висела на шее рослого парня, с ног до головы обряженного в черное.

Ну чисто ниндзя из комиксов.

— Фира, все, идем, пока не поздно, — оторвав от себя счастливую девушку, велел он.

Названная Фирой подскочила ко мне, вцепилась в руку, вынуждая встать, и заявила:

— Я без нее не пойду!

А как же остальные?!

Наверное, этот вопрос у меня на лице написан был, потому как она шепнула:

— Их уже не спасти.

Может, и права она. Никто не отреагировал, шага к спасительной двери не сделал.

Радости от того, что вместо одной девицы придется вытаскивать двух, парень не высказал, но и возражать не стал. Потянул за руку Фиру, та потянула меня... Так, держась за ручки, и вышли. Темнота казалась непроглядной, да и прохладно здесь было. Особенно босым ногам. Но жаловаться я и не думала, главное, эти самые ноги унести подальше.

ГЛАВА 3

Землю расчертила неширокая серебристая лента, и парень, шагнув на нее, тихо обронил:

— Будьте внимательны. По сторонам не смотрите, с тропы не сходите.

Фира бесстрашно последовала за ним, я замешкалась было, но решила, что обдумаю все, когда выберусь отсюда, и тоже ступила на странную дорожку. Она мягко пружинила и согревала озябшие ноги, а еще чудилось, будто стали мы призрачно-лунными и, появившись здесь рогатый, не увидел бы он беглецов.

Я словно во сне очутилась. Следуя в полной тишине за Фирой и ее приятелем, чувствуя, что вот-вот оторвусь от земли, настолько невесомой сама себе казалась... Хотелось уже проснуться, желательно в своей постели, или на той треклятой остановке, да даже в больничной палате! Но сон длился и длился, а может, и вовсе сном не был, и мне еще предстояло разобраться, что со всем этим делать. Потом. Когда исчезнет лунная тропа. Когда наконец-то получится выдохнуть...

Я честно старалась не смотреть по сторонам, хотя соблазн был велик. Но когда в затылок дыхнуло холодом, а слуха коснулся полустон-полувсхлип, в котором почудилось мое имя, я не удержалась. Всего лишь мазнула взглядом влево, даже головы не поворачивая... и пропала.

Та самая жуть, что испугала меня накануне, едва заметно мерцала в ночной тьме. Дышала. Щурила узкие глаза, колыхалась всем своим бесформенным телом, качала уродливой головой, обнажала в ухмылке кривые острые зубы, тянула ко мне когтистые лапы.

И таки дотянула.

Ноги сами пошли прочь от лунной тропы. К монстру из кошмарных снов. К тому, от чего стоит держаться подальше, если хочешь жить долго и в здравом уме.

Я вроде бы хотела, но уже не была в этом столь уверена. Я ни в чем не была уверена, кроме того, что нужно подойти ближе к

неведомому чудищу, коснуться его, замирая то ли от страха, то ли от восхищения...

Я отчетливо слышала взволнованный зов моих спутников, но ничего не могла поделать. Да и не желала. Безразличие навалилось каменной плитой. Бросят? Ну и пусть. Зачем куда-то бежать, если и здесь хорошо?

Три шага. Два. Один. И ладони дотронулись до чудища, ощутили холод, и он пробудил разум...

Не живое оно. Как есть каменное. Но то ли в тенях дело, то ли еще в чем, кажется, что глаз с меня не сводит. И смотрит прямо в душу, в каждый ее уголок, и оттого кричать хочется. Вот когда ошейник пригодился, иначе всенепременно не сдержалась бы. А так стояла, тяжело дышала и пыталась отвести от жуткой морды словно приклеенный взгляд.

Крепко вцепилась эта образина, но все же мне хватило сил вырваться. Только поздно было — лунной тропы и след простыл.

Ноги подкосились, и я осела на землю, прислонившись к жуткой статуе. И винить-то некого, кроме себя, предупреждали же, что по сторонам смотреть нельзя! А я... Какого черта лысого оглянулась? Чего увидеть хотела? Пожалуйста, увидела, любуйся теперь, пока обратно в шалашик под белы ручки не проводили и опять чем-нибудь не накачали, для пущего спокойствия...

Ладно, нужно собраться. Перво-наперво встать. Осмотреться. Не так уж тут и темно, факелы горят... Нечасто и неярко, но все лучше темноты. А место занятное, сказочное... Шалашики белеют, деревца листочками шелестят, травка к ногам ластится. Благодать. Если забыть, что за спиной скалится дивной красоты каменная образина... И про рогатых-бородатых, точное количество которых неизвестно. Сейчас, но крайней мере, никого не видно. Не считают нужным охранять тех, кто собственной воли лишен? Полагаются на крепость стен и дверей? А как же ниндзя, уведший Фиру? Таких умельцев здесь явно не ждали. Может, и мне улизнуть удастся? Главное, подальше отбежать, а там... Ума не приложу что, ну да ничего, придумаю. Потом. Когда решу эту проблему.

Приободрившись, я отлепилась от статуи, сделала робкий шагок... и вновь прилипла к показавшемуся вдруг надежным монстру. Скользнула ему за спину, сжалась, мечтая стать частью камня,

раствориться в нем, чтобы меня не заметили. В следующий миг стало светло и шумно. Десяток факелов расцветил ночь алыми всполохами, пара десятков ног спугнула тишину. Шагавшие вдоль шалашиков люди были молчаливы, серьезны и помимо факелов держали в руках мечи. Уж не знаю, настоящие ли, но смотрелись они внушительно. И все это грозное воинство, выстроившись полукругом, следовало за высоким мужчиной. Оружия при нем не было. Да и зачем, с такой-то охраной? Его темные волосы, забранные на макушке в хвост, достигали лопаток, а одежды пламенели всеми оттенками красного. И свободные брюки, заправленные в низкие сапоги, и рубашка, и накинутый поверх то ли халат, то ли плащ, расшитый чем-то блестящим... подозреваю, вовсе не стеклом.

Какой яркий мужчина, однако. И смешным отнюдь не выглядит...

С такого расстояния да со своим зрением разглядеть лицо я не могла, но, судя по осанке и походке, он был достаточно молод. Породистый, как сказала бы моя матушка, недавно выскочившая замуж в четвертый раз. Уверенный в себе. Пугающий. У меня и от бывшего начальника, находящегося в крайней степени гнева, мурашки по спине не бегали, а от этого даже волосы на затылке зашевелились.

Выбежавший из самого большого шалаша рогатый склонился, подметая бородой землю. За его спиной склонилась еще парочка торговцев, закутанных в темные плащи. Дождавшись небрежного взмаха руки гостя, они споро кинулись к шалашикам и вытолкали безвольных пленников. Всего восемь человек, более походивших на бледные тени. Представив себя среди них, я крепче вцепилась в ледяной камень уже не казавшейся страшной статуи. Есть вещи гораздо страшнее. И они, увы, куда реальнее.

— Это все? — спросил обряженный в красное мужчина. Вроде бы негромко, однако я каждое слово услышала.

— Да, господин шэт-шан, — еще ниже, чем в первый раз, склонился рогатый. — Мы следовали за Сверкающей, и никто не смог от нас скрыться.

Врет как дышит. По крайней мере двоих не хватает...

Названный шэт-шаном медленно прошелся вдоль неровного ряда пленников, всматриваясь в их лица, словно искал кого-то. Остановился, покачал головой и повернулся к рогатому:

— Ты уверен? Поклянешься своей жизнью?

Вместо ответа рогатый повалился на колени, прижался лбом к земле и с придыханием выдал:

— Моя жизнь и так принадлежит вам, господин!

Какая обтекаемая формулировка... Не подкопаешься.

— Мой господин, разрыв вот-вот затянется, — обратился к чересчур задумчивому мужчине один из сопровождающих.

— Считай, тебе повезло, — процедил тот. — Если я узнаю, что ты солгал... — И, жестом оборвав готовые слететь с губ рогатого заверения, добавил: — Доставишь этих в лесную резиденцию. Всех. Оплату получишь там же.

Развернулся и, более ни на что не обращая внимания, пошел обратно. Охрана слаженно двинулась за ним. И чем ближе они подходили к моему убежищу, тем тяжелее было дышать. Мужчина замедлил шаг... свернул с выложенной камнем тропинки и направился к статуе!

Я стояла ни жива ни мертва, не зная, что предпринять. Оставаться на месте глупо, заметят. Бежать — еще глупее, от толпы явно тренированных мужиков далеко не убежишь. Получается, куда ни кинь, выхода просто нет?

Я зажмурилась, не желая мириться с неизбежным... и тут мне зажали рот, обхватили поперек тела и дернули назад. На пару мгновений сгустились и тени, и воздух, а затем не стало ни каменного монстра, ни факелов, ни пугающего мужчины. Да сколько же можно?! Только и делают, что похищают! А потом злятся... Будто я виновата, что некоторые не в состоянии сначала проверить, кого утащить пытаются.

В общем, я тоже разозлилась. Усталость и страх внесли лепту в коктейль эмоций, бурлящих в моей душе, и я с нездоровым наслаждением вонзила зубы в закрывшую мне пол-лица ладонь. Позади сдавленно охнули, ладонь дрогнула, но, увы, не исчезла.

— Тихо, если жить хочешь, — прошипели в ухо.

Жить я хотела, но не была уверена, что желания очередного похитителя совпадают с моими. А потому повторила попытку прогрызть себе свободу. Жесткая хватка ослабла, я ужом выскользнула из нее и, не разбирая дороги, побежала.

Меня каким-то чудом вытащили из негостеприимной деревеньки, и оставалось надеяться, что бегу я в противоположную от нее сторону.

И что не сверну себе шею, споткнувшись в высокой траве. Я, конечно, не великая героиня, но столь бесславного конца не заслужила. Наверное...

Небо расчистилось, и на нем воссияла нереально большая луна. Серебристо-голубая, яркая, казалось, до нее можно допрыгнуть, если очень постараться. Но в данный момент все мои старания концентрировались на том, чтобы унести отсюда ноги. Куда? Понятия не имела. С того мига, как я здесь очутилась, не было ни минуты передышки, чтобы просто посидеть, обдумать случившееся и решить, что же делать.

От бега закололо в боку и сбилось дыхание. Все-таки я не спортсменка, удивительно, что до сих пор не рухнула, полностью обессиленная. Но если упаду, больше не встану. А если не встану, меня нагонят. И что тогда со мной будет?

Мысли вертелись со скоростью бешеной белки, обреченной вечно крутить колесо. Не получалось ни сосредоточиться, ни избавиться от них. Даже когда закончилось дыхание. Даже когда, обо что-то запнувшись, я полетела-таки в траву, словно уроненный с телеги мешок картошки. Им же я себя и чувствовала. Целых десять секунд, пока не могла пошевелиться. А потом мысли разом исчезли, оставив лишь одну: нужно бежать. Или идти. На худой конец — ползти. Это в направлении мечты можно лежать сколько угодно, со спасением оно, увы, не работает.

И я поползла. Цеплялась за жесткие стебли, подтягивала непослушное тело, припадала к земле, глотая ртом воздух, и вновь хваталась за траву. И не сразу сообразила, что случилось, когда пальцы сомкнулись на чем-то гладком и прохладном. Недоуменно моргнув, я медленно скользнула взглядом вверх и обреченно сглотнула.

Это были ботинки, мягкие, широконосые, на шнуровке. К ним прилагались достаточно длинные ноги и прочие части тела, принадлежащие мужчине. В свете луны черты его лица казались резкими и неестественными, а застывшее на нем выражение не сулило ничего хорошего.

Я попыталась дать задний ход, но негаданное препятствие наклонилось и без видимых усилий дернуло меня вверх. Ноги предательски подкосились, руки помимо воли вцепились в незнакомца, и я почти повисла на нем... но пальцы не разжала. Тем более что и

страх, и злость исчезли как по волшебству, а вот любопытство, наоборот, появилось.

Яркого лунного света оказалось достаточно, чтобы рассмотреть очередного похитителя. На вид ему было не больше двадцати пяти, и на бородатого торговца он ничуть не походил. К моему разочарованию, лоб скрывался под длинной косой челкой, и определить наличие рогов не получилось. Неровно подстриженные до плеч темные волосы не мешало бы причесать. И пару листиков из них вытащить. Но и так было вполне симпатично. Нос прямой, аккуратный. Губы сердито сжаты. Глаза большие, медово-карие, с густыми длинными ресницами. Еще бы взгляд добрее, а то даже не по себе как-то...

Не мальчик, а картинка. Злая такая картинка, да.

Мои пальцы от своей одежды он отцепил на диво быстро и ловко. Одежда, к слову, тоже была чудная, чем-то на мою нынешнюю похожа, только сидела не в пример лучше.

— Кто ты такая? — прошипел парень, напомнив мне рассерженного кота. Может, оттого и страшно не было.

Я открыла рот, но не издала ни звука — проклятая штуковина работала исправно. Под настороженным взглядом схватилась за горло и красноречиво — надеюсь, что именно красноречиво, а не пугающе — округлила глаза.

К счастью, парень оказался не из пугливых. Пригляделся, досадливо поморщился и снял с меня порядком надоевший ошейник. Вроде бы и неощутимым был, а все равно вздохнула так, словно мельничный жернов с шеи отвязали.

Парень что-то сказал, а я... не поняла! О том, что это был вопрос, лишь по интонации догадалась.

Точно так же было до того, как я обзавелась ошейником.

Значит, то и не ошейник вовсе, и даже не ограничитель болтовни, вернее, не только он, но и... переводчик? Благодаря ему я понимала местную речь и сама могла изъясняться на ней?

Бред расцветал новыми красками...

— Не понимаю! — развела руками я, когда парень отчаялся получить хоть какой-нибудь ответ и явно вознамерился оный вытрясти. — Ничегошеньки не понимаю!

Он застыл, недоверчиво рассматривая меня. Перевел взгляд на ошейник, который все еще держал в руках... Я невольно попятилась,

когда парень шагнул ко мне, и затрясла головой. Он что-то сказал, уверенно и нетерпеливо, наверняка пытался достучаться до моего спящего сладким сном разума... И ведь достучался же! С первой попытки. Герой! До него это мало кому удавалось. Я замерла и зажмурилась. Вновь примерять сомнительное украшение не хотелось, но быть непонятой и в свою очередь ничего не понимать не хотелось еще больше, а потому...

Ошейник так ошейник, ради благой цели и потерпеть можно. Совсем немножко.

— Кто ты такая? — повторил похититель, схватив меня за руку.

— Анна, — предельно вежливо ответила я, пытаюсь освободиться. Куда там... — А ты?

— А-на? — протянул он.

— Анна! — поправила я.

Ненавижу, когда мое имя коверкают. Даже уменьшительные варианты не жалую. Но кто бы еще на это внимание обратил! Словно и не услышав, парень отпустил мой локоть и тут же вцепился в плечи.

— Что ты делала в лагере? Следила за шэт-шаном? Зачем? Кто ты?

Это он про мужика в красном? Да я его знать не знаю! Как бы еще доказать?

— Я уже сказала, кто я, — осторожно напомнила я. — А твоего шэт... как его там... впервые в жизни увидела. Я просто пряталась. Хотела сбежать, но нечаянно отстала от тех, кто хотел мне помочь...

— Сбежать? Как? Раз ты маг, то почему не одурманена?

Вот же... Забросал вопросами, а сам даже своего имени не назвал.

— Я не маг, меня по ошибке прихватили, — поморщилась, понимая, что не в том положении, чтобы хранить гордое молчание. — Мои... спутники ушли по лунной тропе, а я нечаянно сошла с нее, вот и...

Я повела в воздухе руками и, смутившись, убрала их за спину. Когда это я успела принять правила игры? Или же смириться с собственными галлюцинациями?

Мальчик-картинка нахмурился, обдумывая мои слова, а я уставилась на него, мечтая хотя бы о крохотном обрывке бумаги и огрызке карандаша. Запечатлеть бы... Красиво бы вышло. Да на фоне местного пейзажа, эх...

Странные мысли в подобной ситуации, признаю, но какие уж есть.

— Слушай внимательно, — дернул меня за рукав объект моих художественных фантазий, — шагай вон по той тропке, никуда не сворачивая, выйдешь к деревне. Там торговцев не любят и тебя приютят. И с родными помогут связаться. Ступай!

Мгновенно потеряв ко мне интерес, парень отвернулся и быстро пошел прочь.

— Эй, подожди! — воскликнула я. — Не бросай меня! Я... я тебе пригожусь!

Божечки, что за бред?! Но я не знала, как его удержать, а в том, что удержать нужно, не сомневалась ни капли. При мысли, что не получится, в душе волной поднималась паника, в глазах темнело, а голову будто в тисках сжимало.

— Чем же ты можешь пригодиться?

Обернулся!

— Давай заключим сделку! — выпалила я. — Ты помогаешь мне, а я...

На этом моменте фантазия спасовала. Айв самом деле, что я могу? Почему вообще за него цепляюсь, словно утопающий за соломинку?

— И что же ты можешь предложить? — поторопила «соломинка» таким тоном, что захотелось провалиться сквозь землю. Я замешкалась с ответом, и парень презрительно усмехнулся и развернулся.

От осознания, что сейчас он уйдет и я останусь одна-одинешенька неизвестно где, перед глазами потемнело и закружилось с новой силой.

— Стой! — в отчаянии выкрикнула я. — Я помогу найти то, что ты ищешь!

Я совершенно не понимала, о чем сейчас говорю. Не задумываясь, в отчаянной надежде привлечь внимание... И таки привлекла.

Парень замер. Я затаила дыхание, сверля взглядом его спину, и до боли сжимала кулаки, чтобы не сорваться и не нарушить звенящую тишину.

— Значит, отыщешь то, что мне нужно? — обернулся он.

Божечки... Неужели, ткнув пальцем в небо, попала в цель?!

Я закивала, позабыв о мигрени, и чуть не взвыла от ощущения вворачивающегося в темечко раскаленного прута. И внутренне

сжалась, ожидая расспросов. Вряд ли сумею ответить хоть на один. И как собираюсь исполнять свою часть сделки, представления не имею. Но каждый выживает как может. Это — мой шанс выжить, и упускать его я не намерена, даже если придется лгать. В конце концов, от него не убудет. А вот от меня в случае, если он уйдет, — еще как.

— Не верю, — качнул лохматой головой мой шанс и, шагнув назад, растворился в ночи.

Я зажмурилась, потеряла глаза, но, когда открыла их, ничего не изменилось.

Что это было?!

Закусив губу, я смотрела на покрытую затухающими искрами траву и пыталась справиться с паникой. Нельзя расслабляться. Не место и не время. Да, я осталась одна, но зато хотя бы свободна. И перво-наперво мне нужно добраться до людей.

Указанная тропка была узкой, но заметной — неплохо ее вытоптали, может, и правда к деревне выведет. Главное, дойти до нее и больше ни во что не влипнуть. Да за последние несколько часов я нашла приключений больше, чем за всю свою жизнь! Или же это они нашли меня? Не помню, чтобы когда-то мечтала о подобном. Приключения я уважала лишь в книгах, предпочитая при этом сидеть в мягком кресле, закутавшись в теплый плед и поедая шоколадку.

От пледа бы я не отказалась. Но желаннее всего сейчас была обувь. Хоть какая-нибудь. Хоть дырявые тапочки! Ноги болели, и я боялась даже взглянуть на них, чтобы не ужаснуться и не разреветься. Попыталась оторвать часть ткани от безрукавки и обмотать ступни, но то ли материал был удивительно прочным, то ли я на редкость бессильна... Ничего у меня не вышло.

Ничего, заживет. Было бы чему...

Тропка виляла и петляла, и когда она в очередной раз вползла на невысокий холм, на подъем которого сил уже не осталось, я решила срезать путь. И успела-то всего пару шагов сделать, как вокруг лодыжки что-то обернулось и дернуло в сторону. Я упала, потянувшись к ноге, ощупала толстый стебель, крепко ее обхвативший. Прекрасно. Сколько времени потеряю, распутывая эту ловушку природы!

На деле все обстояло еще печальнее, чем я полагала. Стебель не поддавался. Я не могла разорвать его, не могла выдернуть корень, да что там — я и найти-то оный не сумела; ногтями он не пилился,

зубами... возможно, и грызся, но проверять побоялась, мало ли, вдруг ядовитый. Но еще страшнее было то, что кто-нибудь вполне сможет погрызть меня...

И когда я уже совсем отчаялась, по залитой лунным светом земле скользнула странная тень... Я запрокинула голову и позабыла, как дышать.

В темном небе, мерцая звездным светом, бесшумно летел дракон. Бескрылый. Шестилапый. Пернатый? Низенько так летел, я во всех подробностях разглядела...

Нет, это не местные чокнулись. Это все-таки я.

Или же... Магия и в самом деле существует? И это вовсе не мой мир? Просто не может быть моим миром. В нем траву не усыпают волшебные искры, не водятся рогатые рыжие мужики, не стелются под ноги лунные дорожки, люди не исчезают в тенях, а в небе не летают сверкающие шары и драконы.

ГЛАВА 4

Внезапно я почувствовала себя такой маленькой и жалкой... По щеке медленно поползла горячая капля. За ней еще одна. И еще. На душе было мерзко. Обхватив колени, я уткнулась в них лицом и наконец-то разревелась, искренне, от души, ничего не слыша и не замечая. Реши какая зверушка мною закусить, я, пожалуй, и этого не заметила бы. И очень уди вилась, когда меня вдруг повалили на землю. Да еще и сверху чем-то тяжелым придавили. Теперь я видела лишь маленький кусочек неба... и заходящего на очередной круг бескрылого дракона. Он извернулся в воздухе и резко пошел на снижение. Я зажмурилась, когда поняла, что снижается он на меня. На нас...

— Не дергайся, — знакомо прошипели в ухо. — Замри...

Я послушно затихла. Божечки... Неужели меня сожрет дракон, и на дракона-то лишь отдаленно похожий? Как же нелепо!

Лежали мы недолго, но с жизнью проститься я успела. И не скажу, что мне это понравилось.

— Совсем глупая, да? — скатившись с меня, зло спросил мальчик-картинка. — Какого... Почему сразу мертвой не притворилась? Впервые чентоля видишь?!

— Более того, впервые про него слышу, — буркнула я, кое-как поднявшись и едва вновь не упав — проклятый стебель никуда не делся.

— О, и в сеть рауда умудрилась попасть! — с непонятым восхищением протянул парень. — Ни разу не встречал такую... одаренную особу!

Я благоразумно промолчала. Вытащенный из-за пояса кинжал, знаете ли, весьма оному благоразумию способствует.

Одного взмаха отточенного клинка хватило, чтобы моя нога оказалась свободна, но радоваться я не спешила.

— Зачем пришел? — не слишком дружелюбно — пережитый страх таки сказался — поинтересовалась я.

— Заключить сделку, — криво усмехнулся парень. — Не передумала еще?

Хотелось гордо отказаться и удалиться в сторону деревни, но... я уже не была уверена, что смогу до нее дойти. А потому осторожно кивнула, ожидая, что сейчас он потребует клятву. Может, даже на крови, не зря же кинжал не спрятал. Кто знает, как тут принято сделки заключать.

Но парень молчал. Обошел вокруг меня, вздохнул и махнул рукой:
— Надеюсь, я об этом не пожалею.

А уж я-то как на это надеюсь... Никакими словами не передать!

— Куда тебя проводить? Откуда ты?

— Для начала неплохо бы узнать, где я сейчас, — вздохнула я.

— Прайго, — коротко ответил парень, убирая кинжал.

Я растеряннo моргнула. Это что такое?

— Западный край, — подсказал он.

— Земля? — робко спросила я.

— Эйторра, — не оправдал моих надежд парень. — Ты с Небес свалилась, что ли?

Из автобуса. На асфальт. И лучше б я о тот асфальт шишку с футбольный мяч набила, чем... вот это вот все.

— Я не помню, что со мной случилось, — соврала я и тут же приправила ложь правдой: — И не знаю, что делать. Мне некуда идти.

Сами мы не местные, помогите кто чем может. Какой ужас...

Парень смерил меня задумчивым взглядом. Сейчас опять в деревню пошлет. В лучшем случае доведет до ближайшего дома.

— Идем, — наконец чего-то надумал он и свернул с тропки.

— В деревню? — уточнила я.

— Мне там делать нечего. Тебе тоже.

Угу, не так давно он был иного мнения. С чего бы это?

Я заспешила за ним, пытаюсь приноровиться к широким шагам. Босые ноги, изрядно замерзшие и поцарапанные, заныли особенно сильно, но я сжала зубы и велела себе терпеть. А чтобы было легче, можно и полезным разговором отвлечься.

— Как тебя зовут? — пропыхтела я, стараясь не отставать. — Мое имя знаешь, так, может, и свое скажешь?

— Йонто, — коротко бросил парень, не оборачиваясь.

— Йон-то — покатала я на языке непривычное имя. А что, мне нравится. Ему идет.

Был бы еще хоть немного повежливее. Ой, не важно! Главное, что не пытается меня в мешок запихать и голоса лишить, да и рогов у него нет. Вроде бы. Ведь нет же?

Я заковыляла быстрее, обогнала парня и, пока он не опомнился, приподняла его челку. Точно нет! Ура! Ой... Рогов нет, а вот реакции еще как есть.

— Что ты делаешь? — прищурился он, сжимая мое запястье.

— Проверяю кое-чего, — буркнула я, пытаюсь высвободиться. — Пусти! Пожалуйста...

Вежливости не хватало не только ему, да. Как бы теперь и вовсе в одиночестве не пришлось топтать. Неведомо где, неведомо куда...

— Я больше так не буду! — торопливо добавила я, представив, что сейчас меня действительно бросят посреди поля и ночи. И едва сдержалась, чтобы не шарахнуться, когда Йонто, отпустив мою руку, сел на траву. — Эй... ты чего?

— Сядь, — велел он.

Я послушалась. Не знаю, правда, зачем. Он же расшнуровал ботинки, снял их и протянул мне.

— А... как же ты?! — растерялась я.

— Я привычный, — сухо отозвался Йонто. — Ничего со мной не будет. А ты без ног останешься. Что потом прикажешь с тобой делать? На руках тащить?

— Не надо на руках, надорвешься еще. Или вообще уронишь, — отказалась от сомнительной чести я и все-таки взяла ботинки. Раз сам предлагает, глупо же отнекиваться?

Ботинки конечно же оказались большими, но благодаря их мягкости, легкости и хорошо утягивающей шнуровке проблем не возникло, и я смогла идти гораздо быстрее. Йонто же шагал так, словно ему и впрямь было не привыкать разгуливать босиком. Я шла следом и ломала голову над тем, как начать разговор. Эйторра, Западный край, Прайго... Мне это ни о чем не говорило. Не мешало бы узнать более подробно, куда я попала, но как об этом спросить? Прямо заявить, что я, похоже, из другого мира? Не наврежу ли я себе? Нет, рядом с Йонто удивительно спокойно, но... могу ли я доверять своим ощущениям? Никогда еще они не были столь яркими и сильными, и, признаться, это пугало.

Йонто тоже молчал. Его будто совсем не волновало, кто я и что со мной произошло. Я бы с непонятной девицей ни за что не связалась. Пусть бы топала в деревню, не моя печаль, дотопает или нет. И не его. А вот поди ж ты... Вернулся. Не бросил. Не в моих же сомнительных обещаниях дело? Тогда почему? В добрые намерения окружающих я с детства не верила. Должно быть тут что-то еще... Должно.

И мысли эти, неблагодарные и тяжелые, не желали уживаться с чувствами.

Как бы и в самом деле с ума не сойти.

Через какое-то время боль в ногах и голове стала невыносимой, и я не могла ни идти, ни думать. Споткнулась, упала, кое-как села и продолжать путь наотрез отказалась. Йонто попробовал уговорить, потерпел сокрушительное поражение, без колебаний отменил коварное предложение понести меня на руках и объявил привал.

Ура. У меня есть шанс выжить.

Правда, привалы я представляла себе несколько иначе. И в мыслях моих рисовались костер, вкусная еда, удобные спальные мешки... Романтика, в общем. В реальности же не было ничего, кроме елочек и травки. Старовата я для такого экстрима! Да и как уснуть в присутствии незнакомого человека, которому пока что не можешь доверять?

А вот Йонто ничего не смущало. Он быстро нашел ровное местечко, безжалостно ободрал несколько еловых лап, сложил их на травке и бросил поверх свою безрукавку.

— Ложись, — кивнул на импровизированную постель, а сам, отойдя на шаг, прочертил подобранной толстой палкой линию.

— Это твоя половина, а это моя. Попробуешь пересечь черту — закричу, — предупредил он и, улегшись прямо на землю, повернулся ко мне спиной.

Э... Что? Он серьезно?!

Искушение проверить было велико. Но вдруг и правда кричать будет, и кто знает, что тогда на шум приползет. Скорчив рожицу его лохматому затылку, я осторожно забралась на подобие лежака и натянула свою безрукавку до самого носа. Повертелась с боку на бок — да уж, это вам не царское ложе, наутро без слез не встанешь! — полюбовалась на небо, густо усеянное звездами — ни одного

созвездия так и не опознала, что лишь подтверждало дикую догадку, — и наконец-то не выдержала.

— Тебе не холодно? — повернувшись к нарисованной границе, шепнула я.

Но отвечать мне не пожелали. То ли посчитали ниже своего достоинства, то ли правда уже спали... Повторять вопрос не стала, вдруг разбужу. Или рассержу. Не знаю даже, что хуже. Нужно попытаться уснуть. Тогда и мигрень утихнет, и...

...возможно, проснусь я в своей постели.

Последняя мысль приободрила. Я натянула безрукавку на голову, закрыла глаза и задышала, считая вдохи и выдохи. И все-таки провалилась в желанный сон, глубокий, крепкий, наполненный надеждой.

Тем поздним вечером Йонто разбудил разговор. Срывающийся шепот, торопливый, молящий, вкручивался в уши, проникал в голову и, казалось, царапал ее изнутри.

Соврала старуха о том, что вино легкое. Об остальном, видимо, тоже ни словечка правды не сказала. А словечки-то оцарапали душу не хуже, чем жуткий шепот — голову. Лучше бы на улице где прикорнул, право слово...

Приподнявшись на лавке, узкой и жесткой, он огляделся, благо что из самого дальнего угла вид открывался хороший. Корчма была пуста и темна. Дрянные свечи чадили лишь на одном столике, за ним же сидели двое. Наемник, один из тех, что берутся за любое дело, было бы вознаграждение достойным, и пожилой мужчина. Наемник лениво потягивал темное пиво, потенциальный клиент же, нервно сжимая ладони, о чем-то его умолял. Меж ними лежал внушительных размеров кошель.

Вслушиваться Йонто не хотел, своих проблем хватало, а потому вышел во двор. Свежий воздух остудил лицо, но тревога так и не ушла. И он понял, что проснулся вовсе не из-за разговора. Нет. Где-то грубо разорвали ткань пространства, и она трещала, тонко звенела, пытаясь срastить края. И он совершенно точно знал, кто это сделал. Вот только зачем? В голове прояснялось, а в душе росла злость. Та самая злость, благодаря которой он все еще дышал. Сколько вздохов осталось? И на что он хочет их потратить? На паршивое вино? Головную боль? Страх?

Или глупую надежду, которую сулила полубезумная старуха с засаленными гадальными картами? Что ему с тех гаданий? С самого рождения чего ему только ни пророчили. А он все еще жив. Другой вопрос, надолго ли... Но это и не важно. Важно, как распорядиться временем. Важно, сможет ли он посмотреть в глаза отцу, когда они наконец-то встретятся.

Скорей бы уже...

До этой ночи Йонто не приходилось бывать в лагерях торговцев. Он даже не представлял, где и как их искать. А вот шэт-шан конечно же знал. Только к чему бы ему лично сюда являться? Неужто людей не хватает? Вряд ли, вон сколько сопровождающих, вполне могли бы обойтись и без господина. К тому же трижды разрывать завесу пространства, чтобы посмотреть на одурманенных зовом Сверкающей магов, — слишком даже для светлейшего шэт-шана. Знает же, как волнуется мир... И что это непременно откликнется.

Кого бы он ни искал, его ждало разочарование. Так и ушел ни с чем, и Йонто обязательно бы последовал за ним, чтобы понять, для чего все это было, но, увидев кое-что любопытное, передумал.

Девушка явно шпионила, и это заинтересовало Йонто сильнее, чем поведение шэт-шана. Настолько, что неумелую шпионку он забрал на теневую тропу за миг до того, как ее обнаружили. Но... девушка оказалась вовсе не той, за кого он ее принял.

Или все-таки — той самой?

— Когда тебе предложат помощь — не отказывайся, — как наяву услышал он скрипучий голос старухи, чьи дрожащие сухие пальцы любовно перебирали, гладили карты. И чудилось в этом что-то сокровенное, таинственное, будто не гадала она, а плела судьбу. — И сам в помощи не откажи. Отдавая — обретешь. Обретая — будешь жить. Все в твоих руках.

Нет, старухе Йонто не верил. Не хотел верить, не хотел вновь обмануться. Но и уйти почему-то не смог. Не смог бросить странную девушку, не понимающую ни слова, отчаянно боящуюся, но не показывающую свой страх. Девушку, которая отчего-то решила, что он может ей помочь. И которая сама предложила ему помощь.

Йонто не верил. Но отчего-то решил проверить.

Ана действительно была странной, ни на кого не похожей. Словно с Небес свалилась. Не знала элементарных вещей, но в то же время

заставила Йонто остаться, хотя он и хотел уйти, не оглядываясь. В конце концов, он еще не понял, что побудило шэт-шана лично таскаться по лагерям торговцев, а в ночь Сверкающей даже ребенок дошел бы в одиночку куда угодно, потому что вся опасная живность и неживность предпочитала пересидеть это время в укромных норах. За исключением низших чентолей, становящихся опасными лишь в эту ночь да в сильные грозы... Но в таком состоянии они умом не блещут, и спастись от них проще простого. Для всех, но не для Аны.

Она была напугана, но держалась. Храбрилась изо всех сил, шутила и пыталась убедить и его, и себя саму, что ни капельки не боится. Только он чувствовал ее страх. Видел, как дрожат тонкие пальцы, как бьется жилка на шее, слышал прерывистое дыхание. Сложно довериться незнакомцу, особенно если не можешь защититься. На месте Аны он бы к себе не подошел. Но у нее, похоже, не было выбора. У него... все же был, наверное, и он его сделал. И раз уж их угораздило оказаться вдвоем, стоило избавиться от страха. Ничего лучше разделяющей линии он не придумал, но это неожиданно сработало. Напряжение отпустило Ану, и она уснула. А вот Йонто так и не сомкнул глаз, размышляя, куда он впутался... и что из всего этого выйдет.

Канро был в ярости. Частички мира, способной подарить ему желанное счастье и покой, он так и не нашел. Понять бы еще, то ли торговцы показали не всех откликнувшихся на зов Сверкающей, то ли Агрийо ошибся с расчетами и шэт-шан ждал и искал напрасно.

Ночь Сверкающей, волшебная ночь, закончилась, и совсем не так, как надеялся Канро.

— Она здесь, господин, — прошелестел звездочет, когда полновластный владетель Прайго утомился громить гостиную и опустился на обломки кресла. — Я чувствую, как изменился мир. Чувствую, что зажглась новая искра.

— Ну так почувствуй, где именно она зажглась, — выдохнул Канро, прикрыв глаза. Он не видел, но знал, что сейчас они мерцают алым. Тяжело было сдерживать обращение, и все чаще контроль над собой казался таким ненадежным... — Почувствуй и приведи ее ко мне, пока еще способен чувствовать и ходить.

Агрийо, поклонившись, тихо вышел, скользя в проломленную дверь. Шэт-шан вытянул руку, один за другим выпустил длинные острые когти и серьезно задумался над тем, а не стоит ли плюнуть на все правила и дать себе волю?

«Так и сделаю, — решил он, убрав когти и сжимая пальцы в кулак. — Если не получу ее, непременно сделаю!»

ГЛАВА 5

Мне снова снился тот же сон. Тот же... да не совсем. Раньше я видела все со стороны, сейчас же из зрителя превратилась в участника. Я оказалась на поляне, могла коснуться дерева, ощутить аромат фиолетовых цветов, крупных, с две мои ладони... И окликнуть мужчину, стоящего ко мне спиной. Он был жив. Пока что жив. Но я знала, что время, отпущенное ему, истекает, что вот-вот с небес обрушится огонь...

— Беги! — хотела крикнуть я, но с губ сорвался лишь сиплый шепот.

Однако меня услышали. Он стал оборачиваться. Медленно. Очень медленно. Слишком...

С неба раздался оглушающий рев, и хлынуло пламя. Жар не ощущался, но застилал глаза, и лица наконец-то обернувшегося мужчины я не разглядела.

А ведь это было важно. Так важно, что я кинулась под огненную завесу, которая все-таки опалила руки и щеки. Я зажмурилась, готовясь к своей и чужой боли, но сквозь непрекращающийся рев неведомого чудища прорвалось противное кваканье. Монотонное, навязчивое, вырывающее из кошмара и тут же стирающее его, как ластик — намалеванные карандашом каракули.

Будильник. Зачем я завела будильник, если мне никуда не надо? И самое главное, что за мерзкая мелодия?!

Я застонала, смиряясь с неизбежным, протянула руку, чтобы отключить источник жутких звуков, оцарапала ладонь... И открыла глаза. В следующий миг непрерывное кваканье дополнил мой визг. Сидящую напротив меня раздутую, словно футбольный мяч, склизкую тварь он не впечатлил — она даже не заткнулась! — зато проникся выломившийся из кустов парень в расшнурованной рубашке. Он обвел полянку шальным взглядом и, вместо того чтобы спасти меня, тяжело вздохнул.

А я обреченно зажмурилась и закрыла лицо руками. Ведь так надеялась проснуться дома! Так желала, чтобы все оказалось сном!

— Эй, ты чего? — участливо спросил парень, спугнув тварюку и легко коснувшись моего плеча. Йонто. Его зовут Йонто. И он тоже — не сон. — Ты в порядке? Испугалась нарры? Она только с виду страшная, а так безобидна... Не знаешь разве? Ты хоть что-нибудь знаешь? Что с тобой вообще произошло?

— Не помню, — прошептала я. — Ничего не помню...

Да, все правильно. Лучше амнезия, чем помутившийся разум. С амнезией небось в психушку не упекут. Или что в этом мире вместо нее? Нет, с одной стороны, неплохо бы разжиться информацией, сориентироваться, куда я попала и чем мне это грозит... С другой же — не представляю, как сказать правду. И какая будет на нее реакция. И не останусь ли я снова одна. Да, этот парень помог мне, но... Кто знает, что у него на уме? Могу ли я безоговорочно ему доверять? В лучшем случае сочтет сумасшедшей и сбежит... А меня сожрут бескрылые пернатые драконы и вряд ли подавятся.

— Пить хочешь?

Я хотела. И пить, и есть, и справить другие надобности. Странно, что вчера ничего не хотелось.

— Торговцы поят своих жертв особым отваром, временно отключающим естественные потребности организма, — ответил Йонто, когда я спросила об этой странности.

А что, хороший отвар, полезный. Выпил — и никаких проблем целый день.

— При частом употреблении приводит к тяжелым последствиям, — тут же разбил мои мечтания Йонто.

Пожалуй, обойдусь. До кустиков пробежаться не проблема, а поголодать даже полезно. И для фигуры, и для здоровья в целом.

— Пей сколько нужно, — сев рядом, протянул он флягу. — Здесь неподалеку ручей, еще наберу.

— Кто они вообще такие? Они похищают... магов? — Божечки, я и в самом деле произнесла это слово? На полном серьезе?

Я сделала глоток из фляги. Вода была прохладной и упоительно-сладкой, а о том, откуда именно она набрана и насколько богата микроорганизмами, лучше не думать.

— Не только. И назвать это похищением... Увы, так это не называют. Ты и правда не знаешь?

Я помотала головой.

— Существует закон, по которому все одаренные сразу же после пробуждения дара обязаны становиться на особый учет. Сильных ждет обучение и слава, — Йонто поморщился, выражая свое отношение к оной, — слабым же уготована иная участь. Им достается все тяжелое, вредное, выкачивающее силы и в итоге калечащее либо лишаящее жизни. А потому те, кто могут, скрываются. Но в ночь Сверкающей они сами покидают укрытия — мало кто способен сопротивляться ее зову, — и тогда беглецов забирают торговцы. В остальное же время эти... хм, в остальное время они разыскивают и продают редкие магические штучки. Или существ. Или обычных людей... Совесть позволяет.

Йонто торговцев явно не выносил. И уже одним этим заслужил мою симпатию.

— Как ты попала к торговцам? — спросил он.

— Понятия не имею, — честно ответила я. — Дара у меня нет, я не сбегала и не пряталась... Они сами напали! Спросили, видела ли я сияющий шар. Да его же только слепой и не увидел бы! Надо было притвориться, что ничего не вижу...

— Ты видела Сверкающую?!

О, и он туда же! Чего в этой светящейся штуке особенного, раз все на нее так странно реагируют?

— Видела, — отодвинувшись на всякий случай, кивнула я и с опаской уточнила: — Ты же не собираешься из-за этого запихивать меня в мешок? Учти, живой не дамся!

— Видела, но утверждаешь, что не маг, — прищурился Йонто, и я еще немного подвинулась, размышляя, не пора ли бежать. Остановило понимание, что далеко все равно не убегу.

— Тот рогатый тоже сказал, что я не маг. Сыпанул в лицо пыль и был разочарован отсутствием эффекта. А еще надел эту штуку, — коснулась я ошейника. — Без нее я вообще ничего не понимаю...

С ней, впрочем, тоже, за исключением речи.

— Это канш. Такие надевают на хони, — пояснил Йонто.

Ну как пояснил... Даже с чудо-переводчиком смысл до меня не дошел!

— Что такое хони? — чувствуя себя полной дурой, спросила я.

— Мелкая полумразумная лесная нечисть. Безошибочно чуют клады, месторождения драгоценных камней. Вот только сказать не

могут. Без этой штуки не могут. Охотники ловят хони, надевают на них канш и расспрашивают о сокровищах...

Я перехватила взгляд Йонто и сглотнула. Сдается, после эдаких вопросов рассказчики не выживают, а если и выживают, то не особо этому радуются...

— Собирайся, и так много времени потеряли, — велел Йонто, вставая. — Если хочешь умыться, ручей там, — махнул он в сторону тонких деревьев с серебряной корой и такими же листьями.

Умыться я тоже хотела, заодно и огляделась. При свете солнышка все казалось иным. Трава и в самом деле отливала синевой, а выглядывающие из нее крупные яркие цветы я никогда не видела даже на картинках. А еще... Искры не растаяли. Они стали прозрачными, точно капельки росы, и плотными, похожими на бусины. Не удержавшись, я набрала горсть, любясь, пересыпала искорки из одной ладони в другую. Красиво. И выкидывать жалко... Спрятав добычу в карман безрукавки, я пошла дальше. Миновала серебряные деревья и спустилась по пологому склону в овраг.

Ручеек оказался чистым. На вид конечно же. Вода бежала по устилающим дно камешкам, прозрачная, холодная, бодрящая. Умывшись, я повернула было обратно, но тут услышала что-то странное. Тонкий писк, еле различимый за журчанием ручья. Показалось? Я застыла, прислушиваясь, и писк повторился. Жалобный, молящий, аж сердце кольнуло.

Перебраться через ручеек оказалось легко, я даже ноги не промочила. А вот дальше все обстояло гораздо сложнее. Писк доносился с крутого, практически отвесного склона, из зарослей ползучего растения, высокого, густого, с ярко-оранжевыми листьями. Даже учитывая многочисленные корни деревьев, выступающие из земли и буквально оплетающие склон, восхождение — с моей-то ловкостью и навыками — могло закончиться печально.

Но сдаваться просто так я не намеревалась. Наскребла остатки храбрости, вымела крохи разума, вцепилась в корень и только собралась подтянуться, как меня оттащили от склона.

— С ума сошла? — очень вежливо поинтересовался Йонто.

— Там кто-то плачет, — кивнула я на кустарник. — Кто-то...

— ...очень голодный и зубастый? — без тени улыбки предположил он. — Не боишься стать завтраком? При условии, что не

сломаешь себе шею... Впрочем, одно другому не мешает. Многие существа не брезгуют и не совсем свежей пищей.

— Если бы там был кто-то зубастый и голодный, стал бы он ждать, когда я к нему приду? — возразила я. — Нет. Там кто-то маленький и очень несчастный. Пусти.

— Куда? Спасать будешь?

— Буду, — упрямо заявила я и вновь примерилась к облюбованному корню. Главное, крепче держаться, тогда, может, и доползу.

— Напомни, почему я взял тебя с собой? — задумчиво спросил Йонто.

— Не знаю, ты сам вернулся, я не звала, — пропыхтела я.

Ох... В последний раз подобные подвиги на уроках физкультуры проделывала. И не всегда они увенчивались успехом, ой не всегда...

— Это детеныш чентоля, — невозмутимо заявил Йонто, когда мне удалось-таки подтянуться. — Запутался в ветвях. Шансов выпутаться практически нет.

— Чей детеныш? Той самой штуки, что хотела меня съесть? — От такой новости я съехала вниз, чудом не ободрав ладони.

— Угу. Той самой. Не передумала спасать?

Вместо ответа я вновь схватила за корень. А вот и не передумала. Конкретно этот малыш ничего плохого не сделал.

— Уйди, блаженная, — со вздохом оттеснил меня Йонто. — Я сам.

Спорить я не стала. Зачем обижать человека, от чистого сердца предлагающего помощь? Скромненько отошла и наблюдала, как легко парень взбирается на склон, как продирается сквозь ветки, оказавшиеся колючими, как вытаскивает из их переплетения нечто маленькое, белое, похожее на мохнатый колобок... И как этот колобок с писком взвивается в воздух, становясь раза в два больше, зависает над нами, а потом растворяется в безоблачном небе.

А небо у них тоже интересное. Бледно-фиолетовое...

Спускался Йонто не столь красиво. Запнулся обо что-то в зарослях и преодолел путь вниз чуть ли не кубарем. На меня, подскочившую к нему, он взирал очень даже неласково. Будто это я его туда лезть заставила! Правда, взгляды взглядами, а ни слова упрека в свой адрес я не услышала. Вот колючим кустам досталось, да... За

дело досталось. Йонто весь исцарапался, кое-где даже одежда порвана оказалась.

— Отвернись, — бросил он, стягивая рубашку. — Эта дрянь ядовита.

— Зачем ты тогда туда полез? — повернувшись спиной, выдохнула я. В ответ раздался лишь плеск. Поможет ли? Если яд попал в кровь... — Ты теперь умрешь, да? — вырвалось у меня.

— Угу. Придется тебе копать могилку. И цветы на нее до конца жизни носить, — усмехнулся Йонто, и мне сразу полегчало — умирающие не язвят столь бодро. Не хотелось бы, чтобы он пострадал. Особенно из-за меня.

Каюсь, обернулась я раньше, чем позволили, и не пожалела. Всего-то хотела взглянуть, насколько серьезны повреждения, но увидела нечто такое, от чего позабыла о царапинах.

По рукам Йонто, от запястий и до плеч, вились татуировки. Геометрические фигуры, вязь непонятных символов, причудливые завитушки — все гармонично переплеталось, образуя единую завораживающую картинку. Которой мне, к величайшему сожалению, полюбоваться не позволили.

Рубашку Йонто надел прежде, чем вздох восхищения сорвался с моих губ. Шнуровку он затягивал уже под разочарованный стон.

— Что это? Почему прячешь? Дай взглянуть!

— Нет, — отрезал Йонто, проследил за моим взглядом, прилипшим к намокшим рукавам рубахи, и досадливо поморщился: — Ана, что ты делаешь?

Я тянула ручки к спрятанной от меня красоте, но заданный усталым тоном вопрос изрядно отрезвил, заставив убрать ладони за спину и сжать их в замок. Во избежание новых неловких ситуаций...

— Прости, — проворчала обиженно. — Мне очень понравились твои татуировки. Не знала, что ты столь трепетно к ним относишься.

Меня одарили очень странным взглядом. Будто пытались решить, правда я ненормальная или же прикидываюсь.

— Да откуда ты такая взялась? Ничего не знаешь, ничего не понимаешь... Почему?

— Это... просто... — пробормотала я растерянно, собираясь с мыслями.

Просто я из другого мира. Или же этот мир всего лишь в моей голове, сильно пострадавшей при встрече с асфальтом.

Я честно хотела это сказать, но не смогла. Что он подумает, когда узнает правду? Не пожалеет ли о том, что не оставил меня в лесу? И не решит ли исправить свою ошибку?

Нет уж! Меньше знает — крепче спит.

— Просто, — хмыкнул Йонто скептически. — Ладно. Идем, пока тебе не приспичило еще кого-нибудь спасать. Боюсь, сегодня я уже не способен на подвиги.

На подвиги он и правда оказался не способен — не прошло и часа, как буквально рухнул на землю, до смерти меня перепугав. Упав рядом на колени, я потормошила его, заглянула в лицо — бледное, ни кровинки! — с трудом нащупала пульс... Слабый, прерывистый. Но, по крайней мере, он есть, уже хорошо. Правда же?

— Что с тобой? — дрожащим голосом спросила я. — Эй! Йонто! Слышишь меня?!

— Н-не кричи, — еле слышно просипел он. — Все в порядке...

— Странные у тебя представления о порядке, — нервно хмыкнула я. — Это яд, да? Тот кустарник...

...в который он ни за что бы не полез, если бы...

— Я справлюсь, — прошептал он. — Сиди здесь. Н-не уходи далеко...

И вновь отключился. А я... Я понятия не имела, что предпринять. Вокруг — леса да поля, а в каком направлении находится деревня, я уже не помнила. А даже если бы помнила... Оставить его одного было страшно. Даже отвернуться было страшно! Я вцепилась в его руку, снова отыскала пульс и боялась разжать пальцы. Казалось, если сделаю это, если перестану ощущать эхо биения чужого сердца, все будет кончено. Так и сидела, мысленно пытаюсь удержать тонкую ниточку жизни, то и дело щупая бледный лоб и ловя малейшее движение ресниц и губ. Ну же... Давай, очнись! Если я не сошла с ума и это действительно другой мир, если это та самая сказка, о которой я когда-то мечтала... Если это так, пусть все обойдется. Пожалуйста. Пусть все будет хорошо. Для меня, вконец перепуганной, для этого парня, вернувшегося за мной и, кажется, все же о том пожалевшего...

Не знаю, сколько я так просидела, молясь неизвестно кому и ничего вокруг не замечая. Утомившись, незаметно скользнула в

полудрему, но даже тогда не выпустила запястья Йонто, словно от этого и правда что-то зависело. Но когда почувствовала под уже ослабшими пальцами легкое движение, встрепенулась, подтянулась ближе, заглядывая в лицо... и наткнулась на вполне осмысленный взгляд.

— Ты? — тихо и как будто удивленно спросил Йонто. — Не ушла?

— Сам же просил, чтобы не уходила, — напомнила я, ощущая, как внутри разливается облегчение.

Живой! И правда живой! Я вновь коснулась его запястья. Пульс выровнялся, стал четче и сильнее. Да и бледность ушла. Не совсем, но уже не так страшно.

— Ты что делаешь? — поинтересовался он и неожиданно резко сел.

— Проверяю, как ты, — ответила я. — Знаешь, как испугал меня?! Что бы я делала, если бы...

— Прикрыла бы травкой и пошла бы в деревню, — пожал плечами Йонто. — Или не прикрыла бы... Кто бы осудил?

У меня зачесались руки дать кое-кому оплеуху. Едва удержалась — нехорошо больного бить. Вместо этого встала, пошатнулась — голова закружилась, повело — и пошла туда, откуда мы только что пришли. Не помню, где деревня? Ничего, вспомню! Вон тот розовый куст я точно уже видела, от него поверну налево и...

— Куда собралась?

И когда только успел обзавестись нездоровой привычкой хватать меня за руки?

— Не твое дело, — отвернулась я. — Пусти.

— Кажется, мы договорились... Я обещал защищать тебя.

— Можешь прикрыться травкой и сделать вид, что не заметил, — едко посоветовала я. — Или не прикрывайся. Кто осудит?

О чем я в тот момент думала? Да ни о чем. Пережитый страх и какая-то глупая, но острая обида застлали разум, и, отпусти меня Йонто, действительно бы побежала, не разбирая дороги, не боясь влипнуть в очередное приключение... Но он не отпустил.

— Правда испугалась? Остаться одна? — серьезно спросил он, и я растерялась. Вот уж чего тогда боялась в последнюю очередь. Да я об

этом даже не вспомнила! И, должно быть, отразилось что-то такое на моем лице, потому как он уточнил: — Не за себя? За меня?

Отвечать я не стала — все еще злилась, — но Йонто ответа и не ждал. Сжал мою ладонь в своей и как ни в чем не бывало пошел дальше, словно не сомневаясь, что я последую за ним добровольно, что не придется меня тащить... И не пришлось же. К тому времени в голове прояснилось, и я с ужасом поняла, что чуть было не натворила. Обида обидой, но нужно думать о том, как выжить и вернуться домой, а не устраивать подростковые истерики. Потому и двинулась за Йонто, так же молча, не пытаясь освободиться.

ГЛАВА 6

Агрийо явился ранним утром, когда еще толком не рассвело. Поскребся в двери покоев, словно гигантская мышь, бесшумно скользнул в комнату и склонился в привычном, раздражающем поклоне.

Сегодня Канро раздражало абсолютно все. Он так и не отдохнул. Разгромив гостиную, отправился в спальню и остаток ночи простоял у окна, наблюдая, как меняет оттенки небо — от густо-фиолетового до нежно-лилового. Вот только это больше не успокаивало. Душа требовала других красок. Алых, будто свежeproлитая кровь.

— Господин, — прошелестел звездочет, так и не дождавшись, когда шэт-шан повернется к нему лицом, — мы найдем ее. Я вспомнил кое о чем. Кое о чем важном.

Канро развернулся и недобро прищурился. Опять поет-заливается, как безмозглая утренняя пташка. Сколько уже было обещаний с его стороны? Не пора ли пресечь этот поток?

— Браслет! — против обыкновения громко и торопливо вымолвил Агрийо, почувствовавший настроение хозяина. — Ее привел сюда браслет из амантита. Он же приведет ее к вам.

— Когда? — отрывисто спросил Канро и, поморщившись, втянул когти. И не заметил, как выпустил.

— Ночью, господин, — виновато вжал голову в плечи звездочет. — Иначе ничего не выйдет! Амантит чрезвычайно капризен. Если не соблюсти условий...

— Я понял, — прервал захлебывающегося словами старика шэт-шан. — Делай как должно. На этот раз ошибки я не прощу.

Агрийо склонился еще ниже и, не разгибаясь, попятился к дверям.

— Где носит Тайро? — нагнал его недовольный вопрос.

— Молодой господин отправился на охоту, — отвечал звездочет. — Прикажете найти и вернуть?

— Незачем, — поморщился Канро и вновь повернулся к окну.

Мысли незаметно перетекли на другое, что тоже невероятно раздражало, но с мыслями справиться было труднее, нежели с тем же

Агрийо — не отмахнешься одним движением руки, будь ты хоть трижды владетелем Прайго.

Тайро... Еще одна головная боль. Если уж он вырвался на свободу, во дворце покажется лишь через пару дней. Оно и к лучшему. Под ногами путаться не будет. Канро не понимал, в чем польза мальчишки. Наследник? Да, когда-нибудь — очень и очень не скоро — большая часть Западного края покорится ему. Может быть. Чем дальше, тем больше Канро в этом сомневался и тем чаще появлялось искушение завести еще одного ребенка. Особых отцовских чувств он не испытывал, это дед баловал внука при каждом удобном и неудобном случае, даже пошел ради него на такое, за что вряд ли когда-либо получит прощение хоть на этом свете, хоть на том; наверное, старик отдал мальчишке всю любовь, что так и не получил сам Канро. В итоге наследник походил скорее на изнеженную девицу, нежели на того, кто однажды с достоинством примет венец Великого предка.

Венец тяжел. Не всякая голова выдержит. Тем более та, что набита глупостями.

Шэт-шан закрыл глаза и потер виски. Не скоро еще мальчишка займет его место. А если все получится так, как Канро желает, то об этом и вовсе волноваться не придется.

И если для этого нужно подождать ночи — он подождет.

Осталось совсем немного.

Утро сменилось днем, лес — лугом, тропка — широкой дорогой. Солнце припекало, хотелось есть и пить, а конца и края нашему пути видно не было. Начало закрадываться подозрение, что Йонто сам толком не знает, куда и зачем идет и, главное, ведет меня. А я, между прочим, человек городской, к длительным пешим прогулкам не приспособленный! И если поначалу было интересно, да и пейзажи завораживали мой не избалованный яркими красками взор, то мало-помалу наваливалась усталость, и даже любопытство уже не спасало. Да и где ему разгуляться? Небо да трава необычные, это да. Цветы опять же странные. Деревья... За пару часов к такому запросто привыкаешь. Драконов больше не летало, не знаю, к добру иль к худу. Может, явление бескрылого чуда и взбодрило бы, но чудеса, похоже, даже в ином мире штука редкая.

— Долго еще? — простонала я, осознав, что вот-вот упаду и больше не встану.

Йонто остановился, окинул меня скептическим взглядом и, вздохнув, поинтересовался:

— Как у тебя со здоровьем?

— В смысле? — насторожилась я.

— В прямом. Есть проблемы? Боли в сердце? Головокружения?

А он точно не торговец? Как тот рогатый говорил, небось на что-нибудь да сгожусь? Магию выжать не удалось, так органами разжиться можно?

— Почему у тебя такое лицо? — нахмурился Йонто. — Проблемы все-таки есть?

— Нет у меня никаких проблем, — придушив паранойю, ответила я. — А зачем?..

— Прости.

Одним лишь словом воскресив убиенную, Йонто сгреб меня в охапку и шагнул назад. И тут-то выяснилось, что проблемы действительно есть. И с сердцем, и с головой... а теперь еще и с доверием одному конкретному мальчишке!

— Ты... чего... творишь?! — выдохнула я, прижав руки к груди и пытаясь устоять — земля так и норовила вывернуться из-под ног.

— Сокращаю путь, — невозмутимо отозвался Йонто. — Присядь. С непривычки всегда тяжело. Потом лете будет...

— Не собираюсь я ни к чему привыкать! — возмутилась я, но совету все-таки последовала. И глаза прикрыла, хотя ощущение, что меня катают на бешеной карусели, лишь усилилось. — Тем более... к этому!

— Теневые тропы не столь удобны, как лунные, зато намного короче. И отследить их сложнее.

Так, паранойя не только жива, но еще и заразна. Интересно, кто от кого подхватил.

Отдышавшись, я наконец-то огляделась... и вновь зажмурилась. Мы оказались в другом месте. Совершенно в другом! За каких-то пару секунд...

— Тебе плохо? — без особого сочувствия в голосе осведомился Йонто.

Нет, он точно мстит. За то, что вернулся, за чентоля в кустах, за сами эти кусты...

— Мне хорошо, — пробормотала я. — Разве не видишь? Лучше просто не бывает...

— Отлично, тогда идем.

Меня бесцеремонно дернули за руку, вынуждая подняться, и вновь потащили куда-то... по узкой тропинке меж ухоженных деревьев, отдаленно напоминающих яблони, на ветвях которых заманчиво покачивались сочные ярко-вишневые плоды, каждый — больше моего кулака. Понятия не имею, съедобны ли они, но есть захотелось с новой силой. Сейчас бы я, не задумываясь, даже отравленное яблочко проглотила. И добавки бы попросила...

— Не та сказка, — пробормотала я, едва успевая переставлять уставшие ноги.

А жаль. Помнится, гномы были добры к бедной, лишившейся дома девочке. Здесь же гномы высоки, рыжи, рогаты и торгуют людьми, а принцев, наверное, и вовсе не водится. Не то чтобы мне нужен принц... Если только ему мама в походную суму побольше вкусностей положила, дабы любимый сыночек не оголодал, совершая подвиги. Вот такого принца я бы с удовольствием ограбила. Учитывая, как я сейчас выгляжу, добровольно он со мной точно не поделился бы.

Возле одного из деревьев я увидела козленка. Самого обыкновенного, беленького, пушистого, со смешным хвостиком. Он щипал травку и выглядел так знакомо, так по-земному, что я обрадовалась ему как родному. И запнулась на полушаге, когда козленок обернулся и продемонстрировал один-единственный витой рог посреди лба.

— Ты чего застыла? — недовольно окликнул Йонто.

— Хорошо хоть крыльев нет, — задумчиво протянула я, гадая, сколько еще потрясений способна выдержать моя психика.

— Крылатые слишком дорого стоят, их держат богатенькие идиоты в качестве домашних питомцев, — добил меня добрый мальчик Йонто и легонько подтолкнул в нужном направлении. Сама бы я еще долго переваривала чудеса местной фауны. Вот право слово... будто приснопамятных чентолей мало было!

Тропка влилась в опрятную улочку, по обеим сторонам которой ютились дома. Небольшие, аккуратные, сложенные из камня и дерева, с крошечными оконцами и украшенными причудливыми узорами стенами, с конусообразными крышами. Улочка вилась прихотливо,

дома разделяло приличное расстояние, и пространство между ними занимали огороды и клумбы. Цветов было много. Очень много! А вместо заборов росли низкие кустарники, сплошь усыпанные мелкими розовыми и белыми бутонами.

Я, увидев такую красоту, обо всем позабыла и вновь застыла, любуясь ожившей сказкой.

— Не спи! — поторопил Йонто, но, стоило мне с тяжелым вздохом сделать шаг, как тут же передумал: — Стой.

Какая противоречивая натура... Ну, стою. Что дальше?

Йонто окинул меня критическим взглядом, поднял ворот моей рубашки и безрукавки, закрывая ошейник. Действительно, ни к чему привлекать лишнее внимание, а подобное украшение — вещь приметная.

— И сделай что-нибудь с волосами, — поморщился он, протягивая выуженный из кармана плетеный шнурок.

— А что не так? — прищурилась я.

Лесная ночевка и отсутствие расчески, конечно, не пошли на пользу моему облику, но... кто бы говорил!

— Неприлично, — отозвался босой, лохматый и обряженный в порванную одежду парень. Похоже, ему такой вид казался верхом приличия.

Я скептически хмыкнула, но шнурок взяла. Мне несложно, зачем же тогда человека зря нервировать. Без расчески коса получилась не особо ровной, но Йонто придирааться не стал. Кивнул и пошел дальше, и я поспешила следом. К моему разочарованию, остановились мы у первого же дома, стоящего наособицу.

— Крошечный какой! — удивилась я.

Он действительно больше напоминал игрушку, чем настоящее жилище. Каменное основание надежно вросло в землю, а по деревянным стенам вились резные узоры, изящные, чуждые, и казалось, что веет от них теплом. Особым, домашним, от которого успокаивается мятущееся сердце и сладко спится по ночам.

— Мой еще меньше, — хмыкнул Йонто и, взойдя на крылечко из двух ступенек, забарабанил в дверь. — Тетушка! — гаркнул он так, что с ближайшего дерева с недовольным криком взлетела стайка напоминающих ворон птиц. — Тетушка, это я, открой!

— Явно никого нет дома, — тронула его за плечо я, когда, выждав минуту, он вновь постучал в жалобно загнувшую створку. — Здесь живет твоя тетя?

— Лекарка. — Йонто сел на ступеньку и прислонился к двери. — Очень хорошая лекарка. Хочу показать ей тебя, может, она и наведет в твоей голове порядок...

Боюсь, сейчас в ней и коллегия высококвалифицированных психиатров не разберется. Вздохнув, я села рядом и покосилась на прикрывшего глаза парня.

Осунулся. Под глазами тени залегли, губы пересохли и потрескались, на щеках — нездоровый румянец... И пальцы дрожат, едва заметно, но если как следует приглядеться...

— Ты неважно выглядишь, — заметила я. — Как себя чувствуешь? Болит что-нибудь?

— Я в порядке, — отмахнулся он.

— Оно и видно, — не удержалась я. — Слушай, мы здесь долго сидеть можем, а ты... Давай другого лекаря найдем? Он заодно и тебя подла...

— Я только ей доверяю, — отрезал Йонто. — Сиди.

Ладно. Сидим дальше. Ждем. Думаем, как быть и стоит ли рассказать всю правду... Или после этой правды меня точно лекарям сдадут? На опыты. Сомневаюсь, что у них много таких вот ненормальных бегает. Если будет кому сдавать. Состояние Йонто тревожило все сильнее, казалось даже, что он дышит с трудом, и я боялась, как бы вновь не лишился сознания. Прикрывать его травкой и делать вид, что ничего не было, категорически не хотелось.

Но мои опасения не успели переродиться в настоящий страх: не прошло и четверти часа, как на ведущей к домику дорожке показалась женщина. Молодая, невысокая. Полноватая, и полнота эта необычайно ей шла. Круглолицая, большеглазая и улыбчивая. Из-под замысловато завязанного платка выбивались темные локоны. Меня заинтересовала ее одежда: многослойная, со шнуровками, ремешками, кармашками, украшенная вышивкой по подолу, вороту и рукавам. То, что я поначалу приняла за платье, платьем вовсе не являлось — слишком уж длинные разрезы по бокам, практически до пояса, широкого, ярко-синего, не единожды обхватившего талию. Под светло-серым платьем — не платьем имелось еще одно, синее, как и пояс. Синие же рукава, узкие,

густо вышитые серебристой нитью, выглядывали из-под более широких серых, также украшенных разрезами со шнуровкой. Чудно. И обувь интересная, чем-то на ботинки Йонто похожая, только меньше и аккуратнее. Ни каблучка, ни платформы. Зато распускаются на сером фоне вышитые синие цветы. Красиво как...

— Нравится? — поинтересовались откуда-то сверху.

— Ага, — зачарованно кивнула я и только тут осознала, что обладательница башмачков стоит рядышком, а я эти самые башмачки совершенно неприлично разглядываю, едва носом в них не уткнувшись.

— Где Шаная? — нарушил неловкое молчание Йонто, поднимаясь и потягиваясь.

— Явился не запылелся, — подбоченилась женщина. — Ни здравствуйте вам, ни как дела... Как не было манер, так и нет!

— Здравствуй, Мирина, как твои дела? — покладисто проговорил он.

— С тех пор как видела тебя в последний раз — значительно лучше, — хмыкнула названная Мириной. — По тебе того не скажешь. Признаться, удивлена, что ты еще жив.

— Спасибо, я тоже рад тебя видеть, — фыркнул Йонто. — И все-таки, где Шаная?

— Зачем она тебе понадобилась? Может, я помогу?

— Нет. Здесь... особый случай. — Он небрежно кивнул на меня. — Нужна помощь и кров.

— Шаны не будет несколько дней, а то и недель, — покачала головой Мирина, скользнув по мне оценивающим взглядом. — Но она может остаться. Ты тоже.

— Нет, так не пойдет... — нахмурился Йонто.

Задерживаться здесь он явно не планировал. Зато сплавить меня лекарке — еще как. Но... лучше уж так, чем бродить одной по дорогам чужого мира.

— Я могу остаться и одна, — скрепя сердце предложила я. — Сам же сказал, что доверяешь этим людям...

— Сядь, не мельтеши, — поморщился он. — Дай подумать...

— О чем тут думать? — сказала Мирина. — Осмотреть девочку могу и я. Идемте в дом...

Пока она возилась с дверью, я заметила неподалеку ярко-голубой цветок. Он покачивался среди травы на тонком, словно ниточка, стебельке, а его резные лепестки так и манили прикоснуться, вдохнуть аромат... Я шагнула к дивному цветку, протянула руку... И тут же получила по ней легкий шлепок.

— Великий предок! — простонал Йонто, нависнув надо мной. — С кем я только связался!

— Ну так развяжись, — надулась я, обиженно потирая ладонь. — Что на сей раз?!

— Запомни: чем ярче существо или растение, тем оно опаснее, — тяжело вздохнул он.

— Тогда ваш шэт-шан просто ходячая катастрофа, — отчего-то припомнила я мужчину в красном. По яркости он переплюнул любой виденный мною цветок.

— Умница, — растрогался Йонто. — Можешь же, когда хочешь!

— А что насчет чентоля? — пропустила мимо ушей ехидную реплику я. — Белый, но опасный.

— Безобиднейшее существо, — хмыкнул он. — Опасен лишь в ночь Сверкающей и в сильные грозы, потому как питается природной магией, избыток которой затмевает его сознание. А если знать, что делать, то и тогда не опасен.

И посмотрел так, что захотелось сбежать. Но вместо этого я разозлилась. Будто я по собственной воле сюда попала! Да если бы могла, сей же час домой вернулась бы!

— А ты не знаешь, — добавил Йонто. — Ты вообще хоть что-нибудь знаешь, кроме своего имени?

— Твое, — огрызнулась я нервно.

— Эй, вы двое, чего застряли? — очень вовремя выглянула Мрина. — Заходите, живо.

Прежде чем послушаться, Йонто безжалостно вырвал цветок с корнем и бросил подальше в траву.

— Теперь точно никто не пострадает, — довольно кивнул он, потирая ладонь.

— Ты уже пострадал, — буркнула я, изловчившись и схватив его за руку. Волдыри как от злющей крапивы, а он даже не поморщился! — Опять отравился?!

— В обморок больше падать не буду, не волнуйся, — хмуро сказал он, отбирая ладонь и шагая к крыльцу.

— Вот еще, с чего бы мне волноваться, — скорчила я ему в спину рожицу и пошла следом.

На верхней ступеньке, застеленной пестрым ковриком, стояли так восхитившие меня туфельки Мирины, и я тоже принялась разуваться. Йонто же, с тоской во взоре посмотрев на свои босые ноги, попросту вытер их о коврик.

— Ты же не Мирину ждал, да? — тихо спросила я, расшнуровывая ботинки. — Кто она?

— Бывшая ученица Шанаи, — ответил он и еще раз ширкнул стопами по коврику. — Вот уж кого я точно не ждал. Она давно уже здесь не живет, наверное, к родным погостить приехала. До тетушки ей далеко, конечно, но за неимением лучшего...

— Я все слышу, — грозно донеслось из дома.

— Кто бы сомневался, — ухмыльнулся Йонто и первым зашел внутрь.

Я посмотрела туда, где недавно рос цветок, и вздохнула. А ведь Йонто такой же. Внешне милый и неопасный, а тронь — обожжешься. Вот только его ли в том вина?

ГЛАВА 7

Внутри дом не казался таким крошечным, как снаружи. Возможно, потому, что мебели практически не было. В чистой комнатке с устланном плетеными ковриками полом и светлыми деревянными стенами с множеством полок только-то и имелось, что застеленная лоскутным покрывалом лежанка за отдернутой сейчас плотной шторой, два сундука — у входа и под окном — да единственный стол, широкий, но низкий. А еще здесь были травы. Они висели на стенах и под потолком, стояли в глиняных кувшинах на подоконнике, лежали на полках и столе... И запах, наполнявший комнату, кружил голову.

Травы завораживали. Хотелось погладить хрупкие стебельки, вдохнуть горьковатые ароматы... Сама не заметила, как подошла к столу, как потянулась к разложенному на нем богатству. Травки были невесомыми. Я брала их осторожно, боясь повредить, и перебирала, перекладывала, позабыв обо всем на свете. А когда очнулась, с недоумением осмотрела несколько аккуратных кучек. Это что же... я натворила?

В комнате царила тишина. Оборачиваться было страшно — что на мое самоуправство Мирина скажет? — но раз уж набедокурила, то и отвечать должна.

Против ожиданий, лекарка не разозлилась. Поймала мой испуганный взгляд, подошла к столу, задумчиво покачала головой.

— Неплохо, — коснувшись кончиками пальцев одной кучки трав, сказала она. — Сбор от кашля, сбор от головной боли... С этим бы я поспорила, но, может, так оно даже лучше будет, надо проверить... Ты травница?

Я нервно икнула.

Травница? Я? Да я с трудом подорожник от лопуха отличаю!

— Н-не знаю, — выдала я привычную фразу. — Не помню...

— Она ничего не знает, — ввернул Йонто, устроившийся на сундуке. — Подозреваю, у нее что-то с головой. Как считаешь?

Мирина села прямо на пол и приглашающе повела рукой. Я потопталась на месте, но все-таки последовала ее примеру. А куда

деваться? Стульев здесь, увы, не водилось. Женщина взяла мою руку и, запретив говорить и дергаться, прикрыла глаза. А я, пользуясь тем, что от меня того же не потребовали, огляделась внимательнее.

Кроме трав, никаких украшений в комнате не имелось. Даже занавесок на окошке. Хотя стоящие в горшках высокие сухие стебли с мелкими желтыми цветочками вполне могли сойти за жалюзи. А еще справа и слева от входа я заметила дверцы, почти сливающиеся со стенами, на которых вместо картин висели композиции из трав. Хорошо здесь. Уютно. И в сон клонит... Я подавила зевоту, тряхнула головой, и Мирина недовольно цыкнула. Я замерла, боясь шевельнуться, и через пару минут меня наконец-то отпустили.

— Ну что? — поинтересовался Йонто, вставая. — Проблема в голове?

— Она здорова, — не согласилась с диагнозом самозванного доктора Мирина. — Физически. Но истощена. Ты ее хотя бы покормил? — строго спросила она, и лицо парня стало таким беззащитно-растерянным, что я невольно ему посочувствовала. — Понятно, — вздохнула женщина. — Совсем забыл, как нужно с живыми людьми обращаться!

С этими словами она поднялась, откинула крышку стоящего под окном сундучка и, вытащив нечто похожее на большой сухарь, вручила мне:

— Поешь. К обеду соображу чего получше.

— Если она здорова, то что тогда с ней не так? — не унимался Йонто. От еды он отказался, а Мирина не настаивала, видимо, знала, что бесполезно.

— Ее душа чем-то сильно взволнована, — задумчиво протянула женщина. — Шаная, конечно, определила бы точнее, но, думаю, я тоже смогу помочь. А вот ты...

— Что я? — равнодушно спросил Йонто.

— А он отравился ядом какого-то оранжевого растения, едва не умер и в таком состоянии протащил меня этой... теневой тропой, — наядбедничала я.

— Жизнь тебе, как погляжу, по-прежнему не мила, — рассердилась Мирина.

— Какое вам всем дело до моей жизни? — хмыкнул Йонто и тут же получил неплохой подзатыльник. Именно такой, какой мне и

хотелось ему отвесить.

Божечки, спасибо! Есть справедливость в этом мире!

— Глупый мальчишка, — припечатала лекарка. — Сидеть! Я с тобой не закончила. А ты, — взглянула она на меня, — иди-ка пока свежим воздухом подыши...

Я немедленно вскочила и бросилась к двери.

— Дальше крыльца ни ногой! — полетело в спину напутствие Йонто. — Ничего не делай, ничего не трогай, ни с кем не разговаривай и даже...

— Не дыши, — додумала я, плотно прикрыв дверь и щурясь от яркого солнышка.

Станный парень. Совершенно бестолковый. Вон как на меня из-за этого чентоля кричал, глупой обозвал... А его поведение, значит, не глупость. Совсем себя не бережет.

Соблазн сбежать с крылечка и пройтись по узкой улочке был велик, но я послушно села на нижнюю ступеньку, сложила руки на коленях и прикрыла глаза. Так, разморенная теплом, словно кошка, и задремала.

А когда очнулась, меня окружал пахнувший летним лугом полумрак, да и лежала я на чем-то мягком, ничуть на доски крыльца не похожем. Не сразу поняла, что нахожусь в доме, на лежанке, и что штора, отделяющая ее от комнаты, сейчас задернута. А в комнате горит свеча и раздаются приглушенные голоса...

— Я присмотрю за ней, не беспокойся.

Это Мирина.

— Нет. — А это Йонто. И голос у него уставший, даже жаль беднягу стало. Правда, ненадолго. — Ты этого наказания не заслужила.

Наказание, значит? Ну ладно. Я запомню. А при случае и припомню...

— Если уж я и с тобой в свое время справилась, то и с ней слажу, — заверила женщина. — Подумай, здесь ей лучше будет. Да и тебе бы не мешало остаться. Хотя бы на пару дней, пока не восстановишься...

— Мне не нужно. А вот Ана...

Шагов я не услышала. Штору резко отдернули и, пока я щурилась от неожиданно яркого света, строго спросили:

— Хочешь остаться?

Первым порывом было замотать головой, но я сдержалась. И так столько хлопот ему доставила. Если бы не я, он не отравился бы, не перенапрягся... И вообще, занимался бы своими делами, вместо того чтобы возиться со мной. А ведь я даже честностью ему за это отплатить не могу.

— Хочу, — отвела глаза я.

— Вот и славно, — кивнул Йонто. Показалось, что он вздохнул с облегчением. Все верно, я бы на его месте тоже радовалась избавлению от обузы. — Ана остается, — обернулся к Мирине он.

— Переночуй хотя бы, — проворчала женщина. — Куда на ночь глядя собрался? Да покажи девочке, что здесь да как. Мне домой пора, и так задержалась...

— Ступай, разберемся, — вздохнул Йонто и, как только за Мириной закрылась дверь, укоризненно добавил: — Ну и гораздо же ты спать!

Судя по сгустившейся за окном тьме, еще как гораздо. Но меня можно понять: моя жизнь превратилась в сплошной стресс, а лучшим лекарством от стресса я всегда считала сон.

— А ты-то хоть отдохнул? — от души потянувшись, спросила я.

— Не важно, — отмахнулся Йонто, и я поняла, что нет.

— Балбес, — пробормотала едва слышно. В конце концов, ему тоже досталось. Поди, не каждый день иномирные девицы на голову сыплются...

— Там спальня Шанаи, — коснулся одной из дверей Йонто. — Она заперта, в ней хранятся редкие травы и записи. Но тебе и здесь неплохо будет. А тут умывальная...

Он еще не договорил, а я уже открывала дверцу в самую желанную сейчас комнату. И застыла на пороге, преисполненная горького разочарования. Не могу точно сказать, чего ожидала, но уж никак не грубых стен и полочек. На скамье стояли две большие бадьи, до краев наполненные водой, и несколько пустых, поменьше, похожих на тазики. На стене висело мутноватое зеркало, в которое я не рискнула посмотреться.

Баня, да и только. Но здесь не пыхала жаром печка, а в обеих бадьях вода оказалась не просто холодной — ледяной. Я ходила вокруг них, словно лиса возле добротного курятника, и страдала. Особым здоровьем я никогда не отличалась. Откровенно говоря, вообще

никаким не отличалась, и купание в ледяной водице грозило серьезными проблемами. Но с другой стороны, желание помыться становилось нестерпимым, и в душе зарождалась пока что робкая решимость. Коя сразу же испарилась, стоило на пробу опустить руку в воду...

Наблюдавший за моими страданиями Йонто взял с одной из полок и протянул небольшой камешек, серый, невзрачный, пористый.

— Это что? — Братъ его я не торопилась.

— Жар-камень. Брось в воду, и она тут же нагреется. Штука редкая, не везде достать можно, но своих денег стоит.

— Спасибо, обойдусь, — отказалась я.

Вряд ли лекарка обрадуется, узнав, что незваная гостя перевела ценный продукт.

— Не дури, пользуйся, — чуть ли не силой вручил камешек Йонто. — Лучше уж истратить камень, чем потом прикапывать твоё хладное тело.

Вот же, а!..

— А вообще, Шаная не бедствует, и жар-камень для нее не роскошь, — усмехнулся он. — Так что наслаждайся.

Йонто вышел. Я, вздохнув, тоже.

— Мне даже переодеться не во что, — пожаловалась смущенно. — Мою сумку украли...

И не суть важно, что сменной одежды там все равно не было.

Йонто откинул крышку большого сундука, порылся в его недрах и сунул мне в руки сверток.

— Держи. Я иногда останавливаюсь здесь, это мои вещи. Они чистые. И полотенце. А еще вот. — Он положил поверх стопки круглую баночку и несколько скатанных трубочкой нешироких полосок ткани. — Заживляющая мазь и бинты.

Я проследила за его взглядом и поджала пальцы ног. Ну да, поранилась, пока босиком бегала. Удивительно даже, что не особо из-за этого и беспокоилась.

— Спасибо, — кивнула я, прижимая к груди одежду, и проскользнула в умывальную.

Прикрыла дверь, с грустью констатировала, что замка в ней не предусмотрено, сложила чистые вещи на скамеечку и скинула свою одежду на пол. Прошлепала к бадьям, не без опаски бросила в одну

жар-камень и чуть не вскрикнула от восторга, когда вода забурлила, закипела, и комнатку наполнил пар.

Дальше дело пошло быстрее. Шампунь и мыло были густыми, пенными и сильно пахли травами. Я с наслаждением прополоскала волосы, до скрипа оттерла кожу, смывая грязь, усталость и страх. Напоследок вылив на себя тазик прохладной водички, промокнула кожу жестким полотенцем и оделась.

Великовато, однако... Я подвернула рукава, а затем штанины. Лучше стало ненамного. Нет, ходить в этом неудобно. Но единственная альтернатива — унылый костюмчик торговцев, а его я ни за что не надену, даже если постираю. А вот ошейник-переводчик тщательно отмыла, лишь немного посомневавшись, а можно ли. Если было бы нельзя, Йонто сказал бы, верно? Закончив с облачением, я воспользовалась мазью и перебинтовала ноги. Получились эдакие дизайнерские носки. Или домашние тапочки. Главное, чтобы помогло. А разобравшись со всеми делами, я протерла запотевшее зеркало и пристально вгляделась в отражение.

Увы, но, даже попав в сказку, я осталась собой. Не изменился ни цвет волос, ни разрез глаз, и даже едва обозначившаяся, но уже изрядно надоевшая морщинка меж бровей никуда не делась. В мир иной я попала в полной своей комплектации... Невезение какое-то. Закон подлости по отношению ко мне никогда осечек не давал, а вот закон жанра... Эх.

— Мирина принесла ужин, — едва я вышла в комнату, проговорил Йонто. Уф, я его понимаю, значит, банные процедуры переводчику не повредили. — И лекарство для тебя. Сказала, поможет от душевных волнений.

И, не уточнив, как именно нужно применять это чудо-средство, скрылся в умывальной. Стучать и допытываться я постеснялась. Обошла кругом низкий столик, на котором стояла прикрытая салфеткой корзинка и небольшая бутылочка, до краев наполненная ярко-красной жидкостью. Не так уж тут и много, видимо, рассчитано на разовое применение. Иначе бы Мирина оставила более четкие указания. Да и волнения мои таковы, что парой глотков не успокоишь.

Мигрень, затаившаяся на время, вновь напомнила о себе, и стало не до размышлений. Схватив бутылочку, я открыла крышку и принялась. Пахло приятно, чем-то ягодным, свежим. Присев на

край лежанки, я отпила немного, зажмурилась от удовольствия... и сама не заметила, как выпила все. Лекарство оказалось густым, тягучим и очень сладким. Оно обволакивало язык, горло и желудок приятным теплом, и тепло это постепенно оттесняло боль, наполняя собою голову. Она становилась все тяжелее и тяжелее, в то время как мысли — легче. Они воздушными шариками взлетали к потолку, просачивались сквозь него и устремлялись в темное небо, и я улыбалась, глядя им вслед.

— Йон-то, — протянула я, когда он появился в комнате.

В светлых рубаше и штанах, да еще с мокрыми волосами, он выглядел младше, чем обычно, и отчего-то я сочла это милым. Хотя сейчас мне абсолютно все таковым казалось. Хотелось улыбаться и делиться хорошим настроением. И вот с таким-то намерением я и поднялась, невзирая на покачивающийся пол. Ничего, трудности закаляют характер и делают цель еще желаннее!

— Ана? — настороженно позвал Йонто, когда я двинулась к нему. — Ты чего делаешь? Вернее, ты чего наделала?!

— Ничего, — улыбнулась я, медленно приближаясь.

Забавный какой. И волосы торчат... Пригладить бы. Запнувшись о половичок, я добралась до цели гораздо быстрее, чем рассчитывала.

— Да как бы не так, — пробормотал Йонто, придерживая меня за плечи и одновременно пытаюсь увернуться от моих попыток дотянуться до его волос. — Ты что, выпила все лекарство? Все до капли?

— А что, нельзя? — не особо расстроилась я. Если бы выпила меньше, мне не было бы сейчас столь хорошо. Потрясающая вещь. — Я в порядке.

— Вот уж вряд ли...

Меня самым возмутительным образом потащили к лежанке. Я и пикнуть не успела, как ткнулась носом в подушку. А пока переворачивалась, воюя с ослабшим телом, Йонто добрался до входной двери.

— Куда это ты? — спросила я. Странно, но язык тоже был тяжелым. Наверное, оттого, что являлся частью головы...

— Переночую на улице, — ухватился за ручку Йонто.

— Там же холодно! — ужаснулась я. — И страшно.

— Поверь, здесь намного страшнее, — с потрясающей искренностью признался он.

— Ты что, боишься? — удивилась я. — Успокойся, на твою честь покушаться не собираюсь, меня мелкие вообще не привлекают...

Волосы бы вот потрогала... Но кто ж даст?

Обидно.

— Мелкие? — поперхнулся Йонто. Даже о стратегическом отступлении позабыл, и я благородно решила не пользоваться его оплошностью. Хотя, если честно, благородство тут ни при чем, просто тело стало совершенно непослушным, и встать я не сумела.

— Ну да. Ты же младше меня. Вот сколько тебе лет? Двадцать пять хотя бы есть? Наверняка нет. Мне вот двадцать семь. Скоро и вовсе двадцать восемь будет. Было бы... Если я еще жива, — смешалась я.

Если я жива.

Хорошее уточнение. Правильное. И в привычную картину мира укладывалось лучше, нежели то, что я действительно попала в другой мир. Может, я до сих пор лежу на асфальте или в больничной палате, утыканная иголками и обмотанная проводами, в то время как мое сознание заблудилось в созданной им же нереальности...

Да, так оно и есть. Надо в это просто поверить. Так будет лучше. А убедить себя несложно. Да?

— Ты — мой бред. Совершенно точно. Неправильный бред, — загрустила я и всхлипнула, до того себя жалко стало.

Ну вот что за невезение, и на пороге смерти нормального мужчину встретить не судьба, даже собственное подсознание не подыграет! Мама говорила, что это самое важное в жизни, а я не верила. Может, зря? Теперь и не узнаю. Печать.

А с другой стороны... Если это бред, можно делать все, что угодно, и не терзаться муками совести.

— Ты сказал, что я ничего не знаю и не понимаю, — горестно вздохнула я. — А с чего бы мне понимать, если я вообще из другого мира?! А? В моем мире и ты бы ничего не понимал... У нас в небе не чентоли летают, а самолеты, трава на людей не нападает, и вода горячая прямо из крана течет, и магии нет... А я сюда попала. В эту проклятую сказку! Насквозь неправильную...

— Почему же неправильную? — спокойно спросил Йонто.

Он меня слушает? Отлично! Сейчас я все-о-о выскажу!

— А потому что в правильной сказке я оказалась бы в теле юной красотицы, обладающей огромной магической силой, к ногам которой принцы штабелями укладываются. А здесь что?

— Что?

— Тело то же самое, возраст прежний, магии нет, и, главное, ни одного хотя бы самого завалящего принца не видно! — пожаловалась я.

— А я не подойду? — хмыкнул Йонто. Ага, самому смешно...

— Ну какой из тебя принц, — махнула я рукой. — Живешь в лачуге, по лесам как сумасшедшая белка носишься, о манерах понятия не имеешь... И вообще, ты не в моем вкусе! Я это... блондинов люблю. Постарше...

Мой бред снова хмыкнул и присел на край постели. Он вполне реально пах травами и, если уж честно, конкретно в нем ничего бредового совершенно не было.

Я потянулась и все-таки коснулась влажных волос. Настоящий. Как и этот мир. Как бы я ни пыталась себя обмануть...

Бессильно уронив руку, я зажмурилась, крепко-крепко, чтобы ни одна слезинка из-под век не выкатилась, и тихо сказала, не заботясь, услышат ли меня:

— Я знаю, что это правда, что это не Земля, но... Я не хочу верить. Не хочу признавать. Ведь тогда получится, что я не смогу вернуться! Понимаешь? Я не знаю, с чего начать, у кого просить помощи и кому можно довериться! Я хочу проснуться... И понять, что все это было сном. Но... так не будет. Как бы я того ни хотела. И что мне с этим делать?

— Не надо было давать тебе то лекарство, — пробормотал Йонто.

И на этой радостной ноте я отключилась, успев загадать проснуться в собственной постели. Или хотя бы в своем мире, пусть даже и на холодном асфальте.

Когда Ана наконец-то утомилась, Йонто осторожно встал, накрыл ее одеялом и задумался.

Другой мир, значит? Звучит безумно, но, если принять это как факт, все вставало на свои места. Непривычная внешность и имя, странное сочетание страха и бесстрашия, незнание языка и нежелание

говорить о себе... Само ее поведение, словно она и правда оказалась в совершенно чуждом мире.

Можно было предположить, что она пришла из-за Чентолева хребта, но, Великий предок свидетель, в другой мир поверить легче.

И не она ли — та самая причина, по которой шэт-шан столь безоглядно рвал пространство? Ведь он явно что-то искал.

Кого-то?

— Тебя? — едва слышно прошептал Йонто, вглядываясь в лицо спящей. Из-под темных ресниц выкатились слезинки, прочертили дорожки на щеках, и он протянул было руку, чтобы стереть их, но так и не решился коснуться бледной кожи. — И что же мне теперь делать?

На улицу он все-таки вышел. Присел на крыльцо, бездумно уставился в усыпанное звездами небо.

Ночь обещала быть долгой.

ГЛАВА 8

Меня кто-то звал, тихо, но настойчиво, и этот зов рассеивал сон, гнал его прочь. А мне так не хотелось просыпаться! Я всеми силами противилась, стараясь удержать блаженную дрему, цепляясь за нее... и зная, что не удастся, что придется очнуться и вновь оказаться...

Где?

В чужой постели. В чужом доме. В чужом мире.

Воспоминания нахлынули, отрезвили, и сон все-таки рассеялся, уступая меня пугающей реальности.

Когда я неохотно открыла глаза, комнату заливал солнечный свет. Такой яркий, ослепляющий даже, что не сразу осознала: комната — моя собственная.

Зажмурившись, я медленно досчитала до десяти и, боясь, что все исчезнет, приподняла ресницы.

Не исчезло. Ни неровно задернутая занавеска, ни упавшая на коврик да так там и забытая недочитанная книга...

Рывком сев на постели, я ошеломленно вертела головой, рассматривая до мелочей знакомую обстановку. Сон. Значит, это действительно было всего лишь сном! Безумным, страшным и невероятно глупым!

Я длинно выдохнула и закрыла лицо руками. И только тогда поняла, что плачу. Засмеялась, отерла щеки... и вздрогнула от легкого стука в дверь.

— Вставай, соня!

Голос звучал бодро и настойчиво. Знакомо...

Мама?!

С кровати меня словно ветром сдуло. Распахнув дверь, я уставилась на невысокую женщину. Красивую, выглядящую гораздо моложе своих лет и сейчас как-то по-особенному счастливую. Такой я ее и не видела никогда. Даже на всех ее свадьбах. Кстати о них...

— Что ты здесь делаешь? — спросила я. — Ты же должна быть в свадебном путешествии!

— О чем ты? — слегка нахмурилась мама и коснулась прохладной ладонью моего лба, который, казалось, пылал. — Ты все еще

нездоровая? Так и знала, что нужно было оставить тебя в больнице, но вы с сестрой просто невыносимы... Она, между прочим, уже десять минут на улице ждет. Сказать, чтобы уезжала без тебя?

Ева? Ждет меня? Уже и не помню, когда мы вместе куда-то ходили... Впрочем, о том, что вообще куда-либо собирались, тоже не помню. А голова действительно болит. Слишком нехорошим и тяжелым был сон, до сих пор не отпустил. Один в один болотная трясина.

— Я здорова, — через силу улыбнулась я. — Сейчас оденусь...

Помню или не помню, не важно. Нужно выйти, проветриться, избавиться от ощущения, что я все-таки завязла в болоте. Встряхнуться.

Спешно приведя себя в порядок и натянув первое попавшееся платье, махнула маме рукой и открыла входную дверь. Вот только увидела вовсе не лестничную площадку, а просторную комнату с высокими потолками и темными деревянными стенами, украшенными резьбой. И тянулась через нее красная с золотыми узорами дорожка, так и маня ступить на нее.

Я и ступила, совсем не удивившись ни легким тканевым туфелькам, оказавшимся на моих ногах, ни расшитому серебром белоснежному наряду, сменившему мое простое платье. Я шагала по дорожке, словно зачарованная, и до боли в глазах смотрела вперед, где, заложив руки за спину, стоял высокий мужчина. В льющемся словно отовсюду ярком свете его одежда пламенела всеми оттенками красного. Черные волосы свободно спускались до перехваченной широким поясом талии, черные же глаза на аристократически бледном лице с идеальными чертами казались бездонными. И я шла, замороженная ими, словно летящий на свет мотылек, и не могла ни остановиться, ни повернуть назад.

— Так вот ты какая, — улыбнулся мужчина, протягивая руку. Показавшаяся из-под длинного широкого рукава кисть была бела, изящна и хрупка. Обманчиво хрупка, откуда-то я точно об этом знала. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Как же долго я тебя ждал...

Мне оставалось сделать всего пару шагов. А если протянуть ладонь, то прямо сейчас коснусь длинных тонких пальцев, унизанных кольцами. Если протянуть ладонь...

Я замерла. Не отводя взгляда, медленно подняла руку. И тут же опустила ее, потому как из ниоткуда раздался голос:

«Ничего не делай, ничего не трогай, ни с кем не разговаривай».

— Ну же, — нетерпеливо подался вперед мужчина, который, кажется, ничего не слышал, — иди сюда!

«Совсем глупая, да?» — зло перебил его тот же голос:

— Я жду!

«Чем ярче существо или растение, тем оно опаснее», — сердито напомнили мне.

— Пожалуйста, — почти умоляюще произнес мужчина, и я дрогнула было, но резкий оклик привел меня в чувство.

«Ана!»

Йонто. Это же его голос. А этот мужчина в красном — шэт-шан. Тот самый, которого я видела в лагере торговцев. Зачем ему я? Что здесь вообще происходит?!

И я отступила. Шаг, другой... И, когда шэт-шан потянулся за мной, словно куда-то провалилась, нырнула с головой...

И вынырнула в знакомой светлой комнатке, насквозь пропахшей травами.

Канро стоял посреди зала, устремив застывший взгляд в пустоту.

Он видел ее. Только что она была так близко... и так далеко!

Молодая. Невысокая. С длинными русыми волосами, отливающими солнечной рыжиной, с бледной нежной кожей, с серыми, сияющими, будто драгоценный лунный жемчуг, удивленно распахнутыми глазами, в которых шэт-шан ясно видел свое отражение, а еще — звезды иного мира.

Тонкая. Хрупкая в этом многослойном белоснежном одеянии. Оно было частью созданной амантитовым браслетом иллюзии, как и само появление девушки здесь. И, пожалуй, ни о чем Канро не сожалел так остро, как о том, что иллюзия не стала реальностью. Не хватило всего одного шага, который должна была сделать она. Всего одного прикосновения, позволившего бы владельцу перенести ее сюда, где бы она ни находилась. Он не мог переступить невидимую границу, не нарушив чар, а она... Она оказалась слишком сильной, чтобы безоговорочно поддаться его зову. И это одновременно и огорчало шэт-шана, и безмерно радовало.

Заметив улыбку на губах Канро, вздохнул с облегчением затаившийся в тених Агрийо, успевший мысленно попрощаться с собственной головой.

Да, план провалился, и владетель вновь остался с пустыми руками. Но...

Теперь он был абсолютно уверен в том, что она существует. Более того — знал, как она выглядит. И ничуть не сомневался, что скоро она окажется во дворце, в полной его, Канро, власти.

Сердце колотилось. Руки дрожали. Рубашка противно липла к спине. Но на душе было легко, будто случилось что-то хорошее.

Или же не случилось плохое.

Я отбросила одеяло и осторожно села. Наверное, приснилось что-то. Не помню... И что вчера было, тоже. Последнее, что помню, — как выпила лекарство. А вот как до лежанки дошла, как уснула, — нет.

Хорошее средство, надо бы попросить у Мирины про запас. Мало того что спокойный сон подарило, так еще и усталость сняло, и от боли в натруженных за предыдущий день мышцах избавило.

Вспомнив об ученице лекарки, я припомнила и принесенную ею вчера корзинку и почувствовала голод. Надеюсь, там что-нибудь осталось... Штору я открывала с осторожностью, но в комнате никого не оказалось. Первым делом шмыгнула в умывальную, привела себя в порядок, и, лишь выйдя оттуда, осмотрелась. Вожделенная корзинка по-прежнему стояла на столе, но не успела я и шага сделать, как в дом вошел Йонто.

— Держи, — буркнул он вместо пожелания доброго утра, бросил на пол похожую на мешок сумку и вышел, не удосужившись объяснить, чего именно я должна держать и насколько оно опасно.

Ужас. Я в этом мире всего ничего, а уже научилась бояться собственной тени. В мешок я заглянула, пусть и не без опаски. И даже растрогалась от неожиданной заботы.

Он принес мне одежду. И не одно разнесчастное платье! Было из чего выбрать. Я предпочла светло-серое, самое скромное и закрытое, хоть и явно облегающее, без всяческих шнуровок, разрезов, с милой вышивкой по вороту и подолу. Длинное, правда, слишком, не особо удобно, но это дело привычки. Я завязала на талии расшитый бисером поясик и вышла из комнаты.

Йонто сидел на крыльце и сосредоточенно полировал свой кинжал. На скрип двери он внимания не обратил. Пришлось кашлянуть, чтобы парень соизволил-таки обернуться. Правда, я даже рта раскрыть не успела, как он столь же резко отвернулся. И кинжал зачем-то к груди прижал. Испугался, что отберу?

— Доброе утро, — сказала я. — И спасибо за одежду.

— Угу, — буркнули в ответ.

Я, придерживая подол, спустилась со ступенек. Парень крутанулся на месте и почти уперся носом в стену, вновь явив растрепанный затылок.

— Йонто, — ласково позвала я, — а чего это ты так странно себя ведешь? Платье не нравится? Тогда незачем было его приносить!

— Ты не могла бы одеться? — не особо вежливым тоном попросил он.

— Я вообще-то одета, — удивилась я.

— Вообще-то нет. Это нижнее, — ткнувшись-таки лбом в стену, сообщили мне.

— Что? — не поняла я.

— Платье. Нижнее, — расщедрился на объяснения он. — Ты сейчас не совсем одета.

Я растерялась от неожиданности. Вот этот скромнейший наряд? Но тогда получается, что...

— Это что же, значит, ты принес не несколько платьев, а одно?! — в надежде на отрицательный ответ спросила я. Наивная!

— По-моему, все-таки два, — спокойно подтвердил худшие опасения Йонто. — Тебя не затруднит закончить облачение?

Я припомнила ворох тряпок, почувствовала приближающуюся панику и решительно заявила:

— Еще как затруднит! Да этакое издевательство и в кошмарах не приснится! Вы бы хоть ставили порядковые номера на эти тряпки, чтоб бедным женщинам не пришлось ломать голову, соображая, что за чем надевать!

— Ну чего ты кричишь? Как будто это я придумал, — фыркнул Йонто, все так же избегая на меня смотреть.

Кошмар. Да у нас в этом наряде и монахиня смогла бы ходить!

Признав, что самостоятельно не справлюсь, я дернула его за рукав и потащила в дом. Вернее, попыталась.

— Ты чего?! — возмутился Йонто.

— Ничего, — пропыхтела, пытаясь сдвинуть упершегося бара... то есть парня с места. Куда там, намертво врос! — Поможешь мне с этим... облачением. Иначе, клянусь, на улицу выйду «не совсем одетой», — пригрозила я, и дело, то есть тело, тут же сдвинулось с мертвой точки.

В комнате пришлось зайти за штору, иначе оказавшийся стыдливым, аки невинная девица в мужской бане, Йонто отказывался выполнять обязанности камеристки. А без него мне бы действительно пришлось туго! С ним, впрочем, тоже.

Уже полюбившееся платьице пришлось снять, ибо Йонто настоял на другом наряде.

— Лучше это, — проворчал он, подав темно-серые брюки, но радость моя была недолгой, ибо их полагалось надевать вместе с длинной полупрозрачной белой блузкой, не менее длинной, похожей на корсет безрукавкой под цвет брюк и верхним ярко-синим платьем с разрезами, благополучно всю эту красоту скрывающим.

Я худо-бедно разобралась еще с двумя слоями одежды, а на третьем прочно застряла. Со шнуровкой на груди я сладила быстро, а вот из-за завязок на спине, расположенных так неудобно, что все попытки справиться самостоятельно с треском — моих несчастных суставов, подозреваю, — провалились.

Пришлось идти на крайние меры. То есть на Йонто. А вот улыбаться, наверное, не стоило, бедняга едва вместе с дверью не выломился...

— Да стой ты! — в сердцах топнула ногой я. — На мне столько одежды, что считать меня раздетой может только полный псих! Завяжи эту жуть на спине, пожалуйста!

— Ты эту жуть задом наперед надела, — с тяжким вздохом подсказал Йонто.

Ой. То-то я чувствовала неладное! Пришлось переодевать. А потом терпеливо ждать, когда он справится со шнуровкой.

Местная мода была жестока и беспощадна, но в целом результат смотрелся неплохо. Хотя костюмчик, конечно, странный... Если не знать, в жизни не догадаешься, что под ворохом тряпок есть брюки!

— И все-таки они существуют, — пробормотала я, делая широкий шаг и убеждаясь, что одежда не стесняет движений и вообще удобнее,

чем могло бы показаться.

— Спасибо, — неловко поблагодарила я Йонто, с несчастным видом примостившегося на краешке сундука.

— Там было что-то ценное? В твоей сумке? — неожиданно спросил он.

Старенький плеер, смартфон, кое-что из косметики... Да и сама сумка хороша: удобная, вместительная, а главное, сестрой и сшитая, и вышитая — таких очаровательных совушек точно ни у кого больше не было. Жалко.

— Да, — уверенно кивнула я и вздохнула.

Толку-то вспоминать. Возможно, именно в эту минуту рогатый рисует себе боевую раскраску моим любимым блеском для губ. Чтоб у него аллергия началась! Но больше всего я сожалела об очках. Здесь есть на что посмотреть, и я вынуждена постоянно щуриться. Привет, морщинки, наша встреча не за горами.

— Давай завтракать, — без перехода заявил Йонто и первым сел за стол. Прямо на пол.

Потрясенная крутыми виражами его мыслей, я тихонечко пристроилась рядом, наблюдая, как из корзинки появляется еда. Завернутый в холстину хлеб, головка сыра, большая фляга и пузатый горшочек с кашей, напоминающей пшенную. Йонто достал с одной из полок пару мисок и ложек и честно поделил кашу, отчего я загрустила и решительно отложила чуть ли не половину своей щедрой порции в его миску. Я, конечно, голодна, но сомневаюсь, что в меня влезет больше положенного! А в Йонто точно влезет, он длинный, хоть и тощий. Может, после еды подобреет немного, а то вон какой хмурый, прямо как грозовая туча.

— Мне двадцать шесть, — негромко сказал он, не торопясь приступить к еде.

Я едва кашей не подавилась. Вроде бы про возраст я только думала, но не спрашивала. Или не только?

— К чему это ты? — вскинула на Йонто удивленные глаза.

— Да так, — усмехнулся он. — Вдруг пригодится.

Я заставила себя набрать полную ложку каши и спокойно ее проглотить. Не может же он читать мысли? Ведь не может же, да?

Пока я мучилась подозрениями, Йонто справился со своей порцией и, поднявшись, сказал:

— Собирайся.

— Куда? — опешила я.

— Пойдешь со мной, — коротко ответил он.

— Зачем? — удивилась я. — Ты же сам сказал, что мне лучше остаться...

— Хочешь этого?

Я задумчиво прикусила край деревянной ложки. Здесь спокойно. Уютно. Можно спрятаться, переждать, получить помощь. Но... Остаться не хотелось.

— Собирайся, — повторил Йонто, будто и в самом деле подслушав мои мысли. — Чем раньше уйдем, тем лучше.

Он вышел, а я вскочила на ноги и растерянно осмотрела комнатку. Чего мне собираться-то? Разве что второе платье захватить, пригодится, но то дело пары минут. Да еще прибраться не мешало бы, нехорошо это, беспорядок после себя оставлять. Я быстро сполоснула в умывальной миски с ложками и положила их на место. Нерешительно постояла возле старой своей одежды, но так и не придумала, куда ее деть. Аккуратно свернула и придвинула к стеночке. Хозяева выбросят. Единственное, забрала из кармана безрукавки затвердевшие искры, слишком уж жалко было с ними расставаться.

Вот и все. Я поправила непривычный наряд, стянула волосы в хвост — опять же придерется, лучше упредить, — подхватила мешок и шагнула за порог гостеприимного дома.

А за порогом меня ждали туфли. Не такие красивые, как у Мирины, но легкие и удобные, и, самое главное, почти по размеру. Чуть великоваты оказались, но я и этому была рада — не придется идти в носках, которые Йонто принес вместе с платьями, и вновь терзать зажившие за ночь ноги. После прогулки босиком вообще становишься удивительно непривередливым.

День выдался хмурым, и, сбежав с крылечка, я посмотрела на небо. Фиолетовое. Такое красивое, манящее. И захотелось вдруг, чтобы пошел дождь. Я бы просто стояла, закрыв глаза и подставив лицо крупным каплям... Замечтавшись, я вздрогнула, когда меня тронули за плечо, возвращая с небес на землю.

— Возьми, — сказала Мирина, протягивая большой мешок с широкой лямкой — местный аналог чемодана, не иначе. — Я собрала

тебе кое-какие вещи. Здесь одежда, гребень, кое-что по мелочи, сама глянешь. Еще немного еды и лекарства для этого негодника.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я и тут же засунула меньший мешок в большой. Так будет удобнее. Наверное.

— А ты, — повернулась лекарка к Йонто, — будь добр, побереги себя. И никаких трои, пока полностью не поправишься, слышишь? В конце концов, теперь ты не только за себя отвечаешь.

— Угу, — небрежно кивнул он и бросил на нее строгий взгляд: — Помни, ни слова о нас, кто бы ни спрашивал.

— Никогда не страдала излишней болтливостью, — обиженно поджала губы Мирина.

Кто бы мог о нас расспрашивать? Да меня никто в целом мире не знает! У Йонто точно паранойя. Интересно, здесь водятся психиатры?

Он ничего не ответил. Набросил на меня невесть откуда взявшийся длинный плащ с капюшоном, отобрал сумку и зашагал по тропке.

— Эй! — невольно воскликнула я.

— Идем, — сухо обронил Йонто, перекидывая лямку через плечо.

И я пошла. Что еще оставалось делать? Сама выбрала. И пока не испытывала ни малейшего сожаления. Впрочем, как и уверенности, что не испытаю его впредь.

ГЛАВА 9

Шли мы другой дорогой, но по сторонам по-прежнему тянулись фруктовые сады. Шелестели на едва ощутимом ветерке листья, покачивались темно-вишневые плоды. Мне очень хотелось сорвать один, но я все никак не могла решиться. Йонто шагал впереди, тихий и мрачный, и злить его еще больше не стоило. А когда он вдруг обернулся, я вздрогнула и насторожилась. Опять что-то не так? Но ведь я ничего сделать не успела!

— Хочешь? — указал Йонто на дерево.

С изумлением я справилась быстро. Надо же, нотации Мирины его все-таки проняли! Или то подзатыльник помог? Чудодейственное средство, однако!

— Хочу, — кивнула я.

Конечно, завтрак был совсем недавно, но кто может поручиться, что будет обед? К тому же интересно, каковы на вкус иномирные фрукты. Каша, к примеру, оказалась очень даже земной.

Йонто на ходу сорвал и протянул мне крупный сочный плод, в который я тотчас же впилась зубами.

— Хоть бы спросила, не ядовитое ли, — укорил Йонто.

— А ты дал бы мне ядовитое? — удивилась я, откусывая еще один кусочек. Ни на что не похоже. И сладко, и кисло одновременно.

— Наивное создание, — проворчал он, и я предпочла пропустить это мимо ушей.

— Сорви еще, пожалуйста, — расправившись с фруктом, дернула Йонто за рукав я.

— Потрясающий аппетит, — то ли восхитился, то ли ужаснулся он, но просьбу выполнил и протянул целых два плода.

— У меня стресс, — оправдалась я, вцепившись в добычу.

— Что? — непонимающе нахмурился Йонто.

— Сильное душевное волнение, — вспомнила я слова Мирины. — Очень сильное.

— А яблоки тебя успокаивают? — недоверчиво уточнил он.

Яблоки? Вот это вот? Ну не знаю... Хотя если здесь есть странные козлята, то почему бы не быть странным яблокам?

— Еще как успокаивают, — кивнула я и окликнула ломанувшегося к деревьям — яблоням? — Йонто: — Эй, ты чего делаешь?

— Запасаюсь успокоительным, — ответил он, сосредоточенно срывая и складывая плод за плодом в мешок.

Я растерянно наблюдала за незаконным сбором урожая и пыталась понять, что это: трогательное проявление заботы или же жирный такой намек, что стрессам в моей жизни теперь конца и края не будет?

Она плакала ночью. Очень тихо, но Йонто слышал даже через дверь. И чуть эту самую дверь не вынес, испугавшись... чего? Кто или что могло проникнуть в дом, пройдя мимо него незамеченным? Только дурной сон. А с дурными снами он и сам справляться не умел. Не умел, но и просто так уйти не смог. Тщетно попробовав разбудить Ану, не придумал ничего лучше, как взять ее за руку и сидеть рядом до тех пор, пока она не успокоилась. Хорошо еще, не проснулась — было бы трудно объяснить, какое ему дело до чужих кошмаров. Он и себе-то это не объяснил.

А сейчас она шла, осматривалась с детским любопытством и улыбалась, словно и не было ночных слез. Признаться, Йонто не особо рассчитывал, что она согласится пойти с ним. Даже заранее подобрал парочку доводов повесомее, в силу которых, правда, тоже не верил. Но все оказалось гораздо проще. И одновременно — запутаннее. Потому как дальше пункта «забрать девчонку с собой» плана не существовало.

В который уже раз за столь недолгое знакомство Ана ставила его в тупик. Или же он сам, привыкший все усложнять и всех подозревать, забредал туда раз за разом? Хоть бы спросила, куда и зачем они идут. Почему он передумал оставлять ее у лекарки, в конце-то концов!

Если она действительно из другого мира, то все ли там подобны ей? Или она одна такая?

— Даже не спросишь, куда мы идем? — не выдержал он.

— А какая разница? — беспечно отозвалась Ана, вертя в руках успокоительное яблоко. Яблоко этих Йонто набрал с запасом. Просто так, на всякий случай. — Мне все равно некуда идти.

И в самом деле некуда, но...

— И ты совсем не боишься? — не поверил он.

Ана помолчала, старательно глядя под ноги, и мотнула головой:

— Нет. Сейчас нет, — уточнила, нахмурившись. — А вообще-то мне очень страшно.

— Да уж вижу, — хмыкнул он, но с продолжением разговора не сложилось: из высокой травы на тропинку выползло нечто толстенькое, серое и мохнатое.

Нет, Ана не завизжала, как бы сделала любая нормальная девушка. Она упала перед испуганно замершим дорком на колени, восторженно воскликнув:

— О, какая прелесть! — протянула руку, но, опомнившись, спросила: — Можно?

— Можно, — разрешил Йонто, и несчастная зверушка была поймана и очень ласково затискана. — Сколько тебе, говоришь, лет? — задумчиво спросил он, подозревая, что лет десять к своему возрасту она точно прибавила.

— Я не говорила. — Ана с сожалением позволила ошалевшему от непривычных нежностей дорку скрыться в траве. — И вообще, у женщин такое спрашивать неприлично!

— Почему? — озадачился Йонто.

— Не знаю, — растерялась она.

— Я бы очень удивился, если бы ты знала, — вздохнул он и насторожился, прислушиваясь.

Шаги были легкими, но решительными. Быстрыми. И, возможно, не несли опасности, но Йонто предпочел перестраховаться.

Он потянул все еще сидевшую на тропке Ану вверх и одновременно надел ей на голову капюшон, а на попытку избавиться от него раздраженно шикнул:

— Тихо! Нам не надо привлекать внимание. От меня не отходи, капюшон не снимай, молчи, даже если кто-то к тебе обратится.

— Что за шпионские игры, — фыркнула она едва слышно, но в серых глазах мелькнула тень страха.

Пугать он ее не собирался, но и ободрить не успел — услышавшая шелест травы Ана развернулась, придерживая норовящий сползти на нос капюшон.

— Йо-о-онто! — пропела запыхавшаяся и покрасневшая девушка, остановившись в паре шагов от них. Она убрала от лица светлую прядь, выбившуюся из длинной толстой косы, провела

ладонью по темно-розовой юбке и предвкушающе улыбнулась: — Уже уходишь? Даже не поздоровавшись? Вполне в твоём духе!

Вот кого бы он хотел увидеть в последнюю очередь... Но Небесам до его желаний, как обычно, не было никакого дела. Оставалось лишь схватить Ану за руку и продолжить путь.

Не вышло.

— Твоя подружка? — шустро заступила дорогу Дила. И вытянула шею, заглядывая ему за спину, где подозрительно притихла Ана. — Она знает, что ты из себя представляешь?

Он так же молча, не выпуская теплой ладони, шагнул в сторону, намереваясь обойти болтливое препятствие. Дила повторила его маневр.

— Вряд ли знает, иначе бы давно уже сбежала! — не унималась она. — Хотя, может, у нее и выбора-то нет... Чего это она личико прячет? Страшна, как твари Грани? За два года твой вкус испортился? Или ты настолько отчаялся? Такая, как я, и не посмотрит на тебя, вот и подбираешь всякое непотребство?

В груди привычно пекло от горечи и злости, но он снова промолчал. Пусть. Выплеснет яд и уйдет.

Лишь бы вместе с ней не ушла и Ана.

Он сдержался, не обернулся. И вздрогнул, когда она высвободила свою ладонь из его... Лишь для того, чтобы встать перед ним, оттеснив немало удивленную этим Дилу.

— А ты, собственно, кто такая? — строго спросила Ана.

А капюшон не сняла. Умница. Если бы и остальную часть его просьбы мимо ушей не пропустила — совсем бы замечательно было!

— Спроси у своего дружка! — презрительно скривилась Дила. — Хотя он не ответит. Хочешь, расскажу?

Йонто напрягся. Что, если действительно расскажет? Но вмешиваться не стал. Когда-то он поклялся, что и словом больше с этой девицей не обмолвится, а клятвы срока годности не имеют и от обстоятельств не зависят.

— Хочу, чтобы ты убралась с дороги, — осадил ее Ана таким тоном, что даже его пробрало. — Терпеть не могу сплетников. И да, ты же так интересовалась... Может, я и страшная, но ты гораздо страшнее, уж извини. И никакие косметические ухищрения тебя не

спасут. И пластика тоже. Даже хирургия бессильна исправить такую мелкую и злобную душонку!

С этими непонятными словами она сделала шаг, и Дила отшатнулась, едва не запутавшись в юбках. И, пока та хватала ртом воздух, Ана вцепилась в рукав Йонто и потащила его вперед с такой скоростью, что он едва поспевал за ней. Спешить было незачем, Дила и не думала их преследовать, но сейчас он бы не отважился спорить с Анной. Да и не хотелось, если совсем уж честно.

— Вот ведь стерва! — возмущенно пыхтела она. — Язык что жало, оторвать да выбросить! А ты! Почему ты ничего не сделал?!

Они остановились, и тонкий пальчик обвинительно уперся в грудь Йонто.

— Надо было с ней подраться? — растерялся он.

— Нет конечно же, — убавила пыл Ана. — Но ты мог бы ей ответить... Ну вот чего ты улыбаешься, а?! — вновь вспыхнула она.

— Я не... — А ведь и в самом деле улыбается. И в груди уже почти не жгло. И дышать можно было нормально. — Что, даже ничего не спросишь? — не выдержал он.

— Это не мое дело, — передернула плечами она, и капюшон тут же сполз на нос.

Ана смешно зашипела, высвобождаясь, и вновь пришлось стирать с губ непрошеную улыбку.

— А вдруг твое? — возразил он. — Ты же ничего обо мне не знаешь! Кто я, чем занимаюсь... Вдруг я опасен?

— Вот уж нет, — фыркнула она. — Захочешь — сам все расскажешь. Тебе я верю. Этой мымре — ни капли.

От таких откровений Йонто замер. И пришел в себя только тогда, когда перед ним оказалось яблоко.

— У тебя стресс, — сочувственно сказала Ана. — Тебе необходимо успокоительное. Ешь!

Он взял яблоко и даже куснул за сочный бок, скривился и хотел было выбросить, но наткнулся на строгий взгляд и передумал.

Может, яблоки и в самом деле успокаивают, а ему сейчас это точно не помешает.

Будучи человеком спокойным, в конфликты я обычно не вступала, чаще предпочитая промолчать, чем ответить, но тут просто не

выдержала. Хватило одного взгляда на Йонто, на его словно закаменевшее лицо, чтобы все мое миролюбие бесследно испарилось. Если бы та белобрысая зараза полезла в драку — убежать бы не стала. Красавица, черт бы ее побрал. Насквозь фальшивая. И Йонто хорош! Нет, драться с ней, конечно, не стоило, но и покорно сносить все гадости — тоже так себе идея.

Сейчас он шел рядом, задумчиво грыз яблоко и уже не выглядел беззащитным и потерянным, а из глаз ушло столь напугавшее меня выражение. Я так и не поняла, что это было, но увидеть подобное еще раз совершенно точно не хотела.

Он спросил, не боюсь ли я. А я не сумела объяснить, что мне невероятно страшно. Чужой мир, жизнь, превратившаяся в запутанный сон, полная неопределенность... Да, я боюсь. Но не тогда, когда он рядом.

Ну вот как такое вслух сказать? Я и сама-то от себя в шоке.

Кажется, этот мир странно на меня действует. Очень странно.

Или не мир вовсе, а один конкретный лохматый и полный загадок парень?

Пока я уныло размышляла о собственном нелогичном поведении, противоречивых эмоциях и не поддающихся контролю чувствах, мы добрались до лесной опушки. Но далеко продвинуться не удалось...

Треск ломающихся веток я услышала уже после того, как оказалась за спиной Йонто. И только потом увидела четверых мужчин самого что ни на есть разбойного вида. Особенно меня поразило сочетание длинных, заплетенных в косы волос и небритых физиономий. Ну это конечно же если не считать здоровенных кинжалов, направленных в нашу сторону...

— Шли бы вы дальше, добрые люди, — посоветовал Йонто обманчиво ленивым тоном.

Я бы на их месте не то что пошла — побежала бы. Но то я. Люди, которые на поверку оказались совсем не добрыми, предупреждению не вняли и, опустив приветственные речи, дружно рванули вперед. Йонто, скинув на землю мешок, шагнул им навстречу, а я испуганно застыла, не зная, что предпринять. В таких драках я никогда в жизни не участвовала. Я вообще ни в каких драках не участвовала! Прекрасно сознавая, что толку от меня все равно не будет, прижалась спиной к огромному дереву и во все глаза наблюдала, как ловко Йонто крутится

по полянке, уходя от ударов и не позволяя разбойникам вспомнить обо мне. Каждый раз, когда он бросался на очередного противника, сердце замирало — и пускалось в галоп, когда я понимала, что все обошлось.

Пока что обошлось.

Наверное, на самом деле прошло не больше нескольких минут, но для меня время превратилось в тягучую карамель. Все, что я видела, — худощавую фигуру, чудом уворачивающуюся от смертоносных росчерков стали. Все, что слышала, — грохот собственного сердца, готового выпрыгнуть из груди. На миг в глазах потемнело, а когда пелена спала, двое разбойников мирно лежали на травке, Йонто отражал атаки третьего, а четвертый, отойдя в сторону, готовился метнуть кинжал.

Вот тут-то оцепенение с меня и слетело. Подхватив ветку, удачно оказавшуюся достаточно толстой и увесистой, я подскочила к злодею и без малейшего проблеска сочувствия опустила импровизированную дубинку ему на голову, благо что ростом, в отличие от бесчестности, природа разбойника не наградила. Удар получился что надо — даже не пикнув, мужчина осел к моим ногам.

Я потрясенно уставилась на него и не заметила, как Йонто справился с последним противником.

— Испугалась? — подобрав мешок, обеспокоенно спросил он.

— Н-нет, — мотнула я головой, не отводя взгляда от собственноручно успокоенного разбойника.

Не то чтобы сожалела о содеянном, но... Раньше как-то не доводилось вырубать кого бы то ни было. И не скажу, что новый опыт привел в восторг.

— Вот и умница, — подозрительно ласково улыбнулся Йонто и накрыл мои ладони своей. — Тогда выкинь уже эту деревяшку, пока сама не поранилась.

Я с трудом разжала пальцы. Левая ладонь противно заныла — все-таки ссадила о похожую на каменные наросты кору.

Ветка шлепнулась рядом с телом. Тело шевельнулось и невнятно застонало...

— Иди сюда, — протянул руку Йонто, и я без раздумий ее приняла. И лишь когда он прижал меня к себе, осознала, что он задумал, и протестующе выдохнула:

— Стой, тебе... — Запнулась, сраженная букетом ощущений, и беспомощно закончила: — ...нельзя.

Мы стояли на лесной полянке. На совершенно другой лесной полянке! А через миг Йонто осел на травку, уткнувшись в нее лицом.

— Мамочки... — прошелестела я, падая рядом.

— Не бойся, — глухо отозвался он, — все хорошо. Мне нужна минута...

— Тебе нужны мозги! — выпалила я, зло вытирая рукавом успевшие выступить слезы.

Нет, с ним мне никакие яблоки не помогут! Да и средство Мирины, подозреваю, тоже.

Минута превратилась в пять, а Йонто все не приходил в себя. Я начала беспокоиться. Вернее, паниковать, потому как беспокоиться сильнее было невозможно. Огляделась растерянно, заметила мешок, о котором уже забыла, и обрадовалась. Мирина ведь что-то о лекарствах говорила! Жаль, не расспросила лекарку, что и как нужно применять. И в мыслях не было, что это пригодится, да еще так скоро!

Я отыскала в недрах сумки мешочек поменьше, вытряхнула его содержимое на траву, и по ней рассыпался добрый десяток пузырьков. Парочка подкатилась к ногам, и отчего-то именно на них пал мой выбор. Одинаково пузатые, различались они лишь цветом содержимого. И какой нужен?

Я растерянно прикусила губу, переводя взгляд с одного на другой, и в итоге решила воспользоваться синим. Просто потому, что он приглянулся мне больше желтого.

Так себе обоснование, но другого не имелось.

С трудом перевернув Йонто на спину и устроив его голову на своих коленях, вытащила плотно притертую пробку и осторожно влила в него несколько капель снадобья.

Откуда-то пришло четкое понимание: больше не надо.

— Надеюсь, поможет... — прошептала я, с тревогой всматриваясь в бледное лицо Йонто.

Даже если пузырек не тот, не отравы же здесь. Хуже все равно не будет. Подожду немного и повторю то же самое с желтым. А если не сработает, придется и другие снадобья попробовать...

Но ждать не пришлось. Разве что самую малость. Веки парня дрогнули, и он открыл глаза.

— Очнулся! — с облегчением выдохнула я.

— Что за гадость ты мне дала? — вместо благодарности выдал Йонто, шустро — для только что находившегося в обмороке так даже чересчур — поднявшись.

— Понятия не имею, — ответила я, чувствуя, что ноги меня не удержат, а потому не торопясь вставать. — Но оно помогло. А ты... Э-э-э, ты чего?!

Вообще-то я планировала поругаться. И чтобы успокоиться — яблоки бы здесь не справились, — и чтобы у кое-кого отложились мысли, что рисковать здоровьем тупо и совсем не круто. Но Йонто до моих планов не было никакого дела, у него свои имелись. И касались они ошейника-переводчика, который он подхватил кончиками пальцев и разглядывал так, словно впервые видел.

— Не нравится мне все это, — пробормотал он, не обращая внимания на мое возмущение. — На тебе есть какие-либо украшения?

Не дожидаясь ответа, снял канш и чуть ли на зуб его не попробовал. Не знаю, чего искал, но, кажется, так и не нашел.

— Это явно не украшение, — проворчала я, когда он вернул ошейник. — А вот это — да.

Я подняла рукав, показывая подаренный гадалкой браслет, в который Йонто немедленно вцепился. Но снять, как я втайне надеялась, не сумел.

— Очень даже может быть, — повертев мою руку, кивнул он. — Теперь бы еще придумать, чем нейтрализовать...

Он сгреб рассыпавшиеся пузырьки Мирины в одну кучку и принялся задумчиво перебирать их, взбалтывая снадобья и всякий раз морщась.

— О! — обрадовалась я, увидев бутылочку с успокоительным, которую отчего-то не заметила раньше.

— О нет, — обреченно вздохнул Йонто, проследив за моим взглядом.

— Что? — не поняла я. — Отличная вещь! Гораздо лучше яблок. Пара глотков — и стресса как не бывало.

— Пара капель, — хмуро поправил он.

— Сомневаюсь, что такая дозировка поможет, — не согласилась я. — Вчера мне было хорошо...

— Зато мне — не очень.

— С чего бы это? — насторожилась я. Впервые в голову закралась мысль, а почему я, собственно, ничего не помню о том вечере?..

— Ни с чего, — уклонился от ответа Йонто и, отбросив очередной пузырек, с досадой выдохнул: — Боюсь, содержащейся здесь магии не хватит...

Так ему магия нужна?

— Это пойдет? — спросила я, вытащив из кармана и протягивая на раскрытой ладони частички Сверкающей.

— Где ты их взяла? — удивленно округлил глаза Йонто, став похожим на мультяшного совенка.

Ох, кажется, опять я сделала что-то не так... Но отступить поздно. Да и нужно ли?

— Собрала, — пожала плечами и добавила, упреждая вопросы: — Только не спрашивай как. Просто взяла с травы, и все. Так пойдет или нет?

— Лучше и не придумаешь, — ожил он и осторожно взял одну искорку. — Дай-ка шнурок.

Вытащив шнурок из волос, я отдала его Йонто. Он на диво ловко оплел искорку и повязал получившееся украшение на мое запястье, рядом с подозрительным браслетом.

— Зачем это? — с любопытством спросила я, чувствуя, как холодит кожу там, где ее касается искра.

— Не уверен, но, кажется, на тебе маячок. Нужно перебить сигнал...

— Какой еще маячок? — не поняла я и осторожно потрогала браслет. Так и знала, что он с подвохом! — И как ты собираешься чего-то там перебивать?

— У вас на Земле магии нет, верно? — тихо сказал Йонто, и прежде, чем осознала смысл вопроса, я кивнула:

— Верно.

Меня словно ледяной водой окатило. Я медленно подняла голову и со страхом посмотрела на Йонто. Он был серьезен и задумчив и вроде бы не злился, и при взгляде на него сжавший сердце ужас отступил.

— Давно... Давно ты знаешь? — отважилась спросить я.

— С этой ночи, — едва заметно усмехнулся он. — Под воздействием лекарства ты оказалась весьма разговорчивой. И

потрясающе откровенной.

Ой. Ой-ой-ой! Даже представить страшно, что я ему наговорила!

А потому представлять ничего не буду. И оправдываться — тоже. Совершенно не знаю, что и как говорить! И как вести себя. И...

— Дыши, — легко хлопнул меня по спине Йонто, и только тогда я поняла, что задержала дыхание.

Вдохнула полной грудью, закашлялась до слез... И тут же выпрямилась, с подозрением глядя на невозмутимого парня:

— И что теперь? Передумал мне помогать?

— А сейчас я что, по-твоему, делаю? — приподнял брови он.

Действительно. Все еще помогает. С собой вот взял.

Взял после того, как узнал правду. А ведь до этого без особых сожалений хотел у лекарки оставить.

— Ты поэтому меня забрал, да? — спросила тихо.

Почему-то хотелось плакать.

— Неужели тебя заинтересовали-таки мои мотивы? — хмыкнул Йонто. Я не ответила, и он быстро посерьезнел. — Слушай, я бы с легким сердцем оставил на попечении Мирины местную девушку, пусть и потерявшую память, но все же родившуюся и выросшую здесь. Ты — дело иное. Ты ничего не знаешь, для тебя каждый шаг полон опасности. К тому же этот маячок... Возможно, торговцы хотят тебя вернуть. И если с тобой что-то случится, это будет моя вина. Потому что, зная, в каком ты положении, я тебя оставил. Бросил. После того, как обещал помочь. Не думаешь, что с таким грузом на совести жить не особо приятно?

— Люди еще и не с таким живут, — возразила я.

Не то чтобы мне не понравилось объяснение. Нет, оно было простым, понятным и вполне соответствовало характеру Йонто, но... Я чувствовала, что он чего-то недоговаривает. Не врет, но умалчивает о чем-то... Может, и не настолько важно, чтобы придирааться и артачиться. И уж точно этого не следует делать в моем положении.

— И что же теперь? Вернуть тебя в деревню? — уловив мое настроение, нахмурился Йонто.

Я видела, что этот вариант ему не по душе, но знала, что, если пожелаю, он отведет меня обратно к лекарке, не попытавшись настоять на своем. И выбор был исключительно за мной.

Я прислушалась к себе. Волнение и какая-то совершенно глупая и нелепая обида улеглись, оставив четкое понимание: Йонто я по-прежнему доверяю. А большего и не нужно.

— Нет, — покачала я головой и наконец-то поднялась на ноги. — Я пойду с тобой.

Не знаю, насколько верным был мой выбор, но сделать его оказалось невероятно легко.

Йонто протянул мне яблоко и, пока я успокаивалась, сложил лекарства в мешок. Кивнул на едва заметную тропку и, пропустив меня вперед, пошел следом.

ГЛАВА 10

Полноправному владельцу Прайго не по чину вести беседы с подозрительными личностями, слишком много чести. Именно так — со всем возможным почтением конечно же — заявил Агрийо, и Канро не мог с этим не согласиться. А зря. Прояви он больше настойчивости — и не пришлось бы сейчас, скорчившись в три погибели у двери, подглядывать за докладом командира следопытов, и правда походившего на закоренелого разбойника.

Именно его отряд перехватил сигнал браслета, который сумел-таки активировать чующий свою вину за ночную неудачу Агрийо. И все бы сложилось просто замечательно, но эти недоумки умудрились испортить простейшее дело.

— Если бы не этот мальчишка... — мямлил командир, не поднимая глаз на мрачного звездочета.

— Какой еще мальчишка?! — вскипел Канро. Отринув все писанные и неписанные правила, он неизящно ввалился в комнату и вперился в побелевшего командира пылающим яростью взглядом.

Судя по рассыпавшимся по стенам и лицу следопыта отблескам, пылал он в самом прямом смысле слова.

— Отвечай, — прошипел Агрийо, ткнув застывшего командира в бок сухоньким кулаком.

— Ну... такой, — смешался мужчина. — Худой, длинный, глаза наглые, волосы во, — он мазнул ладонью по основанию шеи, — темные, лохматые...

Шэт-шан скрипнул зубами. Да под это описание добрая половина Прайго подходит!

— Болваны... — процедил он, чувствуя, как покалывает кончики пальцев. Истинная суть просилась на свободу. Ей тоже не нравилось происходящее. — Сколько вас было?

— Ч-четверо, мой господин! — пролепетал следопыт, запоздало согнувшись в поклоне.

— То есть, — зло прищурился Канро, и бликов стало гораздо больше, — четверо опытных воинов против одного-единственного мальчишки? Я правильно понял?

— Д-да, — выдавил из себя мужчина.

— А потом, — продолжал владетель тем же размеренным, до мурашек пробирающим гоном, — эти же опытные воины, способные выследить самую изворотливую добычу, попросту не смогли определить, куда он делся? Верно?

— В-верно, мой господин, — едва слышно повторил невезучий командир. А в следующее мгновение он сипел, не доставая ногами до пола, и цеплялся обеими руками за руку Канро, легко удерживающего несчастного за шею.

Силы в следопыте было немного. Шэт-шан даже не заметил, как осушил его до последней капли, и, брезгливо отбросив безжизненное тело, перевел тяжелый, все еще пылающий алым взор на Агрийю.

Да, силы было мало. А проснувшаяся жажда требовала большего.

Звездочет судорожно сглотнул и попятился. Уперся в стену и сполз по ней, молитвенно сложив руки на груди:

— Мой господин, прошу вас, придите в себя! Вы... вы теряете контроль!

Здесь и сейчас Канро не было никакого дела до контроля. Ему хотелось сбросить надоевшие оковы и наконец-то стать собой. В ушах барабанами стучала кровь, и кровавое же марево дрожало перед глазами, непостижимым образом делая мир ярче и четче.

Как долго он сдерживал себя! Как долго не позволял себе жить в полную силу!

Так почему бы не положить этому конец?

Канро шагнул к белому от ужаса звездочету. Он чувствовал силу, куда большую, нежели у обычного следопыта, сладкую, манящую... Наполнит ли она его? Не уйдет ли, словно вода сквозь раскаленный песок?

Он уже предвкушал, как чужая сила побежит по его венам, когда за спиной раздался полный недоумения возглас:

— Отец?!

Наваждение схлынуло.

Канро не обернулся. Неотрывно глядя на покрывшегося испариной Агрийю, коротко бросил:

— Исчезни!

Мальчишка бывал излишне упрям и даже откровенно глуп. Однако иногда соображал он неплохо. С тихим стуком захлопнулась

дверь, и полновластный владетель Прайго, коему было не по чину вести беседы с подозрительными личностями, а еще вытягивать силу собственных подданных, тяжело опустился на толстый ковер, рядом с мертвым следопытом.

Нет, жалости он по-прежнему не испытывал. Да и по старику, беззвучно возносящему хвалу Небесам и Великому предку, вряд ли бы скучал. Но то, что держать контроль становилось все труднее, пугало.

Пожалуй, у него осталось не так много времени, как он рассчитывал. Следовало поторопиться.

— Найди браслет, — приказал шэт-шан Агрийо. — Надеюсь, уж ты-то не уступишь какому-то мальчишке?

Звездочет неловко поднялся и, постоянно кланяясь, убрался прочь. Канро же, не обращая внимания на бездыханное тело, вытянулся на ковре и устало прикрыл глаза.

Безумный день. А ведь до вечера еще далеко...

По крайней мере, сегодня он уяснил одно: беглой частичке мира, которую он уже мнил своей, кто-то помогает. Кто-то, кого Канро и не подумает оставлять в живых, когда наконец-то найдет.

На развилке мы поменялись местами, и теперь первым шел Йонто. Я молча плелась за ним, соображая, как начать разговор. Я должна рассказать, как попала сюда. И спросить, не знает ли он, кто в силах мне помочь. Наглость конечно же, я ему и так задолжала и понятия не имела, как буду этот долг отдавать, но... Выбора не было.

Я здесь уже две ночи и полтора дня. Не так уж и долго. Меня могла хватить только Света, да и то не в ближайшее время — в периоды глобальной тоски и отвратного настроения я неделю не подходила к телефону. Иногда больше. Значит, паники мое исчезновение пока не вызвало. И надо бы постараться сделать так, чтобы никто даже не заметил, что я исчезала. В то, что вернусь, я верила. Не бывает входа без выхода. Главное, найти дверь.

Я споткнулась и налетела на Йонто. Проклятый капюшон вновь сполз почти до подбородка, но мне отчаянно не хотелось его поднимать. Это сделали за меня.

— Не хочешь поговорить? — откинув капюшон, спросил Йонто. Я неуверенно кивнула. — Тогда начни с начала, — предложил он и, осторожно сжав край моего рукава, потянул за собой. Благо что тропка

стала шире, и идти по ней вдвоем труда не составило. — Как раз дорогу скрасим. Что с тобой случилось?

Этот вопрос он уже задавал, и тогда я не сумела ответить. Зато сейчас ничто больше не мешало сказать правду.

Начать оказалось не так-то просто. Говорить о гадалке вообще было стыдно, но Йонто слушал внимательно, молча и серьезно, не перебивал, не хмыкал и не улыбался, и постепенно смущение ушло, и рассказ полился непринужденно. Словно я со Светой болтала. Даже о своих страхах, надеждах и сомнениях поведала, а когда закончила, тропка вывела нас на еще одну полянку.

— Я помогу тебе, — остановившись в двух шагах от образованной переплетенными ветвями арки, пообещал Йонто.

— Найдешь того, кто отправит меня домой? — встрепенулась я.

— Искать не придется, — усмехнулся он. — Шаная разбирается в магии. Давайждемся ее. Если сама не поможет, то посоветует, к кому обратиться. Ты согласна?

Я немного приуныла, но покорно кивнула. Не худший вариант. Надежда все-таки есть. Лучше действительно дожидаться знающего человека, чем носиться по чужому миру в поисках неизвестно кого.

— А что мне делать до этого? — осмелилась спросить я.

— Жить и ни о чем не тревожиться, — пожал плечами Йонто.

— Где? — спросила я. Пожалуй, стоило задать этот вопрос раньше, но... Так уж получилось, что по-настоящему он меня заинтересовал только сейчас.

— Да хотя бы здесь.

Меня подтолкнули в спину. На автомате пройдя пару шагов, я миновала живую арку... и восторженно замерла.

На небольшой полянке стоял дом, который мог принадлежать лишь сказочному лесному существу. Невысокий, сложенный из толстых замшелых бревен, с маленькими оконцами, с покатой, поросшей серебристо-голубым плющом крышей и уютным, потемневшим от времени крыльцом в три ступени. Рядом с крыльцом подпирала стену такая же древняя лавочка, а неподалеку под островерхим навесом спрятался выложенный серым камнем колодец. И нерушимой оградой стояли замкнувшие поляну в охранный круг деревья, мечтательно шелестя изумрудной и серебряной листвой, с которой то и дело срывались крохотные мерцающие искорки. Они

медленно кружились, словно в неведомом танце, и едва слышно звенели, наполняя воздух волшебством.

— О, — восхищенно выдохнула я, прижав руки к груди.

— Нравится? — искушающе шепнули на ухо, и я часто закивала. Да разве такое может не понравиться?! — Хочешь здесь жить?

— Хочу! — не задумываясь выпалила я и с сомнением покосилась на чем-то очень довольного Йонто: — А можно? В смысле, хозяин этой прелести... Он разрешит здесь остаться?

— Хозяин на удивление мил, добр и покладист, — хмыкнул Йонто, направляясь к крыльцу. И уже от него махнул рукой: — Ну чего застыла? Идем!

Я и пошла. И лишь у самой двери вновь остановилась:

— И все же нельзя так... без приглашения. Некрасиво.

— Ну раз тебе так нужны церемонии... — возвел глаза к небу Йонто и, широко распахнув дверь, отвесил поклон: — Ана, не согласишься ли ты стать моей гостьей?

— А... Это... — Кажется, дар речи решил сбежать. Но я его героически поймала. — Это твой дом?!

— Так удивлена, что он у меня есть? — усмехнулся «милый, добрый и покладистый» хозяин сказочной избушки.

— Да... То есть нет! — спохватилась я и смущенно отступила. — Послушай...

— Что еще? — нахмурился Йонто. — Вроде бы все церемонии соблюдены. Что не так?

— Ну... — Я виновато закусила губу. Нельзя обманывать и дальше. Не сейчас, когда мне хотят дать крышу над головой. — Насчет моего обещания... Ты уже знаешь, что в моем мире нет магии, и я не могу быть магом, не могу видеть потребности людей и находить сокровища... Я понятия не имею, что тебе нужно, просто сказала наугад, чтобы ты...

— Забудь, — оборвал путаные объяснения Йонто.

— Что? — растерялась я.

— Забудь, говорю. Это ты у нас наивное создание. А я с самого начала не особо поверил твоим словам. Не нервничай, я все понимаю, ты хотела выжить любой ценой. Но знаешь что... Жизнь — странная штука. И, возможно, ты и в самом деле мне поможешь.

— Но...

— Да ладно! — мученически простонал Йонто и, нетерпеливо схватив меня за руку, буквально перетащил через порог.

Я даже туфли снять не успела!

— Ну... вот, — буркнул он. — Добро пожаловать.

— Спасибо, — неуверенно отозвалась я и все-таки сбросила обувь.

Внутри оказалось просторно, чисто... и пусто. Традиционно низкий стол под окошком, большой сундук в углу и еще парочка поменьше рядом, несколько полок на стенах. И все. Даже пол не застелен половичками, как у гой же лекарки. Напротив входа — узкая дверца в умывальную, совсем крошечную, но меня порадовало само ее наличие. Справа — дверь раздвижная, украшенная резьбой, скрывающая еще одну комнату, чуть поменьше первой. С мебелью и прочими создающими уют мелочами там тоже было негусто: у стены лежал толстый, плетенный из чего-то мягкого и пружинящего длинный коврик, а на стене висел меч. В мечях я совершенно не разбиралась, более того, видела их лишь на картинках да в кино, но этот, на мой взгляд, был хорош. В строгих черных ножнах, с серебрёной рукоятью, смотрелся он весьма солидно. Трогать оружие благоразумно не стала, просто полюбовалась. Красиво, но не более. А вот действительно нужного — лежанки, не говоря уж о нормальной кровати, — нигде не наблюдалось.

В доме было хорошо.

Ходить по гладким теплым доскам оказалось приятно. Даже захотелось снять носки и проверить, каково ощущать их босыми ступнями. И пахло здесь свежим деревом, немного смолой и конечно же лесом. Я обошла обе комнаты, заглянула в умывальную, погладила кончиками пальцев резьбу на двери и не сдержала улыбки.

— Странная ты, — задумчиво протянул внимательно наблюдавший за мной Йонто.

— Почему это? — оглянулась на него я.

— Тебе и в самом деле понравился дом.

Понятнее не стало. Да и прозвучало как-то... обвиняюще, что ли.

— И?

— Понравилась древняя развалюха посреди леса, — обозначил-таки суть проблемы Йонто.

А, теперь ясно. Ну не всем же роскошные дворцы по душе. Что в этом странного?

— Тут красиво, — пожала плечами я и вновь коснулась манящих узоров. Подушечки пальцев пощекотало приятное тепло, которое тонкими лучиками дошло, казалось, до самого сердца. — И дом такой... сказочный.

И такой свой. Но этого говорить не стоит, Йонто и так на меня смотрит как на ненормальную. Того и гляди пожалеет, что связался. А уходить мне некуда. Да и не хочется.

— Мало кто такое оценит, — хмыкнул Йонто. — Та же Дила... — Он осекся, нахмурился, и я поняла, что речь о той самой девице, пытавшейся закатить скандал.

— Ты и ее сюда приводил? — прищурилась я.

Знаю, не мое дело, и вообще, нет у меня права задавать подобные вопросы... Но при одной только мысли, что слишком уж о себе возомнившая красотка видела это чудо, становилось неприятно.

— Зачем? — так искренне удивился Йонто, что от сердца сразу отлегло.

— Незачем, — согласилась я под непонимающим взглядом.

Да уж, пытаться это понять — гиблое дело. Сейчас я и сама себя не понимаю.

Кажется, не такой реакции он ожидал. Но я уже обозначила свою позицию. В его жизнь лезть не собираюсь. Захочет — расскажет. Не захочет — настаивать не буду.

Наверное, я и правда странная. Но с этим уже ничего не поделаешь. Никто не виноват, что на голову Йонто свалилась именно такая попаданка. Просто ему не повезло.

Бывает.

— А спать придется на полу? — с опаской спросила я.

Не слишком радужная перспектива. Может, я и странная, но не настолько. Хотя, если выбора нет... Привыкну.

А то и вовсе вернусь домой раньше, чем обзаведусь этой привычкой.

— Никогда не думал, что у меня будет кто-то жить, — смущенно отвел взгляд Йонто.

Он открыл сундук, вытащил оттуда свернутое лоскутное одеяло, аккуратно сложенное цветастое покрывало и похожую на валик

подушку. Прошел во вторую комнату и положил все это богатство на уже оцененный мною коврик.

Ага, а вот и постель. Насколько могу судить, единственная в этом доме.

— А... — растерялась я, не зная, как лучше сформулировать вопрос.

— А я что-нибудь придумаю, — уловил направление моих мыслей Йонто. — Будешь жить здесь. — Он окинул взглядом комнату и вновь смутился. Мило так, я даже залюбовалась. — С этим я тоже что-нибудь придумаю, — решил он.

— С чем? — не поняла я.

— Со всем, — туманно отозвался Йонто и вышел. Только для того, чтобы занести в теперь уже мою комнату мешок. — Располагайся, — предложил он. — Если нужно в умывальную, иди. Я пока осмотрюсь снаружи. Не бойся, здесь безопасно. И я буду рядом.

Последнее успокоило. Еще одна моя странность, которую я тоже сохраню в секрете.

Когда Йонто ушел, я заправила импровизированную постель и отметила, что получилось недурно. Разобрала подаренные Мириной вещи, среди которых оказалась как одежда, так и принадлежности для личной гигиены, и отправилась изучать умывальную.

А волшебные жар-камни не одна лекарка себе позволить может. Но тратить ценные штучки лишь на то, чтобы умыться, я не стала. Вода была только в одной бадье, но и того хватило. Ледяная... И к лучшему. Освежилась и кожа, и мысли. А еще водичка взбодрила, прогнала усталость, и захотелось сделать что-то полезное.

Ну не все же мне одни только неприятности приносить?

Охранки были в порядке. Йонто обошел и проверил все, заодно и подпитал, чтобы не вышли из строя в самый неподходящий момент. Правда, предназначенного для этого порошка осталось ничтожно мало, придется пополнить запасы. И о продуктах надо подумать, едва ли Ана оценит его привычку питаться раз в день, и то если вспомнит. А еще нужен сундук для ее вещей. Нормальная постель. И...

О чем он вообще? Она все равно здесь надолго не задержится. Скоро вернется Шаная, и они обязательно что-нибудь придумают. Но... отчего-то хотелось, чтобы до тех пор Ане было удобно.

И чтобы до нее никто не добрался. Будь то торговцы или же сам шэт-шан.

Следопыты, которых Ана приняла за обычных разбойников, могли работать на кого угодно. Будь Йонто в состоянии, проследил бы за ними и выяснил бы все наверняка. А так... оставалось лишь гадать. И маячок не навел на нужные мысли. В магии Йонто разбирался мало и не мог точно определить, что же им является: канш или браслет. В любом случае искра должна перебить сигнал, а без маячка найти здесь Ану будет очень сложно. Даже владельцу.

Зачем она торговцам? Если в ней и есть магия, то ничтожная капля — за все время никаких способностей не проявилось, что при их наличии было бы невозможно.

А что нужно шэт-шану? Сильные маги для таких, как он, — лакомый и вместе с тем редкий кусочек, но это опять-таки не про Ану.

Хотя... Она видела Сверкающую. Она собрала искры.

Сплошные загадки и противоречия. Вот уж поистине — дитя другого мира.

Впрочем, так ли важно, кому и зачем понадобилась Ана? В любом случае он должен отправить это излишне доверчивое чудо домой прежде, чем кто-либо до нее доберется.

От размышлений, по большей части пустопорожних, разболелась голова, но стоило Йонто выйти к дому, как они бесследно исчезли. Вместе со словами.

Ана тащила от колодца ведро, полное воды. Ну как тащила... Пыталась сдвинуть с места. Вцепившись в дужку обеими руками, упершись ногами в землю. Поддайся сейчас несговорчивая утварь — и Ану ею попросту накроет. Благо что ведро было большим. И тяжелым даже без воды. Ана, пожалуй, и то легче... Но ее это, кажется, совершенно не смущало.

Потрясающее упрямство.

Не понимая, а правда ли хочет знать ответ, Йонто все-таки осторожно спросил:

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь быть полезной, — пропыхтела она, не сдаваясь.

— И как успехи?

— Не очень, — с сожалением признала Ана. Отпустила-таки дужку, потеряла поясницу и вдруг просияла: — Но если наливать лишь

половину...

Йонто не дослушал. Оттеснил ее, подхватил ведро и понес его в дом.

— Я привел сюда не служанку, а гостью, так что хватит уже, — не поворачиваясь, бросил горестно вздохнувшей Ане.

Но успокаиваться она не желала. В итоге сошлись на том, что она наполняет ведра, а он — носит. С заговоренным колодезным воротом и ребенок бы сладил, так что проблем не возникло.

Вдвоем управились на удивление быстро. И она тут же нашла себе другое занятие...

— А где плита? — спросила, в который уже раз обводя скудную обстановку взглядом. И за обстановку эту до сих пор было... не то чтобы стыдно — неловко. — Ну... То, на чем можно готовить?

— Готовить? — нахмурился Йонто. — Я не готовлю. Покупаю уже приготовленное.

Мирина на еду не поскупилась, на первое время хватит.

— А если нужно что-то разогреть? Воду вскипятить? Для чая? Не жар-камень же в чашку бросать! — не унималась Ана.

Признаться, что ему и в голову не приходило что-либо разогревать, не говоря уж о распитии чаев, отчего-то не получилось. Пришлось откапывать со дна сундука плоскую круглую штуковину, которой он, кажется, так ни разу и не воспользовался. Ане она вроде бы понравилась. А вот отсутствие кучи разномастной посуды — не очень.

Скажи кто Йонто, что однажды он будет смущаться из-за такой ерунды, — не поверил бы.

Но Ана сдаваться, как он уже понял, не привыкла, и через полчаса на столе стояла разогретая каша и исходил ароматным паром горячий чай.

Правда, половину той каши пришлось выбросить, ибо непривычная к магическим штуковинам Ана ее сожгла. Хорошо еще не вместе с домом.

— Нужно просто приноровиться, — оптимистично заявила она, и Йонто ощутил смутную тревогу, от которой, впрочем, предпочел тотчас же избавиться.

Ничего, если она вдруг что и подожжет — он потушит.

Зато каша горячая. И чай.

И дома будто теплее стало.
Ради такого можно и рискнуть.

ГЛАВА 11

За пределами дворца бушевала гроза.

Время от времени стены содрогались от рокота грома, а световые шары потрескивали, отзываясь на творимое самой природой колдовство.

В приемном зале было светло, жарко илюдно. Шелестели расписные веера, разливаясь в воздухе тяжелые ароматы благовоний, смешанные с любопытством, незримым, но ощутимым. Сегодня на рассвете, лишь немного опередив грозу, прибыл шэт-шан Таныл, владетель соседнего Ранто. Канро его не звал, но и не принять не мог, а потому сидел сейчас на роскошном, обитом дорогими тканями, отделанном драгоценными камнями троне и мрачно созерцал почтительно склонившегося рыжего юнца, за спиной которого выстроилась внушительная свита. Пожалуй, во всем дворце народу меньше, чем этот паршивец изволил притащить с собой. Будь они обряжены в доспехи и вооружены, это можно было бы принять за вторжение — и с чистой совестью дать мальчишке по шее. Но, увы и ах, намерения он пока что выказывал исключительно мирные, и приходилось терпеть.

Таныл был ненамного старше Тайро, скучающего по правую руку шэт-шана, но вел себя не в пример увереннее. Наглее. И наглость эта была такого рода, что и при всем желании не придерешься.

Мальчишка вдохновенно толкал пространную речь о том, как он уважает соседа и как рад видеть его в добром здравии. Канро же мрачно размышлял о несовершенстве мира и о полосе невезения, в которую столь нелепо угодил. И о сероглазой девушке, ускользнувшей от него в последний момент, когда он уже чувствовал вкус победы.

Найти ее не получалось. Браслет не откликался, сколько Агрийо ни бился. Прошла неделя, и владетель уже был не так уверен в собственных возможностях, что невероятно злило. Еще и этот... мелкий шэт-шан. Стоит, сверкает нахальными глазищами, в каждом движении — вызов.

И не только в движении. В слова Таныл его очень даже неплохо облек. Красиво, цветисто, в меру колко. Но как же не вовремя!

Двор притих, ожидая ответа Канро. Юный наглец не особо старательно прятал торжествующую усмешку, и владетель понял, что просто обязан стереть ее с самодовольной физиономии. Но не успел и слова вымолвить, как из-за трона выступил другой юнец и, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, подошел почти вплотную к Танылу.

— Я приму твой вызов за отца! — пафосно изрек Тайро, и шэт-шан едва не застонал в голос от очередного приступа разочарования.

— Не лезь, — осадил он сына. — Я еще в состоянии отстаивать свою честь.

Тайро вспыхнул и отступил, покаянно склонив дурную голову.

— Так с кем из вас мне придется биться? — насмешливо изогнул бровь Таныл.

Он откровенно наслаждался происходящим, и винить его в этом было нельзя. Канро и сам бы высмеял подставившегося противника.

— Выбирай равного по силам, Таныл-шан, — проглотив вертящиеся на языке ругательства, великодушно предложил Канро.

Прекрасный шанс одуматься для рыжего мальчишки, вообразившего себя шэт-шаном.

— Тогда я выбираю тебя, Канро-шан, да будет Великий предок свидетелем моего почтения, — поклонился юнец, оказавшийся не только наглым, но и глупым.

— Я принимаю твой вызов, Таныл-шан, да будет Великий предок свидетелем моего почтения, — выдохнув, проговорил ритуальную фразу Канро.

Двор встрепенулся, заволновался, и зал наполнил гул голосов.

Через три недели их ждало редкое зрелище — поединок владетелей. На кону стояла сила и кусок спорных земель.

А еще — честь, которая дороже любой земли. И даже дороже силы.

Проблема заключалась в том, что силы у Канро не было. Неужто сопляк каким-то чудом о том пронюхал?..

Или же не чудом. Давно он не чистил дворец от соглядатаев.

Три недели. У него есть целых три недели, чтобы изменить ситуацию.

— Я найду тебя, — прикрыв глаза и отрешившись от царящего в зале оживления, едва слышно прошептал Канро. — Найду, где бы ты

ни была.

Всего-навсего три недели.

Что ж. Так даже интереснее.

Шэт-шан улыбнулся, и случайно поймавший эту улыбку Агрийо побледнел и поспешно отвел взгляд.

Неделя пролетела незаметно.

Первая ночевка на новом месте прошла без проблем. Может, было непривычно и не слишком удобно, но из-за усталости я этого не заметила — уснула сразу же, как легла, и даже снов не видела. Возможно, еще и благодаря успокоительному Мирины, которое Йонто, не доверяя мне, собственноручно отмерил в деревянный стаканчик.

А на следующий день в маленьком лесном домике начались перемены.

Утром Йонто принес ширму из скрепленных меж собой узких дощечек, расписанную диковинными цветами и птицами, яркую и легкую. Уточнять, где он ее раздобыл, я поостереглась. Наверняка опять ходил теневыми тропами... Ширмой я отгородила угол с постелью, тем самым поделив комнатку на спальню и крошечную гостиную, в которой очень скоро появились всякие не особо нужные, но уютные мелочи: полосатый коврик, резной сундук для вещей, низкий круглый столик и даже пара расшитых плоских подушек вместо стульев. Уместилось все с трудом. Йонто немного увлекся, но, кажется, ему нравилось, и я не возражала.

Он не выглядел больным, а значит, и тропами не злоупотреблял, как я того опасалась. Да и лекарства Мирины действовали. За тем, чтобы Йонто их принимал, я следила строго. Он долго не хотел рассказывать, как, когда и в какой дозировке принимать снадобья, но мне удалось его переупрямить. «Себя надо любить, себя надо беречь», — наставительно приговаривала я, наблюдая, как подневольный пациент, вздыхая и морщась, пьет очередные горькие капли. И, сдается мне, кривился он отнюдь не от капель...

Ничего. Главное, пациент, хоть и с трудом, лечению поддается, а значит, толк будет. А то, видите ли, не привык он о себе заботиться. Зато привык к тому, к чему не надо бы. Например, вспоминать о еде от случая к случаю или же спать на полу, потому что раздобыть еще одно

одеяло он забыл, а пол очень даже удобный... Благо зимы здесь нет, иначе, подозреваю, он привык бы и в промерзшем доме жить.

От Шанаи вестей по-прежнему не было.

— Такое с ней случается, — успокаивал Йонто, — со своими травмами обо всем забывает. Но дольше месяца никогда еще не пропадала. — И уточнял каждый раз с плохо скрытым беспокойством: — Тебе здесь не нравится?

Мне нравилось. Я понимала, что это неправильно, но ничего не могла поделать. В последнее время в моей жизни неправильным было все.

Навестил Йонто и парочку других магов, но никто из них понятия не имел об иных мирах и способах в оные попасть.

Я меж тем обживалась. Приноровилась носить многослойную одежду и заплетать волосы на местный манер. И я все-таки ошиблась, переход в этот мир на мне отразился: кожа стала белее, медь в волосах — заметнее, глаза — ярче. И при этом не сказать, что я слишком сильно изменилась. Как будто со старой картины смахнули пыль, и она заиграла новыми красками. От местных девушек я не слишком-то отличалась, и Йонто с непонятным удовлетворением заключил, что теперь опознать во мне гостью из другого мира практически невозможно. Не знаю, почему это его так радовало. Все равно новый мир для меня ограничивался лесной полянкой и домом.

Йонто упрямо приносил готовую пищу. То ли не доверял моим кулинарным талантам, то ли не желал нагружать, но все, что я делала, — разогревала еду и кипятила воду. Кстати, ее таскать мне тоже запретили, да я и сама не рвалась, одного раза хватило. Уборка много времени не требовала, а больше и заняться-то было нечем.

Разве что дорка пару раз в день покормить.

Похожий на отравившего длинный пушистый хвост зайца зверь с истинно кошачьими повадками пришел на второй день моего здесь пребывания. Нет, я его не приваживала, он сам остался. Йонто на это ничего не сказал, видимо, незапланированный питомец не слишком его волновал. А мне все какое-никакое развлечение было. Помимо рассказов Йонто об Эйторре, которые я воспринимала как волшебную сказку.

Восточная часть Эйторры состояла из семи владений, или шэтхо, возглавляемых шэт-шанами. Поначалу я думала, что шэт-шан — вроде

нашего князя, но оказалась не совсем права. Шэтами именовались представители самых благородных родов, каковых во всем мире осталось очень мало. Истиннокровные. Именно они были наделены особой силой, не магией, нет, чем-то более таинственным и мощным. Только благодаря защите шэтов выжил народ восточных земель в войне с преодолевшими Грань монстрами, и с тех пор вот уже без малого две тысячи лет тэты хранят равновесие этого мира, сдерживают пытающихся прорваться сюда тварей. Шэт-шаны — старшие либо достойнейшие в роду — стоят во главе владений, которые во время войны послужили прибежищами для людей — да такими и остались. Постепенно шэтхо, изначально бывшие родовыми землями, разрастались, поглощая согласные войти в их состав города и деревни. Не обошлось и без стычек между главами родов, из-за которых границы владений то и дело менялись — и продолжают меняться. Правда, уже не так часто, ибо сейчас, во-первых, за этим пристально следит Совет старейших шэтов, призванный сдерживать удалые порывы горячих голов, а во-вторых, мало кто придерживается древних традиций и способен вызвать — либо же принять вызов — на поединок, где все решает сила. Истинная сила истинной сути.

Последнее я не поняла, а Йонто не потрудился объяснить. Сказал, что это не важно и не слишком-то интересно, а вот Грань — дело иное. В самом прямом смысле иное. И живет — вернее, существует, потому как некоторых обитателей живыми назвать нельзя, — там такое, что и в тяжелейшем бреде не увидишь. Грань прочна и вместе с тем тонка. Обычным людям, как и большинству потусторонних тварей, прорвать ее нереально. А вот магам и некоторым монстрам высшего порядка это вполне под силу.

Но ничто не проходит незаметно и бесследно. Когда рвется ткань мира, мир волнуется, и волнение это чувствуют шэты, задача которых — найти место намечающегося разрыва и залатать его до того, как оттуда что-то вылезет. Они и сами могут рвать пространство, за один шаг преодолевая огромные расстояния, но при этом слишком высока опасность потревожить Грань, и потому мало кто так делает. Если уж совсем выбора не остается. Или голова соображать перестает...

Эти слова Йонто пояснил более чем туманно, мол, шэты тоже люди, ну, почти, и ничто человеческое — вроде того же маразма — им

не чуждо. Закралось подозрение, что как минимум с одним шэтом Йонто знаком... и не особо его любит.

На западе Эйторры, отделенные бурным морем и островами, тоже обитали люди. Некоторые из них добирались до владений на больших кораблях, полных диковинных вещей. Их меняли на местные редкости или же на золото. Торговцы — и нормальные, и мои знакомцы — тоже выходили в море. Торговали и с западными землями, и с южными островами, и даже с расположенным на самом большом из них монастырем. Поговаривали, что жили там отнюдь не монахи, но только доказать ничего не могли — за высокие каменные стены, ощеренные острыми пиками, чужаков не пускали. А если кого и пускали, то обратной дороги для него уже не было: любой вошедший под кров монастыря становился частью братства.

А вот о том, что находится за Чентолевым хребтом, который природной крепостной стеной протянулся с запада на восток и за который практически невозможно попасть ни по суше, ни по морю, и вовсе никаких сведений не имелось. Слухи ходили разные: и о дивных племенах, на людей совершенно не похожих, и о неведомых чудовищах, мало чем от гостей из-за Грани отличающихся, — но подтвердить или опровергнуть их не удавалось. Время от времени безумные смельчаки уходили за Хребет, но никто из них так и не вернулся.

Про магию Йонто тоже рассказывал. О том, что раньше мир был переполнен ею. О том, что постепенно она начала иссякать, что стало рождаться меньше одаренных, и по-настоящему сильных среди них почти не находилось. О том, что шэты нуждаются в магах, потому как за прошедшие века разучились черпать дыхание мира напрямую. Не все, но многие. Оттого-то и ищут они тех, кто способен наделить их прежним могуществом. И чем больше у тэта магов, чем сильнее они — тем он влиятельнее.

Но то тайна, доступная не всем. Я же сохраню ее, верно? Те, кто много болтают, долго не живут. И нет, это не угроза, а предупреждение. Я не задержусь здесь, конечно, но осторожность все равно не помешает.

И я согласно кивала: не помешает. Как и знания. Пусть и не пригодятся они, но... Кусочек за кусочком собирая картинку нового мира, я чувствовала себя увереннее.

Для того — а еще от скуки — уже на второй день попросила принести мне книги. Не важно, по истории или сборник местных легенд. Рассказы рассказами, но в книгах наверняка отыщется то, о чем позабыл — или не захотел — упомянуть Йонто.

Желаемое я получила быстрее, чем предполагала. Книга была извлечена из сундука и торжественно водружена на стол. Толстенная, старинная... тяжелая и пыльная. А еще — совершенно бесполезная!

— Почему?! — простонала я, беспомощно скользя взглядом по усеивающим страницы закорючкам. Красивым таким, узорчатым, но совершенно нечитаемым! А может, переводчик сломался? — Ты меня понимаешь? — спросила я Йонто.

— Чаще всего нет, — хмыкнул он.

Так, опуская дурацкие шуточки, переводчик в порядке. Но... почему я тогда не могу читать?!

— Потому что хони не нужно это умение, — ответил на вопль моей души Йонто. — Ты же помнишь изначальное предназначение канша?

Я окончательно загрустила. Ну вот, и здесь полный облом приключился. Может, полумразумной нечисти и незачем читать, а я бы не отказалась. Только представлю, сколько всего интересного таится под обложкой книги, плакать от несправедливости хочется! Нет, плакать я, конечно, не буду, но... Все равно обидно!

— Хочешь, научу? — провел ладонью по хрусткой бумаге Йонто.

Я недоверчиво глянула на него. Неужели хочет взвалить на себя еще и это?

— Зачем тебе?

— Мне скучно, — пожал плечами он. — Ну что, согласна?

Разве могла я отказаться?

А нужно бы, наверное, пока был такой шанс.

Я недооценила степень скуки Йонто. Следующим же утром, солнечным и прекрасным, когда я сонно потягивалась во дворе, он подкрался ко мне и негромко сказал:

— Снимай.

Я чуть из туфель не выпрыгнула! Развернулась и недоуменно уставилась на неприлично бодрого парня.

— Чего?

Да, я еще как следует не проснулась, и вообще... И вообще, даже если собеседник не понял сути твоих требований, неплохо бы их разъяснить. Вместо этого Йонто ловко стянул с меня канш и довольно зажмурился, когда я высказала все, что о нем думаю. Смысл и без перевода наверняка уловил, только не проникся. Приложил палец к губам и, указав на траву, громко и четко произнес:

— Эрал.

— Отдай! — надулась я, не желая играть в его игры. Рванулась к нему, пытаюсь отобрать переводчик, но куда мне с этим лесным котом тягаться!

— Эрал, — упрямо повторил он, без труда уклонившись от моей неловкой атаки.

— Трава? — обреченно спросила я, не понимая, что ему надо.

— Тра-ва, — медленно проговорил Йонто и ткнул в меня пальцем: — Эрал.

— Эрал, — сквозь зубы процедила я, и мой сумасшедший учитель просиял.

Ход его мыслей стал ясен. Как бы еще донести, что предпочитаю менее экстремальные методы обучения? Вот вернет канш, объясню в подробностях.

Каким-то чудом я все же кое-чему научилась. Но знания о мире по-прежнему могла получить только от Йонто, благо он охотно рассказывал обо всем. Обо всем, что не касалось его самого.

О нем я знала лишь то, что воспитала его Шаная, а родителей у него давным-давно нет, но на большем не настаивала. Чувствовала: все еще не доверяет. Не мне конкретно. Вообще. В принципе.

И потом, я и сама о себе не говорила. Боялась расклеиться, а этого я просто не могла допустить. И так в голове мысли нехорошие вертелись, а на сердце беспокойно было.

Неделя... Мама все еще в свадебном путешествии. Путешествовать она любит, иногда кажется, что только ради этого и выходит замуж. Ева поглощена учебой и новым парнем. Света... Вот она наверняка уже забеспокоилась, но... До того, как ее беспокойство перерастет в панику, еще есть время. И к тому моменту я вернусь. Поверит ли она, когда я расскажу, где побывала?

Если расскажу.

Если вернусь.

Мысли были липучие и надоедливые, и отделаться от них получалось с большим трудом — и то не всегда.

Тем утром они и вовсе меня в покое не оставляли. Я сидела на бортике колодца и под жизнерадостный щебет ярко-оранжевой крупной птицы вертела браслет, перебирала пальцами мелкие чешуйки, вновь и вновь пытаюсь нащупать тайный замочек. Говорят, что удача любит смелых, но и упорных она тоже жалуется. Должно же быть что-то, способное помочь, то, что откроет дверь в мой мир. Не может не быть!

— Ты уверена, что дело в браслете? — скептически спросил Йонто. Он, расположившись прямо на траве, вязал из тонких, но крепких веревок подобие сети, но мое занятие показалось ему интереснее.

— Да, — кивнула я, продолжая скользить подушечками пальцев по прохладному металлу. — Он нагрелся перед тем, как я попала сюда. И вообще, до его появления я в другие миры не проваливалась... Гадалка сказала, что это — компас. Но я думаю, что это еще и ключ. А ключ должен подходить к двери с любой стороны...

— Дай-ка взгляну.

Не успела я возразить, как мое запястье оказалось в его ладонях. Йонто внимательно осмотрел браслет, поддел, оттянул, проверяя на прочность, и, как и я недавно, заскользил по тонкой змейке, прикрыв глаза, полагаясь лишь на тактильные ощущения.

А я затаила дыхание и во все глаза смотрела на сосредоточенного парня. А вдруг получится? Нет, я помнила, что в первый раз у него ничего не вышло, но... Тогда у нас и времени-то не было, он торопился избавиться от маячка и вряд ли сумел бы заметить что-то важное... Йонто, конечно, не маг, он сам в этом признался, а его способность открывать теневые тропы — врожденная, семейный дар, доставшийся ему от отца, не требующий ни знаний, ни умений... Но он также говорил, что в магии все же разбирается. Самую малость. Вдруг именно этой малости будет довольно?

Или не будет.

— Можно его снять? — спросила без особой надежды.

Почему-то не отпускала мысль, что, сняв браслет, я окажусь дома. Йонто медленно покачал головой.

— А если кинжалом перепилить? — воодушевилась я.

А что? Кинжал у него острый, сама видела. Или мечом...

— Реальнее сделать это с рукой, — хмыкнул он. — Браслет из амантита. Его невозможно повредить.

— Невозможно? — расстроилась я.

— Амантит еще называют чентолевой кровью. — Йонто вернулся к своим веревкам, ловко сплетая их друг с другом. — Металл практически бесценный. Есть легенда, что появился он из крови высшего чентоля, которого угораздило влюбиться в обычную девушку столь сильно и безоглядно, что стал он человеком. Только красавица оказалась с норовом и потребовала доказательств этой любви. Того, что он отказался ради нее от неба, ей было мало.

Я слушала, смотрела, как быстро двигаются его пальцы, подхватывая несговорчивые, скользкие веревки, как рождается под ними замысловатый узор... И видела поросший белыми звездочками берег ленивой реки, обряженную в светлые одежды красавицу, чьи длинные волосы подобны ночи, а губы — нежнейшим лепесткам розы... И молодого мужчину, преклонившего перед ней колени. В лице его, бледном, с крупными резкими чертами, явно проступает нечто чуждое, и в ярко-зеленых глазах вспыхивают золотые искры. А из рассеченной ладони катится на траву, на нежные цветы серебристая кровь. Катится и застывает, блестит на солнце, завораживает...

Вот она, его любовь. Ярче луны, крепче камня. Вечна, как само время, бесценна, как отданная ради другого жизнь.

И остановить бы красавице того, кто жизнь эту к ее ногам сложил, но...

Засмотрелась на россыпь драгоценных капель. Позабыла обо всем. Не заметила, как испустил он последний вздох, как упал на траву, как окутала его мерцающая дымка... Очнулась, когда исчез он, оставив лишь свою кровь. Всю, до последней капли. Но и та в землю ушла, чтобы после возродиться драгоценным амантитом.

— Была ли она счастлива после, легенда умалчивает, — задумчиво сказал Йонто.

Не была. Я видела это, словно наяву. Горе запоздалое и боль, что, душу опалив, тело обездвижила. И как то тело пламенем охватило... И что, когда пламя угасло, возникло на берегу дерево. Тонкое и беззащитное тогда, сейчас оно было высоким, мощным, и в кроне его распускались фиолетовые бутоны.

Цветущее дерево. Меч. Высокий мужчина. Огонь...

— Чентолева кровь считается самым крепким и надежным металлом. И самым редким, — привел меня в чувство голос Йонто. — Ана... Ты в порядке?

Вряд ли. То, что я сейчас увидела... Было ли то на самом деле? Или я все же схожу с ума?

Я не смогла произнести ни слова, а потому только кивнула.

В порядке. Похоже, само понятие порядка для меня сильно изменилось. К добру ли?

— Ты сказал что-то про высшего чентоля... — Наконец-то я обрела способность говорить. — А какие они еще бывают? Низшие?

— И высшие, и низшие, и истинные. Говорят, именно истинные, и чентоли, и люди одновременно, создали когда-то Эйторру. И до сих пор ходят по этой земле. У нас почитают Великого предка, которого изображают наполовину человеком, наполовину — чентолем. Возводят храмы, проводят обряды... Кстати, Сверкающая — воплощение его ветреной возлюбленной, которая, по легендам, даровала миру магию.

Вот эта сказка была мне по душе. В ней, по крайней мере, никто не умирал.

— Вот бы встретить истинных, — мечтательно протянула я.

— Надеюсь, этого никогда не случится, — резко оборвал мечты Йонто. Поймал мой изумленный взгляд и куда мягче пояснил: — Вопреки красивым легендам, они хищники, Ана. Уничтожают все на своем пути, пожирают всех, кто не сумеет убежать.

— Я сумею, — возразила я. — Ты же со мной.

— Настолько мне веришь? — усмехнулся Йонто, и можно было бы все превратить в шутку, но... Я прислушалась к себе, поняла, что шутить не хочу, и серьезно кивнула:

— Да.

Веревки из его рук все-таки выскользнули. Он подобрал их и спрятался от меня в своих непонятных узорчатых сетях.

— У истинных тоже нет крыльев? — сменила я тему, с неожиданной досадой отметив, что мне-то, похоже, не доверяют вовсе.

— Есть у них крылья. У всех, — вынырнул из работы Йонто. — Просто у низших они прозрачные, как воздух, но прочные. Если приглядеться...

— У меня зрение минус два, приглядываться бесполезно, — разочарованно вздохнула я.

— Какое? — не понял он.

— Плохое.

Даже не помню, что с очками случилось. То ли обронила, пока меня вниз головой тащили, то ли осели в карманах торговцев вместе с другими моими вещами.

— Что же ты сразу не сказала? — оживился Йонто. — У Мирины, кажется, были капли для таких случаев... Я спрошу.

— А что, магией нельзя? Ну там дунул, плюнул и готово? — заинтересовалась я.

Магией я, правда, пока не прониклась. Но все же...

— У всего есть своя цена, — ответил Йонто и, собрав готовые сети, поднялся. — Мне нужно уйти. Вернусь к вечеру.

— Почему ты мне веришь? — прежде, чем он ушел, задала я беспокоивший вопрос. — Ни разу не усомнился, что я действительно из другого мира. Почему?

Йонто остановился. Посмотрел задумчиво, пожал плечами.

— Потому что верю.

— Дерусь, потому что дерусь, — пробормотала я.

— Я больше не дерусь. Слишком устал, — усмехнулся Йонто.

— Еще такой мелкий, а рассуждаешь, как столетний дед, — не удержалась от шпильки я.

Он вновь пожал плечами, в который уже раз наказал не выходить за очерченный охранками круг, нырнул в сплетенную деревьями арку — и исчез.

Балбес. Пусть ему и стало лучше, но, на мой взгляд, теневыми тропами он явно злоупотреблял.

ГЛАВА 12

Остаток дня я провела, собирая на полянке травы — в последнее время это весьма меня увлекало, — играя с дорком и размышляя, как скоро удастся попасть домой.

Йонто всегда возвращался прежде, чем мир укроет ночь. Ночи я не боялась. Не в этом лесу. В Эйторре водилась и нечисть, и нежить — порождения мест, отравленных истончившейся Гранью, подобие обитавших за ней тварей, — но здесь было безопасно. Йонто показывал мне охранки, отпугивающие от дома и людей, и хищников, будь они живыми — или не вполне. Прозрачные шарики на тонких ножках едва заметно мерцали и походили на больших светлячков.

Но сейчас тьма сгущалась, лес завел особую ночную песнь, а Йонто все не возвращался. И обычные звуки, казавшиеся раньше успокаивающими, пугали. Я сидела на крыльце, вглядываясь и вслушиваясь в темноту, и нервничала. А если что-нибудь случилось? Что-нибудь страшное? Чем я могу помочь? Что я вообще могу? Даже найти его не сумею, потому что понятия не имею, куда он ушел!

Я все же поднялась. Дошла до колодца, из которого ныне тянуло прохладой и сыростью, зябкой, покрывшей спину мурашками. И показалось, что там, за границей сторожевых деревьев, кто-то тихонько стонет...

Шаг. Еще.

И стоны, полные боли, становятся громче.

А я почти бегу. Спотыкаюсь, падаю, встаю... Вот мерцают в траве охранки-светлячки, а сразу за ними чернеет чей-то силуэт. Кто-то лежит, скорчившись, тяжело дыша, и говорить-то не в силах.

Кто-то...

Йонто?

Да.

Нет. Нельзя. Нельзя идти. Нельзя слушать. Нельзя...

Но ноги против воли ступают по траве. Голова идет кругом, воздуха не хватает.

Шаг.

Еще.

Нельзя.

Стою, дрожу. Так хочется податься вперед... Но я отступаю.

И ледяная рука сжимает сердце. А горячая — плечо. И такой же горячий шепот обжигает ухо:

— С ума сошла?!

Кто-то по ту сторону невидимой, но ощутимой границы, которую я едва не нарушила, зло шипит. Кто-то... Что-то.

Что-то темное, страшное и голодное. Я впервые вижу такое и... Лучше бы никогда не видеть. Но я глаз не могу отвести...

Меня разворачивают, и я утыкаюсь носом в мягкую ткань, знакомо пахнущую лесом и луной. Откуда я знаю, как пахнет луна? Просто знаю, и все. Она сияет над верхушками деревьев, обливает полянку серебром, и больше нет той тьмы, в которой я потерялась, которая пыталась меня обмануть, оживив прятаящиеся в душе страхи.

И того, что шипело в паре шагов от нас, тоже нет.

Есть только Йонто. Растерянный, испуганный. Злой. Обернуться он не позволил, а когда за нами закрылась дверь дома, прислонился к стене и выдохнул, будто сбросил с плеч что-то тяжелое. И я почувствовала, что стало легче дышать. Показалось даже, что до этого мига я и вовсе не дышала.

Лагерь торговцев оказалось не так-то просто отыскать. Расположение его Йонто помнил весьма приблизительно, и пришлось постараться, чтобы нащупать путеводную ниточку. Потом все было легко и привычно. Кто заметит тень в тенях?

И все же он задержался. И это едва не обернулось трагедией.

Давно подобные твари здесь не рыскали. Столь же давно, сколь и шэты не рвали пространство.

За закрытой дверью было безопасно. Или же так лишь казалось? Не важно. Ярко и вместе с тем мягко сияла пара лунных камней, которые Йонто принес несколько дней назад — сам он привык обходиться без света, а если никак не получалось, то в ход шли свечи. Нос камнями намного лучше. Особенно сейчас.

Ана была бледна. И руки ее дрожали. И...

Н нужно было что-то сказать, как-то успокоить, но... Слова не находились.

Чтобы успокоиться самому, он шагнул к Ане и быстро снял с нее канш. И прежде, чем она успела отреагировать, протянул ей бледно-

голубой, ограненный в форме капли кристалл на затейливо плетеном шнурке.

Ана не жаловалась, но Йонто видел, как она то и дело касается канша, как морщится и вздыхает. И он ее понимал: вроде бы и кожаный, и прилегает неплотно, а все одно неприятно, ошейник есть ошейник.

— Это тот же переводчик, только удобнее, — пояснил он, когда Ана надела кулон.

— Ты за ним ходил? — тихо спросила она, рассеянно поглаживая кристалл. В прозрачной глубине что-то мерцало, словно там спрятали крохотную зажженную свечу.

— И за ним тоже, — кивнул он. — Зачем ты пошла гуда? Кого видела?

— Тебя.

Ответ был ожидаем, но он все равно растерялся. Нахмурился, подбирая слова...

— Запомни, со мной ничего не случится. То, что бродит за пределами дома, меня не тронет.

— А если тронет, то просто пожует и выплюнет, но ничего, потому как ты привычный. Да? — вскинулась Ана.

Похоже, подбирать верные слова он пока не научился...

Наверное, не стоило так реагировать, но я слишком испугалась, а Йонто... То, как легкомысленно он относится к опасности, в голове не укладывалось. Вот мои нервы и не выдержали. И быть бы скандалу, да Йонто попросту сбежал, так ничего и не ответив.

Вернулся он, впрочем, быстро, я даже как следует успокоиться не успела. И так же молча протянул мне... мою сумку. Ту, из прошлой, сейчас кажущейся далекой, жизни, яркую, с вышитыми совушками.

И сумка пустой явно не была...

Выдохнув, я села и тут же перевернула сумку. На пол вывалились смартфон, плеер с наушниками, косметичка... и очки. Целые и невредимые.

Божечки-кошечки!

— Как?! — Я смотрела на Йонто снизу вверх, прижимая к груди сумку.

— Просто забрал, — пожал он плечами. — Торговцы ничего не выбрасывают, я нашел их склад, а это было самое странное из всех вещей... Хорошо, что не ошибся.

Я уже забыла о том разговоре, когда он спрашивал про сумку. А оно вон как обернулось...

— Спасибо! — прошептала счастливо.

Вроде бы пустяк, но... Это были ниточки, связывающие меня с моим миром. Подтверждение того, что он существует. Да, в последнем я уже начинала сомневаться...

А теперь могла показать частичку своего мира Йонто.

Конечно же больше всего я обрадовалась очкам. Йонто они тоже заинтересовали, он их даже на нос водрузил, немало повеселив меня своим видом.

— Что за ужас? — скривился он, сняв очки и потеряв глаза. — В них же совсем ничего не видно!

— Здоровым глазам они не нужны, — улыбнулась я. — А вот мне помогут наконец-то увидеть крылья чентоля.

— Кстати об этом, — встрепнулся Йонто. — Я заходил в деревню. Мирина велела передать. — Он извлек из кармана и протянул маленький флакончик. — Это для глаз. Она уверяет, что должно помочь. — И добавил, когда я взяла лекарство: — Пара капель, не больше.

Я только фыркнула. Да что ж он то успокоительное все забыть не может!

Осмотр вновь обретенных сокровищ продолжился. Я нашла в плеере любимый плейлист и уговорила Йонто надеть наушники, а пока он с озадаченным видом приобщался к музыкальной культуре Земли, потянулась к смартфону.

Вопреки опасениям, он еще не разрядился. Сигнала конечно же не было, зато была камера. И фотографии. Их-то я и показала Йонто. Да, он и так мне верит, но лишним не будет. А еще хотелось, чтобы он увидел мой мир, пусть и всего лишь на крошечных картинках.

Фотографии его заворожили. Я любила снимать природу, часто ловила интересные кадры, и, кажется, наконец кто-то это оценил.

— Великий предок!

Или же переоценил.

Не припомню, чтобы там были достойные подобных воззваний шедевры.

— Что? — переполошилась я, заглянула Йонто через плечо... и рассмеялась. — Ну вот чего так орать?! Это платье!

Хотя его понять можно: наряды Светы особой скромностью никогда не отличались.

— Без него и то приличнее было бы, — проворчал он, отдав мне смартфон.

— В моем мире ты бы не выжил, — вздохнула я.

Или же мой мир испортил бы его.

Улучив момент, я украдкой — очень уж хороший кадр получался, естественный — сфотографировала Йонто. Пусть хоть что-то останется на память, когда я отсюда уйду.

Экран мигнул и потемнел. Жаль, что не вышло запечатлеть еще и домик. Но ничего... Его я нарисую.

Не только его. Все, что запомнила. И в первую очередь чентоля.

Надо обязательно посмотреть на эти призрачные крылья, иначе будет обидно...

После ужина Йонто положил на стол лист бумаги и тонкую кисточку, поставил рядом округлую баночку с плотно закручивающейся крышкой. Словно почувствовал, что уснуть я просто не смогу, даже с помощью успокоительного Мирины. А так... отвлекусь. Благо что отвлекало сие занятие превосходно.

Светлая — а на деле скорее уж мутная — мысль научиться писать постукала в мою голову не столь давно. Уж больно красивыми казались мне местные буквы. И в книге, несмотря на занятия, я видела не строки, а чудесный орнамент. Его сейчас и пыталась повторить, копируя аккуратно написанные Йонто символы. Попытка благодаря кисточке и чернилам превращалась в пытку...

— Вот вы все здесь такие крутые, магия у вас, чудеса... А ручку придумать не можете, — проворчала я, посадив очередную кляксу. Справедливости ради отмечу, что она смотрелась гораздо симпатичнее моих неловких каракулей.

— Какую еще ручку? — переспросил Йонто, неодобрительно взиравший на мои жалкие успехи в каллиграфии.

— Ну... Это такой стержень, заполненный чернилами... — Да, из меня еще тот профессор. Люди, если верить книгам, ядерный реактор

на коленке собирают, а я даже внятно объяснить, что такое авторучка, не могу. — А, забудь, — махнула рукой на гиблое дело. — В конце концов, вы должны развиваться по собственному пути, кто я такая, чтобы вмешиваться в естественный ход истории чужого мира?

Прозвучало не в меру пафосно, я аж сама поморщилась, но Йонто улыбнулся и дотронулся пальцем до кончика носа. Я нахмурилась, и он со вздохом протянул мне платок:

— Вытри чернила, о великая, пока не въелись.

— Неправильная сказка, — надулась я, кое-как оттерев нос платком. — Я должна менять мир к лучшему, а вместо этого...

— Мир изменится сам, когда придет его время, — серьезно сказал Йонто. — Ты же в первую очередь должна позаботиться о себе.

— А ты?

— А я буду следить, чтобы твой нос не хранил свидетельств усердной учебы.

Он отнял у меня платок и без особых церемоний вытер то, что я пропустила.

Я замерла. Раньше он никогда не касался меня просто так, а если и приходилось, отдергивал руку столь быстро, словно боялся обжечься. Сейчас же...

Ерунда какая. У меня точно с головой нелады. И вообще, о чем я думаю? И зачем...

Я вернусь домой. Он останется здесь.

И при одной только мысли об этом становилось тяжело дышать.

А потому я решительно ее отогнала. В конце концов, мне есть чем заняться. И, перехватив поудобнее кисточку, вывела на бумаге очередную букву. Далекую от идеала, но уже не такую кривую, как предыдущая.

Ночь окончательно вступила в свои права, когда я наконец-то закончила мучить бумагу, себя и Йонто. Чтобы немного проветрить голову перед сном, вышла на крылечко, всмотрелась в окружающий нас лес... Темно. Тихо. Словно ничего и не случилось.

Я зябко передернула плечами и, несмотря на рассыпавшиеся вдоль позвоночника мурашки, присела на ступеньку. Нельзя дать страху взять над собой верх. Позволю один раз — буду бояться всегда.

Йонто сказал, что здесь безопасно. Что никакая ночная тварь не пройдет сквозь охранки. Вот выманить может, да. Но сейчас я уже

знала, чего ожидать, и больше на такие фокусы покупаться не собиралась.

Вытащив надоевшие шпильки, с наслаждением запустила руки в волосы. Да-а-а... Хорошо-то как! Чуть слышно скрипнула, открываясь, дверь. Кажется, Йонто тоже решил подышать свежим воздухом. Но смотрел он вовсе не на лес... Почувствовав взгляд, я обернулась и подозрительно поинтересовалась:

— Что?

— Ничего, — тут же отвернулся он. А я в свою очередь засмотрелась на его волосы. Захотелось стащить шнурок и...

— Что? — не оборачиваясь, спросил Йонто.

— У тебя глаза на затылке? — растерялась я.

Он только фыркнул в ответ. Конь невоспитанный...

В следующий миг на мои плечи опустилась теплая накидка.

...зато заботливый.

Спала я плохо. Стоило только начать проваливаться в сон, как мерещилось всякое, и я испуганно вздрагивала, приподнималась на локте, вслушиваясь в разбавленную приглушенными звуками леса тишину дома. Не выдержав, открыла дверь, полюбовалась, как безмятежно спит Йонто, и, успокоившись, вновь легла. И даже смогла заснуть... Вот только ненадолго.

Разбудил меня плач. Тоненький, больше похожий на писк. Широко распахнув глаза, я затаила дыхание.

Показалось?

Плач стал громче и отчетливее, и я почувствовала, как на затылке шевелятся волосы.

Лежать и дальше не было никаких сил. Я вскочила и, придерживая подол длинной рубашки, выбежала из своей комнаты. Застыла, настороженно глядя на спящего Йонто. Неужели он ничего не слышит?

Вновь раздалось жалобное хныканье. Прямо за окном. А потом в стекло тихо поцарапались...

Цепenea от страха, я медленно двинулась к окну. Не могу так больше. Мне надо увидеть, что там происходит, иначе сойду с ума.

Но до цели я не дошла. За край моей рубашки сильно дернули, и, не устояв на ногах, я шлепнулась на пол. Точнее — на постель Йонто,

мало его не придавив. Но даже пикнуть не успела, как он, не открывая глаз, подгреб меня к себе, прижал, словно большого плюшевого зайца, и руку не убрал.

— Спи, — пробормотал сонно. — Тебе туда не надо.

— Но...

— Спи, — повторил Йонто и задышал медленно, глубоко, подавая личный пример.

Причем подневольные объятия не разомкнул, и, как я ни дергалась, выпутаться не получилось.

Спи! Легко сказать! Он-то сопит как ни в чем не бывало, а я тут... А мне...

Пришлось зажмуриться и, сосредоточившись на мерном дыхании Йонто, попытаться уснуть.

Получилось на удивление легко. И даже плач, не стихавший ни на миг, но уже совершенно не пугавший, не помешал.

ГЛАВА 13

Рыжий наглец прочно обосновался во дворце. Вместе со своей многочисленной свитой занял чуть ли не все гостевое крыло. Канро его не приглашал, но и на то, что намек будет истолкован верно, не надеялся, а потому с незванным гостем смирился быстро. Осталось потерпеть его три недели. Если повезет, они и вовсе не пересекутся.

Наглый мальчишка. Неужели он, Канро, выглядит настолько слабым, раз такой неопытный юнец осмелился бросить ему вызов?

Шэт-шаи вплотную подошел к зеркалу и внимательно вгляделся в отражение, не нашел ни единого изъяна и улыбнулся. Улыбка получилась кривоватой и совершенно невеселой. Своим безупречным видом он может обмануть кого угодно, но не себя самого.

Дорога в башню заняла непривычно много времени. Фонари — полые кружевные шары, внутри которых мерцали светлячки, — наполняли коридоры и террасы причудливыми тенями. Сладко пахло розами. Поздний вечер был невероятно хорош, и всем не терпелось им насладиться — владельцу то и дело приходилось отступать за колонны или нырять в ниши, дабы не столкнуться с очередной парочкой или же томно вздыхающими на луну дамами. Настроение самого Канро ничуть не вязалось с чудесной ночью, и попадаться на глаза кому бы то ни было не хотелось. Впрочем, можно пройти по коридорам, распугивая подданных алым блеском глаз и мрачным выражением лица, но сплетен не хотелось еще больше. Зато к концу дороги окрепло желание кого-нибудь убить. Лучше бы Таныла. Прямо сейчас, не дожидаясь положенного срока.

Под самой крышей башни было тихо и темно. Лишь звездный свет озарял комнату, падал на поверхность большого зеркала... и бесследно в нем растворялся. Зеркало шэт-шана не интересовало. Он прошел мимо к стоящему у стены длинному сундуку, сдернул тяжелую ткань и откинул крышку. Вспыхнули ослепительно-белые символы, коими щедро расписали темное дерево, и тут же погасли. Канро скользнул ладонью по толстой книге в кожаной обложке, на которой распростер крылья нарисованный чентоль, огладил прозрачный сосуд, на дне которого мерцала золотистая пыльца.

Осталось так мало...

На поединок хватит точно, и рассчитывать на победу Танылу не стоит. Но что дальше?

Владелец с грохотом захлопнул крышку. Вытянул руку, рассеянно полюбовался, как звездный свет играет на кончиках выдвинувшихся когтей.

Если Совет заподозрит, что он все чаще теряет над собой контроль... Даже о непрекращающихся распрях позабудет.

Нет. Этому не бывать.

На обратной дороге Канро махнул рукой на сплетни и шепотки за спиной, и к сонному звездочету, уже обрядившемуся в ночную рубашку и смешной колпак, явился грозный шэт-шан во всей своей пугающей красе.

— Найди тех следопытов, — полыхая алым взором, приказал он растерянному сощурившемуся Агрийо. — И доставь сюда Паллира.

— Но, мой господин, он же... — пробормотал звездочет.

— Во что бы то ни стало доставь, — не повышая голоса, нахмурился Канро и, выдержав паузу, добавил: — Его дочь живет в тихой деревушке на границе. Полагаю, он не захочет, чтобы я лично ее навестил.

Девчонку старик спрятал хорошо. Но не настолько, чтобы шэт-шан ее не отыскал. Конечно, двадцать лет назад Канро великодушно позволил Паллиру покинуть дворец, но... От клятвы верности владельцу не освобождал.

Самое время проверить, чего она стоит на деле, а не на словах.

Утро зазвенело беззаботным птичьим щебетом, скользнуло по ресницам теплым солнечным лучиком, пощекотало нос ароматом умытых росой трав.

Я улыбнулась, потянулась, не открывая глаз, и застыла, не нащупав за головой стены. Да и лежать было жестковато... И где мое уютное теплое одеяло? Распахнув глаза, я вскочила на ноги, запуталась в широком подоле собственной рубашки и вновь рухнула на пол. Вот же... Как я здесь оказалась?!

Проснувшаяся позже меня память услужливо подсказала, и я прижала ладони к вспыхнувшим щекам. Какой кошмар... Я ведь едва

не вышла из дома, в объятия изнывающей от голода нежити! стыдно... До чего же стыдно!

Йонто в комнате не было. Ну и слава их Великому предку! Это ночью от страха я совершенно не соображала, теперь же... А что теперь? Не я его с плюшевым зайцем перепутала! Хотя лучше быть плюшевым зайцем, чем закуской для нечисти. Однозначно лучше.

Я быстро привела себя в порядок, переоделась и замерла у выхода. Коленки предательски подрагивали, дыхание сбилось, и захотелось спрятаться и никуда не идти. Пусть и белый день на дворе, но... То, что случилось ночью, было слишком свежо в памяти. Оно же прямо под окнами ходило! И в стекла царапалось...

Страх я подавила уже проверенным способом — резко распахнула дверь и шагнула на крыльцо.

На полянке Йонто тоже не было. Куда же он делся?

Я прошла до колодца, обернулась — и сдавленно охнула, зажав рот обеими руками.

Дверь была исполосована чьими-то внушительными когтями. Основательно так, глубоко...

Зажмурившись, потрясла головой, открыла глаза... И не увидела на темном дереве ни следа.

Что за чертовщина?

Дверь я только что под микроскопом не изучила, и то лишь из-за его отсутствия. Я как раз ощупывала створку, подозревая, что после капель Мирины моим глазам и вовсе доверять нельзя, когда за моей спиной хрипло поинтересовались:

— Ты чего делаешь?

Я подпрыгнула и чуть не упала с крылечка, но меня вовремя поддержали... и успокоилась я раньше, чем обернулась.

— Что это было?! — вместо приветствия выдохнула я, глядя на осунувшегося, бледного Йонто.

— Тебе не нужно это знать, — поморщился он, поправляя криво висевшую на левом плече безрукавку.

— А давай я сама решу, что мне нужно, а что нет! — вспыхнула я. — Ты и так ничего не говоришь! Или говоришь одно, а на деле выясняется другое...

— И когда такое было? — прищурился Йонто.

— Ты сказал, что здесь безопасно, — насупилась я.

— Здесь безопасно, — с непроницаемым лицом подтвердил он.

— Но то существо... — вскинулась было я.

— Оно не прошло сквозь охранки, — перебил Йонто. — Ты сама бы вышла к нему. Это нигу. Или попросту манок. Он вызывает тревогу и беспокойство, усиливает их, заставляет видеть того, за кого ты в тот момент переживаешь, больным, нуждающимся в помощи... или выманивает иными способами. А если жертву удастся спасти, то возвращается за ней позже. И не отступает, пока до нее не доберется. Или пока его не уничтожат.

— И ты ничего не сказал?!

— Не хотел заранее пугать. В конце концов, ничего же не случилось.

Действительно. Подумаешь, я едва не выбежала из дома, ерунда какая! И вообще, если все было лишь игрой с моим разумом, то как объяснить царапины на двери?!

— Ты и сейчас их видишь? — спокойно спросил Йонто, когда я выпалила это.

— Нет, — призналась я. — Но совершенно точно видела!

— Верю, — кивнул он. — Мороки нигу идеальны. Твой разум не полностью освободился, потому ты все еще можешь видеть следы его присутствия...

— Он еще раз придет?! — испугалась я и невольно схватилась за рукав Йонто.

— Нет, — улыбнулся он. — Больше не придет. Я уничтожил его.

— Ты... что сделал? — сглотнула я.

Перед глазами словно наяву встало существо, сотканное из тьмы и ужаса, от которого хотелось бежать не разбирая дороги. А Йонто... Как?!

— Уничтожил, — спокойно повторил он, но слышались в голосе странные нотки. — Как только ты уснула. Он меня не ждал. Вернее, ждал не меня... — Йонто усмехнулся и добавил задумчиво: — Пожалуй, это оказалось даже легче, чем я предполагал.

Легче? Он что же, не шутит? Он действительно вышел ночью к смертельно опасной твари? И не просто вышел, а намереваясь ее убить?

У него и мысли не возникло, что могут убить его самого?!

Картинка, где я нахожу поутру его растерзанное тело, получилась настолько яркой, что меня затрясло.

— Эй, да что с тобой не так?! — зло выдохнула я. — Ты... ты вообще с головой не дружишь?! Даты этому... нигу... на пол-укуса! А если бы... Если бы!..

Слова кончились, зато глаза зажгло от подступивших слез. Проклятье! Не буду я при нем реветь! Все равно ведь не поймет...

— Ана... — растерянно позвал Йонто и, перехватив мой беспомощный взгляд, примирительно улыбнулся: — Не ругайся и не бойся. Я правда ничем не рисковал, не первый же раз, у меня есть знания и опыт, и на рожон больше положенного я не лезу... Сейчас точно не лез, клянусь. Это моя работа.

Его... работа?

Я притихла, осознавая сказанное. Так что же, получается, что он...

— Ты убиваешь нечисть за деньги? — потрясенно спросила я.

— Да. Тебя это смущает? И... Что ты так смотришь?

Поначалу в каждом его слове сквозило напряжение и готовность к явно ненормальной реакции с моей стороны. Зато под конец он растерялся. Еще бы... Представляю, какой у меня был взгляд!

— Ну... прикидываю, пошли бы тебе белые волосы, шрам на лице и два меча за спиной, — мечтательно протянула я, не сводя с него глаз, в которых наверняка зажглись алчные огоньки.

— Что? — явно потерял нить беседы Йонто.

— Не обращай внимания, — усилием воли стряхнула с себя фанатский восторг я.

— Опять твои иномирные штучки, — хмыкнул он и задумчиво добавил: — Второй меч, кстати, раздобыть не проблема. Да и шрамы — дело наживное. И не удивлюсь, если скоро обзаведусь белыми волосами. С тобой поседеть немудрено.

— Я что, страшнее твоих жутиков? — нахмурилась я.

— Иногда — намного, — усмехнулся Йонто и болезненно поморщился, отчего я вмиг позабыла о том, что собиралась обидеться.

Безрукавка все-таки сползла, открыв потрясающий вид на разодранную и окровавленную рубашку.

Легче, чем он предполагал? Это к чему же он изначально готовился? К перегрызенной шее?!

— Сядь, — не терпящим возражений тоном сказала я, указывая на крылечко. — Я посмотрю, что там у тебя...

— Плечо там у меня, — проворчал он, тем не менее присев на край ступеньки и распустив шнуровку рубашки.

— Пожеванное, судя по всему, — пробормотала я, коря себя за то, что устроила разбор полетов вместо того, чтобы помочь. А ведь могла бы догадаться, что ему досталось, вон какой бледный!

Где хранятся различные снадобья, я уже знала. Забежала в дом, вытащила из стоящего в углу сундука небольшой ящичек и вышла с ним на улицу. Что и как применять — разберусь по ходу. Для начала не свалиться бы в позорный обморок... Ткань с плеча Йонто я сдвигала осторожно, борясь с желанием зажмуриться. Нет уж, напросилась в целительницы, так не жалуйся. Обозрела длинную рваную рану, закусила губу и задержала дыхание. Главное, не паниковать. Не паниковать, я сказала!

— Я сам, — попытался вывернуться из-под моей дрожащей ладони Йонто. — Ты... Тебе не надо...

Не надо? Да если бы не я, нигу здесь нечего было бы ловить. А значит, Йонто не пришлось бы его уничтожать... И он не пострадал бы. Из-за меня.

— Мне надо, — справившись с собой, возразила я и потянулась к открытому ящичку.

Промыть. Обезболить. Зашить. Наложить заживляющую мазь. Глаза боятся, а руки делают.

И ведь сделали в итоге, и весьма неплохо. И шов аккуратный получился. Я настолько сосредоточилась на задаче, что даже пальцы не тряслись. Наложив повязку, выдохнула с облегчением и села прямо на землю, потому как ноги вдруг ослабли.

— Ты как? — сочувственно спросил Йонто, за все время не издавший ни звука.

Герой.

Бестолковый, правда, совсем...

— В следующий раз, прежде чем дать себя ранить, подумай, каково мне будет снова тебя зашивать, — проворчала я и наконец посмотрела на подневольного пациента.

И тут же пропала.

Ворот сполз почти до локтя, открывая шикарный вид на татуировки. В прошлый раз я и не заметила, что они серебристые, словно нарисованные морозом узоры. И я очертила их сначала взглядом, а потом и кончиками пальцев.

— Вот же! — Йонто поспешно встал и даже отошел на пару шагов, на ходу поправляя ворот и лишая меня чудесного зрелища. Жадина. — Совсем не боишься?!

— Тебя? — удивилась я. — Нет.

Какой еще страх? Рядом с Йонто было хорошо. Спокойно.

— Ненормальная...

Возможно. Нормальные из автобусов в иные миры не вываливаются.

— Раз нельзя посмотреть, скажи, откуда они и что означают, — все еще не теряя надежды, попросила я.

— Нет, — наотрез отказался он.

— Так нечестно! — возмутилась я. — Я тебе все рассказываю, а ты...

— И много бы ты рассказала, если бы не перебрала тогда с лекарством? — уточнил Йонто.

— И чего ты такой умный, — надулась я. Немного помолчала и нарочито небрежно заметила: — А охотники на нечисть не шикуют. Судя по тому, что ты не можешь позволить себе что-то лучше, чем это...

Не то чтобы «это» мне не нравилось. Очень даже нравилось, но... Захотелось его подразнить. За все свои волнения, ночные и утренние.

— Я могу, — возразил Йонто. — Но не хочу.

— Смотрю, ты много чего не хочешь, — задумчиво протянула я. — Есть хоть что-то, что тебе нужно?

— Именно это ты и обещала найти, — улыбнувшись, напомнил он.

— Знала бы, насколько невыполнима задача, предпочла бы остаться в гордом одиночестве, — посетовала я.

— Знал бы, какие хлопоты на меня свалятся... — вздохнул Йонто.

— Не вернулся бы за мной? — печально предположила я, не сомневаясь в ответе, и очень удивилась, услышав:

— Вернулся бы.

— Зачем? — вырвалось у меня.

— Без тебя было скучно, — пожал он плечами, поморщился, потревожив рану, и кивнул на дом: — Идем. Я принес еду.

— С этого и надо было начинать, — оживилась смутившаяся я.

Завтракали молча. Я обдумывала новую информацию, Йонто тоже о чем-то размышлял, время от времени бросая на меня странные взгляды. И снова появилось ощущение, что он чего-то ждал, но так и не дождался... Чего именно?

— Почему сразу не сказал, чем занимаешься? — не выдержала я. — Не разбойник же, в конце концов...

— А ты меня в этом подозревала? — отложил кусок хлеба Йонто.

— Вот еще. Уж прости, но на работника ножа и топора ты не тянешь, — фыркнула я. — Ну так что?

— Не хотел тебя пугать.

— Меня пугает наличие нечисти. Те, кто ее уничтожает, меня успокаивают, — возразила я.

— Есть поверье, что мы мало чем друг от друга отличаемся, — вновь вцепившись в хлеб и глядя на него, сказал Йонто. — Души нет ни у тех, кто приходит в ночи, ни у тех, кто за ними охотится. Кто захочет с таким связаться... Ай! Ты чего?

А чего я? А ничего я! Было бы под рукой что-то тяжелее полотенца, не задумываясь швырнула бы!

— И ты всерьез думал, что я поверю в эту чушь?! Да я о ней даже не знала! А если бы и знала...

— Я не хотел рисковать, — хмуро сказал Йонто. И от стола немного отодвинулся. Наивный. Будто я при желании не дотянусь! — Если бы ты испугалась и убежала... Что тогда?

— Выдохнул бы с облегчением и жил бы припеваючи, — усмехнулась я, успокаиваясь. — Зачем тебе дура, верящая в несусветный бред?

— А может, и не бред вовсе? Ты мало знаешь о нашем мире. Вдруг это правда?

Не поняла. Он хочет убедить меня в том, что ничем не лучше нечисти?

— А даже если и так. Сколько я уже здесь? И почему-то все еще жива. Нечисть из тебя человечнее некоторых людей вышла.

Йонто промолчал. Но смотрел так, что сердце перевернулось. Ну что за наказание... Даже ругаться расхотелось. Зато захотелось обнять

этого настороженного, вечно взъерошенного парня, убедить в том, что мир вовсе не полон врагов и достоин хотя бы капли доверия и любви.

— Тебе нужно отдохнуть, — поднявшись, сказала я и кивнула на свою комнату. — Иди-иди, я пока приберусь, а потом травами займусь.

Да и с собственными странными желаниями разобраться не мешало бы. Мне о доме думать надо, а не о том, что кое в чьих глазах утонуть можно... Эдак и в самом деле утонешь, и никакие водолазы не достанут.

ГЛАВА 14

Нигу изрядно его потрепал, да и сил выпил немало. Поначалу Йонто еще держался, но после завтрака и разговора с Аной егохватило только на то, чтобы смыть грязь и кровь, поползти до постели и рухнуть на нее. Даже дышать было тяжело и больно, но он дышал. Медленно, считая вдохи и выдохи, зная, что скоро станет легче. В любой другой ситуации он упал бы там, где убил нечисть, не утруждая себя дорогой, но восстановление могло занять весь день, а дома ждала Ана... Она бы волновалась. Это было странно и непривычно, то, что о нем кто-то волнуется. И таким же странным и непривычным было стремление избавить ее от лишних переживаний.

И в этом стремлении он явно переусердствовал. Слишком много тайн развел. И дело не в недоверии, как полагала Ана. Вовсе нет.

Ане он доверял, но... Всегда было это «но».

Рассказать о своем занятии оказалось непросто, хотя он почти наверняка знал, что слухи она всерьез не воспримет. Но... Местные байки и поверья — это одно, по большей части правды там нет ни капли. Однако есть и то, что гораздо серьезнее всех баек и страшилок.

Ийтадь. Для кого-то гордость, для кого-то проклятие.

Он с трудом перевернулся на спину, закатал рукав и неприязненно посмотрел на покрывающие кожу символы, коснулся затейливых линий, перетекающих одна в другую.

Ана назвала это татуировками.

Если бы...

Да, вместе с «но» было еще и «если».

Если она испугается. Если захочет уйти.

Идти ей некуда, но разве это ее остановит?

Ийтадь менялся, послушно тянулся за кончиками пальцев, складывался в верный узор. И тут же становился прежним, стоило лишь убрать руку.

Если бы можно было все переписать...

Нельзя.

Ана. Она все равно вернется домой. А он думает не о том.

О теплых ладонях, которые хочется держать в своих руках, согревая и согреваясь. О медно-русых волосах, которых так и тянет коснуться. О...

Опять не о том.

Она скоро уйдет, да. И что за воспоминания у нее останутся?

Ее ищут. Но если он будет осторожен...

Он будет.

Приняв решение, Йонто наконец-то успокоился. Одновременно успокоилась и боль, позволив скользнуть в целительный сон. И в этом сне мерцали серебристые линии, извивались, словно живые, цеплялись друг за друга... обещали иную судьбу.

«Ты знаешь, что делать», — неприятно шелестели они.

Знаешь-знаешь-знаешь, — эхом откликалось в душе.

А потом линии сплелись в огромную петлю и захлестнули его, оглушенного, сбитого с толку, опутали с ног до головы...

И Йонто проснулся. С дрожащими руками и бешено бьющимся сердцем. Окинул диким взглядом уютный закуток, соображая, где находится, и выдохнул с облегчением.

Привидится же такое...

Несмотря на кошмар, выспался он неплохо. Плечо уже не болело, и силы восстановились на должном уровне. В комнатке было светло. А еще — тихо.

Подозрительно тихо.

Йонто вскочил на ноги, чуть не свернув ширму. Она качнулась, и показалось, что яркие, подсвеченные солнцем птицы вот-вот взвьются разноцветным облаком. Отмахнувшись от дивного видения, он быстро вышел, с тревогой убедился, что дом пуст, и резко распахнул входную дверь.

На крыльце скрестив ноги сидела Ана. В правой руке она сжимала кинжал, коим прицеливалась в руку левую, лежавшую на коленях.

— Ты чего удумала?! — внезапно охрипшим голосом спросил Йонто.

Хотя и так ясно. Он бы и сам непременно проверил, возможен ли этот вариант, несмотря на все уверения в обратном.

— Уйди, ребенок, я в печали, — пробормотала Ана, пытаясь острием поддеть змейку браслета.

— Скорее уж в маразме, — не согласился Йонто, перехватывая ее запястье. — Без руки хочешь остаться?!

— Никакого уважения к старшим, — пожаловалась неизвестно кому Ана, печальным взглядом провожая изъятый кинжал.

— Слушай, старшая, — присел рядом Йонто, — а давай обойдемся без членовредительства? Я хотел тебя на ярмарку сводить. Боюсь, с отрезанной рукой повеселиться ты не сможешь. Пойдешь?

Я ничуть не сомневалась в словах Йонто. И в том, что амантит кинжалом не перепилить, — тоже. Но... Увидела оставленный на столе кинжал и не смогла отказаться от проверки. Ну чем черт не шутит?

Кто же знал, что именно в этот момент Йонто проснется? Может, и к лучшему. Учитывая мое везение и практически нулевой опыт в обращении с холодным оружием... Да, шансов остаться без руки было больше, чем избавиться от браслета.

Ругаться Йонто не стал. Наверное, понял, что только зря потратит время и нервы. Зато предложил сходить на ярмарку, и предложение это сразило меня наповал.

На ярмарку я хотела. Очень даже! Шутка ли сказать, больше недели провела в чужом мире, а ничего и не видела, кроме лагеря торговцев, одной-единственной деревни да леса. Лес был неплох, конечно, но душа жаждала иных зрелищ.

— А ты в порядке? — тем не менее не спешила соглашаться я. — Как ты себя чувствуешь? Болит что-нибудь?

— Я в порядке, — отмахнулся Йонто. — В полном. Я же говорил, ничего страшного со мной не случится. Так что, идем?

Ну если он действительно здоров... Я пристально вгляделась в него. Румянец на щеках, блеск в глазах. И движения плавные, не то что вчера. Кажется, волноваться и в самом деле не нужно.

— Когда? — подскочила я с крыльца.

— Сейчас. Переоденься, если хочешь...

Я кивнула и поспешила в комнату.

Конечно же переоденусь. И даже накрашусь. И... Я прижала ладони к горящему лицу и глупо улыбнулась. До сего мига и сама не понимала, как же здесь засиделась! Обычно я не рвалась на всякие развлекательные мероприятия. Сейчас же... Кажется, сейчас я ждала и

жаждала чуда. И таковым чудом вполне могла стать иномирная ярмарка.

Косметикой я пользоваться не любила, но умела. Насколько я могла судить, небогатого содержимого моей косметички будет более чем достаточно.

Как там выглядели Мирина и та надоедливая девица?..

Бледная кожа. Она у меня и без пудры почти белая.

Темные брови. Пара движений карандашом.

Подведенные глаза. Хм, подводки нет, зато есть тушь.

Капля бледно-розового блеска на губы. А что, недурно получилось. По крайней мере, народ точно не испугаю.

А еще я решила надеть подаренное Мириной платье. Вернее, платья... Тот самый ворох тряпок, который до сих пор всеми силами избегала. Но я уже знала порядок, в котором следует надевать эту красоту, и запутаться не боялась. И поначалу все действительно шло неплохо. Справившись с узкими брючками, нижним темно-голубым платьем с плотно облегающими рукавами и с дополнительной кружевной юбкой, я надела платье верхнее, с широкими рукавами и расширяющимся от линии талии подолом с неглубокими разрезами. Мягкая серебристо-белая ткань, расшитая голубоватыми жемчужинами, легла красивыми складками. Пригладив ее, я посмотрела в зеркало и улыбнулась застывшей там незнакомке.

— Сегодня мы красотки, — тихо засмеялась я, и незнакомка подмигнула, соглашаясь.

А потом начались трудности. Я никак не могла красиво обернуть вокруг себя темно-синий пояс. Широкий и длинный, он то и дело съезжал, перекручивался, морщился... Помучившись, я осознала, что у меня руки скорее отпадут, чем эта штука завяжется.

А тут и время вышло.

— Ты готова? — спросил Йонто через дверь. Наверняка устал ждать. Я и сама устала, если честно.

— Да, — не слишком уверенно отозвалась я, растерянно сжимая пояс.

Может, и вовсе не надевать? Не Йонто же о помощи просить. Помнится, в прошлый раз от подобной просьбы он восторга не испытал...

Но он сумел удивить. Зайдя в комнату, окинул меня странным взглядом, подошел и, забрав пояс, сказал:

— Приподними руки.

Я растерялась настолько, что не задала ни единого вопроса. Развела руки в стороны и даже дыхание затаила.

Йонто оборачивал пояс аккуратно и ни разу меня не коснулся. А я чувствовала себя фарфоровой куклой, которая может разбиться от любого неосторожного движения.

Наконец он завязал концы пояса на моей спине и отошел на шаг, оценивая работу. Хорошо получилось. И не скажешь, что впервые завязывал.

Или не впервые?

Из-за этих глупых мыслей я едва с крыльца не упала, запнувшись о порог. А может, все из-за новых туфель, прилагавшихся к платью. Серебристо-белые, расшитые синими узорами, они были красивыми, но непривычными.

Йонто поддержал, не позволив позорно растянуться на травке, и сказал:

— Подожди.

Я застыла на верхней ступеньке. Он взял меня за правую руку, приподнял широкий рукав, а поверх узкого приладил к предплечью... ножны?

Небольшие такие, легкие... Как и кинжал, который оказался в моей руке, стоило Йонто хлопнуть по ножнам. Рукоять кинжала отливала темной зеленью. В ладони он лежал удобно, был тонким и острым... И в ножны прятался так же быстро и легко, стоило лишь поднять руку.

— Я не умею этим пользоваться, — призналась я, дважды повторив фокус с появлением и исчезновением кинжала.

— Здесь важен эффект неожиданности, — покачал головой Йонто. — Бей не раздумывая и со всей силы.

— Кого? — улыбнулась я. — Мы на ярмарку идем или в какой-то притон?

— Лишним не будет, — поджал губы он, и спорить я не стала.

Не будет так не будет, пусть его. Тем более что кинжал почти не ощущался, надежно скрывался под рукавом и совершенно не мешал.

— Идем? — Йонто протянул ладонь, и я без раздумий вложила в нее свою.

— Мы пойдем тропой? — уточнила подозрительно.

— До города путь неблизкий. Ты против?

Я припомнила прежние свои впечатления. Неприятно, конечно, но ради ярмарки и потерпеть можно.

Терпеть не пришлось: то ли действительно привыкла, то ли предвкушение оказалось сильнее неприятных ощущений, но переход не доставил никаких проблем. Просто, сделав пару шагов, я вдруг очутилась не на лесной полянке, а в тупичке. С двух сторон, смыкаясь, возвышались серые каменные стены, а с третьей разросся пышный кустарник, усыпанный мелкими голубыми цветочками. Они пахли, сладко и сильно, и я, не сдержавшись, чихнула. За кустарником кто-то охнул, послышался удаляющийся перестук каблучков...

— Ты кого-то напугала, — хмыкнул Йонто и, раздвинув ветки, пропустил меня на узкую улочку, которая через несколько минут вывела нас на площадь.

Поначалу я ослепла и оглохла: столь ярко и броско были украшены многочисленные палатки, редкие деревья... и люди, сливающиеся в разноцветную толпу. Толпа смеялась, ругалась, плакала и пела; она звенела обрывками странных мелодий, лязгом столкнувшихся мечей, стуком полных местного пива кружек; она хлопала в ладоши, шуршала тканями, топала и вздыхала. Она была полна жизни, стремительной и смелой, от которой я успела отвыкнуть... И это пьянило сильнее вина. Чужое веселье оказалось заразным; я бегала от прилавка к прилавку, разглядывая диковинные вещицы, болела за поднимающегося на шест парня, едва не пустилась в пляс вместе с разудалой компанией... И неизвестно, куда бы это меня завело, будь я одна.

— Смотри, да не засматривайся, — насмешливо посоветовал Йонто, когда я едва не присоединилась к желающим перетягивать толстенный — намного толще моей руки — канат.

Сам он совершенно не поддавался всеобщему легкому безумию, словно боялся расслабиться даже на один-единственный миг.

— Тебе здесь не нравится? — спросила я, когда мы выбрались из спонтанно возникшего хоровода. Я бы с ними и дальше пошла, но Йонто мой порыв не одобрил.

— А тебе? — привычно уклонился от ответа он.

Я неуверенно пожала плечами. С одной стороны, дома я такое времяпрепровождение не жаловала. С другой же... Здесь все было словно в сказке. Наши ярмарки казались бестолковыми и пугающими, но то, что я видела сейчас, ничуть на них не походило. Я и сама ничуть не походила на прежнюю себя, предпочитавшую спрятаться ото всех подальше и отгородиться от мира очередной книгой. Этот же мир мне хотелось изучить. И не только в теории. Я чувствовала себя смелой и сильной, беззаботной и беспричинно счастливой. Это была особая магия, магия места, где люди, отринув проблемы, радовались мимолетным минутам веселья, места, где царило буйство красок и музыки, где можно запросто взять за руку незнакомца и затащить его в безумный хоровод...

Вот только Йонто моих чувств не разделял, а я отчаянно хотела поделиться с ним тем, что вижу и ощущаю. Жаль, не знала как.

Я все еще подыскивала слова, чтобы объяснить ему, когда он остановился возле прилавка с безделушками. Бусы и браслеты, сережки и колечки, цепочки и кулоны... Я с любопытством скользила взглядом по красочному богатству, но куда любопытнее было, что здесь понадобилось Йонто. Не сережками же прельстился?

— Хочешь чего-нибудь? — спросил он, и я растерялась.

Мне нравилось смотреть. Но хотела ли я что-то себе? Вряд ли.

Йонто вытащил из кармана несколько тускло-желтых монеток и, отдав плату худощавому продавцу, взял с прилавка две длинные, похожие на спицы шпильки с крупными жемчужными шариками, обрамленными серебряными ажурными лепестками. И ловко воткнул их в мои собранные в объемный пучок волосы.

— А это зачем? — вспомнив кинжал, с опаской потрогала украшение я. — Ими тоже нужно в кого-нибудь тыкать?

— Нет, — покачал головой Йонто, и показалось, что он едва сдержал улыбку. — Просто красиво.

С ответом я не нашлась, да его от меня и не ждали.

Вот только на сердце стало тепло. А еще почему-то захотелось плакать.

Какая же я глупая.

Глупая, но счастливая. Хотя бы здесь и сейчас.

Когда-то давно на такой же ярмарке Йонто впервые увидел статуэтки из цветного стекла. Воздушные, изящные, они притягивали взгляд и завораживали, их нестерпимо хотелось коснуться — и одновременно казалось, что они разобьются, стоит лишь дотронуться до них.

Сегодня Ана походила на такую статуэтку. И дело было не столько в платье, которое ей необычайно шло, сколько в сиянии, от нее исходящем. Она светилась изнутри, совсем как то прозрачное, тончайшее стекло в лучах солнца.

Красивая. Нежная.

Хрупкая.

Решение привести сюда Ану показалось не таким уж хорошим почти сразу. Было чересчур шумно, людно и суетливо. Никогда раньше он не замечал этого. Никогда раньше он ни за кого не отвечал...

Йонто крепко сжимал узкую ладонь и боялся, что она вот-вот выскользнет, и толпа бесследно поглотит Ану. Люди слишком громко кричали, слишком сильно толкались... все было слишком. И он хотел увести ее отсюда, но вовремя заметил: ей нравится. В царящем здесь хаосе, представляющемся ему одной сплошной опасностью, она видела что-то свое, то, чего он так и не смог разглядеть. А может быть, почувствовать.

Он привел ее сюда, чтобы она повеселилась, посмотрела на что-то еще, кроме деревьев, мелких зверьков и нечисти. А потому стоит держать свои страхи и опасения при себе. В конце концов, не допустить, чтобы они воплотились в реальность, его забота.

А Ана... Ана выглядела счастливой. И постепенно заражала этим счастьем и его.

И он тоже любовался танцем угольно-черных теней на огромном белом полотне, боем стремительных и легких, словно вода и воздух, мечников, распускающимися прямо на земле огненными цветами. Подбадривал, пусть и молча, упорно карабкающегося по скользкому столбу мальчишку и бросал монетки бродячим музыкантам, чьи песни задевали в душе нечто невидимое, болезненное. Но при том ни на миг не забывал держать ухо остро, чтобы, к примеру, убрать зазевавшуюся Ану с пути высокого, богато одетого толстяка, перед которым, казалось, даже стены предпочитали расступаться.

— Хорошего человека должно быть много, — замороженно протянула Ана ему вослед.

— Тебе до хорошего человека есть и есть, — не удержался Йонто.

— Ну знаешь ли! — возмутилась она. — На себя посмотри!

— А кто сказал, что я хочу быть хорошим? — парировал он.

Ему нравилось поддразнивать ее. Нравилось, как вспыхивали румянцем обычно бледные щеки, как блестели глаза, как дрожали в едва сдерживаемой улыбке губы — потому что ей тоже была по вкусу эта игра.

— Я, — сложила руки на груди Ана. — Я тебя насквозь вижу! — И добавила задумчиво совсем уж непонятное: — Прямо как рентген.

Она жадно впитывала самую атмосферу всеобщего праздника. А вот покупки ее не интересовали, и даже платье они так и не выбрали.

— А как тебе это? — ткнул пальцем в очередной наряд Йонто.

— Как-то фу, — не оценила Ана, и он с неожиданным весельем признал: действительно, фу.

Точнее и не скажешь.

С нарядами дело обстояло не то чтобы грустно, нет, очень даже радостно. Излишне. Слишком пышные и тяжелые, о яркости и говорить не стоит — от одного только взгляда рябило в глазах. Зато Йонто наконец-то оттаял и даже начал улыбаться.

Впрочем, идиллия продлилась недолго. На любом празднике найдется тот, кто обязательно испортит все веселье. А то и драку затеет... Эту ярмарку, несмотря на сказочность, сия участь тоже не миновала. Впереди, за прилавками с ароматной выпечкой, кипела эпичная битва. Мы разумно решили ее обойти, но она все равно до нас дотянулась. Пусть и самым краешком.

Я не успела понять, в чем дело, как Йонто шагнул вперед, закрывая меня собой... А в следующий миг в его плечо врезалось крупное яблоко.

Подозреваю, синяк будет таким же... крупным.

Подхватив съедобный снаряд, Йонто подбросил его на ладони и вернул по обратному адресу. Среди увлеченных мордобоем раздался смачный шмяк и неприличный вопль, но более конкретных претензий мы дожидаться не стали — припустили с места боевых действий со

всех ног. Моих, естественно, потому как Йонто мог бежать гораздо быстрее.

Едва оказавшись в безопасности, я остановилась, развернулась и успела заметить гримасу боли на его лице и то, как быстро скользнула ладонь по пострадавшему плечу. Как назло, левому.

Божечки... Дайте мне сил и отсыпьте правильных слов!

— Йонто... — ласково позвала я. — Скажи, пожалуйста, ты не думаешь, что проще было бы убрать меня из-под удара, а не подставляться самому?!

— Но так намного быстрее, — пожал он плечами и вновь болезненно поморщился. Столь мимолетно, что, не приглядываясь я, и не заметила бы.

— И тупее! — не выдержала я. — Ты мог пострадать!

— Зато ты не пострадала, — отмахнулся Йонто.

Тяжелейший случай. И я представления не имела, что с этим делать!

— Ну хорошо... Предположим, мы попали в более серьезную ситуацию, и ты пожертвовал собой, схлопотал в грудь кинжал и лежишь такой красивый и не вполне живой... Кто помешает оставшимся злыдням меня добить?

Кажется, правильный вопрос найден — вон как задумался.

Не совсем та мысль, к которой я хотела его подвести, но... Хотя бы так для начала. А дальше, может, получится донести до него ценность его собственной жизни безотносительно моей или чьей бы то ни было.

Мягкие сумерки уже окутывали мир, и на площади зажигались разноцветные фонарики. Большие и маленькие, они парили в воздухе и стояли на земле, висели на деревьях, словно диковинные плоды, и покачивались над шатрами и прилавками. Пузатый, похожий на светлячка фонарик завис прямо над нами, и теплый золотистый свет впелся в волосы Йонто, замерцал в его глазах яркими искорками. Я затаила дыхание. Слишком уж красивым был этот миг. Таким красивым, что даже сердце сжалось... и забилось чаще, вынуждая шагнуть ближе, протянуть свою ладонь навстречу другой ладони, сильной и надежной.

Но хрупкое волшебство момента разрушили самым бесцеремонным образом. Сначала позади Йонто воздвиглась

настоящая гора, а затем на его плечо — и опять левое, ну что за невезение! — опустилась огромная лапища, кою и рукой-то язык не повернется назвать.

— Мамочки! — охнула я, невольно отшатнувшись, а Йонто молча и без видимых усилий вывернулся и встал лицом к бородатому рыжему великану, закрыв меня собой.

— Сколько раз предупреждал — не подкрадывайся, — укоризненно сказал он.

Бородатый басовито рассмеялся, и у меня отлегло от сердца. Слава Великому предку, ну и Небесам заодно, не враг. Таких, как этот человек, лучше держать в друзьях.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — прогрохотал великан, добродушно улыбаясь. — Но раз уж увидел... Идем-ка, покажу, что из твоей шкуры к следующей ярмарке сделаю!

Я поперхнулась воздухом. Что, простите? Из *его* шкуры?!

— Из *моей* шкуры можно сделать только никому не нужное чучело, — фыркнул Йонто, оглянувшись и ободряюще подмигнув. Словно — в который уже раз — мысли подслушал.

— Ты прав, дружище, — оценил шутку бородач. — Нигу в этом плане куда полезнее.

Уф... Вот о какой шкуре речь! Нельзя же так людей пугать...

Великан, приглашающе махнув рукой, скрылся за пологом ярко-зеленого шатра, рядом с которым мы и стояли.

— Испугалась? — обернулся ко мне Йонто. — Прости.

— А тебе... обязательно к нему идти? Он странный! — поделилась сомнениями я.

Шутки шутками, конечно, но кто местные нравы знает... Уж точно не я!

— Ничего со мной не случится, — улыбнулся Йонто. — Моя шкура Ахта не интересуется, его больше привлекают редкие экземпляры. Он ими торгует. Хочешь взглянуть?

Наверное, стоило бы, но... Я вспомнила укрытого тьмой нигу и наотрез отказалась от новой встречи, пусть даже и всего-навсего с безобидной шкурой.

— Нет, спасибо. Но ты иди. Я здесь подожду.

Йонто нахмурился, явно сомневаясь, можно ли хотя бы на пару минут предоставить меня самой себе. Было бы даже обидно, не будь у

этих сомнений весомых оснований...

Наконец что-то решив, он взял меня за руку, подвел вплотную к шатру и строго наказал:

— Я быстро. Ни на шаг не отходи.

— Так точно, мой генерал, — хмыкнула я и, вытянувшись в струйку, приложила ладонь к виску.

Йонто, привычный к моим «иномирным штучкам», лишь головой покачал и нырнул в шатер, откуда пахнуло чем-то сладким, тяжелым и душным, а я приготовилась смиренно ждать. Встала поудобнее, ручки на животе сложила, глазки... Ладно, глазки опускать даже не собиралась. Зачем, когда вокруг столько интересного?

Действие капель Мирины, которыми воспользовалась с утра, к вечеру ослабло, но все же видела я намного лучше обычного. Даже в сумерках. И по-настоящему наслаждалась, оглядываясь по сторонам и подмечая мельчайшие детали не угасающего веселья, озаренного разноцветным светом фонариков. Пока не посмотрела вперед...

Передо мной росло дерево, высокое, с серебристо-серым стволом, и запутавшийся в отливающей золотом кроне ветер что-то тихо напевал. Мелодию умело подхватила присевшая у корней девушка, невысокая и гибкая, смуглокожая и черноволосая. Ее наряд сливался с корой, а в глазах отражалось то же золото, что расчертило узорами узкие листья. Натянутые на длинной дощечке струны плакали и звенели под тонкими пальцами, и начатая ветром песня с каждым мигом звучала все громче и отчетливее, пока наконец не перекрыла ярмарочную разноголосицу. Пока не осталось ничего, кроме странной, волнующей музыки, которая обволакивала душу, туманила взгляд слезами, обещала... Дерево за спиной девушки уже не было деревом. Оно поменяло очертания, и я узнала то самое существо, что так напугало меня в лагере торговцев. Сейчас же я понимала: ничего уродливого в нем нет. Вырезанный в дереве чентоль мало походил на виденного мною, но в том, что это именно дракон с прозрачными крыльями, сомнений не осталось.

И, зачарованная, я вдруг обнаружила себя стоящей прямо перед девушкой, что смотрела на меня... и пела. Ее бледные губы не шевелились, однако я слышала голос, чистый и печальный, и вздрагивала от каждого слова, что вплеталось в мелодию и становилось ее частью.

Еще один день без тебя. Еще одна ночь в пустоте.
И, образ твой в сердце храня, ищу в бесконечной я тьме
Дорогу в тот мир, где ты есть, где я буду рядом с тобой.
Попыток прорваться не счесть... Я слепо бреду за мечтой.
«Забвенью сдаваться не смей!» — так часто в ночи я шепчу.
Сквозь тысячу бед и смертей пройдя босиком по мечу
Острейшему грани миров, открою незримую дверь.
Порвав паутину из снов, к тебе я вернусь. Только верь.

Голова закружилась, и слова исчезли. Растворились в образах, которые вспыхивали, будто молнии, сменяя друг друга.

Мужчина с длинными черными волосами, в алых одеждах и с огненными всполохами в глазах, протягивает мне ладонь, на которой переливается золотистая пыль.

Вспышка.

И другой мужчина, рыжеволосый и синеглазый, крепко держит меня за руку.

Вспышка.

Два чентоля в лунном небе сплелись в яростном танце... или битве?

Вспышка.

Дерево в фиолетовом цвету и высокий мужчина, который почти обернулся, почти показал лицо...

Вспышка. Тьма.

И три слова едва различимым шепотом, от которых перехватило дыхание, а на глазах выступили слезы.

Я люблю тебя.

А потом меня выдернули в реальность. Вот только что я стояла, околдованная, оглушенная музыкой и видениями, а в следующий миг уже спешила за Йонто, который, почти до боли сжимая мою ладонь, быстро пробирался сквозь толпу. Я даже не заметила, как он подошёл. А он, похоже, не замечал, что я уходить не хотела.

— Ты чего?! — возмутилась, пытаюсь освободиться.

Куда там! Он так в меня вцепился, что и клещами вряд ли отцепить удалось бы. Тем более на ходу, вернее, на бегу. Это Йонто

шагал, мне приходилось бежать. Отрастили некоторые длинные ноги, а остальным мучайся...

— Ой! Больно же!

Только после этого он остановился. Обернулся, и я испуганно охнула.

— Что с тобой? — прошептала, глядя в совершенно шальные глаза.

— Ничего, — мотнул головой он, и волосы, собранные в хвост, совсем растрепались.

— Знаю я твое «ничего», — пробормотала я и дернула рукой, которую он и не собирался отпускать. — Что-то совершенно точно случилось, но ты конечно же не скажешь, потому что не привык делиться, или же потому что тебе неловко рассказывать, или же ты просто считаешь меня совсем глупой и неспособной тебе помочь, или...

— Идем домой, — устало прервал мои нервные размышления он.

— Идем, — тут же согласилась я.

Дома хорошо. Дома есть успокаивающие травки.

И пусть только заикнется о том, что не будет их пить!

ГЛАВА 15

Паллир не любил дело, в котором достиг немалого мастерства и за которое его столь ценили шэт-шаны, что предыдущий, что нынешний.

Но выбора ему никогда не оставляли.

Старого мага выдернули из тихой спокойной жизни и вновь швырнули в водоворот дворцовых интриг, и никакие заверения в том, что он слишком немощен для подобного, не помогли. Видно, крепко припекло владетеля, раз он решил вернуть того, кого сам отпустил. Да и заверения те правдивостью не отличались. Несмотря на возраст и седину, немощным Паллир не был, и сила по-прежнему легко подчинялась ему.

Комната со скрытыми плотными шторами окнами тонула в полумраке. В углу над курильницей поднимался дымок, и воздух до предела напитался тяжелым, приторно-сладким запахом, от которого ломило в затылке. Прикованный к стулу с высокой спинкой следопыт был бледен. На его шее бешено пульсировала жилка, а лоб покрывала испарина.

— Ты будешь жить, не трясись, — негромко обронил Паллир, подходя ближе и засучивая рукава. — И чем меньше ты сопротивляешься, тем меньше боли испытаеть.

Он никогда не мучил тех, кому не повезло оказаться объектом его профессионального интереса. Больше положенного не мучил. А остальное от него совершенно не зависело.

Следопыт обещанием не проникся и, почувствовав легкое прикосновение к вискам, тихо завыл. Впрочем, тотчас же замолчал — мастер привык делать все быстро и точно.

Нажать сильнее, пропустить через кончики пальцев силу, открывая чужой разум, затем распахнуть свой собственный. Скользнуть по соединяющей их тонкой нити, на один растянувшийся в бесконечность миг становясь другим человеком, обретая способность листать его память, словно полную ярких, но отнюдь не чудесных картинок книгу. Переворачивая страницу за страницей, найти то, ради чего и пришел незванным в святая святых чужого сознания. Запечатлеть

этот образ, запомнить, сделать частью себя... И вернуться назад, разрывая нить, разделяя слившиеся в единое целое личности.

Следопыт плакат. Безмолвно и страшно. Он не мог видеть, что Паллир корчится на полу, пытаясь вдохнуть слишком густой воздух и унять раскалывающую голову боль.

Никто не знал, что крадущий воспоминания испытывает то же самое, что и его жертвы.

На этот раз Паллир приходил в себя гораздо дольше обычного, ибо то, что он увидел, потрясло его. И заставило задуматься о дальнейших своих действиях...

В гостевых покоях старого мага уже поджидал Канро. Прошедшие годы мало его изменили, оно и понятно: время не властно над теми, в ком течет истинная кровь. Но то было лишь внешне. На самом же деле шэт-шан стал другим. Более резким, грубым, нетерпимым. Жестоким. Или все это изначально скрывалось в нем, а теперь лишь проявилось, проступило из глубин души? Канро нервно мерил шагами комнату и напоминал не величественного владетеля, а непоседливого мальчишку. И при других обстоятельствах Паллира позабавило бы это сравнение, вот только сейчас было не до смеха.

— Получилось? Кто он? — едва завидев уставшего мага, встрепенулся шэт-шан, и в его глазах вспыхнули алые искры.

— Один из тех, кто недостоин вашего внимания, мой господин, — ответил Паллир, поклонившись. Удобно, когда хочешь спрятать эмоции. — Желаете, чтобы я описал его вам?

На несколько мгновений воцарилось молчание, и Паллир пожалел о вопросе, но Канро ожидаемо скривился и махнул рукой:

— Дай описание следопытам. Немедленно.

— Не стоит, мой господин, — вновь поклонился старый маг, и в спине что-то подозрительно хрустнуло. — Я сам займусь этим.

— Ты? С чего бы? — удивился владетель.

— Ваш покорный слуга на многие годы позабыл о своем долге, — опустив взгляд, покаялся Паллир, незаметно разминая поясницу и стараясь не морщиться. — Позвольте же мне искупить вину и доказать, что я по-прежнему верен вам.

— Двадцать лет назад ты тоже был мне верен? — усмехнулся Канро.

— Я ушел по вашему приказу, — невозмутимо ответил Паллир. — И вернулся — тоже. Все, что я делал, ни разу не нарушило принесенной мною клятвы.

Маг склонил голову и замолчал. Теперь все зависело от шэт-шана.

— Хорошо, — разбил тишину Канро. — Найди того человека. Забери у него то, что принадлежит мне, и убей его. Ты меня понял?

— Я вас понял, мой господин, — поднял глаза на владельца Паллир. — Не пройдет и трех дней, как я выполню ваш приказ.

— Три дня? — нахмурился Канро.

— Лучшие ваши следопыты, даже имея портрет этого человека, и за неделю не справятся, — заверил его маг.

— Три дня, — протянул шэт-шан. — Что же. Я буду ждать. И если через три дня ты не справишься... Ты попрощался со своей дочерью?

Паллир до боли сжал зубы и в третий раз поклонился. И когда Канро покинул комнату, резко выдохнул и прикрыл глаза.

Больше своего проклятого мастерства он ненавидел лишь шэтов, возомнивших себя богами.

— Это был грёзник, — сказал Йонто после ужина, грея ладони о кружку с успокоительным чаем, который я ему все-таки заварила. Ну и себе заодно, потому как неясная тревога царапала сердце. — Я давно уже не слышал упоминаний о них. И совершенно не ожидал, что... — Он осекся, пригубил чай и вздохнул. — Грёзников видят немногие. Говорят, что они показывают и будущее, и прошлое, и даже мечты и страхи. Каждому — свое. Что видела ты?

Я открыла было рот, чтобы рассказать, но с удивлением осознала, что не в силах вымолвить ни слова.

— Не можешь, — кивнул Йонто с таким видом, будто иного и не ждал.

— И даже почти не помню, — призналась я.

Остались смутные образы. Четко я помнила лишь песню — и последние слова.

— Ана? — встревоженно позвал Йонто и нахмурился, когда я подняла на него глаза. Протянул руку и осторожно провел пальцами по моей щеке, стирая слезы.

Я что, плачу? Серьезно? Почему?

— Все в порядке, — улыбнулась я, поняла, что мне не поверили, и поспешила перевести тему: — Там было кое-что странное. Дерево за

спиной грёзника... Оно изменилось. Напомнило мне чентоля, но какого-то другого... Сейчас!

Я сорвалась с места, притащила из комнаты лист бумаги и карандаш для бровей. Так себе инструмент, но в данном случае кисточка была бы еще хуже. Сделав набросок, я подвинула его к Йонто.

— Могу я это взять? — полюбовавшись моими художествами, спросил он.

— Бери, — пожала плечами я и добавила: — Я уже видела такое. В лагере торговцев. Только там была каменная статуя. Поначалу она меня напугала, а потом помешала сбежать. Притянула к себе...

— Притянула? — медленно повторил Йонто. — Ты дотрагивалась до нее?

— Да. И знаешь, она мне словно в душу заглянула. — Я припомнила те ощущения, вздрогнула и принужденно рассмеялась. — Глупости, да? Она же каменная. Как она может смотреть? Даже для вашего мира это слишком... Йонто? Ты чего?

— Ничего, — мотнул головой он, — просто задумался.

— О своем поведении? — хмыкнула я. — Зачем меня с ярмарки утащил? Там самое интересное начиналось...

— Я не должен был тебя туда приводить, — мрачно выдал Йонто, и я едва чаем не поперхнулась.

— Почему? Все же было хорошо!

Если не считать грёзника конечно же. Но ведь и в этом нет ничего страшного, правда?

— Если бы я вернулся на минуту позже, все было бы плохо. Иногда одурманенные люди не раздумывая идут за грёзниками... и исчезают. И ты...

— Никуда бы я не пошла! — возмутилась я. — Я же обещала...

— Обещала. Ни на шаг от шатра не отходить, — кивнул Йонто. — А сама что? Наверняка даже не заметила, как рядом с грёзником оказалась?

Я прикусила язык. Не заметила. И, наверное, так же незаметно последовала бы за этим дивным существом... Вот только зачем бы я ему сдалась? Не обладающая никакими талантами, самая что ни на есть обычная и вообще в другом мире рожденная?

Не знаю почему, но я верила, что угрозы не было. Однако беспокойство Йонто меня тронуло. Так обо мне никто никогда не волновался. Даже родные.

— Спасибо, — сказала я. — Спасибо, что подарил мне этот день. Он получился по-настоящему волшебным.

Поддавшись внезапному порыву, я потянулась к нему и легко коснулась губами его щеки. И, смутившись, сбежала к себе.

— Ана, — тихо позвал Йонто, едва я переступила порог комнаты.

Он сидел, по-прежнему сжимая остывшую кружку, и выглядел крайне растерянным.

— Да? — почему-то шепотом отозвалась я, чувствуя, как горят щеки.

— Доброй ночи, — сказал Йонто.

— Доброй, — эхом откликнулась я, закрыла дверь и, прижав к лицу ладони, не сдержалась от совершенно глупой улыбки.

— Ана! Ты что, даже и не думаешь сегодня заниматься?

Я действительно не думала. Забралась под одеяло с головой и хотела от души себя пожалеть, но кое-кто совершенно не считался с моими планами. Мог бы и понять мои чувства. Сам же принес весть о том, что Шаная все еще не вернулась. И я начала серьезно сомневаться, что хоть когда-нибудь вернется.

От вчерашнего настроения, что бродило в крови пузырьками шампанского, не осталось и следа. Причем обнаружилось это еще с утра, до того, как Йонто вновь опечалил меня новостями. Вернее, их отсутствием. Не знаю, где он ходил и что делал, но домой пришел только к вечеру, когда я и так уже почти рыдала от полнейшего душевного раздора. Честно, сама не понимала, что со мной происходит, не помогли ни травки, ни попытки убедить себя в том, что все непременно наладится. Душу жгла непонятная тоска.

— Ана, — не успокаивался Йонто, — выходи. Не стоит прерывать занятия...

Я заподозрила, что он все равно не отстанет, и, высвободившись из одеяла, подошла к двери.

— Зачем мне это? — поинтересовалась уныло, прислонившись к ней лбом.

Кожа горела. А дерево было приятно прохладным.

— Сама же хотела, — напомнил Йонто. — Поверь, без канша будет намного проще.

— Будет. Дома. Все равно я скоро уйду! — выпалила я то, во что уже мало верила.

По ту сторону двери повисло молчание.

— Так торопишься? — наконец тихо спросил он. — Неужели здесь тебе совсем не нравится?

Нравится. Очень нравится. Здесь дышится легче и жить хочется, но... Это не мой мир. Что меня здесь ждет?

Я хотела домой.

Я хотела остаться.

Второе желание, только что осознанное в полной мере, настолько поразило, что я забыла обо всем. И даже о том, что Йонто ждет ответа.

И ожидание, судя по раздавшемуся хлопку входной двери, изрядно затянулось.

Злится? Злится. На мою слабость? Молчание? Что-то еще? Черта с два разберешься, на что именно. Но если не разобраться, то незначительная проблема разрастется до размеров катастрофы.

Собрав в кучку мысли и чувства, я выбежала на полянку и огляделась. Пока предавалась печали, успело стемнеть; на небо высыпали крупные звезды, а в траве устроили концерт сверчки.

Йонто не было. Ну не в лес же он ушел? Задрав голову, я посмотрела на домик и выдохнула с облегчением. Наверное, было полным сумасшествием думать, что в лесу, пусть и ночном, охотнику на нечисть угрожает опасность, но... Не хотелось бы, чтобы он действительно туда отправился.

Сидеть на крыше гораздо лучше. И безопаснее.

И достать его оттуда реальнее.

Лесенка, прислоненная к задней стене дома, доверия не внушала, но все же я храбро поставила на нее ногу... Задумчиво вслушалась в протестующий скрип, припомнила, что Йонто всяко тяжелее, и, затаив дыхание, поднялась на крышу. Не самое легкое дело, если учесть неудобные юбки и мою боязнь высоты.

— Я тебя нашла! — балансируя на верхней ступеньке, с радостной улыбкой заявила я сидящему вполоборота ко мне Йонто.

— Уходи, — не поворачиваясь, бросил он.

— Не хочу, — фыкнула я. — Посмотри на меня.

— Не хочу, — отозвался он.

Так дело не пойдет. Это моя фраза!

— Зато я хочу, — сообщила я, ставя ногу на край крыши и прикидывая, сколько шансов добраться до одного ненормального целой и невредимой. — Не заставляй меня лезть к тебе. Я ловкостью никогда не страдала, и если... Ай!

Шансов оказалось еще меньше, чем предполагала — нога заскользила на втором шаге, и мысленно я уже видела себя лежащей внизу в совершенно непригодном для жизни состоянии. Но крепкая рука ухватила мой локоть, и в следующее мгновение я сидела напротив Йонто.

— Что тебе нужно? — устало спросил он.

— Тебя, — решила быть честной я.

— Вот он я. Довольна? — проворчал Йонто.

— Не-а. Недовольна. Совершенно. Хватит уже вести себя так...

— Как?

— Не знаю. — Я посмотрела вниз, нервно сглотнула и для надежности вцепилась в обреченно вздохнувшего парня. — Если тебя что-то беспокоит, скажи об этом прямо.

Но говорить он не торопился. Так и сидели мы в темноте, слушали музыку ночи, любовались звездным небом... а потом Йонто все же нарушил молчание. Весьма своеобразно.

— Родинка на твоём левом плече похожа на чентоля, — глядя на темный лес, обронил он.

— Ага. И у сестры тоже, это у нас от мамы, вот только Ева мечтает ее удалить... — обрадованно кивнула я и запоздало спохватилась: — Эй, а ты-то откуда знаешь?!

— Видел, — лаконично ответил Йонто, а я крепко задумалась. Когда это он успел мои плечи разглядеть?! Хотя...

Сама же приставала, чтобы помог с платьем. Он и помог. Попутно рассматривая мои родинки...

Но смутиться я не успела — меня сразил неожиданный вопрос.

— Скучаешь по дому?

— Да, — призналась, проглотив ком в горле. — Там мама и сестра. Мы нечасто виделись, но...

Но я в любой момент могла узнать, как у них дела, и на сердце никогда не было так тяжело, как сейчас.

Конечно, вряд ли они заметили мое отсутствие. Мама звонила редко, сестра самозабвенно училась и разбивала сердца студентам, преподавателям и нечаянно попавшимся ей на пути мужчинам. Характером и обаянием она пошла в маму. Не то что я.

Всем этим я и поделилась с Йонто, в котором внезапно обрела внимательного слушателя.

— А что твой отец? — спросил он.

— Я даже имени его не знаю, — пожала плечами я. — Мама о нем не говорила. А я... Мне же было семь, когда родилась Ева. То есть я должна хоть что-то помнить! Хоть какой-то обрывок воспоминания, запах, ощущения, голос... Но нет. Будто его в моей жизни и вовсе не было.

— Кто еще тебя ждет? — помолчав, задал новый вопрос Йонто.

Еще? Разве что Светлана. Единственная подруга. Я не то чтобы отгораживалась от людей... Старалась быть дружелюбной, но при малейшей попытке сблизиться сразу очерчивала границы и никого за них не пускала. Света же прорвалась. Для нее границ не существовало, ни реальных, ни воображаемых, и за это я была ей благодарна.

— Еще? — выслушав про подругу, не успокоился Йонто.

— Да нет больше никого, — устало вздохнула я. — Кота даже завести не успела...

— Что такое кот? — озадачился он.

— В вашем мире нет кошек? — ужаснулась я. — Нет, тогда я тут точно не выживу!

— Какая от них польза? — нахмурился Йонто.

— Они маленькие, пушистые, теплые и мурчащие. Их можно гладить и чесать.

— И это все? — не поверил он. — То есть ты страдаешь из-за того, что здесь нет бесполезных клочков меха?

— Сам ты бесполезный! — возмутилась я. — А кошки — они для души.

— Для души? Для души можно что-то получше найти, — усмехнулся Йонто и, поднявшись, протянул мне руку. Колебалась я недолго и вскоре тоже стояла на ненадежной на мой взгляд крыше, не понимая, зачем это делаю. — Просто смотри и молчи. И ничего не бойся, — сжав мою ладонь, прошептал он и, зажмурившись, запрокинул голову. Словно в ожидании первых капель дождя.

Когда в темном небе появился слабо мерцающий силуэт, я крепче вцепилась в руку Йонто, уже догадываясь, кого именно увижу, и все же надеясь, что ошибаюсь. Но с каждым мгновением надежда таяла, и стоило огромного труда спокойно стоять, глядя, как, скользя в пронизанных звездным светом воздушных потоках, к нам приближается чентоль.

Он был огромен. Тогда, в свою первую ночь в этом мире, я не смогла по достоинству оценить размеры дракона с прозрачными крыльями. К счастью. Иначе точно не выжила бы. А сейчас это пернатое чудо парило на расстоянии вытянутой руки, и я в подробностях разглядела сияющие белым перышки, покрывающие длинное тело вместо чешуи, развевающиеся ленточки-усы, алые глаза с ромбовидным зрачком, плоский розоватый нос, принимающийся к нам... С поджатыми под брюхо лапами чентоль походил на змею, а вот в морде его было что-то кошачье. И вместо приличествующего моменту страха я испытала совершенно необъяснимое желание погладить это нереальное существо. Проверить, каковы на ощупь перья, мягок ли подвижный нос, выяснить, мурлычат ли чентоли, если почесать их под шейкой. Пришлось и второй рукой схватиться за Йонто, что было воспринято им совершенно неверно.

— Не бойся, — тихо сказал он, глядя при этом на чентоля, зависшего над крышей. — Он не причинит никакого вреда тем, кто чист мыслями.

Надеюсь, мои порывы грязными не сочтут.

Осмелев, я коснулась доверчиво подставленного носа. И в самом деле мягкий! Нежный, теплый... Чентоль чуть подался вперед, и моя ладонь скользнула сначала по широкой переносице, а затем — по мелким перышкам на лбу. Ощущения были такими, словно я гладила пушистого кота, и я бы ничуть не удивилась, начни дракон мурлыкать, но вместо этого он вдруг уставился мне прямо в глаза, и в голове вспыхнули картинки — крутой склон, поросший оранжевым кустарником, я, карабкающаяся на него, Йонто, выпутавший из колючих веток крошечного чентоля...

— Ой, — выдохнула я, отпрянув, и оглянулась. — Он мне только что показал, как мы детеныша из кустов вытаскивали!

— Это ты ему показала, — улыбнулся Йонто. — Он нашел это воспоминание, и оно пришлось ему по вкусу. Сейчас посмотрим,

насколько... Эй, приятель, — потрепал он дракона по пернатому лбу, — покажешь нам небо?

Чентоль плавно развернулся, подставляя бок, и скосил на нас хитро блеснувший глаз.

Йонто легко перебрался на широкую спину дракона и подал мне руку. Я растерялась, не зная, стоит ли рисковать. Даже на крышу страшно было забираться, а тут... Чентоль совершенно по-кошачьи фыркнул, его глаза засияли ярче, и я мгновенно позабыла о страхе.

Все-таки чентоль — не самолет. Да и Йонто не позволит упасть. Как в таком случае можно отказаться от настоящего чуда?

Едва мы устроились на неожиданно удобной спине, как дракон взмыл вверх. Не резко, но у меня все равно душа в пятки ушла и голова закружилась, и показалось, что я зависла в пустоте. Но ужас не успел полностью мною завладеть. Мои плечи сжали горячие ладони, поддерживая и обещая безопасность, и я, справившись с паникой, обнаружила, что мы поднялись достаточно высоко. Удивительно, но это совершенно не напугало, наоборот, переполнило восторгом. Ветер, необычайно теплый и ласковый, трепал волосы и одежду, словно предлагая полетать с ним наперегонки. Огромная луна заливала оставшуюся далеко внизу землю голубоватым серебром, и лес с волнующимися на ветру кронами казался беспокойным морем, таинственным и манящим. Прозрачные крылья бесшумно рассекали воздух, и по морю плыла гибкая длинная тень. То ли корабль, то ли чудовище из глубин... Я замороженно смотрела на сменяющие друг друга леса, поля и деревеньки, сияющие россыпью огней, а потом подняла голову — и пропала.

Мы плыли в небе, полном крупных, ярких звезд. Казалось, протяни руку — и тут же их коснешься. И все это богатство ночь щедро дарила лишь нам двоим. Я оглянулась и улыбнулась: Йонто тоже зачарованно смотрел на звезды, которые отражались в его глазах. Заметив мой взгляд, он улыбнулся в ответ, встал на ноги и помог подняться мне. Я посмотрела вниз, но вместо земли увидела посеребренную луной туманную пелену. И точно очутилась в иной реальности, где не было ни времени, ни границ — лишь бескрайнее, вышитое волшебными искрами небо. Чентоль размеренно махал крыльями, но казалось, что мы застыли, что останемся здесь навсегда... Как бы я хотела превратить этот миг в вечность!

Я раскинула руки и подняла голову, впитывая его, стараясь навеки сохранить в памяти.

Ветер. Звезды. Свобода.

И Йонто, обхвативший мою талию, когда я слишком увлеклась и едва не отправилась в самостоятельный полет. Наверное, ночь меня опьянила... Я положила поверх его руки свою, еще и откинулась на него. Конечно же для того, чтобы не упасть, потому что от хмельных звезд и ветра вновь кружилась голова, а ноги так и норовили подкоситься.

Опасное это дело, летать на чентоле. Даже оказавшись на земле, спрятавшись под уютным одеялом, все еще думаешь о ночном волшебстве. И сердце сходит с ума, а всякие странные мысли гонят прочь сон...

И не только мысли.

— Ты по-прежнему считаешь, что в этом мире нет того, ради чего стоило бы остаться? — очень тихо спросил Йонто из-за неплотно прикрытой двери. Если бы я заснула, то и не услышала бы ничего, но я не спала.

И тем не менее промолчала. Потому что все еще боялась ответить на этот вопрос. Даже самой себе.

ГЛАВА 16

Йонто не впервые летал на чентоле, но, кажется, никогда до этой ночи не испытывал столь сильного восторга. Он словно бы видел мир глазами Аны, и мир этот неожиданно открывался с другой стороны, которой раньше попросту не существовало. И мысли в голове поселились странные. Они и раньше мелькали, но удавалось не обращать на них внимания, теперь же... Не получалось. Да и не хотелось.

Разве это преступление — предположить, что Шаная не сумеет вернуть Ану? Тогда ей нужен будет дом. Теплый и уютный, как она сама. Такой, каким стала затерянная в лесу избушка. Ане она нравилась. И ярмарка. И чентоль. И если Ана вдруг не сможет уйти... или же сама захочет остаться...

— Эй, приятель, ты в порядке? Спишь на ходу! — пробасил рыжий бородач, помахав ручищей перед глазами, заставляя вынырнуть из бурного потока мыслей.

Йонто вздрогнул, будто и в самом деле очнувшись ото сна. В лавке, сплошь заставленной книгами, было тесно, причем большую ее часть занимал великан. Улицу заливало жаркое полуденное солнце, однако здесь царили прохлада и приятный полумрак — Ахт всегда заботился о своих редких книгах, из которых жадно черпал не менее редкие знания, и на особые артефакты не скупился. Как и на диковинные обложки, которые любовно мастерил из шкур разных тварей и других материалов, на первый взгляд не слишком-то для этого подходящих.

— Я в порядке, — отмахнулся Йонто и кивнул на лежавший на прилавке рисунок, сделанный Аной. — Так что, видел подобное?

— Разумеется, — разгладив бумагу широкой ладонью, ответил бородач. — Штука древняя, о таких уже и не помнят. Зря, как по мне, может, и пользы от них нет, но так и вреда ведь тоже...

— Ахт!

— Ладно, не нервничай, — хмыкнул он. — Это алтарь для пробуждения силы. Сейчас не верят, что слабым магам можно помочь, многие обряды и традиции утеряны, но когда-то такое, — мощный

палец легонько постучал по рисунку, отчего крепкий прилавок заходил ходуном, — применяли пусть и не повсеместно, но довольно-таки часто.

— И что, помогало? — внезапно осипшим голосом спросил Йонто.

— Кто ж знает, — пожал плечами Ахт. — Сдается, не особо, ежели в конце концов и вовсе о том позабыли. А тебе зачем?

— Надо, — уклончиво отозвался Йонто и, сунув рисунок в карман безрукавки, шагнул было к выходу.

— Вот и ты кому-то понадобился, — задумчиво протянул бородач, заставив его обернуться. — Шастал с утреча тут один тип, о тебе все выводывал. Где живешь да с кем... Я-то ни словечком не обмолвился, но за других не поручусь. Другим все равно. Да и чуйки на людей нет, такой, как у меня. Моей чуйке даже аштар позавидовал бы, — хохотнул Ахт.

— Кто? — насторожился Йонто. Царапнуло чем-то это слово. Неприятно, точно осколком стекла по коже.

— Молодежь, — снисходительно фыркнул хозяин лавки. — Ничего не помните, ничего не знаете, а ведь и пятисот лет еще не минуло. Были раньше такие маги — аштары. А может, и не маги, может, и вовсе отдельный народ... Ни огнем швыряться, ни молниями не умели, в бою толку от них никакого, зато... Вот тем же целителям, чтобы дело свое знать крепко, сколько сил да времени приложить надобно? А? Аштарам же то свыше даровано. Прикрыл глаза, прислушался к себе да побросал в зелье нужные травы. Или же глянул на человека — и насквозь увидел, со всеми намерениями. Прямо как я.

— Были... раньше? — медленно переспросил Йонто.

— Давно уж нет, — грустно вздохнул Ахт. — А жаль. Ребята шагам сильно разгуляться не давали. Говорят даже, могли на свой вкус шэт-шанов выбирать... Оттого, видать, и сгинули. Вряд ли тэтам то по нраву было... Эй, приятель, ты куда?! Эх, молодежь, ни знаний, ни воспитания!..

Бородач ворчал ему вослед что-то еще, но Йонто уже не слушал. Он бежал по узким, как назло переполненным людьми улочкам, и сердце бешено стучало в груди.

Дурак. Как есть дурак!

Расслабился. Позволил себе мечтать.

О том, что на Ану могут выйти через него, даже не подумал. Следопыты видели его, да, но отыскать мужчину с такой внешностью в Прайго — все равно что найти иголку в огромном стогу сена. Но отыскивали же. Как?

Догадка засела в сердце тупой занозой. Не хотелось признавать, что она правдива, но если это так...

Не важно. Главное, увести отсюда Ану. Есть пара мест, где его никто не знает. Если податься туда...

Мысли прыгали, путались, обрывались... Торопливые, скользкие. Беспомощные.

Уйти. В другое шэтхо. Или за море. Да, за море — хорошая идея. Найти корабль... Это несложно. И если воспользоваться теневыми тропами, до побережья можно добраться быстро. Только вот слишком много сил требуют тропы... А силы понадобятся, потому как кто в здравом уме целиком и полностью доверится незнакомым людям? Нет, лучше идти как обычно. Дольше, конечно, но...

Йонто нырнул в пустой переулок, закрыл глаза и шагнул на теневую трону. Слишком резко, и на полянку перед домом не вышел, а выпал. Вскочил на ноги, прислушался... Тихо, безмятежно. Обычный теплый день. Но в душе не переставая дрожала до предела натянутая струна. Что-то было не так. В шелесте ветра ли, в птичьих ли трелях...

Прежде чем зайти, он постарался успокоиться. Не стоит заражать ее своим страхом, который к тому же может и не сбыться. Но рассказать, почему они должны уйти, нужно. Он и так слишком много утаивает.

Ана сидела на полу, в простом серебристо-сером платье, с собранными на затылке волосами, домашняя, уютная, до странного своя, и перебирала травы, задумчиво касаясь сухих стебельков тонкими пальцами, то и дело прикрывая глаза, словно прислушиваясь к себе.

Нет, не словно. Действительно прислушивалась. Девушка, никогда раньше не имевшая дело с травами, но удивительным образом знающая, что с чем сочетается и как это использовать. Доверяющая ему больше, чем он сам себе доверяет, вопреки здравому смыслу.

Дар-благословение. Дар-проклятие.

Почему, ну почему он раньше не догадался?!

— Йонто?

Ана подняла на него взгляд, улыбнулась. И от этой улыбки кольнуло сердце.

— Не хочу тебя пугать, но... Шэт-шан ищет тебя, — выпалил он. Не самое лучшее начало. Но иного он просто не придумал.

Йонто вел себя странно. Стоял, прислонившись к двери, бледный, взлохмаченный больше обычного, с совершенно диким взглядом. И предположение выдал не менее дикое.

Шэт-шан. Владелец, обремененный важными делами. Ищет какую-то попаданку, не имеющую мало-мальской ценности?

— Зачем я ему? — рассмеялась я. — В своем мире даже родным не особо нужна была, а здесь... Сам видишь, здесь тоже ничего из себя не представляю...

— Что у меня в правой руке? — не дослушал Йонто.

— Камешек, — не задумываясь ответила я.

— В кармане?

— Йонто...

— Говори, Ана. О чем ты подумала, едва услышав вопрос?

— Листок бумаги.

Сказала. И страшно так стало... А когда он молча вытащил из кармана сложенный вчетверо лист, и вовсе похолодела.

— Я просто угадала!

— И с травами каждый раз просто угадываешь? У тебя есть дар. Ценный дар.

От этих слов сердце ухнуло в пятки да так там и затаилось. Какой еще, к лешему, дар?! Я... обычная. Ведь правда же? Да?

Йонто тем временем взял меня за руку и потянул вверх, вынуждая встать.

— Мы уходим, — торопливо говорил он, — возьми лишь самое необходимое, то, что понадобится в ближайшую пару дней. Потом я все достану. Ну же, Ана! Очнись!

Я вздрогнула, будто и впрямь проснувшись, потеряла виски. Уходить? Куда? И... как?

Йонто подтолкнул меня к моей комнате, но тут снаружи раздался поистине оглушающий грохот.

Дверь распахнулась резко, жалобно скрипнули петли, затрещало старое дерево. Я схватила Йонто за руку. Сердце застучало с удвоенной силой, а перед глазами на миг потемнело.

Отчего-то казалось, что сейчас в дом ввалится целая толпа разбойного вида, но порог тяжело переступил высокий мужчина в длинном плаще с капюшоном, который полностью скрывал лицо.

Йонто, сжав мою ладонь, шагнул ему навстречу, и голова привычно закружилась... но теневая тропа, едва успев расстелиться, тут же свернулась, оставив нас в маленьком домике один на один с незванным гостем.

Йонто судорожно вздохнул и задвинул меня за спину, закрывая от изучающего взгляда, который я не видела, но чувствовала.

— Прошу прощения за вторжение, — тихо вымолвил гостюшка. — Я здесь по поручению шэт-шана. Полагаю, вы, как верные его подданные, не станете чинить препятствий тому, кто лишь исполняет его приказ.

Судя по тому, как напрягся Йонто, станем. И благополучно лишимся головы. Я провела в Эйторре не так много времени, но успела понять, что с этим самым шэт-шаном лучше не спорить. Я крепче стиснула ладонь Йонто, мысленно моля его о благоразумии. Он шумно выдохнул и медленно кивнул. Я было расслабилась, но тип в плаще тут же все испортил.

— Я бы хотел побеседовать с девушкой, — выдал он и попытался заглянуть за спину хозяина дома.

Проще было бы через крепостную стену перепрыгнуть...

— Беседуй со мной, — радушно предложил Йонто. Так радушно, что даже мне захотелось поскорее унести отсюда ноги. Но не настырному гостю, который явно возомнил себя бессмертным.

— Боюсь, не получится, — хмыкнул он, а в следующий миг все смешалось, завертелось бешеным водоворотом.

Я и опомниться не успела, как меня отбросило к стене, а Йонто вдруг захрипел и повалился на колени, странно выгнувшись, высоко запрокинув голову. словно его спеленали веревками, а на шею накинули удавку. Невидимую. Магическую...

Я с трудом поднялась — и оказалась лицом к лицу с магом, который наконец-то откинул капюшон, позволяя себя рассмотреть. Немолодой, но статный, со смуглой кожей и наполненными

усталостью карими глазами, с сединой в черных волосах, он живо напомнил мне старого ворона. Под цепким взглядом я окончательно растерялась, но ни отшатнуться, ни зажмуриться не сумела.

— Утомись, — глядя на меня, бросил Ворон, но я сразу поняла, что предназначалось это Йонто, отчаянно пытавшемуся избавиться от пут. — Если не хочешь причинить ей вред, успокойся.

Повисла пугающая тишина. Что же этот человек — и человек ли вообще — может сделать, если Йонто так быстро сдался?

— Не бойся, — улыбнулся Ворон, — мне просто нужно кое-что проверить. Ничего страшного не случится.

Он громко щелкнул пальцами, и в распахнутую настежь дверь вплыл длинный сундучок. Повинуясь еще одному щелчку, дверь с оглушительным стуком захлопнулась. И как только, бедная, с петель не слетела? Из сундучка же Ворон извлек и выставил на стол семь небольших, похожих на игрушечные, кубков, явно не пустых. Повинуясь мучительному любопытству, оказавшемуся сильнее страха, я шагнула ближе и убедилась: в них действительно налито что-то густое, янтарное, отчетливо пахнущее медом.

Позади раздался рваный, обреченный вздох, и мне стало не по себе.

— Что это? — спросила я, попятилась было, но так и не смогла двинуться с места.

— В кубках — лучшее этлийское вино, — ответил Ворон. — Шесть из них содержит мгновенно действующий яд, и лишь один безопасен. Твоя задача — указать, какой именно.

Что за глупость... Он сюда только за этим явился?

Я посмотрела на кубки. Одинаковые. И вино в них... Хорошее вино. Сладкое. Я словно наяву почувствовала обволакивающий язык и нёбо вкус летнего полдня, тягучего, пряного, восхитительно-солнечного. А потом во рту загорчало, а желудок болезненно сжался, заставив меня прижать к животу ладонь.

И лишь при взгляде на третий слева кубок все неприятные ощущения исчезли.

— Скажи, где нет яда? — словно прочитав мои мысли, спросил незванный гость.

— Нет, — придушенно прохрипел Йонто.

— Не скажешь — он умрет, — равнодушно предупредил Ворон. — Ну что?

Я не знала, зачем ему это нужно. Не знала, но чувствовала, что ничем хорошим это не закончится. А потому без колебаний коснулась первого справа кубка.

— Отлично, — кивнул Ворон, взял указанный мною кубок и шагнул к стене, где притих Йонто. — Твой друг проверит, не ошиблась ли ты с выбором... А если откажется, то это сделаешь ты.

— Не откажусь, — хрипло отозвался Йонто.

Похолодев, я развернулась и выбила кубок из рук Ворона.

— Что такое, милая? — делано удивился он.

— Я... я ошиблась, — выдохнула, унимая дрожь. — Дайте мне еще один шанс!

Так как никто не возразил, я кинулась к столу, застыла, убеждаясь, что правильно определилась с выбором, и схватила нужный кубок. Но отпить не успела — Ворон забрал его и, усмехнувшись, поднес Йонто.

Я вновь похолодела. Уверенность уверенностью, но вдруг все-таки ошиблась? Вдруг он пострадает из-за меня? Я неотрывно следила, как кубок приближается к губам Йонто, как он делает глоток, второй, и не дышала. И знать не знала, смогу ли вдохнуть, если он сейчас упадет замертво, сраженный коварным ядом...

Не упал. Допил вино и ободряюще мне улыбнулся. Как он мог улыбаться вот так, стоя на коленях, беспомощный, только что рискнувший жизнью?!

Ноги подкосились, и я осела на пол, чувствуя, как на глазах закипают злые слезы. Да что этот человек себе позволяет? Заявился в чужой дом, запугал своими угрозами, заставил проверить смертельный номер... Зачем? Ради чего?

— Что же, — пробормотал Ворон. — Шэт-шан не ошибся. Идем.

— Куда? — и не думая подниматься, насторожилась я.

— Я должен сопроводить тебя во дворец, — склонил голову он. — Шэт-шан приглашает...

— Весьма польщена, — невежливо перебила я, — но вынуждена отказать. Слишком много дел. Уверена, ваш владетель найдет подходящую гостью...

Ворон смотрел на меня неотрывно, и под этим взглядом я осеклась, а он... рассмеялся.

Тихо, хрипло... и совсем не весело.

Йонто неразборчиво выругался, рванулся, освобождаясь, но добраться до гостя не успел — повинувшись небрежному пассу, магические путы затянулись сильнее, и на сей раз я увидела тонкие, но прочные нити, что спеленали не только руки и ноги, но и захлестнули шею.

— Если пойдешь добровольно, я оставлю его в живых, — ровно сказал Ворон. — Если же нет...

— Я пойду! — крикнула я. — Пожалуйста, хватит... Я пойду.

— Ана!.. — нагнал меня в дверях отчаянный хрии.

Я не выдержала и обернулась. Йонто, бледный, тяжело дышащий, но уже без затягивающейся на горле удавки, рванулся было снова, но я покачала головой, вложив в свой взгляд мольбу не делать глупости.

Здесь и сейчас мы проиграли. И если один из нас погибнет, выиграть уже никогда не сумеем.

Перед домом нетерпеливо помахивал хвостом изумрудно-зеленый чентоль, каким-то чудом уместившийся на полянке. Он опирался на все шесть лап, забавно шевелил усами и время от времени выпускал из ноздрей струйки дыма. А еще неодобрительно косился на меня, застывшую на крыльце, словно знал, по чьей душе его сюда пригнали. Шею чентоля обхватывал широкий ошейник, а на спине возвышалось нечто вроде большой маковой коробочки с дверцами. Никаких креплений я не заметила, и тем не менее она не шаталась, словно ее приклеили. Наверняка так оно и было, только не с помощью клея, а с помощью магии.

— Иди, — поторопил Ворон. — Тебя сопровождают. Мне же нужно задержаться. — Я резко обернулась, и он покачал головой: — Я сдержу слово, не волнуйся.

Полностью поверить этому человеку я не могла. Вот только выбора не осталось.

— Лошадей здесь, похоже, тоже нет, — растерянно пробормотала я, все-таки спустившись и на ватных ногах приближаясь к чентолу. Его прозрачные крылья трепетали, ловя малейшее дуновение ветерка, и готовы были в любой момент унести своего обладателя в фиолетовую бесконечность неба.

Дверцы необычной кареты распахнулись, и из них выдвинулась лесенка. Я оглянулась на дом, оценила задумчивый взгляд мага и со

вздохом поставила ногу на первую ступеньку. Несмотря на внешнюю хлипкость, лесенка выдержала мой вес и даже не скрипнула, не прогнулась.

А жаль. Я предпочла бы упасть, чем очутиться в обитом нежно-лиловой тканью нутре коробочки.

Дверца закрылась сразу же, как я вошла. Куда делась лесенка, так и не поняла, как и то, почему здесь, при отсутствии окошек, светло.

Магия, чтоб ее.

Вдоль задней стенки странной кареты полукругом изогнулась скамейка, на которой расположился закутанный в черный плащ — мода у них такая, что ли, или все поголовно мерзнут? — мужчина.

— Присаживайся, — проскрипел он. — Дорога недалённая, но во время полета стоять опасно.

Спорить я не стала. Раз уж сама сюда зашла... Что уж теперь. Осторожно села как можно дальше от очередного типа в плаще. Скамейка оказалась мягкой и удобной, а спинка словно обняла меня, и откуда-то стало ясно, что ни при каких условиях не отпустит, пока я того не пожелаю. Крутой ремень безопасности, однако...

Стоило мне сесть, как карету мягко подбросило, едва заметно покачало... и я поняла, что мы движемся.

Летим?

Летим. И последние сомнения в том, куда именно, все-таки отпали. Кто еще мог организовать приглашение, от которого невозможно отказаться, и прислать такой транспорт?

Я в самом деле нужна шэт-шану. Каким бы абсурдным это ни представлялось.

А Йонто? Что будет с ним? Я сделала то, что от меня требовали, но сдержит ли Ворон данное слово?

Я сцепила ладони в замок и покосилась на попутчика. Худой, высокий вроде бы. Из капюшона только и виден что кончик длинного носа. Да из рукавов тонкие желтоватые пальцы с коротко подстриженными синюшными ногтями выглядывают. Проводник? Сторож? Боятся, что я выпрыгну из кареты? Нет, умей я летать, ни секунды не раздумывала бы, а так... Жить мне пока что не надоело.

В голове злыми пчелами роились вопросы, и я кусала губы, чтобы пчелки эти ненароком не слетели с языка. В язык они и впивались

своими жалами, и держать его за зубами становилось все труднее. Но...

Не с этим человеком стоит разговаривать. А уж показывать страх и вовсе никому нельзя.

С последним было еще сложнее. Руки дрожали, а сердце билось так, что в ушах шум стоял. Глаза жгло, и я не поручилась бы, что не расплачусь в самый неподходящий момент.

Нет, это уже никуда не годится. Я же не нежная барышня, проводившая все свое время за вышиванием и любовными романами. Я выжила и даже не сошла с ума, работая с начальником, доводившим до истерики крепких, тертых жизнью мужиков. Что мне какой-то шэтшан? Я справлюсь. Просто обязана справиться.

Что же касается Йонто... Пока я просто не буду думать о том, что меня могли обмануть. Мысли эти до добра не доведут и ничем не помогут. Ни мне, ни ему.

Путь и правда выдался коротким. Я едва успела немного успокоиться, как появилось ощущение, что мы снижаемся. Плавно, почти незаметно, будто я ехала не на гигантском крылатом ящере, а в навороченном лифте.

Мягкий толчок — и дверца бесшумно распахнулась. Не удивлюсь, если и лесенка уже готова...

— Прошу, — указал на выход мой провожатый, не торопясь вставать.

Ну ладно. Отступить некуда.

От волнения кружилась голова, и ноги держали плохо, а потому я не видела ничего вокруг себя, еще и на последних ступеньках лесенки запнулась... и влетела в чьи-то гостеприимно распахнутые объятия. Меня сразу же окутало ароматами восточных пряностей, а на ухо жарко шепнули:

— Наконец-то ты здесь!

Голос я узнала сразу. Рванулась, пытаюсь высвободиться, но только хуже сделала: ноги вновь подвели, и меня тут же подхватили на руки. От такой наглости даже в голове прояснилось!

— Отпустите, пожалуйста, — очень вежливо попросила я, прямо посмотрев в темно-карие глаза, в глубине которых мелькнули и тут же растворились алые всполохи.

Почудилось?

— Я могу тебя понести, — мягко предложил шэт-шан.

Так же мягки кошачьи лапки, в которых прячутся острые коготки.

— Спасибо, не нужно, — отказалась я. — Уверяю, я в состоянии стоять, ходить... и выслушать, для чего вам понадобилась. А после, надеюсь, вы окажете милость и доставите меня домой. Боюсь, одна попросту заблужусь...

Выпала я это, обмирая от страха и отчаянно молясь всем богам Эйторры и Земли, чтобы мой страх остался незамеченным.

А всполохи в темных глазах мне не померещились. На пару мгновений радужка и вовсе алой стала, и я забыла, как дышать. Шэт-шан засмеялся, тихо, беззаботно, искренне, и все-таки поставил меня на землю. Правда, руку с моего плеча не убрал, и стряхнуть ее я не осмелилась.

— Будь моей гостьей, — улыбаясь, сказал он. — О твоём возвращении поговорим позже. Если к тому времени ты, конечно, пожелаешь вернуться.

И за этими словами, такими же бархатными, как и тон его голоса, явно слышались другие, жесткие, жестокие и гораздо более правдивые: *если я пожелаю тебя вернуть*.

Мышеловка захлопнулась. Но вместо кусочка сыра в ней, большой и золоченой, оказался сытый, обманчиво ленивый и при том отчаянно скучающий кот.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 1

Старик не изменился. Годы обходили его стороной и силу ничуть не подточили, наоборот, будто бы напитали. Путы получились крепкими, ни разорвать, ни хотя бы ослабить, и все, что оставалось Йонто, — смотреть, как уходит Ана. В голове шумело от ярости, вина и нехватки воздуха, и он упустил момент, когда старик ловко воткнул длинную иглу ему в плечо.

Путы исчезли. Йонто резко поднялся, но руку тут же свело судорогой, ноги подогнулись, и он рухнул на пол. И встать уже не сумел.

— Яд? — усмехнулся презрительно, чувствуя, что без всякой магии утрачивает контроль над собственным телом.

— Обижаешь, Йон, — сев на пол, покачал головой старик, и это обращение плеснуло в душу кислотой.

— В кубках...

— А вот в кубках был яд. Но вряд ли бы что-то иное испугало девочку, верно? Не смотри так, я прихватил противоядие. Ты не пострадал бы.

Не пострадал? Теперь это так называется?!

Сказать хотелось многое, но язык заплетался, а слова терялись. И все же Йонто попытался.

Спросить. Понять.

— Зачем... Ты... Ана...

— Это дело шэт-шана, — резко оборвал старик. — Тебе не стоит туда лезть.

В глазах на миг потемнело.

— Я...

— Знаю. Видел. Тем более. Влюбленный идиот — легкая добыча.

Старик читал его играючи, и это злило. Но даже злость не могла прогнать разливавшееся в крови бессилие.

Незванный гость поднялся, глядя на Йонто с сочувствием, от которого становилось еще гаже.

— Мне приказано уничтожить того, кто посмел перейти ему дорогу. Не рой себе могилу, малыш. Забудь.

Забыть? Ану? Старик явно не в своем уме, раз смеет требовать подобное!

— Я никому не скажу, где и у кого нашел ее, — продолжал увещевать тот. — Будь благоразумен и не совершай поступков, о которых впоследствии пожалеешь.

— Никому? — с изрядной долей вполне обоснованного подозрения уточнил Йонто, хотя для этого и пришлось приложить все силы.

— Почти, — усмехнулся старик. — Полагаю, кое-кто будет рад узнать о тебе хоть что-нибудь. К примеру, то, что ты до сих пор жив.

Очень хотелось ответить, но сил уже не осталось. Перед глазами расплывалось, сознание путалось, попытки собраться и встать терпели крах. Какое встать — и пальцем-то пошевелить невозможно!

— А это чтоб наверняка, — пробормотал старик и, наклонившись, легонько хлопнул Йонто по лбу.

Пол качнулся и накренился, потолок обрушился на голову, и все погрузилось во тьму.

Дверь в покои была двустворчатой, и открывали ее стражи, облаченные в легкие кожаные доспехи. Шэт-шан остановился и жестом предложил мне войти. С опаской переступив порог, я оглянулась. Владелец за мной не последовал.

— Отдыхай, — улыбнулся он. — Поговорим позже.

Дверь закрылась, нежно пропел подвешенный к ней изящный колокольчик, и в том, что одна я отсюда не выйду, сомнений не возникло.

Я глубоко вдохнула и выдохнула, сцепила дрожащие ладони в замок и растерянно осмотрелась. Шэт-шан не поскупился: комнаты были поистине великолепны и пылали всеми оттенками красного, милосердно разбавленными спокойными бежевыми тонами. В первой я обнаружила низкий столик, уставленный незнакомыми закусками, и небольшой диванчик. Подушки, впрочем, тоже имелись, хотя при наличии толстого мягкого ковра смотрелись излишеством. Здесь даже камин был, и в нем извивались в танце язычки пламени. Без поленьев. Просто так. Во второй комнате стояла огромная кровать без спинок и ножек, странноватая, конечно, но само ее наличие немало меня удивило. Окно скрывалось за тяжелыми насыщенно-винными

шторами, одна стена была полностью зеркальной, а на невысокой полочке вдоль нее выстроились толстые круглые свечи. Они горели и медленно плавились, наполняя спальню тонким свежим ароматом. И с каждым вдохом я становилась все спокойнее, а поселившийся в душе страх — бледнее. Да, неплохо к моему визиту подготовились. Кажется, все предусмотрели...

Я подошла к окну и отдернула штору. Полюбовалась на слишком далекую землю и признала, что этот путь тоже для меня закрыт.

За неприметной дверцей располагалась купальня, но туда я заглянула лишь мельком, впечатлилась размерами и вернулась в спальню. Следовало бы поесть, но аппетита не было. Я устало опустилась на кровать, прикрыла глаза. Мысли теснились и путались, отчего голова начинала болеть. Йонто говорил, что дворец огромен и прекрасен, и, если бы не мое положение, определить которое я пока не могла, было бы величайшим удовольствием прогуляться, осмотреться как следует. А так я и не разглядела ничего толком. Не запомнила.

«Осмотришься еще, нагладишься, на всю жизнь запомнишь», — ехидно прошелестела вредная мыслишка, от которой я, как ни старалась, не смогла отмахнуться.

Неприменно запомню. Особенно если жизнь недлинной окажется...

Я не заметила, как задремала. А проснулась, когда за окном сгустились сумерки, от пристального взгляда застывшей напротив незнакомки. Я не слышала ни скрипа двери, ни звона колокольчика, хотя и спала чутко... Словно призрак просочился сквозь стену. Но женщина была из плоти и крови, и в мягком сиянии парящих под потолком золотистых шаров я сумела ее разглядеть. Повыше и чуть постарше меня, с забранными в сложную прическу иссиня-черными волосами, облаченная в простое широкое платье темно-бордового цвета.

— Так ты и есть та дева, что Сверкающая даровала Эйторре? — тихо спросила она.

Вот как бы им всем объяснить, что подарочек-то сомнительный и неплохо бы вернуть меня туда, где взяли?

Если не на Землю, то к Йонто.

— Меня зовут Анна, — на всякий случай представилась я, неловко сползая с кровати, почувствовала себя неуклюжей и отчего-то

сильно смутилась.

— Я — Вэйнара, — чуть склонила голову гостя. — Тот человек, из дома которого тебя забрали... В каких вы отношениях?

Такого вопроса я не ожидала и замешкалась, подбирая слова, благо что меня не торопили.

— Он помог мне, когда я оказалась в трудном положении, — осторожно ответила наконец. — Дал приют и защиту.

— И все?

— И все, — подтвердила я.

— Хорошо, — помолчав, произнесла Вэйнара. — Не спрашивай о нем. Не говори о нем. Не называй его имени, кто бы ни пытался.

— Простите? — растерялась я.

— Если в твоём сердце есть хоть капля благодарности к нему, ты выполнишь мою просьбу, — сказала она, и я, пораженная затаившейся в медово-карих глазах печалью, медленно кивнула. А Вэйнара, невесело улыбнувшись, шагнула к порогу...

— Вы — жена шэт-шана? — осмелилась спросить я.

Кем ещё могла быть эта красавица с поистине царской статью?

— У шэт-шана нет жены, — не оборачиваясь, отозвалась она. — Я его сестра.

Какое дело сестре владельца до живущего в лесу охотника на нечисть?

Поразмыслить над этим не удалось: едва Вэйнара ушла, в покои впорхнула стайка девушек в одинаковых серых платьях. Они сноровисто выпутали меня из одежды, обтерли вымоченным в какой-то приторно пахнущей гадости полотенцем и впихнули в новый наряд. Конечно же алый. То, что нужно, чтобы оттенить бледность и помятость лица. Зато с покрасневшими от усталости и так и не пролитых слез глазами платье сочеталось превосходно. Отлично, может, шэт-шан устрасится и отпустит восояси! К тому моменту как девушки взялись за мои волосы, я осознала, что сопротивление бесполезно, и перестала трепыхаться. Дело пошло быстрее, и через несколько минут меня, переодетую, переобутую, причесанную и даже припудренную, вытолкнули из покоев, у дверей которых дожидался знакомый по пути во дворец тип. Он кутался в тот же самый плащ, правда, сейчас капюшон был откинут, и я рассмотрела худое, изрезанное морщинами лицо, щедро присыпанные сединой волосы,

заплетенные в тонкую косичку, и смешные усики под длинноватым носом.

— Идем, — буркнул мужчина и торопливо зашагал по широкому коридору, освещенному круглыми светильниками. Подхватив неудобные юбки, я поспешила следом, а за мной, чеканя шаг, двинулись охранявшие мои покои стражи.

Неуютненько, однако. Будто на казнь ведут.

Последняя мысль заставила вздрогнуть... и очнуться. Шэт-шан сказал, что я его гостя. Так почему бы мне не вести себя соответственно этому статусу?

Я разжала руки, в которых комкала юбки. Расправила плечи, подняла повыше подбородок. И пошла медленно и плавно, как и подобает женщине в красивом и не приспособленном для спешки наряде. Позади сбились с шага разогнавшиеся стражи, но, надо отдать им должное, в меня все же не врезались. Чуть позже сообразил обернуться тип с косичкой, недовольно скривился, но выяснять отношения не стал, тоже подстроившись под мой темп. И я наконец-то успокоилась, почувствовав себя уверенней.

Так, чинно и благородно, мы и подошли к высоким узорчатым дверям, которые распахнулись, открывая огромный зал. Узкая алая дорожка, словно язык пламени, тянулась по темному полу до стоящего на возвышении трона. На троне восседал владетель. Вдоль дорожки застыли люди. Много людей, облаченных в одежды светлых тонов.

При нашем появлении шэт-шан поднялся. На фоне темных стен и одежд своих подданных он казался слишком ярким. Обжигающим. Я попятилась было, но мой сопровождающий ловко ухватил меня за локоть и заунывно — а еще излишне громко — возвестил:

— Дева, что пришла вслед за Сверкающей и озарила наш мир светом своим, предназначение которой — стать частью Эйторры и силой нашего владетеля, да продлит Великий предок его годы и одарит своею мудростью и могуществом, наконец-то нашла верный путь и обрела свой истинный дом!

Я растерянно моргнула. Вроде бы переводчик работал исправно, все слова по отдельности я понимала, но отчего-то никак не могла осознать смысл сотканного из них предложения, излишне длинного и витиеватого. Если он, смысл этот, вообще был.

— Ступай к трону и преклони колени, — прошипел сопровождающий и подтолкнул меня в спину, вынуждая сделать первый шаг.

И я пошла. Так же, как до этого по коридору: неспешно, гордо подняв голову. Вот только сейчас никак не могла унять дрожь в пальцах, оттого и спрятала руки в широких рукавах. И старалась не обращать внимания на то, как склоняются передо мной стоящие вдоль моего пути люди.

А я, значит, должна склониться перед шэт-шаном. Дойдя до трона, я замерла, глядя на владетеля, который явно ждал выражения почтения. Если бы я еще чувствовала хотя бы тень этого самого почтения... В моей душе было лишь одно: нежелание поддаваться. Настолько сильное и острое, что даже страх его не переборол. Как и понимание, что не мне тягаться с шэт-шаном. Но все, что я смогла заставить себя сделать, — чуть опустить голову. С которой тут же мысленно распрощалась...

Но владетель не разозлился. Улыбнулся, сошел с возвышения и протянул мне руку. Меня вновь окутало запахом пряностей. И огня. До сего мига я понятия не имела, как пахнет огонь, теперь же знала наверняка. Решив, что проявила достаточно своеволия, я несмело подала шэт-шану ладонь — и оказалась бок о бок с ним, лицом к людям, чье удивление, недоверие и неодобрение ощущала всей кожей. Сама понимала, что вела себя слишком безрассудно, но в то же время ничуть о том не жалела.

— Отныне она — моя гостья, — прокатился по залу бархатный голос владетеля. — Ее желания — закон для каждого из вас. И каждый, посмеявший ее обидеть, поплатится собственной жизнью. Донесите это до всех. Исключений не будет ни для кого.

Люди вновь поклонились. Молча, глубоко. Я же тяжело сглотнула. Угрожали не мне, напротив, ради меня, но... Страх накатил с новой силой, захотелось убежать и спрятаться.

Это все шэт-шан? Его сила? Она давит. Тяжелая. Злая. Как он сам-то с ней справляется?

Пока я предавалась размышлениям и пыталась справиться с паникой, несчастные подданные покинули зал, в котором остались лишь я, владетель и мой мрачный сопровождающий, вновь

натянувший капюшон до самого носа. Наверное, чтобы скрыть выражение своего лица, подозреваю, отнюдь не благодушное.

Шэт-шан повернулся ко мне и вновь улыбнулся. Но и в его улыбке чудилось не тепло, а обжигающий огонь. Он сам был огнем, ярким, подвижным. Неуправляемым. Он пылал, запертый в человеческом теле, и ярился, не имея возможности освободиться.

И это невероятно пугало.

— Позволь узнать твое имя? — спросил владетель.

— Анна, — хриплым от долгого молчания голосом отозвалась я.

— А-на, — протянул он, прищурившись.

Уже привычное сокращение больно царапнуло. Не хочу, чтобы шэт-шан называл меня так!

— Анна, — упрямо повторила я.

— Хорошо, Анна, — усмехнулся владетель, и от сердца отлегло.

Мелочь, да, но было бы... неприятно.

Впрочем, неприятной была вся эта нелепая ситуация. Зачем я здесь? К чему церемонии, улыбки и недавнее представление? С меня хватит. Сейчас же выясню, что ему нужно!

Вот только как к нему обращаться? В тонкости дворцового этикета меня никто не посвящал.

— Господин, вы... — наконец-то решившись, начала я.

— Канро, — поправил шэт-шан. — И я бы предпочел обращение на «ты».

Угу, конечно, сейчас бы называть по имени и тыкать целому владетелю! Не то чтобы его статус рождал во мне трепет и неконтролируемое уважение, вовсе нет. Просто сокращать дистанцию я не намеревалась. Ни в коем случае.

— Это неприемлемо, господин, — покачала я головой.

— Канро-шан, — проскрипел мой сопровождающий. — Теперь вы входите в ближний круг владетеля, и вам дозволено так к нему обращаться.

Надо же, теперь он ко мне на «вы»... Прелесть какая.

И когда это я успела куда-то там войти?

Ну да ладно, если дозволено, то пусть. По крайней мере, это звучит гораздо вежливее, чем просто имя.

— Канро-шан, — послушно повторила я, — зачем я вам?

— Не любишь ходить вокруг да около? — усмехнулся владетель. — Что ж, тем лучше: Ты нужна мне, Анна. А я нужен тебе.

— Вот как? — не сумела сдержать изумления я. И почему же за все время, проведенное в этом мире, я ни на миг не ощутила потребности в шэт-шане?

— Ты оказалась в чужом мире. Одна, потерянная, растерянная, напуганная, — мягко улыбнулся он, сжав мою ладонь в своей. Горячая. Как бы и вовсе не вспыхнула... вместе со мной. — Тебе нужен дом.

Я закусила губу, чтобы ненароком не выдать, что дом у меня уже есть. Дом, из которого меня забрали силой и в который я отчаянно хочу вернуться.

— И как же вы о том узнали? — спросила вместо этого.

— Я позвал тебя сюда, — признался шэт-шан.

Так вот кто виноват во всех моих злоключениях! И на что он надеялся? Что я восплаю благодарностью? Да зачем я ему вообще сдалась?

— Я сюда не хотела, — потянув ладонь из горячей хватки, мрачно сообщила я. — Вы выдернули меня из моего мира в этот... Для чего?

— Это твой мир, Анна, — возразил владетель. — Там тебе не место. Там ты погибала, лишённая возможности пользоваться своим даром, раскрыться в полной мере, осознать себя...

— Так вы из чисто благородных порывов спасли меня от верной гибели? — недоверчиво хмыкнула я. — Спасибо вам большое, никогда об этом не забуду... Можно мне уйти?

— Куда, Анна? — явно забавлялся шэт-шан. — В мир, который тебя убивает?

— Можно и в этот, но подальше отсюда, — выпалила я, под осуждающее хмыканье из-под капюшона запоздало прикусила язык и обреченно сжалась. Кажется, я все-таки договорилась...

— Ты боишься меня? — удивленно спросил владетель, заметив-таки мой страх.

Боюсь? Да я в ужасе! Этим ужасом полнится каждая клеточка моего тела, а каждый нерв натянут как струна, что вот-вот лопнет. Отчаянно хотелось к Йонто. Уткнуться лбом в его плечо, зажмуриться, вдохнуть знакомый, дарящий спокойствие запах, вновь ощутить себя в полной безопасности...

Но его здесь нет. И не будет. А мне пора вспомнить, что я не маленькая беспомощная девочка, и начать самой решать свои проблемы. И отвечать за собственное безрассудство.

— А стоит? — расправив плечи и прямо взглянув шэт-шану в глаза, спросила я. И голос, вопреки опасениям, не дрогнул.

— Конечно же нет, — улыбнулся Канро-шан. Улыбка была теплой, обволакивающей и вроде бы искренней, но... Мешало что-то окончательно поверить в его добрые намерения. — Я не причиню тебе зла. Никогда. В тебе — мое спасение и спасение Прайго. Моя сила... Ты же чувствуешь, что с ней происходит?

Я кивнула. Чувствую. Но не понимаю.

— Хорошо, — оживился владетель. — Значит, я не ошибся. Я дам тебе все, Анна. Ты ни в чем не будешь нуждаться. А взамен я молю о помощи. О том, чего никто, кроме тебя, не в состоянии мне дать. — Он помолчал, словно подбирая слова, и признался: — Твоя сила способна сбалансировать мою, вновь сделать ее послушной. Унять жажду, которую ничто больше не может утолить. Ты... позволишь?

Шэт-шан просил. Только под бархатом просьбы все равно чудился приказ. И я уже хотела отказаться, но... Что тогда будет? Если его сила выйдет из-под контроля... Если разрушительный огонь обретет свободу... Уцелеет ли Прайго? Люди, здесь живущие? Я лишь на миг представила себе это... и, содрогнувшись, вновь кивнула.

Владетель тут же сжал мою ладонь, и я застыла в ожидании. Прошла минута, другая... Канро-шан хмурился, а в моей душе расцветала надежда, что он все-таки ошибся, что я вовсе не та, кто ему нужен, и меня наконец-то отпустят.

— Ты должна разрешить мне, — нарушил напряженное молчание шэт-шан. — Добровольно отдать силу.

— Как? — не поняла я.

— Представь, что ты — ручей, впадающий в реку. Закрой глаза, расслабься и просто представь.

Ну... ладно. Я зажмурилась и вообразила себя звонким ручейком, бегущим по гладким белым камешкам. Сначала ничего не происходило, и я уже было обрадовалась, но потом ощутила, как сила — нечто теплое и свежее одновременно — тем самым ручейком льется от меня к владетелю. А из земли, воздуха... мира — ко мне. Поначалу

я даже испугалась, что меня выпьют досуха, но быстро поняла: скорее шэт-шан лопнет.

А если и правда лопнет?

Дурацкая мысль сбила настрой. Я дернулась, и ровный поток силы взбурлил, завертелся водоворотом. Вместе с ним завертелась и я. Или всего лишь моя голова? Миг назад переполненное энергией тело ослабло, и я бы непременно упала, не подхвати меня владетель.

Она боялась. Канро чувствовал ее страх остро, будто свой собственный. И то, как она скрывала его, пожалуй, было даже забавным. Шэт-шан видел, как, пусть и едва заметно, дрожат ее губы, как беспомощно сжимают ткань юбок тонкие пальцы. Но смотрела она прямо, говорила уверенно и в обморок падать не собиралась. Смелая. И Канро это нравилось. Он завоюет ее доверие, и страх уйдет. Останется лишь преданность, которая подарит ему силу. Много силы.

А для начала хватит всего нескольких ее капель. Агрийо, конечно, предупреждал, что не стоит торопиться, что Анна ничего не умеет и нужно бы раскрыть ее потенциал, но удержаться от соблазна было невозможно. А потому, не обращая внимания на многозначительно сопящего у дверей звездочета, Канро осторожно коснулся запястья Анны. Хрупкое. Почти прозрачное. И голубоватые венки просвечивают сквозь тонкую кожу.

Да, Анна совершенно ничего не умела. Но при том быстро училась. Канро не особо рассчитывал на успех и хотел уже остановиться, когда наконец-то получилось.

Ее сила оказалась не такой, как он представлял. Реальность превзошла самые смелые ожидания, и, опьяненный, Канро не ограничился несколькими каплями. Он пил щедро даруемую ему силу, жадно, захлеб, словно в последний раз. И кто знает, что бы произошло, если бы Анна сама не разорвала контакт. Лишь взглянув на нее, бледную, почти опустошенную, Канро осознал, что заигрался.

— Ты обедала? — нахмурился он, вглядываясь в белое лицо лежавшей на его руках девушки, и сам себе ответил: — Конечно же нет. Агрийо, проследи, чтобы Анне подали сытный ужин. Сейчас же.

Звездочет поклонился и выскользнул в коридор.

— Полагаю, ты предпочтешь поесть в своих покоях. Ничего, у нас еще будет время поговорить.

Анна тихо вздохнула и закрыла глаза, явно намекая, что говорить она не в состоянии. Как и идти. И возражать против того, чтобы Канро отнес ее в покои.

Подданные испуганно шарахались от шэт-шана, когда он шествовал по коридорам со своей наконец-то обретенной драгоценностью на руках. Сегодня его совершенно не заботили и не злили шепотки за спиной. Сегодня он был готов простить что угодно и кому угодно. И подаренная сила, укротив силу собственную, текла по венам, наполняя сердце умиротворением.

Я все-таки покаталась на шэт-шане. И даже осознавая недопустимость подобного, возразить не могла — не было сил. Все оттого, что я не умею контролировать себя. Так сказал владетель, когда тащил меня в мои комнаты. И заверил, что я обязательно научусь. Мои надежды не оправдались, я оказалась полезной, и теперь меня точно никогда никуда не отпустят. Как бы я ни просила. Что бы ни делала.

Когда шэт-шан сгрузил меня на диванчик в моей гостиной, столик был уже накрыт. Исходила паром глубокая тарелка с горячим густым супом, а на тарелочках поменьше расположились холодные блюда. Вкусные, наверное. И посуда красивая. Тонкая, изящная, белая. Расписанная занятными узорами. Вот только аппетита по-прежнему не было.

— Тебе нужно поесть, — наставительно произнес владетель, и я испугалась, что сейчас меня еще и с ложечки кормить будут.

Нет, такого моя психика точно не выдержит!

— Я поем, — пообещала я и схватила ложку, выказывая готовность прямо сейчас приступить к поздней трапезе.

— Не буду мешать, — к моему непередаваемому облегчению сказал шэт-шан. — Если что-нибудь понадобится, воспользуйся этим. — Он указал на хрустальный колокольчик, примостившийся на краю столика.

Я рассеянно кивнула, и владетель наконец-то направился к выходу.

— Канро-шан, — собрав всю смелость, окликнула я. — Вы сказали, что исполните любое мое желание...

— И чего же ты хочешь? — обернулся он с живым любопытством.

— Я хочу домой, — выдохнула я.

— Ты уже дома, — укоризненно покачал головой шэт-шан. — Привыкай.

Когда за ним закрылась дверь, я выронила ложку, сползла с диванчика на мягкий ковер и спрятала лицо в ладонях.

Йонто... Пожалуйста, забери меня отсюда...

ГЛАВА 2

Йонто проснулся от резкого, пронзительного вскрика лесной птицы. Лежал он прямо на полу, не потрудившись расстелить одеяло. С чего бы? Вроде накануне не пил.

Или пил?

Голова болела, словно с похмелья, даже думать было больно, и общее самочувствие оставляло желать лучшего. Как и память.

Какого чентоля вчера произошло?

Старуха с картами, дрянное вино, разрывы пространства... Кажется, он хотел проверить, кто и зачем это делает. Проверил? Или передумал и отправился домой? Судя по всему, второе. И не просто отправился, но еще и запил свою трусость. Тем же отвратительным пойлом, не иначе.

Жалкий... Какой же он все-таки жалкий!

Жить сегодня не хотелось особенно сильно. Но кого и когда интересовали его желания? Пришлось вставать, морщась от онемения, разлившегося по телу. Да то пойло хуже любого яда. Память оно точно убило. Пока Йонто, чувствуя себя древней развалиной, добрел до умывальной, в тяжелой голове вертелись обрывки вчерашнего вечера, упрямо не складывающиеся в цельную картину.

Старуха, вино, разрывы.

Разрывы, старуха, вино...

И все? Что было после? Как он добрался до дома? Тропу в таком состоянии не откроешь, а если каким чудом и получится, то домой вряд ли попадешь.

Он провел ладонью по зеркалу. Из мутноватых глубин смотрел некто бледный и растрепанный. И собственный взгляд вдруг показался больным и безнадежным. Такого при обычном похмелье не бывает.

«Отдавая — обретешь. Обретая — будешь жить», — словно наяву услышал Йонто скрипучий голос гадалки и, вздрогнув, отвернулся от зеркала. Стоило бы привести себя в порядок, тогда, может, и голова посвежеет, и мысли странные отступят.

Они отступили. Ненадолго.

Выпив вместо завтрака кружку ледяной воды, он направился к двери, когда за спиной прозвучало едва слышно:

— Йонто...

Не голос даже — дыхание ветра.

Знакомое такое дыхание...

Он вскинулся, осмотрелся, но конечно же никого не увидел. Немудрено — кто и как мог здесь оказаться?

— Это все из-за вина, — убежденно сказал он, и звук собственного голоса показался чужим и ненужным.

За порогом его поджидал дорк. Зверек забавно шевелил ушами, тыкался носом в пустую миску возле крыльца и укоризненно поглядывал на опешившего человека, понятия не имеющего, когда и как успел обзавестись питомцем. Разве что та же гадалка вручила...

Дорк стал последней каплей.

Идти куда-либо резко расхотелось. Накатила слабость, голова еще больше потяжелела, и Йонто вернулся. И, расстилая на полу одеяло, заворачиваясь в него и пытаясь уснуть, не мог отделаться от мысли, что в доме слишком тихо и пусто. В этих привычных, но сегодня невероятно раздражающих тишине и пустоте отчаянно чего-то не хватало. Словно у него отобрали что-то важное. Что-то, о чем умудрился забыть разум, но помнило сердце.

Первая ночь во дворце прошла скверно.

Ужин я все-таки заставила себя проглотить, понимая, что силы еще понадобятся. Он оказался вполне съедобным, а может, даже вкусным, вот только вкуса я не почувствовала. Потом я зашла в купальню, чтобы смыть усталость и страхи длинного суматошного дня, и надолго застыла на пороге. Привычные мне умывальные и даже ванне не шли ни в какое сравнение со здешней роскошью. Большая округлая чаша, выдолбленная в полу, лесенка с перилами, ведущая в воду, несчетное множество баночек-скляночек, выстроившихся на невысоком, но широком бортике. Удобная кушетка, пушистые полотенца и халаты. Мягкий золотистый свет. И таинственно мерцающая вода, восхитительно горячая, манящая, обещающая наслаждение и успокоение.

Искушение было велико. Решившись, я сбросила одежду и с головой окунулась в воду. И это действительно оказалось

невероятным! Пожалуй, сейчас я была если и не счастлива, то по-настоящему спокойна. От души наплескавшись, я завернулась в длинный халат — конечно же алый — и побрела в спальню, надеясь, что попросту отключусь. Но мои чаяния не сбылись...

Я была сытой и расслабленной, кровать — невероятно мягкой и удобной, но... Мысли, проклятые мысли усталости, в отличие от меня, не ведали, и отбиться от них я не сумела.

Мысли украли сон и принесли волнение. На его-то волнах меня и качало до самого утра.

Вэйнара предупредила, чтобы я держала язык за зубами относительно всего, что касается Йонто, но шэт-шан не задал о нем ни единого вопроса. Сначала это обрадовало, а потом не на шутку испугало. Так я и промаялась всю ночь, томимая дурными мыслями, а наутро, проигнорировав все приличия, направилась к Вэйнаре.

Вернее, направилась бы, если бы знала, где она живет. А так пришлось от души толкнуть дверь, которая — о чудо! — оказалась незапертой снаружи, и вежливо попросить ошеломленного моим явлением стража сопроводить меня к сестре шэт-шана.

— Вам нужна шэти Вэйнара, госпожа? — растерянно переспросил он, стараясь не пялиться на пусть и красивый, но явно непарадный халат. — Прямо сейчас?

Я нервно кивнула, запоздало сообразив, что меня могут и не выпустить, но страж, справившись с культурным шоком, развернулся и зашагал влево, и я, подобрав длинные полы халата, поспешила за ним.

По случаю раннего утра коридоры пустовали, что невероятно радовало. А вот то, что Вэйнара могла все еще сладко спать, печалило. И было бы правильным вернуться, дожидаться более подходящего времени, да и себя в надлежащий вид привести, но бессонная ночь, кажется, окончательно свела меня с ума. Когда страж остановился у одной из роскошных дверей и смущенно кашлянул, я не задумываясь побарабанила в узорчатую створку. И, услышав тихое «Войдите», незамедлительно воспользовалась приглашением.

В этой гостиной тоже имелся диванчик и даже кресло, но шэти сидела возле погасшего камина прямо на ковре, сложив руки на коленях и устремив на меня усталый и ни капли не удивленный взгляд. Рядом лежала раскрытая книга.

— Он жив? — выпалила я, едва закрыв за собой дверь. — Умоляю, скажите!

Вэйнара могла бы выставить нахальную гостью, но вместо этого неспешно поднялась, подошла ко мне, взяла под руку и усадила в кресло.

— Волнуешься за него? — спросила с непонятной интонацией, даже не уточнив, о ком речь.

Я кивнула, не сводя с нее взгляда. За ночь накрутила себя так, что сейчас мелко дрожали пальцы, а из глаз в любой момент готовы были хлынуть слезы.

— Он жив, — смилостивилась шэти, разглядев в моем лице что-то, ведомое ей одной, и слезы все-таки прочертили дорожки на щеках.

Я вытерла их рукавом, понимая, чтоставляю себя не в лучшем свете, но абсолютно о том не заботясь.

— Выпей, — велела она, и в мою ладонь ткнулся пузатый бок чашки.

В горле пересохло, и предложение оказалось кстати. Допив терпкий мятный чай, я встала и, прошептав:

— Спасибо, — неловко поклонилась.

— И тебе, — эхом отозвалась Вэйнара. Глаза ее подозрительно блеснули.

— За что? — осмелилась спросить я. — Почему вы так волнуетесь? Кто он вам?

Она беспомощно прикусила губу и покачала головой:

— Это не важно.

Настаивать я не решилась, и так за несколько минут годовой запас наглости исчерпала.

— Простите, — пробормотала смущенно и попятилась к двери, надеясь, что страж не сбежал. Вернуться к себе в одиночку вряд ли получится, дорогу я не запомнила.

— Будь осторожнее, Анна, — тихо сказала шэти. — Никому не показывай свои слабости и страхи. Только так ты сможешь выжить.

Страж не сбежал. Пока он вел меня обратно, я повторяла про себя последние слова Вэйнары и все больше утверждалась в мысли, что долго здесь не протяну — слишком много слабостей, а уж страхов еще больше.

Как спрятать от других то, что скоро перестанет помещаться в моем сердце?

К моменту, когда солнце окончательно проснулось и в мои покои вошли уже знакомые девушки, я сидела на диванчике, умытая, одетая и причесанная. Нежно-сиреневое, как местное небо на рассвете, платье и туфли в тон я нашла в шкафу, маскирующем под одну из стен спальни. Из платья меня попытались вытряхнуть, дабы обрядить в очередное алое, но сегодня выглядеть бледной молью я категорически не желала. Единственное, что позволила, — нанести макияж, в надежде, что девушкам удастся замаскировать следы бессонной ночи. Удалось, и я тут же простила им неодобрительные взгляды и шепотки. И чем им платье не понравилось? Жаль, халата не видели.

Страж вот видел, о чем до сих пор, похоже, так и не забыл. Он поприветствовал меня нервным поклоном и отконвоировал на террасу, с которой открывался шикарный вид на ухоженный сад. К виду прилагался свежий ветерок, щедро посыпавший кожу мурашками, накрытый на двоих круглый столик и Канро-шан во всем своем огненном великолепии. Столу я обрадовалась. Шэт-шану — не особо. Увы, шли они исключительно в комплекте.

— Ты прекрасна, Анна, — восхищенно сказал владетель.

— Благодарю, — отозвалась я и, расправив юбки, села на стул с высокой резной спинкой. — Вы тоже.

Ну правда же, такого, как он, в моем мире толпы женщин денно и ночью осаждали бы. До первой демонстрации дивного характера, хотя, подозреваю, даже это отпугнуло бы далеко не всех.

Шэт-шан подавился смехом и устроился напротив, не сводя с меня глаз. Я же пристально изучала столовые приборы, весьма странные на вид и непонятные в эксплуатации. А, ну и ладно, к чему пленнице выказывать хорошие манеры?

— Слышал, что с утра ты навестила мою сестру, — небрежно обронил Канро-шан, и переживания о тонкостях местного этикета мгновенно потускнели.

О том, что обо всех моих передвижениях он непременно узнает, я даже не подумала. Права Вэйнара, нужно быть осторожнее.

— Пожелала ей доброго утра, — кивнула я и храбро подцепила намазанный чем-то Сливочно-розовым тонкий ломтик хлеба. Пальцы даже не дрогнули.

— А она пожелала тебе доброй ночи? — усмехнулся владетель, последовав моему примеру. Это и правда принято есть руками или же он не хочет ставить меня в неловкое положение?

— Шэти Вэйнаре было интересно взглянуть на подарочек Сверкающей, — сказала я, все еще чувствуя себя крайне неуютно в роли великого — а на деле весьма сомнительного — дара.

— Вэй всегда была любопытной, — рассмеялся шэт-шан. — Надеюсь, она не смутила и не стеснила тебя.

— Ничуть, — вежливо улыбнулась я.

Только озадачила и напрочь лишила сна. Похоже, это у них семейное.

Завтрак оказался вкусным. Шэт-шан — не таким страшным, как я представляла. Но расслабляться было рано, как бы того ни хотелось.

Я все еще ожидала расспросов про Йонто. Но владетеля совершенно не интересовало, что со мной случилось до того, как я попала во дворец. И я позволила себе робко понадеяться, что так оно и будет впредь, но тут Канро-шан внезапно спросил:

— Это Сверкающая наделила тебя даром понимать и разговаривать на эйре?

Я едва сдержала непочтительный смешок. Ага, как же! Этот летающий шар одарил меня одними проблемами, совершенно позабыв о полезных навыках.

— Даром понимать речь меня наделило нечто другое, — продемонстрировала я вытасченный из-под одежды переводчик. Кристалл слегка мерцал, и мягко сияли нанизанные на шнурок искры. Я приладила их сразу же, чтобы кулон помимо своей основной функции укрывал от поисков. Увы, ничего не получилось...

— Это... — Владетель нахмурился, осторожно коснулся кристалла. Ясно, о таких низменных вещах он ничего не знает.

— Это канш, — просветила я. — Что-то из арсенала ваших охотников.

— Канш — это ошейник, — проявил осведомленность Канро-шан. — Это же... Какие охотники пользуются подобным?

Ой. Меньше всего мне хотелось будить в нем подозрения!

— Откуда мне знать, — пожала плечами я. — Это вещь торговцев.

— Как ты сбежала от них? — прищурился владетель.

Божечки-кошечки... Контроль над течением беседы я окончательно потеряла. Как она свернула в это русло?! С чего шэт-шан вспылал интересом к деталям?

— Они не восприняли меня всерьез, — уклончиво ответила я. — Плохо помню... Я была слишком испугана.

— Мне жаль, что я не нашел тебя раньше, — искренне посетовал Канро-шан.

А вот я об этом совершенно не жалела...

— Тот человек, что приютил тебя, — продолжил расспросы шэт-шан, и я затаила дыхание, — как его звали?

— Ваши имена непривычны для моего слуха, — виновато улыбнулась я, надеясь, что голос не дрогнет, — а он представился так невнятно... Я даже не разобрала. Мы не слишком много общались. Я просто...

— Что? — поторопил владетель.

— Благодарна ему за помощь, — закончила я.

— Не волнуйся, я сполна наградил его, — усмехнулся Канро-шан, и я до боли впила ногти в ладони, чтобы не натворить глупостей.

Спокойно. Йонто жив. Я должна в это верить. И должна улыбнуться в ответ тому, кто хотел его убить. Чтобы выбраться отсюда и забыть все, как кошмарный сон.

— Не желаешь осмотреться? Дворец большой, есть где погулять, — предложил владетель, к счастью, не заподозривший, какой волной эмоций меня едва не захлестнуло.

— Сейчас? — уточнила я.

— Когда захочешь, — великодушно развел руками он.

— Я могу покидать покои без вашего разрешения? — встрепенулась я.

— Конечно, — подтвердил Канро-шан. — Ты же не пленница.

Правда? Я невольно посмотрела на застывшего поодаль стража.

— Безопасность лишней не бывает, — заметил мой взгляд шэт-шан.

— Во дворце опасно?

— Очень. С непривычки можно заблудиться, — улыбнулся он. — Составить тебе компанию?

— Благодарю, но... — Я замаялась, не зная, как бы тактично намекнуть, что на сегодня с меня компании владетеля с его силой,

которую ощущала даже сейчас, достаточно. Да и потом, ни очков, ни капель Мирины не было, и видела я плохо. Какой толк от прогулки, если нельзя полюбоваться на местные красоты?

Последнее я и выпалила в качестве оправдания.

— Я могу это исправить, — не смутился Канро-шан и, подхватив меня под локоток, буквально потащил за собой. О том, хочу ли я что-то исправлять, спросить забыли, более того, отмели все мои робкие возражения, заявив, что дар Сверкающей должен быть совершенен.

Правда, заявил это не владетель, а сухопарая лекарка в белых одеждах. Она обитала в просторных покоях, пропахших травами и чем-то незнакомым, тревожным. Выдворив прочь шэт-шана, лекарка долго держала мою руку, прикрыв глаза, как когда-то Мирина, а потом непререкаемым тоном выдача, что не отпустит меня, пока не устранил все проблемы. Их было немного, но они мешали совершенству. Сбежать я не успела — от диагностики к лечению дама перешла без предупреждения. И я оказалась в самом настоящем аду...

В глаза словно огнем плеснули. Он жег не переставая, и спастись от него было невозможно. Ни дернуться, ни закричать я не сумела, сгорала молча... Час? Год? Миг?

Несколько минут. Всего несколько минут, пережить которые вновь я бы не согласилась ни за какие сокровища мира.

Еще час я лежала на мягкой кушетке, не в силах встать, отрешенно рассматривала высокий потолок, на котором могла разглядеть малейшую трещинку, и слушала, как лекарка вещает владетелю о моем состоянии и о том, что скоро оно изменится к лучшему.

Оно, конечно, изменилось. Но если бы хоть кто-нибудь спросил меня, готова ли я к такому... Увы, никому это и в голову не пришло. Для всех я была всего лишь даром Сверкающей, источником силы для шэт-шана. Чем-то совершенным, не имеющим права на изъян. А еще — на слезы, страхи и собственные желания. И извинения владетеля ничего не исправили.

Йонто знал, что это так больно? Он принес капли и сказал, что понадобится время, а на вопрос, нельзя ли использовать магию, ответил, что всему есть своя цена. Теперь я поняла, какая. Капли даже не щипали и с каждым днем понемногу проясняли взгляд. Магия же будто выжгла мои глаза — и воссоздала их заново. Я видела все четко

и ясно, как никогда прежде, вот только воспоминания о той боли долго еще туманили зрение.

Ближе к вечеру я все-таки отправилась на прогулку. Одна, отказавшись от компании Канро-шана. Страж, обязанный следовать за мной везде и всюду, был не в счет.

— Ничего не бойся, Анна. Помни, ты дома, — сказал владетель, прежде чем отправиться по своим делам.

Я улыбнулась, хотя сердце словно коркой льда покрылось. Мой дом остался далеко. Там мне действительно ничего не грозило. Там был тот, кто никогда не причинил бы мне боли.

Прогулка затянулась. Я не спешила, желая свежими впечатлениями и радостью от вновь обретенной способности видеть стереть воспоминания об этом утре. Еще одного страха моя душа просто не выдержала бы.

Дворец был огромен. Множество построек — от одноэтажных до пятиэтажных, — соединенных открытыми переходами; многочисленные лестницы самых причудливых форм и террасы, словно парящие в воздухе; высокие башни, квадратные, с тянущимися вдоль стен лесенками и смотровыми площадками, с изогнутыми крышами и большими окнами, которые вполне можно использовать как двери. Все было таким ярким... Много алого и золотого, ослепительно-белого, жемчужно-серого и голубого. И, как ни странно, сочеталось все это весьма гармонично и смотрелось величественно. А вокруг раскинулся сад. Шелестели зеленой и серебряной листвой деревья, и в их ветвях щебетали птицы; волновалась шелковая синеватая трава, среди которой яркими огоньками горели диковинные цветы... Посыпанные крупным желтым песком дорожки сияли в солнечных лучах, огибали дворец, уводили к вытянутому озеру, чьи сапфировые воды бережно баюкали в своих объятиях нежно-розовые бутоны лилий.

Здесь было спокойно. Напоенный сладостью цветов ветерок едва ощутимо касался влажных щек, стирая слезы, утешая, обещая, что все обязательно наладится. Смотри, Анна, смотри, как красиво! Слушай, как безмятежно... Чувствуешь? Это же то, к чему ты стремилась! Сказка, о которой мечтала. Вот она, воплощенная мечта. Протяни руку, шагни вперед, улыбнись. Весь мир у твоих ног. Прими же этот дар. Пусти в душу. Сделай частью своей жизни.

Почему же ты плачешь, глупая? Почему вместо счастья сердце полнится горечью?

И я дышала, пытаюсь сосредоточиться лишь на сиюминутных ощущениях.

Красиво. Безмятежно. Сказка...

Знать бы еще, какой именно она будет: доброй или же страшной. Сегодня я четко поняла, что от меня это совершенно не зависит.

Песок успокаивающе шуршал под ногами. Сквозь тонкую подошву туфель я чувствовала каждую его крупницу, что странным образом отвлекало от мрачных мыслей. Сосредоточившись на этих ощущениях, я незаметно добрела до озера. С высоты оно выглядело драгоценным камнем, и вблизи ничего не изменилось. Насыщенно-синяя гладь казалась неестественной, и я, пробравшись сквозь низкие, усыпанные мелкими бледно-желтыми цветочками кусты, подошла к самой кромке берега. Склонилась, опустила ладонь в воду... Прохладная. Мягкая. Искупаться бы... Я обернулась, полюбовалась на вытянувшегося шагах в десяти стража и признала, что идея не из лучших. Вздохнув, двинулась вдоль озера, по которому налетевший ветерок погнал частую рябь, засмотрелась на крупные бутоны лилий... и едва не наткнулась на еще одного любителя водных процедур. Он стоял ко мне вполоборота, стягивая через голову рубашку, и было ли тому виной яркое предзакатное солнце, отражавшееся от синего зеркала озера, либо же отголосок пережитой боли, вновь затуманивший глаза, но... Я увидела того, кого здесь просто не могло быть. Увидела так ясно, что незамедлительно в это поверила.

— Йонто! — выдохнула я, прижав ладонь к взбесившемуся сердцу.

Выдохнула тихо, и сама-то еле расслышала, но он обернулся. Одновременно солнце прикрылось легким облачком, и я едва не расплакалась, осознав свою ошибку.

Парень походил на Йонто разве что ростом и худощавой фигурой. Бледное тонкое лицо, длинные рыжие волосы, синие глаза... и обвивающие руки татуировки, не серебристые, а золотистые, складывающиеся в совершенно иной узор.

— Заблудилась, красавица? — ослепительно — куда там солнцу — улыбнулся он и плавно шагнул вперед. — Могу проводить... Или, может, поплаваешь со мной?

Ошарашенная и оглушенная вспыхнувшей и тут же погасшей надеждой, я не сразу подобрала слова, только и могла, что попятиться. А рыжего, похоже, это весьма позабавило... Еще один шаг, протянутая рука — и разум ко мне все-таки вернулся.

— Простите, вряд ли Канро-шан обрадуется, если я буду плавать с незнакомцами, — хлопнула ресницами я и сделала крошечный шагок назад.

Ну вот где мой доблестный страж, когда он так нужен?! Не то чтобы я испугалась... Хотя нет, и это тоже. Владелец сказал, что бояться нечего, но его словам я все еще не доверяла.

— Канро-шан, — протянул рыжий, качнулся с пятки на носок. — Ну если Канро-шан не обрадуется... Давай знакомиться! Я Таныл. А ты?

И правда не знает? После того, что вчера устроил владелец? Может, и к лучшему. Или нет?

Я не могла определиться, какие чувства вызывает во мне этот парень. Любопытство. Недоумение. Настороженность... Что-то еще, неуловимое, необъяснимое, на чем я не могла сосредоточиться.

— У тебя нет имени? — Таныл забавно округлил синие, как озеро, глаза. — Хочешь, придумаю что-нибудь красивое?

— Есть, — поспешно сказала я, пока он и правда не наградил меня чем-нибудь на свой вкус. По опыту знала, что откреститься потом будет нереально. — Анна. Меня зовут Анна.

— Ну вот и познакомились! — воскликнул рыжий.

Он резко подался вперед, и моя ладонь оказалась в его, прохладной, как вода. Но едва наши руки встретились, в синих глазах зажглись золотистые искры, и удивление в них плеснуло уже настоящее.

— Ты и в самом деле не из гарема, — пробормотал он.

Гарем? Здесь еще и гаремы есть? Мило.

И тут между нами вырос мой наконец-то очнувшийся страж.

— Прошу прощения, господин, — поклонившись, почтительно, но твердо сказал он. — Я должен проводить госпожу в ее покои.

— Он должен, — подтвердила я и, высвободив ладонь, поспешно развернулась.

— Еще увидимся, Анна, — полетело вослед.

То ли обещание, то ли угроза...

Позади сердито пыхтел страж, имени которого я так и не спросила. Судя по его поведению, видется с Танылом мне не полагалось. Вообще.

— Госпожа, шэт-шану не понравится случившееся, — едва мы отошли от озера, высказал страж зревшее недовольство.

— А то, что ты даже не попытался это предотвратить, понравится? — резко обернулась я.

Страж побелел, на лбу мгновенно выступила испарина. Даже так? Более чем уверена, что об этой встрече владетель не узнает. Как и о моем любопытстве.

— Кто он? — спросила я, решив ковать железо, пока горячо.

— Госпожа... — простонал страж, медленно наливаясь краснотой.

— Не хочешь говорить? Хорошо. Тогда я вернусь и спрошу у него...

Я успела сделать пару шагов в обратном направлении, когда нервы моего охранника все-таки не выдержали.

— Господин Таныл — шэт-шан Ранто, — выпалил он. — Это соседнее шэтхо... Скоро состоится поединок владетелей. До тех пор он гостит здесь.

— Поединок? Они что, враждуют?

Слишком уж вольготно чувствовал себя здесь Таныл. Как дома. Местный гарем вон, похоже, наперечет знает.

— Вовсе нет, — подавив тяжкий вздох, ответил страж. — Это древний обычай. Победитель будет признан сильнейшим... И получит спорные земли.

Вот, значит, как? Учитывая, что с силой у Канро-шана творится что-то неладное, шансов на победу у него немного. Возможно, оттого он столь отчаянно искал меня? Если я действительно способна стабилизировать его силу... От такого подарочка владетель добровольно не откажется.

Я медленно брела по дорожке, погрузившись в раздумья, и на перекинувшемся через ручеек горбатым узком мостике столкнулась с дивным видением. Настолько дивным, что даже глаза на всякий случай протерла.

Это определенно был парень. Молодой, высокий, с изящными чертами лица. Длинные, развевающиеся на ветру одежды. Насыщенно-лиловые, как вечернее небо. Распущенные черные волосы. А в руках,

нежных, с тонкими пальцами, — расписной веер. Веер складывался и раскрывался с сухими щелчками. Лицо видения было преисполнено вдохновения, а темные сияющие глаза подернуты мечтательной дымкой, напрочь стирающей восприятие реальности.

Реальность в моем лице стираться не пожелала и возмущенно охнула, когда видение попыталось пройти сквозь нее.

— А?!

Парень отпрянул, взмахнув веером и рукавами, и я затаила дыхание — а вдруг взлетит? Было бы красиво.

Увы, чуда не случилось. Если не считать оным внезапно рухнувшего на одно колено стража, прижавшего ладонь к груди. У него что, сердечный приступ?!

Я растерянно оглянулась, не зная, как реагировать, но быстро сообразила, что мой охранник выражал почтение, а не готовность покинуть этот мир. Уже легче. Понять бы еще, кто передо мной и обязательно ли повторять за стражем? Я покосилась на перемешанный с пылью песок под ногами, на нежную ткань юбок... Пожалуй, воздержусь.

— Ничего сказать не хочешь? — хмуро осведомился растерявший вдохновение и благостность парень.

Не хочу. Но если надо...

— Красивое платьишко, — не придумав ничего лучше, выдала я. — На заказ шили?

Страж сурово кашлянул.

Видение округлило глаза. И рот. Как бы не залетело чего, а то отвечай потом за моральные и физические страдания особы шэтовских кровей. На простого смертного парень ну никак не тянул.

Но при этом с ним было легко. Несмотря на всю показную неприветливость.

— Значит, ты и есть новая игрушка шэт-шана? — буркнул он, посверлив меня недовольным взглядом.

— Никакая я не... — возмутилась было я. И осеклась.

Не игрушка? Тогда кто? Меня забрали, словно вещь, не спросив, а хочу ли я этого. Привезли сюда, в золотую клетку, из которой не вырваться. Нарядили, словно куклу. Даже починили...

Игрушка и есть.

— Не переживай, — криво усмехнулся парень. — Все мы здесь в той или иной степени его игрушки. — Он со щелчком сложил веер и добавил: — Ты милая. Постарайся выжить.

— И что это было? — ошарашенно пробормотала я, глядя вслед видению, вновь поймавшему нужный настрой и плывшему — иначе и не скажешь — по тропке.

— Шэт-ар Тайро, — уныло отрапортовал с трудом поднявшийся с колен страж. — Единственный сын и наследник владетеля.

— Что тебе нужно от Анны? Зачем ты ходила к ней? Зачем она ходила к тебе?!

Вэйнара, привычно расположившаяся на ковре, и глаз от книги не подняла. Кажется, даже не вздрогнула, когда Канро, ворвавшись в ее покои, от души хлопнул дверью. И это было ново. Сестра не просто скрывала свои чувства — она действительно не боялась.

— Девочка одинока и напугана. — Вэйнара наконец-то соизволила оторваться от книги и одарить взбешенного брата вниманием. — Я лишь хотела помочь. Потому и предложила обращаться в любое время... Что она и сделала. Тебе поведать о сути ее просьбы? Или ты все же успокоишься и начнешь мыслить здраво?

Канро резко выдохнул и отвернулся к окну, за которым медленно сгущались сумерки.

Мыслить здраво было на редкость трудно. Все, что касалось Анны, воспринималось слишком остро. И если утром удалось сдержаться и не устроить ей настоящий допрос, то к концу дня раздражение и подозрения сплелись в клубок шипящих гадюк.

Анну трогать нельзя. Оставалась Вэйнара.

Вэйнара, которая вела себя неправильно. Настолько, что Канро растерялся.

— Чего ты боишься? — продолжала меж тем сестра, поднявшись с пола. — Что я открою ей глаза на то, каков ты на самом деле?

— Ты... — вспыхнул было шэт-шан, но Вэйнара выставила вперед ладонь и качнула головой.

— Я не сделаю этого. Ни слова не скажу. И вовсе не потому, что мне жаль тебя, о нет. Мне жаль Анну. Я знаю, что с ней будет, если ты не добьешься ее доверия. Только вот боюсь, ты все разрушишь

собственными руками. Ты не знаешь, что такое забота, нежность и тепло. В тебе этого попросту нет.

— Вэй!.. — прошипел Канро. — Я долго терпел. Видит Великий предок...

— Ты терпел? — тихо переспросила она. — Неужели? То, что вы сделали со мной...

— Моей вины в том нет! — рыкнул владетель. — А ты... Ты доигралась. Я выдам тебя замуж. Как можно скорее.

— Попробуй, — не прониклась Вэйнара. — Посмотрим, что у тебя получится. На этот раз.

Канро молча вылетел из комнаты. Застонала, впечатавшись в косяк, дверь. Шарахнулась в сторону пара служанок. Вжался в перила лестницы Агрийо.

Последний, кажется, пытался что-то сказать, но Канро не поручился бы. Да и все равно ему было.

Нежность. Тепло. Какая глупость! Да если бы он позволил себе эти чувства, то давно был бы мертв. Как и Вэйнара.

Сестра и раньше легко выводила его из себя, но тогда он, по крайней мере, не сомневался в ее истинных чувствах и проистекающем из них послушании. Сейчас же... Девчонка совершенно отбилась от рук. И стоило бы выполнить угрозу и подыскать ей подходящего мужа. Желательно из самого дальнего шэтхо. Или вообще с западного материка.

С этими мыслями Канро добрался до озера, кутающегося в затканый лунным светом сумрак. Не сбавляя шага, сбросил надоевшие верхние одежды, стянул нижнюю рубашку... И замер, потрясенно глядя на выступающую над водой макушку. Она погрузилась в озеро, а через пару мгновений вынырнула, обзавелась шеей, плечами, спиной...

— Чтоб тебя чентоли сожрали, чокнутый мальчишка, — обреченно выдохнул уже настроившийся на уединение Канро, когда обернувшийся Таныл, сияя нахальной улыбкой, замахал руками и звонко воскликнул:

— Канро-шан, поплаваешь со мной? Или купание со знакомыми шэт-шанами не доставляет тебе радости?

Куда большую радость владетель испытал бы, стань в этом мире на одного знакомого шэт-шана меньше. И, уже окунувшись в

напитавшиеся за день теплом воды, Канро пожалел, что нельзя себя порадовать прямо здесь и сейчас, воспользовавшись случаем и притопив окончательно обнаглевшего Таныла.

ГЛАВА 3

Небо хмурилось, и все вокруг казалось серым, безрадостным. Яблоневые сады шелестели листьями, изредка бросали под ноги переспелые плоды. Один такой, крупный, полупрозрачный, Йонто поднял с земли и отер о рукав. Яблоки он не любил, но это почему-то съел, стремясь заглушить сжимающее сердце беспокойство.

Глупо, конечно. С чего он вообще взял, что яблоко поможет?

Домик Шанаи был пуст и неприветлив. Его хозяйку опять где-то носило, и жаждущий ответов Йонто тихо выругался и опустил на крылечко. Ноги гудели. Теневая тропа не открылась, сколько он ни пытался, пришлось идти пешком. И ради чего?

А все из-за шуток памяти. Он по-прежнему ничего не помнил. А еще обнаружил свежий шрам, о происхождении которого даже не догадывался, а в сундучке с лекарствами — флакончик глазных капель. Зачем ему это? Для головы большегодились бы. За ними-то Йонто и пошел к Шанае. Кто же знал, что лекарки нет дома? И кто бы подсказал, когда будет...

Промаявшись около часа, он разозлился — и на Шанаю, и на себя, на себя конечно же больше, — и отправился обратно.

И вновь послышалось, что кто-то позвал его. Тихо, но отчетливо.

Он вздрогнул, оглянулся. На узкой тропке больше никого не было. Но не послышалось же ему! Или же ветер нашептал?

Или он просто сошел с ума. Интересно, сможет ли Шаная это исправить?

Сильный хлопок по плечу выбил из больной головы мысли, заставил развернуться, приготовившись к обороне.

Рыжий бородатый великан широко улыбнулся и хлопнул его по другому плечу.

— Эй, Йонто! — пробасил Ахт. — Рад тебя встретить! Не нашел больше нигу?

— Какого еще нигу? — нахмурился он, потирая отозвавшееся острой болью плечо.

— Какого в прошлый раз приташил, — недоуменно напомнил бородач.

— И где я его взял?

— Ну ты шутник! Сказал, что возле дома поймал, но кто ж тебя знает, может, специально по шэхто за ним мотался! — хохотнул Ахт и, не дав вставить ни слова, спросил: — А чего сегодня один? Где твоя красавица?

— Какая... — Йонто осекся и подозрительно посмотрел на Ахта, который в свою очередь взирал на него с очень странным выражением.

— Девушка, — медленно сказал бородач. — Невысокая. Сероглазая. Ты был с ней на ярмарке.

— На ярмарке, — заторможенно повторил Йонто.

На ярмарке. На той самой ярмарке, до которой оставалось больше недели?

— А когда была ярмарка?

— Четыре дня назад. — Лицо Ахта становилось все озабоченнее. — Приятель, ты здоров? Позавчера заявился, показал рисунок древнего алтаря и сбежал, не попрощавшись. Что с тобой творится?

— Если бы я знал, — растерянно пробормотал Йонто, с силой потирая лоб.

Что же получается? Из его памяти не один вечер исчез, а почти две недели?

Безумие какое-то.

Отмахнувшись от обеспокоенного Ахта, Йонто пошел дальше, не разбирая дороги.

Голова разрывалась от мыслей. И собственные поступки, о которых он не помнил, ставили в тупик. Даже если бы возле дома завелся нигу, с чего бы Йонто его ловить? Не настолько нуждается в деньгах, чтобы связываться с сильной, хитрой и опасной тварью. А счета с жизнью можно свести менее болезненным способом.

«Эй, да что с тобой не так?!» — словно из ниоткуда прозвенел полный негодования голос.

Он сбился с шага, огляделся. Никого... Потер виски.

И правда обезумел.

Все-таки из памяти исчезло почти две недели. Что он делал все это время? Что-то делал...

На ярмарку вон ходил. Убил нигу...

Возле дома убил. Зачем? Здесь же нет никого, добычу манок бы просто не нашел и благополучно исчез через несколько дней, а для самого Йонто опасности не было...

Значит, опасность грозила кому-то еще. Кому?

Где твоя красавица?

Глупости. Какая еще красавица? В его доме? С ним?

Но была же она? И нигу был. Зачем Ахту врать? И свежий шрам на плече это подтверждал. Аккуратный, ровный, словно кто-то обрабатывал рану со всем прилежанием, а не как обычно, по принципу «само заживет».

В следующий раз, прежде чем дать себя ранить, подумай, каково мне будет снова тебя зашивать.

Йонто остановился. Сжал голову руками и резко выдохнул.

А потом сорвался на бег.

Утро третьего дня во дворце выдалось пасмурным. Краски словно выцвели и потускнели, и даже золотистые фонари не могли вернуть им прежнюю яркость.

А может, дело было вовсе не в погоде. Может, дело было во мне самой.

Владелец обещал дать все, что пожелаю. Я ничего не желала, но и без того имела все, о чем только могли мечтать местные женщины.

Шикарные покои, будто иллюстрации к сказочным историям.

Платья из нежнейших тканей. Туфельки, невесомые, словно сшитые из лепестков роз. Ленты, узкие и широкие, украшенные вышивкой и жемчугом. У меня никогда не было столько одежды, да еще и такой красивой. Даже по меркам моего мира.

Шкатулка с драгоценностями. Ее я обнаружила вчера, вернувшись с прогулки. Большая, округлая, она сама по себе являлась настоящим произведением искусства, а уж то, что скрывалось в обитых алым бархатом недрах, привело бы в безумный восторг любого ювелира.

Но все это великолепие совершенно не радовало.

Мне твердили, что здесь — мой дом, но я по-прежнему чувствовала себя пленницей.

И тревога продолжала съедать изнутри.

Шэти сказала, что он в порядке. Но что я знаю об этой женщине? Могу ли ей верить? Могу ли верить себе, тому голоску, что упрямо

шептал: все хорошо? Я с ума сходила от невозможности лично в этом убедиться.

Третий день. Всего лишь третий день. А по ощущениям я провела здесь целую вечность. Я видела, что владетель старается быть терпеливым и добрым. Настолько, насколько может. Я знала — знание это жило глубоко в душе, ничем не подтвержденное, но отчего-то непоколебимое, — что шэт-шан не причинит мне вреда. Осознанно. Пока что. Но точно так же я знала и то, что мое место не здесь. Не с ним.

Нужно было выбираться отсюда. Любым способом.

По дороге на завтрак я смотрела по сторонам, а не копалась в собственных мыслях, и чем больше замечала, тем больше мрачнела. Стражи во дворце было много. На мой взгляд, слишком. Но даже если бы и вовсе не было...

Иногда мне казалось, что стены мерцают. Я списала это на последствия экстремального возвращения зрения, но на всякий случай поинтересовалась у владетеля, который вновь решил разделить со мной трапезу.

— Это защита, — улыбнулся он, пригубив алое вино из высокого бокала. К своему я притронуться так и не решилась. — Конкретно то, что заметила ты, — внутренняя. Есть еще и внешняя, она проходит по периметру ограды. Высокие стены и ворота с хитрыми замками не всегда надежны... Да и сторожевых псов могут обмануть, пусть это и непросто.

Я поперхнулась и все-таки схватила за бокал с вином.

Высокие стены. Хитрые замки. Защитные чары. Псы-охранники.

Вот тебе, Аня, и побег.

Шэт-шан понимающе улыбался, и казалось, что он видит меня насквозь — вместе со всеми моими наивными планами.

Эх, если бы я умела призывать чентолей, как Йонто... Но, вероятнее всего, с воздуха дворец тоже защищен. Похоже, оставался только старый добрый подкоп. Ну что ж, к почтенным девяноста годам, думаю, вполне управлюсь. При условии, что меня не сожрет какой-нибудь подземный охранный монстр, наличие которого я совершенно не удивилась бы.

Но опускать руки я все равно не намеревалась. Безвыходных ситуаций не бывает. Не может быть! Надо как следует подумать, что я

могу сделать. Если не прямо сейчас, то позже. Мне нужна информация, а самым лучшим ее источником всегда являлись книги. Которые я попросту не прочту, потому как читать не умею...

Сегодня мы с Канро-шаном были на одной волне. Иначе как объяснить то, что после завтрака он привел меня в уютную комнату, уставленную книжными полками, разумеется, не пустыми?

Мы устроились в больших удобных креслах, обитых насыщенно-бордовой мягкой тканью. На треугольном столике между нами, рядом с привычным уже колокольчиком, лежали книги. Пухлые и топки, в темных и светлых обложках, с золотым тиснением и скромными узорами...

— Эти книги будут тебе полезны, — кивнул на стопку владетель.

Стопка манила. Я бы с огромным удовольствием прочтала все, заодно привычно спряталась бы от проблем за шелестом страниц. Но...

— Я не умею читать, — призналась я.

Отчего-то стало стыдно. Как будто в этом есть моя вина! Ну, наверное, какая-то толика есть, заниматься надо было усерднее, но все же...

— Я знаю, что канш не позволяет ни читать, ни писать, — кивнул шэт-шан и, дотянувшись до колокольчика, небрежно тряхнул им. Тревожный звон прокатился по комнате и оборвался на высокой ноте, будто захлебнувшись. — И долго думал, как же это исправить...

Кажется, неграмотность подарочка сильно его смущала. Меня же это напрягло. Не то чтобы я не хотела подтянуть навыки чтения и письма на эйре, но, памятуя здешние методы, на что-то приятное не рассчитывала.

И не зря.

В комнату вошел Ворон, облаченный в непривычные светлые одежды. За его спиной маячила печально знакомая лекарка, и я осознала, что худшие опасения сбылись. С минуту мы изучали друг друга настороженными взглядами, а потом Канро-шан нетерпеливо спросил:

— Поможешь Анне с обучением? Не хотелось бы тратить время на такую ерунду...

— Я не против потратить, — робко вставила я, но меня никто не услышал.

— Мой господин, — поклонился Ворон, — не лучше ли...

— Не лучше, — оборвал владетель. — Твое мнение меня не интересует, я спрашивал лишь о том, можешь ты или нет сделать так, чтобы она воспринимала эйру как родной язык.

— Могу, — после тяжелого молчания неохотно ответил Ворон, и я, наивно надеявшаяся на другой вердикт, обреченно сжалась. — Мне понадобится час или два. Придется заглянуть в самые глубины ее разума...

— Не надо никуда заглядывать, — переполошилась я, представив, как мне вскрывают черепную коробку и роются в моих мозгах. Картинка получилась реалистичной и жуткой. — Я не хочу!

— Это опасно? — уточнил шэт-шан, не обратив внимания на мои возражения.

— Опасности для жизни нет, — признался Ворон, — но будет тяжело и очень неприятно. Возможно, даже больно. Реакцию не предугадать...

— Здоровый организм легко с этим справится, — возразила лекарка. — После моего лечения она даже не заметит вмешательства.

— Тогда действуй, — кивнул Ворону владетель, словно имел полное право мною распоряжаться.

— Я же сказала, что не хочу! — напомнила я на всякий случай. Вдруг в первый раз не расслышал?

Но я слишком хорошо о нем думала. Просто-таки неприлично хорошо!

— Прости, — сочувственно улыбнулся Канро-шан, — другого выхода нет.

— Я могла бы...

— Это займет слишком много времени, — отмахнулся он. — Анна, не стоит бояться. Паллир настоящий мастер, он сделает тебя...

— Совершенной, — едва слышно буркнула я.

— ...полноправной жительницей нашего мира, которой не нужны ошейники для понимания речи, — соловьем заливался Канро-шан. — Разве тебе не хотелось бы этого?

Хотелось бы мне?

Я бросила взгляд на книги. А вдруг там есть что-то, действительно способное помочь? Я сильная, владетель постоянно твердит это. И если буду знать, как использовать силу... Вдруг смогу

вырваться отсюда? Не в лучшем случае через год, когда в полной мере освою сложный язык, а намного раньше?

— Хорошо, — решила я, и голос предательски дрогнул. — Я согласна.

Не убьет же меня этот странный маг, которому явно не в радость приказы шэт-шана? А что до неприятных ощущений... Во имя благой цели можно и потерпеть.

Первым делом Ворон по имени Паллир выставил из комнаты Канро-шана и лекарку. Владелец пытался спорить, но маг настоял, сказав, что их присутствие помешает. Лекарка на него зашипела и заявила, что в случае чего вся вина будет лишь на его совести.

— Все равно она тебе не поможет, — мрачно вымолвил Паллир, когда мы остались вдвоем. — Ты не передумала? Это будет больно. Если ты не выдержишь...

— Выдержу, — упрямо закусила губу я.

Обязана выдержать. Обязана найти выход. Сбежать отсюда...

Этого я, разумеется, не озвучила, но, судя по неодобрительному взгляду, мысли мои тайной для мага не стали. Ну и пусть. Он с самого начала знал, что во дворец я не хотела. Толку сейчас убеждать его в обратном?

По совету Паллира я сняла переводчик и опустила в потайной карман верхнего платья. Расставаться с кулоном — единственной вещью, оставшейся мне от Йонто, — я не собиралась. Села на выдвинутый на середину комнаты стул, откинулась на высокую спинку, закрыла глаза... Прохладные пальцы легко коснулись моих висков, кожу на затылке закололо, по позвоночнику рассыпались ледяные мурашки.

— Расслабься, — попросил маг. — Так будет проще — и мне, и тебе.

Я судорожно вдохнула и выдохнула, невольно сжав подлокотники.

— Анна, пожалуйста, подумай еще, — тихо сказал Паллир. — Я сумею убедить владельца в том, что тебе это не нужно. Я не хочу, чтобы ты...

— Вы чувствуете свою вину оттого, что я оказалась здесь? — так же тихо спросила я, не открывая глаз. Маг промолчал, но ответа мне и не требовалось. — Тогда скажите... Сдержали ли вы свое слово?

— Да, — коротко и без раздумий отозвался он.

Я разжала пальцы, впившиеся в обитые тканью подлокотники, сложила руки на коленях и улыбнулась:

— Сделайте это. Просто сделайте, хорошо?

Паллир вздохнул. Сильнее надавил на мои виски, что-то забормотал, глухо, ритмично, и я потерялась в этих звуках — и в теплых волнах, поселившихся в голове.

Маг слукавил. Больно не было. Было странно. Будто моя голова вдруг стала огромной... бесконечной, как Вселенная. И в какой-то момент я оказалась везде и всюду — во времени и пространстве, — я знала все и сразу, я видела то, что было, есть, будет и могло бы быть...

А когда все закончилось — неожиданно и быстро, — ощутила себя слишком маленькой и ничтожной.

И это принесло боль. И не только потрясенному разуму.

До своих покоев я дошла сама, упрямо отказавшись от помощи. И упала посреди гостиной. Дальше реальность воспринималась обрывками кошмарного сна, от которого нельзя очнуться.

Тело крутило, словно после сильного отравления. Мышцы сводило судорогой, по венам текла не кровь — раскаленная лава. Между приступами я плавала в болезненном полузабытьи, которое то и дело расцветивалось словами-вспышками.

— Я не думала... Такая реакция... Редко... Я не знаю, что делать!

Лекарка. Да, это ее голос, пусть и нет в нем сейчас привычного холодного равнодушия.

— Если она отправится в мир иной, ты отправишься следом!

А это шэт-шан. Только он умеет шипеть столь внушительно.

В мир иной я очень хотела.

В том мире остались мама, сестра и подруга. Я хотела к ним. Хотела домой.

Но этот мир держал крепко, будто я ему основательно задолжала.

Или же он задолжал мне?

Ты по-прежнему считаешь, что в этом мире нет того, ради чего стоило бы остаться?

Остаться. Бороться. Выжить.

Я же обещала, что выдержу. У меня еще столько дел... Столько...

Я просто не могу сдаться.

Не сейчас.

Когда я сумела открыть глаза, спальню заливал солнечный свет, и в этом ярком, ликующем свете сидящий на краешке постели шэт-шан казался не до конца растаявшей ночной тенью, бледной, встревоженной... по-настоящему испуганной.

— Прости, — покаянно сказал он, заметив, что я пришла в себя. — Я и представить не мог, что будет... так.

Растерянный владетель выглядел странно. Но еще более странным было то, что говорил он на эйре, и слышала я тоже эйру, и, самое главное, понимала каждое слово.

Эксперимент увенчался успехом. А значит, оно того стоило. Определенно стоило.

Я слабо улыбнулась, закрыла глаза и вновь провалилась в сон. На этот раз — самый обыкновенный, восстанавливающий силы и душевное равновесие.

Проснувшись я вечером, на закате. Рядом никого не было, что меня только обрадовало. Я сползла с кровати, выпила стоявший на круглой тумбочке стакан воды и добралась до двери. Осторожно выглянула, убедилась, что моего неизменного стража там нет, выскользнула в коридор. Шла я медленно, стараясь держаться теней. Слабости больше не ощущала, чего нельзя было сказать о потребности покинуть душные стены. Желательно — в полном одиночестве.

Мне невероятно повезло. Дворец словно вымер — или я интуитивно выбирала безлюдные коридоры. До сада добралась незамеченной, а там меня приняли в благоухающие цветами объятия сумерки. В них я укуталась, точно в большую мягкую шаль, спряталась от любопытных глаз. Стала невидимой и неслышимой. Бесшумно ступала по шелковой мокрой траве — босиком, чувствуя ее прохладу и свежесть. Вдыхала сладкий воздух, влажный от недавно закончившегося дождя. И ни о чем не думала.

Пока не вошла в небольшой внутренний дворик. Лишенные окон стены уходили ввысь колодцем, а посреди него, на усыпанной белыми, сияющими в подступившей тьме цветочками траве, лежал чентоль. Такой же белый и сияющий. Такой же прекрасный. Он неотрывно смотрел на меня, с того самого мига, как я миновала низкую арку, и алые искорки огромных глаз ничуть не пугали.

К чентолю я шла медленно и плавно, боясь испугнуть. Вытянула руку, осторожно коснулась мягкого носа... Дракон вздохнул, подался

вперед, и я безо всяких сомнений обхватила его за шею. И тут же нащупала широкий кожаный ошейник, какой был и у другого чентоля, привезшего меня сюда.

Я быстро перебрала пальцами, наткнулась на выпуклый прохладный камень...

— Вот как они вами управляют, — прошептала, почесав дракона под подбородком. Он снова вздохнул, едва слышно заурчал и прикрыл глаза. — Ты такой же пленник, как и я. И небо видишь лишь тогда, когда тебе позволяют... Мне жаль. Мне так жаль...

По щеке скользнула горячая капля. Одна, вторая... Я стояла, обхватив чентоля за шею, спрятав лицо в мягких перьях, и оплакивала то ли его, то ли свою собственную судьбу. И сама не заметила, как оказалась в уютно сомкнувшихся кольцах, как прозрачное крыло укрыло меня от влажного дыхания ночи. Не заметила, как успокоилась, пригрелась и соскользнула в приятную дрему.

Я пожалела дракона, лишённого неба. А дракон пожалел меня, ничуть-то от него не отличающуюся.

И во сне, одном на двоих, мы видели небо. Чистое и бескрайнее, как свобода.

Анна исчезла. Страж, покинувший свой пост, конечно же поплатился, но легче от этого не стало.

День вообще оказался на редкость тяжелым.

Канро тысячу раз пожалел о том, что настоял на вмешательстве Паллира. И задумался, а так ли уж не права Вэйнара... Забылся, вновь заигрался, не пожелал набраться терпения — и едва не потерял все, чего столь долго ждал и искал. Нужно быть осторожнее. Внимательнее.

Заботливее.

Слишком хрупок дар Сверкающей. Слишком уязвим.

Почему он раньше этого не понимал?

Увидев Анну, белую, без сознания, Канро испытал настоящий ужас. Самое скверное, что он не исчез, затаился где-то в глубине души, застрял осколком воспоминания.

Смотри. Помни.

Не повторяй ошибок.

Но ошибки раз за разом повторялись. Будто владелец окончательно обезумел и перестал здраво мыслить. Ошибки, за которые любого другого он давно бы уже убил, не раздумывая.

Дворец гудел, как растревоженный улей. Стражи и Канро с неизменной свитой искали Анну. Искали всюду, даже у Таныла, который к обыску своих покоев отнесся философски и лично распахнул дверцы шкафа, когда разъяренный Канро и преследующие его бездельники объявились на пороге спальни рыжего шэт-шана.

Жаль, что мальчишка оказался ни при чем.

Ни при чем оказались все.

Не прошло и получаса, как молоденький страж, задыхаясь и глотая слова, позвал владельца за собой. Прочь из дворца. В сад. К старым постройкам. Туда, где раскинулись вольеры для чентолей.

Как одному из них удалось выбраться, неизвестно. Да и не суть важно.

Едва ступив под низкие своды арки, ведущей во внутренний двор, Канро замер, пораженный неожиданным зрелищем: Анна спала, уютно устроившись на сложенном кольцами хвосте чентоля, а его прозрачные крылья заботливо укрывали ее от ветра и ночи.

Что-то едва уловимо кольнуло сердце. Что-то незнакомое... а может, давно и прочно забытое.

— Мой господин, что прикажете делать? — напомнил о себе страж. — Забрать госпожу?

— Оставьте ее, — почему-то шепотом велел Канро, завороченно глядя на улыбку, застывшую на губах Анны. — Пусть отдохнет.

Он заполучил настоящее сокровище. Так почему бы не позволить ей маленькие капризы? В конце концов, она сможет сделать его счастливым лишь тогда, когда и сама будет счастлива.

А счастливой она не была. Наряды и драгоценности ничуть ее не радовали. Сейчас, глядя на нее, Канро наконец-то это осознал.

Забота, нежность и тепло. То, что ей было нужно. То, что он не мог ей дать.

Не мог, но хотел. Вот только... Можно ли отыскать либо же взрастить эти чувства в выжженной собственным огнем душе?

Владелец сомневался.

Сердце вновь кольнуло. Коротко, неприятно, отдаваясь эхом в груди. Прижав к ней ладонь, Канро медленно побрел к себе. Позади

семенила притихшая свита.

Сердце продолжало тянуть.

Наверное, он все-таки заболел. Следует показаться придворному лекарю. Сразу же, как найдется человек, достойный занять эту — со вчерашнего дня свободную — должность.

ГЛАВА 4

Без возможности открывать теневые троны, исчезнувшей вместе с двумя неделями жизни, до лесной избушки Йонто добрался лишь к вечеру. В мягком сиянии лунных камней — еще одна странность, о которой он забыл, зачем ему понадобились камни? — дом казался даже уютным, но в нем по-прежнему чего-то не хватало.

В сундуках ничего интересного не обнаружилось. Зато на полках отыскалась плетеная шкатулка, в которой лежали тканевые мешочки с травами. А под полками, в широкой щели между полом и стеной, Йонто нащупал нечто продолговатое, на поверку оказавшееся кинжалом в ножнах, крепящихся на предплечье. Он вполне мог упасть с той же самой полки. Небольшой и легкий клинок. Совсем короткие ремешки, для тонкой руки. Детской. Женской?

Боль снова вгрызлась в виски. Йонто поморщился, отложил находку и продолжил поиски. Он не знал, что именно ищет, но не сдавался. Травы, кинжал... Нет, он точно не сошел с ума. Здесь жил кто-то еще. Кто-то, кого он почему-то забыл.

Почему?

В умывальной не нашлось ничего необычного. В отчаянии Йонто обыскал карманы грязной одежды, сложенной в углу в ожидании стирки, и вздрогнул, коснувшись хрусткой бумаги.

Сложенный вчетверо лист он разворачивал с замиранием сердца. Долго вглядывался в мягкие коричневые линии, складывающиеся в изображение чудного, похожего на чентоля существа. Медленно провел кончиками пальцев по контуру рисунка...

И словно наяву увидел другие пальцы. Тонкие и бледные, сжимающие деревянную палочку с красящим стержнем. Палочка порхает по листу бумаги, сплетая линии в уже знакомую картинку... Воспоминание, болезненно-острое, плавно сменилось: те же пальцы неловко держат кисть, выводя кривоватые символы эйры. Кляксы на бумаге. Кляксы на столе. Некоторые, с пририсованными ушками и завитками-хвостиками, чрезвычайно забавны.

Чернильное пятнышко на бледно-розовой коже...

Серые глаза, сияющие ярче лунного камня.

Глаза, в которых отражается он.

И улыбка искусанных от старательности губ — для него.

Взгляд, улыбка. Имя...

Листок выпал из вмиг ослабших пальцев.

Воспоминания обрушились лавиной, и под их натиском Йонто осел на пол, обхватив руками словно разрывающуюся изнутри голову.

Анна. Ана. Сероглазое улыбчивое солнце.

Как он мог ее забыть?

У нее маленькие ладони. И тонкие пальцы. Теплые и нежные. И при каждом прикосновении, случайном или намеренном, хотелось поймать их, удержать в своей руке, кажущейся слишком большой и неловкой, осторожно сжать, чтобы поверить: она рядом. И никуда не денется.

Оттого Йонто всячески избегал этих касаний. Ана смешно морщила нос и бросала на него обиженные взгляды, думая, что он ничего не замечает. Если бы. Последнее время он замечал гораздо больше, чем хотел.

Пораненные колкими стебельками руки. Выбившиеся из пучка завитки волос. Ямочки на щеках. Беспомощно прикушенные губы. Блестящие глаза и неумело скрытую за улыбкой тоску по тем, кто остался за границами миров.

А то, как слепо она ему доверяла, злило — и вместе с тем грело.

Рядом с ней он чувствовал себя сильным и одновременно слабым. И главной его слабостью был страх, что он не сумеет ее уберечь.

Страх, ставший реальностью.

Паллир. Старик, безвольное орудие шэт-шана. Маг, способный красть чужие воспоминания — и внушать другие, ложные, лживые, но так похожие на настоящие. Мастер, допустивший ошибку: его бывший подопечный отличается от тех, с кем он привык работать.

«Это дело шэт-шана».

Да как бы не так!

Йонто поднялся. Вышел из умывальни, остановился посреди комнаты, огляделся, словно впервые видя собственный дом.

Пусто. Как же здесь пусто.

Раньше его никогда не беспокоила эта пустота, он даже не замечал ее, но сейчас она давила, изматывала, пугала неестественной тишиной.

Настолько он привык к шелесту юбок, едва слышному дыханию, звонкому смеху.

Вот чего ему не хватало эти дни.

Вот что он собирался вернуть.

Дело шэт-шана. Наверное, слишком наивно было полагать, что их дела никогда не пересекутся.

«Будь благодарен!» — вспомнились слова старика.

— Да идите вы все... чентолу под хвост, — с мрачным удовольствием выдохнул Йонто, прикрыл глаза, сделал шаг...

И остался в комнате.

От злости совсем позабыл, что этот... благодетель его не только усыпил и памяти лишил, но и, обладая тем же даром, от трон отрезал! Не навсегда, конечно, но когда он вновь сможет ими пользоваться? Через день? Неделю? Месяц? У него нет этого времени!

Ну и ладно. Кроме трои есть еще и собственные ноги. Их старик отрезать почему-то не додумался.

А думать, оно вообще полезно. Ана не раз об этом говорила, но по-настоящему смысл ее слов дошел до него, похоже, только сейчас.

Йонто разжал пальцы, стиснутые на ручке входной двери. Плотно закрыл створку, отсекая ароматы и звуки сгустившейся ночи.

Нельзя просто заявиться во дворец и потребовать у Канро отдать ее. В лучшем случае его высмеют. В худшем — все же уберут, как «посмевшегося перейти дорогу». И что тогда будет с ней?

Нельзя подставляться под удар. Нужно убрать из-под удара Ану.

Утро было свежим и нежным. Звонящим, прозрачным и хрупким, как хрусталь. Оно сияло вокруг меня. Оно сияло во мне.

Я шла по омытому росой саду и улыбалась неведомо чему. Выспавшаяся, наконец-то спокойная, уверенная, что еще не все потеряно. Мне ли принадлежали те чувства? Или же чентоль, всю ночь хранивший мой сон, щедро поделился своими? Не важно. В любом случае я искренне радовалась этой передышке.

По пути я не встретила ни единой живой души, если не считать стражей, которые меня не замечали. Или же делали вид, что не замечают. Главное, задержать не пытались, что уже было хорошо.

А может, и не очень. Все-таки дорогу я знала плохо, и провожатый пригодился бы. Осознала я это, поднявшись по одной из лесенок и

попав в утопающий в цветах коридор. Застыла в растерянности, не зная, вернуться ли назад или пойти дальше, услышала за поворотом приглушенный смех и решила-таки попросить о помощи...

Подобрав юбки, я поспешно завернула за угол — и замерла. Раздвижные двери, светлые и ажурные, увитые ярко-голубым плющом с мелкими резными листиками, были наполовину открыты. И этого хватило, чтобы разглядеть просторную, залитую рассветными лучами комнату с пушистым бежевым ковром, оплавленными свечами в фантазийных подсвечниках, низким овальным столиком, уставленным блюдами со сладостями, и подушками, на которых расположились прехорошенькие девицы в разноцветных платьях и сияющих украшениях.

Судя по некоторой потрепанности, девицы еще не ложились.

Неужели это и есть тот самый гарем?

Так или иначе, но здесь мне точно не место. И лучше уж я поплутаю, чем привлеку внимание этих красавиц...

Я осторожно попятилась, неловко оступилась и, пытаясь удержать равновесие, схватилась за стену. Вернее, за круглый светильник на ней. Хлипкий такой светильник, да...

По полу он покатился с неожиданным грохотом. Остаться незамеченной после эдаких звуковых эффектов нечего было и надеяться.

Девушки легко подхватились с подушек и стайкой ярких бабочек подлетели к дверям. Столпились у порога, не решаясь его переступить, и во все глаза, блестящие от любопытства, уставились на меня.

Сердце кольнуло неприятным предчувствием, что добром это не кончится. Вот где оно было пять минут назад?!

— Ты еще кто такая? — выступила вперед эффектная блондинка с толстенной, замысловато заплетенной косой, спускающейся почти до пола. Светло-карие, смело подведенные черным глаза недобро щурились, полные ярко-алые губы презрительно кривились, а розовые ноготки на сложенных на груди руках вполне могли заменить кинжалы.

Божечки-кошечки... Да она одна страшнее банды гопников в темном переулке!

А таких, как она, здесь добрый — вернее, очень даже злой — десяток.

— Не та, за кого вы меня приняли, — отступила я, прикидывая, сумею ли в случае чего сбежать.

Моя одежда явно удобнее. Туфли — тоже. О мотивации и говорить не стоит...

— Дар Сверкающей, — процедила стоявшая ближе всех к порогу девица с забранными в высокую прическу темными волосами. Смотрела она столь же презрительно, как и ее блондинистая подружка, и коготками обладала отнюдь не меньшими. — Тот самый подарочек, из-за которого господин и думать о нас забыл!

«Цветник» возмущенно загудел. Сдается, что в этой ситуации глас разума будет гласом вопиющего в пустыне. С таким настроем, подогретым чем-то покрепче сладостей и сока, не аргументы слушают, а бьют оппонента. Ногами.

Я сглотнула, попятилась... И, резко выдохнув, остановилась.

Да какого черта, в конце-то концов?!

Побегу один раз — буду бегать всегда. И от кого? От девиц, которые дальше собственного носа не видят либо же видеть не желают!

Уже явно предвкушавшая веселую погоню блондинка смешалась и едва не запнулась о собственные юбки. Зыркнула исподлобья, нахмурилась...

— Не кривись, морщины появятся, — от души посоветовала я. — Тогда ваш господин и вовсе к тебе дорогу забудет. Зачем ему глупая и некрасивая, верно?

Девица вспыхнула, сжала кулаки.

— Синяки и царапины тебя тоже не украсят, — спокойно предупредила я. — Или думаешь, что я покорно позволю себя побить?

Кажется, и правда думала. Вон как растерялась.

— Ты... — прошипела она.

— Я, — кивнула я, рассматривая свои пусть и недлинные, но крепкие ногти. — Вас, конечно, больше. Но одарить каждую парой-тройкой царапин я сумею, не сомневайся. Говорят, царапины на лице обильно кровоточат... И долго заживают. Очень долго. А если нажать сильнее, — я задумчиво провела указательным пальцем по собственной щеке, от виска до подбородка, — то и шрам останется. Не особо ровный, да...

Девушки отшатнулись, словно я не ногой демонстрировала, а меч. Только блондинка не стронулась с места, зато заметно побледнела и устала на мои руки. Наверное, оценивала серьезность возможных боевых ранений.

— Канро-шан, — с придыханием сказала я, полюбовалась, как вытянулось лицо противницы, и с удовольствием повторила: — Канро-шан ведь не выставит вас вон из-за подобной мелочи? Другое дело, если вы вдруг причините вред дару Сверкающей, который ваш господин так ждал... Но, возможно, я ошибаюсь и его доброта и всепрощение столь велики, что он милостиво простит вам даже это?

Девушка, наверняка лучше меня знакомая со свойственными владельцу добротой и всепрощением, поджала губы, сверкнула глазами и, развернувшись, бросилась прочь, едва не сбив с ног притихший «цветник», который сразу же последовал за ней. Двери со скрипом захлопнулись.

Внутри что-то упало. Зазвенело. Разбилось.

Поле боя осталось за мной.

Я судорожно выдохнула и провела дрожащей рукой по лбу, утирая мгновенно выступивший пот.

В этой части дворца ноги моей больше не будет. Не уверена, что «нежные цветочки» рискнут вызвать гнев владельца, но проверять не намерена. Мало ли что в их прелестных головках замкнуть может...

Возвращаться в покои расхотелось. Вряд ли во дворце есть что-то опаснее гаремных красоток, так почему бы не прогуляться подальше отсюда? В блаженном одиночестве, которое, подозреваю, я еще не скоро смогу себе позволить. В условном одиночестве, учитывая количество стражи, но все же...

Блуждая по террасам и мостикам, я поднялась на неогороженную площадку, с которой открывался изумительный вид, благо что полет на чентоле избавил меня от страха высоты. Нежно-сиреневый рассвет набирал силу и яркость, раскрашивал мир, делал его чуточку лучше и волшебнее. Ветер трепал платье и выбившиеся из прически волосы, освежал и подбадривал. Внизу блестела сапфировая капля озера. Так далеко...

Голова закружилась внезапно. Я развернулась, желая отойти от края, но... Накатила слабость, я пошатнулась, невольно шагнула назад — и медленно, словно в кошмарном сне, соскользнула с площадки.

Говорят, что в последние мгновения перед глазами проносится вся жизнь. То ли врут, то ли я оказалась бракованной, не знаю, но перед моими глазами было лишь безумно красивое небо, а в голове — первозданная пустота, в которой пульсировала одна-единственная мысль.

Если умереть в этом мире, попаду ли я в свой?..

К счастью или же нет, но проверить не удалось. Меня поймали до того, как я встретилась с наверняка неласковой землей.

— Анна? — изумленно спросил рыжий шэт-шан Таныл, в чьи руки я столь удачно упала.

— Ик, — совершенно невежливо ответила я, нервно вцепившись в ткань его темно-зеленого наряда. — П-прости...

На земле я все же оказалась. Вернее, на травке, на которую меня осторожно сгрузил Таныл. Сам он пытался рассмотреть, есть ли кто на площадке, с которой я только что свалилась.

Даже если и был, то дожидаться обнаружения явно не стал бы. Но там никого не было.

Не было. Не так ли?

Я, по-прежнему сидя на траве — ноги все еще не слушались, — обхватила руками плечи. Меня запоздало затрясло, дыхание перехватило, глаза защипало... Я резко провела по ним ладонью и решительно встала. Покачнулась и не вернулась на травку лишь благодаря вовремя подоспевшему Танылу.

— Осторожнее, — сказал он, поддерживая меня. — Куда так торопишься?

Поторопиться стоило. Если мое исчезновение обнаружили, может начаться переполох... А если владелец узнает, что его подарочек по собственной глупости навернулся с площадки... Да меня же никогда больше из покоев не выпустят!

— Не говори... Не говори Канро-шану. Пожалуйста, — прошептала я, сжав руку Таныла.

— Не говорить, — хмыкнул он. — Ты что-то почувствовала? Там, наверху? Тебя толкнули? С тобой кто-то был?

— Нет, — помотала я головой. — Просто... слабость накатила. Я...

— Ты почти белая, — перебил рыжий шэт-шан. — Ни кровинки в лице. Когда ты в последний раз ела?

Я растерянно пожала плечами. Вроде бы вчера утром. Да и не все ли равно? Есть совершенно не хотелось. Зато спать — очень даже. Странно, совсем недавно я была полна энергии. Последствия стресса, не иначе. Нужно отдохнуть. А для начала — добраться до спальни. Знать бы еще, в какую сторону идти... Ползти. Идти, откровенно говоря, я не в состоянии.

— Понятно, — протянул Таныл и подхватил меня на руки.

Возмутиться я не успела...

— Что здесь происходит?!

Этот скрипучий голос я узнала сразу. Агрийо, звездочет владетеля. Отлично. Лучшего момента для своего эффектного появления он выбрать просто не мог!

Я дернулась, намекая Танылу, что неплохо бы меня отпустить, но он даже не дрогнул.

— О, старина Агрийо! — просиял рыжий шэт-шан так, будто встретил хорошего друга. — Рад видеть, что твои мощи все еще пригодны для самостоятельного передвижения!

— Я спросил, что здесь происходит, господин Таныл, — не дал сбить себя с толку звездочет, сверкая на нас колючими темными глазами. — Или предпочитаете объясняться с Канро-шаном?

Как-то он не очень вежливо с владетелем соседнего шэтхо общается...

— Замечательная идея, — серьезно кивнул Таныл, проигнорировав тон вопроса. — Я обязательно объяснюсь с Канро-шаном. Как только отнесу его драгоценную гостью, отчего-то оказавшуюся здесь в недобром здравии и полном одиночестве, в ее покои. Надеюсь, ты не возражаешь? Нет? Всегда восхищался твоей мудростью, не удивлен, что Канро-шан столь высоко тебя ценит!

Звездочет отчетливо скрипнул зубами. Похоже, рыжий изящно отдал ему очень большую мозоль.

Кажется, кататься на владетелях вошло у меня в привычку, от которой срочно надо было избавляться. Таныл не умолкал ни на минуту, сыпал шуточками, забавными историями из жизни — как своей, так и Канро-шана, которому наверняка сейчас икалось; позади, сердито сопя, шел Агрийо, не пожелавший оставлять нас наедине. Чего он боялся? Что рыжий шэт-шан растворится в воздухе вместе с ценной вещью? Этот вариант меня устроил бы. Но стоит ли менять

шило на мыло, то бишь одного владельца на другого? Не думаю, что Таныл воспытал симпатией к незнакомке на пустом месте; если моя сила подходит одному шэту, наверняка подойдет и другому.

Знать бы еще, чего от этого другого ожидать... Пока что мне хотелось держаться как можно дальше. От обоих.

В покои звездочет Таныла не пустил. У порога нас встретили две девушки, им-то меня и поручили. Признаться, я не справилась бы даже с платьем. Мне помогли переодеться, принесли густого пряного отвара, после которого спать захотелось еще больше, и наконец-то позволили завернуться в мягкое одеяло и отключиться от всех проблем.

Хотя бы на несколько часов.

В кабинете владельца Прайго царил полумрак. Канро-шан нервно мерил шагами комнату, не обращая внимания на устроившегося на низком диванчике гостя. Гость, поджав ноги, с любопытством следил за метаниями хозяина и гадал, полыхнет он на этот раз или нет.

Канро-шан был взбешен. А еще — смущен и растерян. И это невиданное прежде зрелище удивляло и даже забавляло.

Анна просила не говорить о своем падении с площадки, но Таныл все равно рассказал. Не потому, что хотел позлить шэт-шана, это он мог сделать и не за счет девушки. Просто сильно сомневался, что она упала сама. Да, он никого там не видел, Анна не почувствовала чужого присутствия, но... Что-то было не так. В воздухе. В шелесте трав. В самой девушке.

— Разберись, — приказал Канро тенью застывшему возле дверей Агрийо.

Звездочет поклонился и бесшумно вышел. Отлично. И делом займется, и лишнего не услышит.

— Ты знаешь, кто она. — Владелец не спрашивал. Он утверждал. Наконец-то сел напротив и вперился в гостя страшным, немигающим взглядом. — Знаешь. Но все равно спас ее.

— Разве я мог поступить иначе? Позволить ей погибнуть? Я надеюсь на честную борьбу, — сказал Таныл. — А еще на то, что я понравлюсь ей больше тебя, Канро-шан.

Канро, как и все огненные, вспыхивал легко, от любой походя брошенной искры. Вот и сейчас его глаза налились алым, а ногти

заметно подросли и заострились...

— Она красивая, — продолжал Таныл, наслаждаясь реакцией на каждое свое слово. — И милая. Очень милая. А мне нужна жена. И наследник. У тебя уже есть наследник, чем я хуже?

— Найди другую женщину, Таныл-шан, — улыбнулся Канро. Вроде бы и вежливо, но удлинившиеся клыки оной вежливости не особо соответствовали. — Анну ты не получишь.

— Это мы еще посмотрим, — вернул улыбку он. — Выбирать в итоге будет она...

— Что ты делаешь? — прошипел Канро, устав притворяться. В его глазах полыхало пламя. — Пытаешься увести моего мага?!

— Это не запрещено, — безмятежно пожал плечами Таныл. — По законам Совета, маги вольны решать, кому служить. Если не успели принести клятву... Анна приносила тебе клятву, Канро-шан? — Канро смолчал, и Таныл продолжил, подбираясь к главному, предвкушая: — Конечно же не приносила. Аштары никогда не клянутся в верности. Это мы должны быть верны им. Канро-шан, ты побледнел? Отчего? Неужели думал, что я приму Анну за обычного, пусть и очень сильного, мага? Прости, но я не настолько глуп.

Канро взвился на ноги. Бледный, с горящими глазами, на грани изменений, он мог ввергнуть в ужас кого угодно... Но не Таныла. Он не боялся. Он наслаждался. Игра давно уже вышла за пределы допустимого, но и ставки в ней выросли. Ради этого стоило рискнуть.

— Зачем тебе аштара, Канро-шан? — спросил он. — Простой маг уже не способен помочь?

— Что за чушь, — отрывисто бросил владелец.

— Тогда тем более. Отчего ты так остро реагируешь? При тебе Анна будет лишь живым артефактом. Я дам ей намного больше. Дам то, чего ты никогда не сможешь.

— Я смогу дать ей все, что она только пожелает, — тихо прорычал он.

— Ты даже защитить ее не в силах, — хмыкнул Таныл. — Сегодняшний день это подтверждает.

— Подобного больше не случится, — процедил Канро. Он прикрыл глаза, и пламя в них погасло. Вздохнул, успокаиваясь, и в упор посмотрел на своего противника: — Это был ваш первый и

последний разговор. Ашатара или нет, но ты ее не получишь. Никогда. А сейчас, будь добр, покинь меня. Слишком много дел...

— Ясного дня, Канро-шан, — легко поднявшись с диванчика, поклонился Таныл.

— Ясного, — откликнулся Канро, и прозвучало это пожеланием свалиться с лестницы и сломать себе шею, страстным, искренним... и совершенно несбыточным.

После обеда приходил Канро-шан. Вопреки опасениям, он не ругался и не грозился запереть меня на веки вечные, нет. Владелец в основном молчал, бросал странные взгляды и надолго не задержался. А уходя, просил — просил, надо же! — никуда не отлучаться, особенно без сопровождения. Кстати, страж у моих дверей сменился. Куда делся прежний, я малодушно не уточнила.

Вечером принесли книги, а еще — бумагу, кисточки и чернила. Последним я от души обрадовалась. Сначала, устроившись в гостиной прямо на полу, писала буквы и слова, просто наслаждаясь самой возможностью, потом принялась рисовать. К кисточке я уже приноровилась, и получалось недурно. Дорк, по крайней мере, вышел вполне милым. Как он там поживает, привыкший к ласке зверек?

И... как Йонто? Я не осмелилась спросить у Паллира. Понимала, что нельзя, что нас могут подслушать. Понимала, но теперь мучилась из-за упущенного шанса.

Кисть двигалась, следуя за моими мыслями.

Я рисовала его. Рисовала, боясь забыть. И то и дело волновалась — такой ли у него овал лица и разрез глаз, улыбка, наклон головы... Листок за листком. набросок за наброском.

Это занятие увлекло, затянуло, и очнулась я лишь тогда, когда меня окликнули. Встрепенулась, сгребла в кучу листы бумаги, стремясь скрыть нарисованное, и тут же выдохнула, увидев на пороге Вэйнару. За ее спиной с подносом в руках замерла молоденькая служанка.

Мы устроились на диване. На столике исходил паром чайник, стояли тонкостенные расписные чашки и блюда с фруктами и сладостями. На краю столешницы, ближе ко мне, лежали спешно собранные рисунки, прикрытые сверху чистыми листами и придавленные чернильницей.

Когда служанка ушла, шэти протянула что-то, завернутое в серую ткань.

— Это передал тебе Паллир.

Там была моя сумка. А в сумке — косметичка, плеер, не нужные уже очки, смартфон... Заколки, подаренные Йонто.

Шпильки с жемчужными цветами я тут же воткнула в волосы. К переводчику, который Паллир отключил и который я носила как простое украшение, добавилось еще одно сокровище.

— Вижу, эти вещи тебе дороги, — заметила Вэйнара.

— Частички моего дома, — коротко ответила я. — Спасибо...

— Мне-то за что, — отмахнулась шэти. — Анна... Я видела, кто принес тебя в покои сегодня утром.

— Я его об этом не просила, — быстро сказала я.

— Не сомневаюсь, — слабо улыбнулась она. — Таныл наверняка почувствовал, кто ты на самом деле... Боюсь, что теперь он не отступится.

— А кто я на самом деле? — ухватила за ее слова я. — Зачем я вообще им нужна? Для чего?

— Ты — аштара, — вздохнула Вэйнара. — По крайней мере, так считает мой брат.

— Это мне ни о чем не говорит, — покачала я головой.

— Конечно... Ты не знаешь, кто это. Давно исчезнувший народ, сила и слабость шэтов, те, с чьей помощью мы могли менять мир...

— Вряд ли я могу быть этой... аштарой, — возразила я. — Я родилась и выросла в другом мире.

— Ты в этом уверена? — пристально взглянула на меня Вэйнара, и я не нашлась с ответом.

Уверена ли я? Да я уже ни в чем не уверена!

Смогла же я передать силу шэт-шану... Отрицать это было бы глупо. И чем больше говорила Вэйнара, тем больше я убеждалась, что в ее словах есть немалая доля истины.

Моя интуиция, работавшая и на Земле, в Эйторре раскрылась с другой стороны, подарила навыки, о которых я не имела ни малейшего понятия. В этом убеждал меня и Йонто перед тем, как за мной пришел Паллир. Все сходилось. И пугало до темноты в глазах.

Аштара. Последняя из сгинувшего племени. Лакомый кусочек для владетелей.

— Ты для них — величайшая ценность, — тихо продолжала шэти. — Из тех, что ломаются, если слишком сильно сжать, но, даже поломанные, не теряют своей притягательности.

— Что? — не поняла я.

— Им нужно твое доверие. Аштары особенные, и пусть их давно уже никто не видел, тэты это помнят. И знают, что вы живете сердцем. Тот же Канро... Или Таныл... Они стараются завоевать твое доверие, потому что добровольно отданная сила гораздо слаще. Но отобранной силой они тоже не погнушаются, другое дело, что приберегут такие методы на самый крайний случай, потому как знают: это тебя убьет.

Я нервно сглотнула. Потрясающие новости. Шикарный выбор. Либо я срочно учусь доверять тем, кого боюсь как огня, либо прощаюсь с жизнью. Ни один из вариантов совершенно не прельщал.

— Анна, — словно сквозь толстый слой ваты донесся голос Вэйнары, — я знаю, что тебе страшно, знаю, что трудно, но... Попробай открыть свое сердце хоть кому-нибудь из них. Я не знаю Таныла, но мой брат... Он нетерпелив и не привык к отказам. Он сломает тебя, если поймет, что иначе силы не получит.

Какие блестящие перспективы... Не сказала бы, что новые знания меня подбодрили.

— Я... могу хоть что-то сделать для своей защиты? — тихо спросила я.

— Не знаю, — покачала головой Вэйнара. — Прости, Анна.

Шэти поднялась, и я поспешно последовала ее примеру. Слишком поспешно. Задела чернильницу, и она покатилась на ковер, а за ней с тихим шорохом посыпались листы бумаги.

Вэйнара среагировала первой. Подхватила один листок, вгляделась в него, изменилась в лице... Похоже, попался ей отнюдь не дорк.

— Я сейчас же все сожгу! — пообещала я, собрав рисунки с пола.

— Нет, я сама! — Вэйнара выхватила листы и прижала их к груди, будто боясь, что отберу. — Так надежнее.

Надежнее. Как же.

Она ушла, а мне отчего-то захотелось плакать.

Я подобрала чернильницу и чистые листы бумаги, положила их на столик. Постояла в задумчивости, но так и не решилась вновь к ним прикоснуться.

Я совсем сошла с ума. Хорошо, что рисунки увидела шэти... а если бы владетель?

Я перебралась в спальню, зажгла светильник возле кровати, распахнула окно — показалось, что в комнате слишком душно, — и устроилась на постели с пухлым томом в обнимку.

История и обычаи Эйторры. Самое интересное, что удалось найти в принесенных книгах. Нет, я, конечно, не рассчитывала, что мне преподнесут все нужное на блюдечке... Ничего, постараюсь отыскать. А пока почитаю то, что дали, ведь лишних знаний не бывает.

Зачитавшись, я потеряла счет времени... вообще, кажется, потерялась, и незваного гостя заметила только после того, как он деликатно кашлянул.

Брошенную в него книгу он без труда перехватил. Хорошо еще не вернул по обратному адресу.

— Какой горячий прием, — с нотками удивления в голосе пробормотал гость, спрыгивая с подоконника. — Я бы даже сказал, сногшибательный... Ты со всеми так добра?

— Отнюдь. Лишь с теми, кто путает окна с дверью, — сухо ответила я.

— Боюсь, твой страж не понял бы столь позднего визита, — хмыкнул Таныл и как ни в чем не бывало устроился на краешке кровати.

Потрясающая наглость.

— Я тоже не поняла, — нахмурилась я и на всякий случай отползла подальше, жалея, что не прихватила еще парочку увесистых томов. — Что тебе нужно?

Как он сюда вообще попал, спрашивать не стала. Отчего-то не чувствовала себя готовой услышать о способностях шэтов ползать по стенам. Ну или прыгать так, что любой кузнечик от зависти побелеет. Как все это можно провернуть в подобной одежде — длинной, широкой, столь же красивой, сколь и неудобной, — ума не приложу.

— Я хочу поговорить, — улыбнулся рыжий владетель. — Упреждая следующий вопрос — нет, днем это будет проблематично. Канро-шан принял слишком близко к сердцу наше знакомство.

Какая, право слово, неожиданность.

— Тогда, может, нам не стоит говорить? — вежливо намекнула я.

— Думаю, стоит, — посерьезнел Таныл. — Это важно. Прежде всего — для тебя. Ты — аштара. Знаешь, кто это? Что это значит?

Я неуверенно кивнула.

— Тогда понимаешь, в какой ты опасности. Канро-шан несдержан. Он привык получать все по первому требованию и часто ломает свои игрушки, даже самые редкие и дорогие. А ты... Я вижу, что ты неспособна подчиниться полностью, как он того ждет. Сколько у тебя шансов выжить?

Вэйнара говорила о том же.

Таныл прав. Каждое его слово было точно в цель, но... То же самое можно сказать и про рыжего шэта-шана. Властный. Жестокий. Добивающийся своего любой ценой. И пусть с самоконтролем у него все в порядке, это не гарантирует, что он не сломает игрушку. От скуки ли, по мимолетной ли прихоти...

— Могу поклясться, что не причиню тебе вреда, — поймал мой взгляд Таныл. Словно мысли прочел, но здесь, кажется, это умел делать каждый второй. Или просто я не умела их скрывать?

— Не хочу менять одну золотую клетку на другую, — качнула головой я.

Я не боялась. Здесь, во дворце, Таныл бессилен. Он не сможет увезти меня, как бы того ни желал.

А даже если бы и увез... Что они говорили об открытом сердце? Зачем ему та, которая никогда не сделает это для него?

Для Канро, впрочем, тоже. И лишь дело времени, когда он все поймет. И что тогда будет со мной...

Нет, о таком лучше даже не думать. Ведь все может измениться.

Я и сама не особо верила в это. Но мне необходимо было верить хоть во что-то. Просто чтобы выжить.

— Я предлагаю тебе не клетку, — возразил Таныл. — Я предлагаю тебе весь мир. Подумай, Анна. Подумай, пока еще не поздно.

Он ушел так же бесшумно, как и пришел. А я, рассудив, что сейчас как раз-таки очень даже поздно что думать, что читать, погасила свет и завернулась в покрывало.

Завтра. Всё — завтра. Раздумья, выбор и прочие неприятности.

Сегодня я слишком устала. Сегодня я еще позволю себе помечтать о чуде...

ГЛАВА 5

Утро началось с неожиданности.

Неожиданность сбила с толку и поставила в тупик.

Неожиданность заставила Канро усомниться в собственном слухе, а затем и зрении.

Неожиданность вынудила его спешить.

Владелец шагал по извилистым коридорам, слушал красочный доклад семенившего позади слуги и постепенно проникался мыслью: это правда. Слишком много наглости в поступках и словах, подобное привидеться попросту не может.

Высокий парень с темными взлохмаченными волосами и вызывающе прищуренными глазами галлюцинацией и в самом деле не был. Он стоял у главных ворот дворца, напротив озадаченных стражей, безоружный, расслабленный. Нахальный.

И все же... Наглость наглостью, а колено он, как и положено, преклонил.

Канро, отмахнувшись от полусонной свиты, в одиночку вышел из распахнутых ворот, остановился в двух шагах от мальчишки, который, даже склонившись, вид имел гордый и независимый. Проклятая порода!

— Зачем ты пришел? — тихо спросил владелец.

Не получив разрешения, мальчишка не поднялся, но смотрел дерзко, и не думая эту дерзость скрывать.

— Мне стало скучно, — сказал он. — Вы же сами звали меня. Потому я и пришел.

— Однажды ты бросил мне в лицо, что ноги твоей больше здесь не будет, — напомнил Канро.

— Я был молод и глуп, — покался мальчишка.

— И что? Сейчас это изменилось? — насмешливо изогнул брови владелец.

— Проверьте, если желаете.

— Проверить... Хорошо. — Канро предвкушающе улыбнулся. Сам напросился. Такой проверки он точно не выдержит, вспыхнет, как

сухая трава. — Слышал, год назад, после последнего прорыва Грани, ты командовал отрядом охотников, очистившим лес Юкрей.

— Ваша осведомленность поражает, господин, — сухо обронил парень.

— Значит, это правда. Прекрасно. Мне нужен человек, способный возглавить личную охрану шэт-ара. Человек, которому и я, и он могли бы полностью доверять. Ты согласен стать эраниром наследника?

Мальчишка в очередной раз удивил. Он не дрогнул. Не отвел глаз. И не раздумывал ни мгновения, прежде чем ответить:

— Согласен.

— Ты же понимаешь, что в ворота войдешь лишь после того, как принесешь клятву верности? — уточнил владетель.

— Я готов. Прямо здесь и сейчас. Но... готовы ли вы?

Это был вызов. И Канро, усмехнувшись, с удовольствием его принял.

— Поднимись, старший эранир шэт-ара, — повелел владетель, когда отзвучали слова клятвы. — Поднимись и войди в свой дом. — И искренне добавил, глядя в темные глаза выпрямившегося парня: — Я рад, что ты наконец-то образумился, Йонто.

Попасть во дворец оказалось невероятно просто. Впрочем, на то и был расчет.

Удержаться будет намного сложнее. Не говоря уж о том, чтобы выбраться.

Получая форму и оружие, заселяясь в отведенный старшему эраниру шэт-ара дом — не слишком-то роскошный по местным меркам, он чуть ли не втрое превышал размеры лесного домика, — Йонто незаметно осматривался. Казалось, ничего-то здесь не изменилось, и это, наверняка обманчивое, впечатление неожиданно глубоко ранило, вцепилось в грудь когтистыми лапами, вытягивая воспоминания, от которых за прошедшие годы так и не удалось избавиться.

Йонто опустил на краешек низкой кровати, сжал голову руками. Что он делает?

Пришел во дворец. Встал на колени. Принес клятву... И принесет еще одну. Шэт-ару Тайро. Бестолковому, вечно путавшемуся под ногами Таю, который, судя по слухам, тоже ничуть не изменился.

Ядовитые мысли Йонто отогнал. Может, он и совершил глупость, но... Иного выхода нет. Он должен быть здесь. Не важно в каком статусе.

Старший эранир шэт-ара. Глава личной охраны наследника.

Ирония судьбы. Или шэт-шана? Ничего более извращенного владетель выдумать просто не мог.

Форма была удобной. Черные штаны. Высокие ботинки на толстой подошве. Темно-красная плотная рубашка. Длинная черная безрукавка с разрезами по бокам и вышитым на груди алым чен голем, заключенным в кольцо пламени. Широкий пояс с крепящимся к нему коротким мечом. Клинок простой, но надежный, видно, что еще и зачарованный. Йонто осторожно коснулся острия. Точно. Меч не причинит вреда роду, кровью которого заклят. Еще были полностью закрывающие предплечья нарукавники из жесткой кожи и легкие доспехи, необязательные для ежедневного ношения. Скорее уж парадно-выходной вариант...

Доспехи Йонто не надел. Меч, поколебавшись, все же взял. Еще и волосы тщательно расчесал и связал на затылке черно-алой лентой. Как-никак эранир. Старший. Чтоб их всех за Грань утянуло.

Перед Канро-шаном, первым кандидатом на принудительное переселение на ту сторону мира, Йонто предстал, ожидая вопросов и совершенно их не страшась.

— Зачем ты пришел сюда на самом деле? — остро глянул на него шэт-шан, сложив на груди руки.

В кабинете было душно. Воздух от пряных благовоний казался густым, от него першило в горле и ломило виски.

— Я уже говорил, мой господин, — ровно отозвался Йонто, старательно отгоняя дурноту.

— И это вся правда? — хмыкнул владетель.

— Не совсем. Мне надоело рисковать собственной жизнью. Надоело быть изгоем. Все так, как вы и предсказывали, — чуть склонил голову Йонто.

Слова давались с трудом. Насквозь лживые, тут, в месте, пропитанном ложью, они звучали правдиво.

— И ты готов служить мне?

— У меня нет выхода. Вы же знаете.

— Есть. Это ты тоже знаешь.

— Я принес клятву.

Глаза шэт-шана полыхнули алым.

— Пока что — лишь мне. Не ему. У тебя есть шанс все изменить.

— Вы бы хотели этого? — устал ходить вокруг да около Йонто. — Для этого вы звали меня? Вы?

— Тебя это так удивляет? — усмехнулся Канро. — Вэйнара, к примеру, считает меня чудовищем.

Имя, будто тупая игла, кольнуло сердце.

— Вероятно, у нее есть основания, — не удержался Йонто.

— Ты с ней согласен? — приподнял брови шэт-шан.

— Разве я смею, мой господин.

Губы владельца дрогнули в едва заметной улыбке.

— Так что ты решишь? Здесь и сейчас я даю тебе возможность. Воспользуешься ли ты ею?

Йонто знал, что это — проверка. Знал, что никакой возможности ему не дадут. Знал... И все равно почувствовал, как в груди печет от злости. На то, что над ним откровенно издеваются. И на себя, что, подвернись такой шанс на самом деле, и не подумал бы за него ухватиться.

И на то, что Канро беззастенчиво пытается считывать его эмоции. Хотя последнее вызывало еще и едкое, болезненное удовольствие — от осознания, что до его истинных чувств шэт-шан не доберется... и даже этого не заметит. Спасибо старику за науку, которую Йонто когда-то полагал бесполезной.

— Я принесу клятву верности шэт-ару Тайро, — погасив разгоревшееся было пламя, твердо произнес он. — Я пришел сюда не ради того, чтобы что-то возвращать. Я пришел сюда, чтобы жить дальше. Так, как сам желаю. Так, как сам выбрал.

— Я в тебе не ошибся, — довольно рассмеялся владелец. — Думаю, мы сумеем поладить.

Йонто молча поклонился. Думать шэт-шан мог все что угодно. Другое дело, что с реальностью его думы ничего общего не имели и иметь не могли.

Тайро во дворце не окажется, и принесение клятвы отложилось. Судя по лицу владельца, редкостью это не являлось и отцовское сердце отнюдь не радовало. Йонто же было все равно. Для того чтобы встретиться с десятком стражей, входящих в личную охрану

наследника, присутствие Тайро не требовалось. Как и для того, чтобы под предлогом служебного рвения обследовать дворец, не вызывая никаких подозрений. Нужно же свежее испеченному старшему эраниру, отныне ответственному за благополучие единственного наследника владельца, знать, где находятся уязвимые места защиты, грозящие жизни и здоровью шэт-ара?

Проснувшись я поздно, когда время завтрака давно уже миновало. Долго отмокала в купальне, а выйдя в гостиную, обнаружила одну из девушек, что заботились обо мне вчера, невысокую, темноволосую, назвавшуюся Тэйей. Она принесла обед, проследила, чтобы я съела все до последней крошки, и предложила помочь с одеждой и прической. Отказываться я не стала, выбрала первое попавшееся на глаза платье, серебристо-белое и в меру строгое, вытерпела процесс облачения, позволила соорудить из волос то, что Тэйа сочтет нужным. Получилось нечто сложное, но не аляповатое. Поблагодарив зардевшуюся девушку, я прихватила книгу и сбежала в сад. Дремавший возле дверей страж при моем появлении обреченно вздохнул и последовал за мной. В отличие от предыдущего — совершенно бесшумно. При должном желании можно было вообразить, что я предоставлена сама себе. Приятное ощущение. Жаль, ложное.

Первым делом я навестила чентолей. В просторном вольере обитало всего два дракона, белый и зеленый. Оба были мне знакомы. Оба позволили себя погладить. Ушла я лишь тогда, когда смотритель вежливо намекнул, что сейчас чентолям положена прогулка и мешать им не следует. Я понаблюдала, как драконы парят в чистом небе, наслаждаясь свободой, пусть даже иллюзорной, и отправилась дальше — урывать свои собственные мгновения ненастоящего счастья. Побродила по желтым дорожкам, полюбовалась крупными цветами, впрочем остерегаясь их трогать — слишком уж яркими они были. Нашла уютную беседку, почитала... Поняла, что выбирать одежду нужно внимательнее: воротничок на шнуровке слишком плотно охватывал шею, неприятно напоминая о старой версии канша. Не выдержав, немного распустила шнуровку. Наверняка в высшей степени неприлично... Вон как страж губы поджал. Ну и ладно.

Вернусь к себе и переоденусь, а сейчас меня все равно никто не видит — почему-то эта часть сада популярностью не пользовалась.

Задумавшись, я медленно шла по опоясывающей стену дорожке, когда позади раздался странный всхлип. Обернувшись, вместо своего стража я увидела ботинки, едва выглядывающие из-за пышного куста. В обморок, что ли, свалился? Я шагнула было туда, но на плече сомкнулись чьи-то пальцы, и меня потянули в сторону. В темную глубокую нишу, вход в которую наполовину скрывал тот же куст, наполовину — разросшийся плющ. Я покачнулась, отступила на шаг, подняла взгляд... И возмущенные слова умерли, не родившись. Сюда проникало мало света, но даже в полумраке я узнала его. Наверное, даже в полной тьме узнала бы!

Он пришел. Он действительно пришел! Я же не брежу наяву, как тогда, возле озера? Мне же не кажется, верно? Или кажется? Что это за одежда? Похоже на форму стражей... И вечно растрепанные волосы стянуты в аккуратный хвост. Непривычно. Нет, такого я точно не могла нафантазировать!

Я протянула было руку, но так его и не коснулась. А вдруг он сейчас развеется и я снова останусь одна? От этой мысли стало невыносимо грустно.

— Йонто... — прошептала я. — Это правда ты?

— Не уверен, — усмехнулось видение и, одернув длинную форменную безрукавку, проворчал: — Может ли лишенный индивидуальности человек остаться собой, как думаешь, Ана?

— Это правда ты! — От радости перехватило дыхание, но ее тут же сменил отрезвляющий страх, и я все же ткнула Йонто пальцем в плечо: — Что ты здесь делаешь?! Тебе сюда нельзя! Ты...

— Как ты? — перебил он, не сводя с меня внимательного, обеспокоенного взгляда. — Что с тобой случилось? Канро, он...

— Он меня не обижал, — торопливо заверила я. — Напротив, со мной обращаются так, словно я принцесса. В моих покоях потеряться можно, одна спальня больше нашего домика, представляешь? А еще теперь я отлично вижу и понимаю эйру без переводчика...

О последних словах я пожалела: судя по тому, как выругался Йонто, представление о цене этих чудес он имел.

— Ты...

— Я сама этого хотела, — как можно беззаботнее сказала я. — Все в порядке, правда.

Я улыбалась, хотя больше всего хотелось расплакаться, уткнуться носом в его плечо и от души нажаловаться на шэт-шана, его ненормальные методы... и даже на полоумный гарем.

Однако я прекрасно понимала, что за этим последует. Йонто слишком импульсивен. И все еще не привык думать о себе. Настолько не привык, что явился во дворец, где, как я поняла, ему появляться не стоило бы вовсе. И все — из-за меня.

— В порядке, — задумчиво протянул Йонто и горько усмехнулся. — Я обещал тебя защищать. Невзирая на эти обещания, тебя забрали из нашего дома, потому что я ничего не смог сделать. И ты говоришь, что все в порядке. Так ли это, Ана? — С каждым словом он приближался, а я почему-то отступала, пока не прижалась к стене, сплошь покрытой плющом. Йонто уперся ладонями в стену с обеих сторон от моей головы, заключая в ловушку, и едва слышно признался: — Я скучал.

Неожиданное откровение ошеломило. Он и в самом деле это сказал? Мне не послышалось?

Наверное, я слишком долго приходила в себя. Йонто выдохнул, отступил на шаг... Но сбежать я ему не позволила. Подалась вперед, привстав на цыпочки, обвила его шею руками и прикрыла глаза, чувствуя, как бьется чужое сердце рядом с моим, как напрягся Йонто... И как неуверенно его ладони коснулись моих плеч, желая то ли оттолкнуть меня, то ли прижать крепче... Он выбрал второе.

— Я тоже скучала, — впервые за эти безумные дни почувствовав себя в полной безопасности, прошептала я. — Сильно-сильно. Скучала... И боялась. Так боялась, что больше никогда тебя не увижу...

Ана была другой. И одновременно — прежней.

Роскошное платье. Тончайшие слои ткани, искусная вышивка... И распушенная у горла серебряная шнуровка. Она ненавидит, когда что-либо плотно охватывает ее шею.

Сложная прическа, украшенная блестящими безделушками. И выбившиеся локоны щекачут шею и щеки. Она сама не замечает, как, задумавшись, тербит волосы.

Глаза сияют, словно жемчуг. А губы, обычно яркие, болезненно бледны. Она кусает их, когда нервничает. Иногда до крови.

Вот и сейчас в уголке губ застыла алая капелька... Нестерпимо захотелось ее стереть. А еще сильнее — взять Ану за руку и увести отсюда. Как можно дальше.

Уведет. Не сейчас, но... Обязательно уведет.

Она сказала, что в порядке. Сказала, пряча пережитую боль за улыбкой, а страх — за пушистыми ресницами. Только он все равно видел то, что она так старалась скрыть. Не потому что не доверяла, а потому что боялась. За него. И это отрезвило, заставило успокоиться, разжать кулаки и начать мыслить здраво.

Чего он добьется, если прямо выскажет шэт-шану все, что о нем думает? В лучшем случае Канро выставит его из дворца. Нет. Он должен быть здесь. А для этого нужно вести себя благоразумно.

Тяжелое это дело — вести себя благоразумно. Думать благоразумно. Вообще думать, когда она так близко. Прижимается доверчиво. Говорит, что боялась.

Йонто тоже боялся, хотя до сих пор этого не осознавал.

Боялся, что она обижена. Боялся, что злится. Что не простит — за то, что позволил ее увести, что не пришел раньше, что по его вине она вытерпела все это... Боялся, что оттолкнет.

Глупый. А еще полагал, что хорошо ее знает.

Он и себя-то толком не знал. Не знал, что одно-единственное объятие способно заполнить пустоту в сердце и вымести прочь все страхи, оставив спокойную уверенность в своих силах и правильности принятых решений.

О плане побега Йонто рассказал коротко, не вдаваясь в детали, которые еще не до конца обдумал.

Найти слабое место в защите дворца. Открыть теневую тропу. Уйти по ней как можно дальше.

Ана слушала внимательно. Хмурилась, кусала губы... Пришлось пообещать, что будет осторожен.

В самом деле будет. Слишком много от этой осторожности зависит.

Самым сложным оказалось уйти. Но его ждали новые заботы, а ее охранник вот-вот должен был очнуться.

Он и очнулся, стоило отойти на несколько шагов и свернуть за угол.

Йонто остановился, прислушался.

— Что это было? — простонал страж, на собственном опыте опробовавший еще одну науку старика: как быстро и безболезненно лишить человека сознания.

— Переутомление, — серьезно ответила Ана. — Полагаю, нужно рассказать Канро-шану, что вы не совсем здоровы...

— Госпожа, молю, не надо! — В голосе стража отчетливо слышалась паника. — Клянусь, что подобного больше не повторится, только не говорите господину!

— Хорошо, — поколебавшись для вида, «смилоствовала» она. — Я сохраню это в секрете, обещаю. Давайте вернемся, на сегодня прогулок достаточно.

Вздых облегчения, который издал страж, спугнул с куста стайку шумных пичуг.

Усмехнувшись, Йонто пошел дальше. Несмотря ни на что хотелось улыбаться.

Недолго, впрочем.

— Йон!

Оклик застиг его врасплох, ожег плетью не тело, но душу.

— Йонто!

Он ускорил шаг. Если сделать вид, что не слышит, если...

— Старший эранир! Стой! Это приказ!

А вот это уже нечестно. Сжав зубы и кулаки, он остановился и четко развернулся к спешащей женщине, стараясь смотреть куда угодно, но только не на нее. Но все равно видел. И слышал — шорох юбок, торопливый шелест туфель, сбившееся дыхание... Тонкий аромат духов, который, как оказалось, помнил до сих пор.

Когда она наконец-то замерла напротив, он сумел взять себя в руки и поклониться по всем правилам.

— Как ты? — выдохнула она, глядя на него больными глазами.

— Благодарю за заботу, светлейшая шэти, — вновь поклонился он, — я в полном порядке.

— Йон, пожалуйста! Я так хотела тебя увидеть! Я...

— А я вовсе не хотел вас видеть, светлейшая. И уж точно не ожидал увидеть здесь. По слухам, дошедшим до нас, недостойных, вы

счастливы вышли замуж.

— Это не так, — запротестовала она, бледнея еще больше. — Это...

— Это ваша жизнь, и она меня совершенно не касается. Вы сами так сказали, отчего же теперь противоречите собственным словам? Позвольте откланяться, светлейшая, я спешу по поручению вашего брата. Ясного вам дня.

— А ты стал жестоким, — горько сказала она ему в спину.

— У меня были хорошие учителя, — глухо отозвался он, не оборачиваясь.

О ней он старался не думать, собираясь во дворец, стоя возле главных ворот, принося клятву. Размышлял о чем угодно, только не о ней. Хотя в глубине души знал, что рано или поздно они столкнутся.

Эта встреча была неизбежна. Так же неизбежно она причинила боль.

И, похоже, не ему одному.

Беспокойное утро перетекло в такой же день. Вплоть до обеда Канро занимался делами, которые обрушились на него нескончаемой лавиной. Очередное собрание чиновников, уверенных в собственной незаменимости и оттого наглых до невозможности, едва не довело его до кипения. Слушая доклады, правдивые хорошо хотя бы наполовину, владетель всерьез размышлял, а не осушить ли парочку особо зарвавшихся советничков. Прямо сейчас. Чтобы остальным неповадно было... Но потом представил, что придется срочно искать им замену, ломать голову над бесконечными списками, в которых, несомненно, будут сплошь родственники знатных семей, один бестолковее другого, лично проверять, кто и на что годен, ибо доверять в подобных вопросах кому-либо чревато еще большими проблемами... И такая тоска накатилась, что желание провести показательный урок бесследно испарилось.

Пусть интригуют. Подловит их позже. Тогда же, возможно, наглядно продемонстрирует, как ему надоели глупые игры. Пока же хватало иных забот.

Йонто и Тайро, к примеру. Насчет первого владетель был более-менее спокоен, а вот насчет последнего... Что выкинет этот ненормальный, предугадать, увы, невозможно.

Или то, что случилось с Анной вчера. Агрийо не нашел ни малейшего доказательства, что на площадке присутствовал кто-то еще. Вероятно, Таныл сгустил краски. Анна была слаба. Оступилась, не удержала равновесия... В конце концов, кто бы осмелился совершить подобное? Кто настолько не ценит свою жизнь? Но охрану нужно усилить... Так, на всякий случай.

Сама Анна, которая продолжала бояться Канро.

Крутящийся возле нее Таныл, которому плевать на все запреты и которому владетель планировал во время поединка оторвать дурную голову.

А еще была Вэйнара. Ее он ждал с самого утра — и таки дождался.

Сестра ворвалась в кабинет, словно ураган. Взбудораженная, тяжело дышащая, со сверкающими, полными слез глазами.

— Что происходит? Почему он здесь?! — крикнула с порога.

— Тише, Вэй, — поморщился владетель, отрываясь от бумаг. — Голова и так болит...

— Канро! — не проникшись проблемами брата, повысила голос она.

— Успокойся. Я его силой не тащил. Сам пришел. Сам захотел остаться.

— Остаться? Остаться, чтобы служить тебе? Служить Тайро?! Зачем?!

— Спроси у него, — устало посоветовал шэт-шан, оценил выражение беспомощности, проступившее на лице сестры, и усмехнулся. — А... Уже пыталась. И как?

— Ты... ты еще спрашиваешь?! — зло прошипела Вэйнара.

— Возьми себя в руки, — холодно посоветовал Канро. — В том, что он тебя не желает ни слышать, ни видеть, лишь твоя вина.

— Неправда! — побледнела она. — Я лишь хотела... хотела, чтобы он жил! Я хотела...

— Ему объясняй, не мне, — оборвал владетель. — Я же чудовище, как я могу тебя понять?

Вэйнара вздрогнула как от удара. Съежилась, развернулась и пошла к выходу.

— Он не такой, как я, — тихо бросил ей в спину брат. — Рано или поздно он поймет и примет тебя.

Она задержалась у порога, но не обернулась.

Канро даже не был уверен, слышала ли она.

Когда за Вэйнарой захлопнулась дверь, он растерянно потер гудящие виски, удивленный, что счел нужным давать ей советы. Утешать ее. Ее, которая корень всех своих бед упрямо видела в старшем брате.

«У нее есть основания», — словно наяву прозвучал голос Йонто.

Возможно, он был прав?

Канро сжал зубы, смел со стола ненужные бумаги и потянулся за следующей, еще не разобранной стопкой. Его ждала работа, не оставляющая времени на глупые, лишённые всякого смысла размышления, уже никому не способные помочь. Бесполезные, как и чувство вины, от которого он успешно прятался все эти годы — и которое именно сегодня решило ужалить его сквозь некстати размякшую броню.

ГЛАВА 6

Большая круглая площадка, окруженная широкими каменными ступенями, напоминала амфитеатр. С четырех сторон ступени заменяли слегка выступающие вперед балконы. С них открывался хороший вид как на пустую пока что арену, так и на зрителей, стянувшихся в ожидании какого-то зрелища. Ближе к вечеру Канрошан сказал, что с наступлением темноты состоится посвященный Великому предку ритуал и что мое присутствие обязательно. Сейчас он стоял рядом, в роскошных алых одеждах, пламенеющих в свете парящих золотистых шаров. По другую руку от меня застыла Вэйнара, и ее платье тоже было подобно огню. Я же умудрилась выделиться, выбрав белый с изящным розовым узором наряд.

Напротив, на точно таком же балконе, расположился Таныл, облаченный, как и его сопровождение, в синее. На верхних ступенях выстроились чиновники, которых прежде я видела лишь мельком. Их светло-серые с красными вставками мантии и круглые шапочки отчего-то вызвали нервную улыбку. Гаремный цветник тоже был неподалеку, яркий и шумный даже в этой толпе — и отделенный от нее стражами с таким зверским выражением на лицах, что оружие казалось лишним. От кого столь тщательно охраняют сумасшедших девиц? Кто к ним в здравом уме вообще рискнет подойти?

На нижних ступенях стояли несколько мужчин в черно-красной форме, и, едва найдя их взглядом, больше я уже ни на кого не смотрела. Среди них был Йонто.

— Опустит глаза, — взяв меня под руку, шепнула Вэйнара. — Сияют так, что ослепнуть можно.

Я тут же последовала мудрому совету, а она продолжила едва слышно:

— Он пришел ради тебя. Не позволяй обратить себя в оружие против него.

Я промолчала. Послышалось в ее голосе осуждение... И я признавала, что шэти имела полное на то право. Ради меня. Он пришел ради меня. И если с ним что-то случится, виновата буду только я. Надо было настоять, чтобы он немедленно покинул дворец. А я... Голову от

счастья потеряла. Не смогла отказаться от призрачного шанса сбежать отсюда. Даже если это возможно... Что будет потом? Реально ли скрыться от шэт-шана?

Если только в моем мире.

Но я по-прежнему не знала, как туда вернуться. И не знала, согласится ли Йонто последовать за мной.

Забывшись, я вновь кинула взгляд в его сторону, наткнулась на ответный — прямой и уверенный — и поняла, что отступить мне не позволят. Он пойдет до конца. А я... я пойду за ним.

Площадка мягко засветилась, и владелец шагнул к самому краю балкона, воздев руки к темным небесам.

— Милость Великого предка беспредельна, — нарушил сгустившуюся тишину он. — Есть ли кто-нибудь, желающий вознести ему хвалу и получить благословение для Прайго?

Тишина стала еще напряженнее, словно каждый из присутствующих затаил дыхание, чтобы его ненароком не заподозрили в столь благородном желании. Тем звонче прозвучал дрожащий от волнения голос:

— Позвольте мне, моя господин!

К площадке спускалась тоненькая девушка в ярко-алом платье с летящими широкими рукавами и юбками. Ее ноги, ступающие по холодному камню, были босы, а распущенные светлые волосы едва прикрывали плечи.

— Уверена в своих силах? — проскрипел Агрийо, неизменная тень владельца.

— Да, — вскинула подбородок девушка, и даже издалека я увидела в ее глазах решимость... и страх, мгновенно заразивший меня.

— Не надо, — прошептала я, подалась вперед, но звездочет вцепился в мой локоть и прошипел:

— Не вмешивайтесь, госпожа. Вас это не касается.

Я дернулась, вырываясь, но время было упущено: ритмично застучали барабаны, зазвенела-застонала странная, тревожная музыка, и девушка шагнула на мерцающие камни. Они тут же налились светом... и выплюнули высокий столб золотисто-алого пламени, от которого она с обманчивой легкостью увернулась. Для того, чтобы уклониться от второго... не попасть под третий... прогнуться, спасаясь от четвертого.

Я глухо вскрикнула, и на мои плечи, успокаивая, легли горячие ладони.

— Не бойся, Анна, — тихо сказал шэт-шан. — Она — жрица. Она умеет слышать пламя и управлять своим телом, и сейчас просто должна добраться до противоположного края, показав Великому предку нашу покорность и готовность пожертвовать всем...

Пожертвовать собственной жизнью? Ради чего?

Я закусила губу и промолчала. Агрийо прав: меня это не касается. Чужой мир. Чужие правила. Обычаи, о которых я ничего не знаю. Пусть они кажутся мне дикими, но кто я такая, чтобы осуждать? И я стояла, до боли сжимая кулаки, и смотрела, не в силах отвести взгляд.

Это напоминало танец. Невероятно безумный и странно красивый, завораживающий, заставляющий сердце биться быстрее, в такт барабанам, которые, казалось, сошли с ума. Пламя вырывалось все чаще, все сложнее было избегать его, все торопливее становились движения жрицы... И, почти дойдя до середины площадки, она неловко отшатнулась от одного языка огня, оступилась... и угодила в другой, который, немедленно обняв хрупкое тело, ослепительно вспыхнул...

Крик сплелся с бешеной барабанной дробью и резко оборвался, сменившись тьмой и тишиной. Площадка вновь едва мерцала, а от жрицы... От жрицы ничего не осталось.

Вообще ничего.

Разгорались погасшие на время страшного танца фонари, освещая ошеломленных людей, которые не до конца еще осознали случившееся. Нарастал ропот. Где-то раздался короткий, полный боли и злости, вопль.

— Тихо! — не повышая голоса, скомандовал шэт-шан, и его сила спущенным с цепи волкодавом облетела площадь, подавляя наметившуюся было панику. — Такое иногда происходит. Это...

— Это сулит беды! — раздался нервный выкрик из толпы. — Прайго...

— Под моей защитой! — рыкнул владелец. — То, что случилось, ничего не значит.

— Мой господин, но все свидетельствует об обратном... — низко склонившись, пробормотал невысокий мужчина в одеждах советника. — Подобное случилось в год смерти прежнего владельца!

Великий предок не принял нашу покорность, предпочел взять жертву... И это...

— Что? — прошипел Канро-шан, и в его глазах зажглись алые отблески.

Подумалось, что до недовольства Великого предка советник может не дожить. Но мужик попался закаленный и шэтоустойчивый. Наверное, другие в чиновниках не приживаются.

— Это плохо. Для всех нас. И в первую очередь — для вас, мой господин! — смело заявил другой советник.

Клуб самоубийц какой-то.

— Мы расцениваем это как знак свыше, — вступил в него третий. — Возможно, Великий предок недоволен...

— Мною? — нехорошо усмехнулся владетель. Интересно, если он прямо сейчас порвет на ленточки весь совет, это сильно подпортит его репутацию? Или же, наоборот, укрепит ее?

— Конечно же нет, мой господин! — в унисон возопили советники.

— Грехи ваших подданных настолько тяжелы, что даже жрице не удалось замолить их! Но она... — бесцеремонно ткнул в меня пальцем четвертый самоубийца. — Мой господин, женщина, которую даровала нам Сверкающая, наверняка сможет умиловить Великого предка!

Оглушенная гибелью жрицы, я даже не испугалась. Наблюдала с вялым любопытством, как наливается яростью Канро-шан, как вьется вокруг него хищная сила, только и ждущая момента, когда ее отпустят. Как бледнеют и заикаются чиновники, пытаясь убедить владетеля, что только подарочек Сверкающей спасет их от новых бед. Какими же должны быть эти беды, раз они позабыли о страхе перед шэт-шаном?

— Что?! — вскипел не проникшийся всеобщими столами владетель.

— Мой господин, не лишайте ваших смиренных подданных надежды! — храбро выдал начавший бунт советник, и ропот толпы вторил ему. — Пусть дарованная станцует для Великого предка! Только она, обласканная самими Небесами, может нас спасти!

— Убить ее решили?! — процедил шэт-шан, от которого уже едва искры не летели.

— Светлейший! — поддержали собрата по недалекому разуму остальные, дружно рухнув на колени. — Разве посмели бы мы

помыслить о подобном?! Благословленной ли Великим предком бояться какого-то огня?..

Мне действительно нечего было бояться. А вот им... и тем, кто стоял за их спинами... Хорошо, они не понимали, что Канро-шан на пределе и, сам того не желая, скоро просто-напросто уничтожит всех, кто здесь собрался, но... Неужели они не знают, на что способны хищники, загнанные в угол?

Владелец зарычал, словно огромный, очень опасный зверь, готовый убивать.

И оцепенение наконец-то меня отпустило.

— Я сделаю это! — громко сказала я, осторожно коснувшись ладони почти сорвавшегося шэт-шана, и повторила, глядя в его пылающие алым глаза: — Сделаю.

— Анна... — прошипел он.

Божечки-кошечки... Мне кажется или у него когти на руках выросли?! И зубы, похоже, во рту не умещаются...

— Все хорошо, — легкомысленно улыбнулась я. — Мне ничего не грозит. Вы же знаете это, Канро-шан.

А я знала, что случится, если спрячусь за ним. За считанные секунды в голове промелькнули две короткие, но яркие картинки-вспышки: что будет, если я станцую — и если откажусь. И последняя впечатлила гораздо сильнее гибели жрицы.

Эти люди, охваченные суеверным ужасом, и в самом деле видят во мне спасение. Они напуганы и не в состоянии осознать: грядущие катастрофы — ничто по сравнению с тем, что здесь и сейчас может сотворить их собственный владелец. Ослепленные страхом, они не отступятся. Канро сорвется. Если я тоже испугаюсь, если сбегу...

Но я не боялась. Их ожидания внезапно наполнили меня странной уверенностью. И не только это... Там, внизу, под темными сейчас камнями, томился огонь. Он звал, обещая увлекательную игру, и безумно захотелось поддаться этому зову, проверить, на что я способна. Я буквально горела желанием станцевать с пламенем. Горела так, что казалось — еще чуть-чуть, и вспыхну.

Вспыхну, если меня попытаются удержать.

И владелец понял — увидел ли в моем лице, считал ли эмоции... Он медленно кивнул, и алые отблески исчезли из его глаз.

Сегодня больше никто не умрет.

На замерцавшие камни я шагнула без опаски. Отбивали дробь барабаны, пел огонь, в унисон им стучало мое сердце... Оно и задавало ритм. Я была той, за кем следовало пламя. Я знала, где и как оно появится, и уступала ему место за долю мгновения до того, как в воздух взвивались обжигающие языки. И это по-настоящему увлекло, заставило позабыть обо всем.

О том, что я всего-навсего пленница. О погибшей девушке. О моем мире, в который я уже отчаялась вернуться.

Здесь и сейчас тело и душу переполняла дикая свобода. И счастье, рожденное ею, делало меня неуязвимой. Я чувствовала себя всемогущей. Нет, не только чувствовала, но и была.

Была.

Что-то с силой ударило в солнечное сплетение, что-то холодное, грязное, мгновенно отравившее и погасившее пламя внутри, и пламя снаружи обезумело, сбилось с ритма, взвыло голодным зверем...

Оглохшая и ослепшая, я шарахнулась в сторону, ощутила волну жара... и меня сбили с ног, уронили на землю, закрывая от огня. Наверняка я бы разбила голову, если бы не надежная ладонь, обхватившая мой затылок. Мне не нужно было видеть, чтобы знать, кто это. И страх мгновенно отступил... и вновь вернулся, стоило услышать сдавленный стон и чей-то заполошный вопль: «Потушите же его наконец!»

И сжавшееся пружиной время распрямилось, завертело мир в своем водовороте. Нас накрыло облаком серебряной пыли и растащило в разные стороны. Йонто поднялся сам. Меня подхватил под руки взволнованный Тайро, до сего момента успешно скрывавшийся в толпе.

— Кто. Это. Сделал?! — прокатился над вмиг притихшей площадью поистине драконий рык.

— Это вышло случайно, — качнулась к подоспевшему владельцу я. Он был бледен и страшен, и сила его бешено рвалась с поводка. Поводок я удержала, вцепившись в руку шэт-шана и постаравшись поделить спокойствием. Ну, как умела. — Я слишком устала, ошиблась. Пожалуйста, Канро-шан... Не нужно.

Владелец резко выдохнул сквозь зубы и, сжав мою ладонь, потащил прочь. С трудом поспевая за ним, я оглянулась — и едва не бросилась обратно, заметив, каким взглядом провожает нас Йонто.

Он пострадал из-за меня. А я даже не имею права узнать, как он! Здесь я ни на что не имею права...

До дворца мы добрались быстро. Никто из многочисленной свиты нас не нагнал. Я чувствовала, как бесится сила владельца, поднимаясь гигантской волной, набирая мощь... И надеялась, что шэт-шан успокоится и возьмет ее под контроль.

Но получилось так, что под контроль взяли его.

В одном из пустых коридоров он упал, так и не выпустив моей руки. Я с трудом освободила ладонь, перевернула его на спину. В призрачном, приглушенном свете фонарей лицо владельца казалось восковой маской, и липкий страх вцепился в мое сердце, покрыл кожу мурашками.

— Канро-шан! — срывающимся голосом позвала я, с опаской касаясь ледяной руки. — Эй... Откройте глаза!

Его сила опаляла. Она становилась все плотнее, ощутимее, она искала выход... Воздух искрился. Дышать было тяжело. И я поняла, что у меня совсем мало времени. Что она вот-вот рванет, камня на камне здесь не оставив.

— Очнись! Ну же! — отчаявшись, крикнула я, потянувшись к его запястью, чтобы проверить, а есть ли пульс... Да так и застыла.

Широкие рукава задрались, открывая выющиеся по запястьям линии татуировки. Я поспешно подняла один рукав выше... Причудливо сплетаясь, линии обвивали предплечье. Серебристые, как у Йонто, но более яркие. Живые. И по ним то и дело пробегали алые искры. Откуда-то я точно знала, что так быть не должно, что их нужно погасить. Любой ценой.

Речка, да? Будет вам речка! Да хоть горный поток, если это поможет!

Я села удобнее. Сжала ладони Канро-шана в своих. Закрыла глаза, вспоминая ощущения от прошлого раза. Меня трясло, в голове тикали несуществующие часы, отмеряя оставшееся время. Это дико мешало сосредоточиться.

Журчит по камешкам речка...

Тик-так.

Набирает силу...

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Да что же это такое!

К черту речку. Сила в моей крови. Я сама — сила. И я могу делиться ею, если захочу. А сейчас я хочу. Я очень этого хочу!

Пожалуйста... Пожалуйста!

Под сердцем словно огонек зажгли. И от него потянулось к рукам тепло, не обжигающее, мягкое, щекотное. Оно легко струилось с моих ладоней, впитывалось в кожу владетеля, согревая его. Оживляя.

Искры исчезали. Линии татуировки наливались ровным серебристым мерцанием. Надоевшее тиканье наконец-то смолкло. И пугающая сила шэт-шана истончалась, сворачивалась в клубочек, светлела.

Я убрала ладони лишь тогда, когда смогла свободно вдохнуть. Полностью обессиленная — не передачей силы, о нет, пережитым страхом, — легла на пол рядом с владетелем, на лицо которого вернулись краски.

Опустошенная, я не чувствовала ничего. Ни радости, ни гордости от хорошо проделанной работы. Я просто смотрела, как Канро-шан открывает глаза, как пытается что-то сказать... Но, видимо, сил у него тоже не осталось. А может, нужные слова не шли на ум.

Так мы и лежали, будто два коврика. Долго лежали... Как назло, люди сюда не спешили. Наверное, боялись попасть под горячую руку владетеля. Да, сплошной вред от плохого характера. Запугаешь всех на свете, и никто-то тебя даже с пола в случае чего не поднимет...

— Анна...

Голос прозвучал глухо. Я, почти уже отключившаяся, вздрогнула и наткнулась на внимательный темный взгляд. Владетель пришел в себя настолько, что сумел сесть, и смотрел сверху вниз. Неуютно... Я попыталась было встать, но следующие его слова свели на нет все попытки.

— Я не умею быть заботливым. Я многого не умею. Но я научусь. Дай мне шанс. Ты же видишь, что я не смогу без тебя.

— А я не смогу с вами, — вырвалось у меня. Глупо как... Но он не разозлился.

— Я изменю это, — сказал так уверенно, что я невольно прониклась. — Завоюю твое доверие. И оправдаю его.

Ответить я не успела — нас наконец-то нашли. Сразу стало шумно, бестолково и до отвращения ярко. Разгорелись фонари, засуетились люди...

Я не запомнила, как добралась до своих покоев. Не запомнила, как уснула.

И снилось мне объятые фиолетовым цветом дерево, силуэт высокого мужчины с мечом на фоне полыхающего неба... и слова владельца, ответа на которые у меня попросту не было.

В кабинете было душно. В распахнутое окно лилась тягучая летняя ночь, напоенная влажностью и навязчивыми цветочными ароматами. Они сплетались с запахом тяжелых благовоний, которыми здесь, казалось, пропиталось все — от стен до самого хозяина кабинета, высокого, статного, несмотря на немалые годы. Эти годы вились редкими серебристыми прядками в смоляных волосах, собранных в низкий хвост, прятались в уголках глаз — и во взгляде, способном придавить к земле кого угодно.

Канро ненавидел этот кабинет. Ненавидел этот запах. Но сильнее всего он ненавидел застывшего у окна мужчину, коему все это принадлежало.

Пожалуй, ненависть была едва ли не единственным, что их объединяло.

Впрочем, себя в тот момент Канро, подпиравший дверь, ненавидел еще сильнее.

Вэй уже не плакала. Она стояла на коленях, обхватив руками плечи, и раскачивалась, устремив безумный взгляд на поглощенного ночным пейзажем мужчину. В грязном, некогда белом платье, растрепанная, с бледным, опухшим от слез лицом и красными глазами, она походила не на младшую дочь владельца, а на умалишенную нищенку.

— Успокойся, — не оборачиваясь, бросил Майро-шан, полновластный владелец Прайго. — Когда ты сможешь мыслить здраво, поймешь, что я был прав. И неоправданно милосерден. Ты должна быть благодарна уже за то, что я позволил ему жить.

Канро дернулся, но не успел и шага сделать, как Вэйнара взвилась на ноги. Она дрожала, точно в лихорадке, и не падала лишь каким-то чудом.

— Жить?! — хрипло выдохнула она. — Да вы искалечили его! И тело и душу! Вы...

— Я исправил ошибку, совершенную природой, магией и моими глупыми детьми.

— Он не ошибка! Это вы... Вы! Величайшая ошибка, которую когда-либо видел этот мир! Вы...

Канро схватил Вэй в охапку, развернул, крепко прижал к себе. У нее уже не было сил вырываться.

У нее уже ни на что не было сил.

Подхватив лишившуюся чувств сестру на руки, он зло посмотрел на соизволившего обернуться владетеля.

— Унеси ее, — сухо приказал Майро-шан. — И проследи, чтобы она не покидала дворец. Если она уйдет, я ее уничтожу. Ее и тебя. Вы мне больше не нужны. Теперь у меня есть тот, кто по-настоящему достоин венца владетеля.

— Отец...

— Ты все еще здесь?! Убери свою глупую сестру с глаз моих! За что Великий предок наказал меня, дав таких детей? Ничего, ничего, в этот раз я не допущу ошибки... Прайго будет в хороших руках!

Перед глазами Канро за клубилась расцвеченная алыми всполохами тьма. И в этой тьме ясно проступало искривленное злобной гримасой лицо мужчины, которого он вынужден был называть отцом. Рот владетеля беззвучно раскрывался, совершенно сумасшедшие глаза наливались кровью, и кровь текла по стремительно желтеющим щекам, делая тьму багровой.

Тьма сыто вздохнула. Обвилась вокруг замершего от ужаса Канро. И медленно сжала его в своих тисках.

Канро задохнулся. Последним усилием рванулся куда-то вперед...

И проснулся.

Он сидел в собственной постели, среди разбросанных подушек и смятых покрывал, тяжело дышащий, мокрый от пота, дрожащий. Живой.

Он давно не видел снов. Так давно, что уже забыл, каково это.

Просыпаться от невыносимого жара в груди. От рыка, застрявшего в горле. От ощущения собственного бессилия.

Бессилие он ненавидел. Когда-то поклялся себе, что никогда больше не испытает этого чувства, унижительного, болезненного, и со дня смерти прежнего владетеля так оно и было.

Прежний владетель, надеявшийся на долгое правление, сам повинен в своей гибели. Великий предок отвернулся от него — за все его деяния.

А сейчас... Уж не решило ли божество отвернуться и от того, кого однажды избрало своим орудием?

Нет. Будь то воля людей ли, Великого ли предка, но сдаваться Канро не намерен.

И уродливая тень, застывшая за его спиной, тень с багровыми глазами и бездонным провалом рта, всего лишь плод его утомленного воображения, не иначе.

— Еще не время нам встречаться, старый ублюдок, — хрипло прошептал он, стискивая край покрывала, распарывая нежную ткань когтями. — Еще не время.

ГЛАВА 7

— Ты должен принести клятву, — заявил Канро, хмуро разглядывая застывшего напротив Йонто.

Вчера он пострадал, но, видимо, не настолько сильно, чтобы отлеживаться, и на зов поднявшегося ни свет ни заря владельца явился сразу. Бледноватый, но вполне бодрый и привычно нахальный.

— Еще одну? — приподнял брови он. — Двух было мало?

Канро поморщился. Вторую мальчишка принес вчера же, с обожженной спиной, пока застигнутый врасплох Тайро не успел сбежать. И только после этого свалился в приличествующий его состоянию обморок. Владелец с удовольствием обложил бы Йонто клятвами с головы до ног, и одной из основных была бы клятва молчать при шэт-шане. А еще — не смотреть столь нагло и вызывающе, заставляя чувствовать себя более чем неудобно. Жаль, таких клятв в природе не существовало.

— Мало, — произвольно ежась под испытующим взглядом, кивнул Канро. — Я назначил тебя главой стражи шэт-ара, но с этим делом ты справишься легко. Есть еще одно, более важное. Будешь охранять Анну.

— Я? — удивился Йонто.

— Ты, — подтвердил шэт-шан. — У тебя проблемы с воспитанием и благодарностью, но не с реакцией и способностью соображать в сложных ситуациях. Зная, что она под твоей охраной, я буду спокоен.

— А если я не соглашусь? — тут же продемонстрировал озвученные проблемы мальчишка.

Было бы странно, если бы он даже не попытался спорить.

— Отправишься скучать подальше отсюда, — отрезал владелец. — Ты нужен мне здесь. Но лишь до тех пор, пока выполняешь приказы и не оспариваешь их. Ты понял?

— Да, мой господин, — вытянулся в струнку посерьезневший Йонто.

Канро отчего-то упорно казалось, что над ним издеваются, но он так и не нашел, к чему придраться. Не важно. Мальчишка

действительно нужен. Анне он не навредит, а при случае и защитит сможет.

Клятву Йонто все же принес. Без особого энтузиазма, зато полный вариант, которым сейчас почти не пользовались и который налагал куда более серьезные обязательства. Канро хватило бы краткого варианта, потому как в том, что обойти ее не попытаются, сомнений не было — та же порода не позволит, — но и возражать он не стал.

— Мне нужно быть при госпоже неотлучно? — кисло уточнил Йонто перед уходом. — Я должен охранять ее в одиночку?

— В одиночку слишком сложно, — сжалился Канро, припомнив отлучившегося стража и возникший из-за этого переполох. — Эраниры моей личной охраны в твоём распоряжении. Но большую часть времени рядом с ней должен быть именно ты.

— Со своих эраниров вы тоже клятву взяли? — хмыкнул мальчишка.

— Разумеется, — холодно отозвался владетель. — Иди уже. Я хочу, чтобы ты приступил к своим новым обязанностям немедленно.

Когда за Йонто закрылась дверь, шэт-шан устало вздохнул.

Агрийо и маг Таныла, который по приказу рыжего недоразумения тоже осмотрел площадь, в один голос утверждали: следов постороннего воздействия не было, все произошедшее — не что иное, как священная воля божества. Сильно недовольного божества...

В Великого предка Канро, разумеется, верил, но не фанатично. И больше всего во вчерашнем происшествии его волновало то, что он почти утратил над собой контроль. Если бы не Анна... Она едва не погибла. По воле Великого предка? Возможно, то действительно было проявлением его гнева. А если нет?

Владетель откинулся на высокую спинку стула, прикрыл глаза.

Как найти притаившуюся в траве змею? Быстрее, проще и эффективнее ее сжечь. Вместе с травой. Даже если никакой змеи и в помине нет, так будет намного спокойнее. Но...

Анна не поймет. Никакие доводы не убедят ее, что Канро был в своём праве. И тогда тончайшая ниточка ее доверия оборвется.

Как же все усложнилось из-за одной-единственной девчонки!

Я снова проспала завтрак. И с удовольствием проспала бы обед, а заодно и ужин. Если бы могла, вообще не просыпалась бы. Не

вспоминала бы о вчерашнем. О столбе пламени, слизнувшем тонкую фигурку жрицы. О жаре, почти опалившем лицо. О том, что Йонто едва не погиб — из-за меня. О страхе и беспомощности перед силой шэт-шана. О его словах...

Я не хотела возвращаться в этот жестокий мир.

Не хотела, но пришлось. Тэйа, впорхнувшая в спальню, отобрала одеяло, практически дотащила меня до купальни, привычно постояла над душой, пока я без всякого аппетита ела. Сегодня она вела себя тихо, не трещала без умолку, не смеялась. Смотрела со смесью сочувствия и любопытства, но ни о чем не расспрашивала. Золото, а не девушка.

Я тоже молчала. И размышляла, как бы найти Йонто. Увидеть хотя бы мельком. Удостовериться, что с ним все в порядке, что он не пострадал... Спросить у шэ ги? Что-то же их связывает. Не то, что можно бы заподозрить, нет. Не чувствовалось в ее ко мне отношении горькой нотки ревности. А вот горечи обычной, застарелой, но все еще сильной, в душе Вэйнары было с избытком. Но... не суть, сейчас важно другое. Она наверняка знает. И знанием своим поделится...

— Не грустите, госпожа, — закончив издеваться над моими волосами, легко улыбнулась Тэйа. — День теплый и ясный, а у ваших дверей такой красавчик стоит, что и солнца на небе не нужно!

— Какая я тебе госпожа, — поморщилась я. — И какой еще красавчик?

— Ваш новый страж, — ответила она, ловко закалывая последние прядки.

Новый? Опять? А что со старым? Не мог же владетель узнать о случившемся вчера!

— Строгий такой, серьезный, — продолжала щебетать ободренная моим интересом девушка. — Меня не сразу впустил, расспрашивал, кто я и зачем к вам иду, еще и еду проверил, ну вот право слово, на кого другого я бы непременно обиделась!

Суров. Служанку едва не запугал. Еду проверил. Шэт-шан явно чего-то себе надумал. Хотя... Второй раз уже со мной несчастные случаи приключаются. Я, конечно, не особо везучая, но не до такой же степени. Или до такой?

Отпустив Тэйю, я все же решила навестить Вэйнару. Дверь открывала с опаской — а ну как Канро-шан запретил меня

выпускать? — но, едва увидев, кто стоит за порогом, потеряла дар речи.

— Ясного дня, госпожа, — невозмутимо поклонился Йонто. — Отныне я буду сопровождать и охранять вас.

Он? Мой страж? Я что, все еще сплю?

Я зажмурилась, потерла глаза. Ничего не изменилось.

— Госпожа, желаете прогуляться? — вежливо осведомился Йонто.

— А... А, да, — наконец-то отмерла я. — Желаю. Прогуляться.

А еще — узнать, какого черта здесь происходит.

Во дворце царило непривычное оживление. Пожалуй, столько народа я здесь еще не видела! И все косились так, будто у меня за ночь отросли рога и хвост. Раньше всем по большому счету было плевать, кто я и зачем нужна шэт-шану. Подумаешь, очередная игрушка. Но после вчерашнего что-то изменилось. Танец с огнем позволил им взглянуть на меня иначе. И кто бы знал, что именно они увидели и как скоро утратят интерес.

Йонто эти взгляды и шепотки ничуть не волновали. Всякий раз, оборачиваясь, я видела лишь равнодушие и отрешенность, застывшие на его лице. Статуи и то эмоциональнее будут...

В этой своей форме, отстраненный и непривычно вежливый, он казался до странного чужим. И... только ли казался?

Нет, голову я вчера все-таки повредила, раз в нее подобные глупости лезут!

Пока я нервничала и оттого не следила за дорогой, мы куда-то свернули, оставив любопытных придворных позади. Здесь же были лишь усыпанные мелкими голубыми цветами деревья, высокая трава и арка, сплетенная из живых ветвей. Вход в нее закрывали длинные свисающие стебли с резными листьями, исчерченными алыми узорами.

— Запретная часть сада, — пояснил Йонто. — Туда дозволено входить лишь членам рода и тем, кто принадлежит ближнему кругу Канро-шана.

— А ты? — не оборачиваясь, спросила я.

— А я обязан следовать за тобой. Повсюду. Там мы сможем поговорить без опаски.

За аркой спрятался тихий, диковатый уголок сада, где росли редкие травы, очень ценимые лекарями. Отчасти из-за этого, а также из-за желания шэтов хотя бы иногда побыть в одиночестве, надоедливые придворные, как бы ни жаждали, не могли сюда попасть.

Мы устроились на шелковистой траве под толстенным деревом с клонящимися к земле ветвями и шершавой серебряной корой, нагретой солнцем и пахнущей так, что голова кругом шла. Рядом звенел чистый прозрачный ручеек, в кроне заливалась трелями голосистая птичка.

— Как ты? — одновременно выдохнули мы. И замолчали, настороженно разглядывая друг друга.

— Ты первая, — благородно уступил Йонто.

— Ну уж нет, — неблагородно отказалась я. — Это не по моей спине пламя прогулялось.

— Это не я видел то, чего не стоило видеть, и делал то, чего не следовало делать, — отбил он.

— Я не могла иначе, — прикусила я губу, не особо надеясь на понимание.

Но он понял.

— Здесь хороший лекарь, — улыбнулся чуть заметно. — А еще добрый. Предыдущая гримза этим качеством не отличалась.

Йонто осекся, нахмурился... И чего тушует? Ясно же как божий день, что во дворце он бывал. Удивительно: готов сунуться за мной в пасть дракона, но не готов говорить о себе. И дело вовсе не в недоверии. Было что-то еще, через что он так и не сумел переступить.

Убедившись, что допрашивать я его по-прежнему не намерена, Йонто сдался и наконец-то рассказал, как стал моим охранником. Не было бы счастья...

Но кое-что все-таки беспокоило.

Клятвы. Он и раньше упоминал их, но до меня, далекой от всей этой магической чепухи, дошло только сейчас.

— Ты же клялся в верности шэт-шану! И если ты меня заберешь...

— Тебя я клялся защищать раньше, — перебил Йонто. — К тому же клялся дважды. Иногда в клятвах есть лазейки, Ана. Моя лазейка — ты.

— У Паллира тоже была лазейка? — заинтересовалась я. — Потому он оставил тебя в живых?

— В день, когда я остался один, он приютил меня, — ровно отозвался Йонто. — И поклялся защищать. Эта клятва оказалась сильнее другой.

— Почему?

— Из-за крови, похоже. Паллир — дядя моего отца. Кстати, Шаная — его дочь. Они меня вырастили. Без них я бы давно сгинул. Так что не волнуйся, твоя защита в приоритете. И даже если придется убить владетеля...

— А ты сможешь?

— Не уверен, — помрачнел он. И перевел тему: — Теперь твоя очередь. То, что ты пережила вчера...

— Я пережила, — отмахнулась я, не желая снова будить это в своей душе. — В отличие от той девочки...

— Та девочка осознавала все риски, — заметил Йонто. — Она знала, что подобное может случиться. И это был ее выбор. Жрицы свободны. Никто и никогда не в силах их к чему-либо принудить. Это закон.

— Хорошенький выбор! — возмутилась я. — Наверняка ее спихнули в храм еще в детстве, когда она толком и не понимала, во что ввязывается! И всю жизнь внушали, что ее долг — служение божеству, которого никто не видел и в которого не каждый верит! И что однажды она должна будет для этого божества станцевать с огнем... Это же просто дико, так рисковать! Уверена, что Великому предку жертвы вовсе не нужны! Все эти жестокости... Их придумывают люди, жадные до щекочущих нервы зрелищ!

Я выдохлась и обиженно замолчала. Причем на кого именно злилась, сама не знала.

— Не спорю, — невесело усмехнулся Йонто. — Но традиции есть традиции. Жрицы... Они своеобразны. Никто не может, как ты выразилась, спихнуть в храм любого нежеланного ребенка. Жрицы рождаются с особой меткой. И сами находят дорогу к храму. Им не нужно ничего внушать — они изначально наполнены верой. Танец для Великого предка считается высшей честью, и этой чести удостоиваются лучшие из лучших. Они знают, что это опасно, и готовы к любому исходу. А еще они верят, что даже в случае неудачи

Великий предок защищает своих дочерей и что пламя возносит их в Небесные чертоги. Живыми и невредимыми.

Я вспомнила, что от девушки и горстки пепла не осталось, и невольно затаила дыхание. А вдруг это правда? Вдруг в этом безумном мире все-таки возможны настоящие чудеса?

— Но даже если для жрицы и в самом деле все закончилось благополучно, для остальных это стало ударом, — продолжил Йонто. — Они убеждены, что Великий предок разгневан. Очень сильно. Но то, что ты все-таки жива, по их мнению — хороший знак.

Ну вот с этим мнением я была целиком и полностью согласна.

— Это правда? Всему виной — гнев вашего божества?

Я и в земных религиях не особо разбиралась, а уж местные для меня и вовсе являлись темным лесом, где за каждым деревом притаилось по голодному и очень злому монстру.

— Возможно, — пожал плечами Йонто, и промелькнуло в его взгляде что-то странное, чего я разгадать не успела. — Я в делах божественных мало смыслю. Но не стоит исключать, что божество здесь ни при чем... Канро, к примеру, не исключает.

— И зачем кому-то все это устраивать? — скептически поинтересовалась я. — Ради чего? Хотели эффектно избавиться от жрицы, для которой это и вовсе извращенный вид чести? Или от меня, которая пока еще никому вроде как помешать не успела?

Йонто долго молчал, рассматривая меня так, будто впервые видя.

— Наш светлейший шэт-шан, да благословит его Великий предок, далеко не всем по нраву, — сказал он наконец.

— И? — не уловила я связи со своим вопросом.

— Если бы ты... — Йонто нахмурился. — Ты же видела, что с ним творилось? Он бы сорвался. Многие бы погибли. А Прайго получил бы нового владельца. И даже если бы не сорвался тогда, все равно долго не протянул бы. Проклятье... Ана, пожалуйста. Я всегда должен видеть тебя. Должен знать, где ты и что делаешь. Не исключено, что здесь затаилась змея, способная ужалить в любой момент. Если ты будешь со мной, я смогу отрубить ей голову прежде, чем она до тебя доберется.

— Ты... — Голос дрогнул, и я замолчала, пытаюсь справиться с собой. — Ты опять будешь рисковать? Ради меня? Я не хочу!

— А мои желания во внимание принимаются? — спросил он.

Я надулась, а Йонто улыбнулся.

— Не волнуйся, — сказал, как ни в чем не бывало растянувшись на травке. — Я умею охотиться на змей.

— Лучше бы ты умел заботиться о себе, — буркнула я. — Вот зачем ты сюда пришел?

— Ты не рада мне? — удивился он.

— Не уходи от ответа! Если... если не удастся сбежать... Что ты будешь делать?

— Защищать тебя.

— Всю оставшуюся жизнь?!

— Я дал клятву.

— Вот так просто?!

— Вот так просто.

У меня в голове его поведение не укладывалось. И спокойствие это, умиротворенность даже, словно он достиг какой-то неведомой цели и больше его ничто не заботит.

— Йонто!

Я хотела ударить его по плечу, чтобы весомее выразить отношение к происходящему, но он перехватил мою руку, потянул, и я оказалась на травке. Перевернувшись на спину и тоже залюбовалась расчерченным перистыми облаками небом, проглядывающим сквозь ветви.

— На самом деле все так и есть, — задумчиво сказал Йонто. — Если однажды понять, в чем для тебя заключается смысл жизни, она становится невероятно простой.

— Ты головой ни обо что не бился? — заволновалась я, приподнимаясь на локте и заглядывая в его безмятежное лицо. — Или от огня твой мозг перегрелся?

Ответом мне был тихий смех. И я успокоилась. В конце концов, смысл жизни, в чем бы он ни заключался, — полезная штука, сохранению оной жизни весьма способствующая.

Йонто проверил этот райский уголок, но слабых мест в его защите, увы, не обнаружил. «Дворцовые территории огромны, — увидев, что я расстроилась, улыбнулся он. — Где-нибудь да найдется прореха, пусть даже самая крошечная».

А в скором времени пришлось покинуть сад, как бы мне ни хотелось остаться. Если не навсегда, то хотя бы до вечера. Но... искать

же будут. Лучше не привлекать внимания. Лучше, да...

Без внимания конечно же не обошлось. По ту сторону арки, рассматривая облака, прохаживался Таныл. И, судя по улыбке, расцветшей на его губах при виде меня, забрел он сюда отнюдь не случайно.

Неужто от самого дворца следил?

— Анна, рад, что ты в порядке, — бесцеремонно преградил дорогу рыжий шэт-шан. — Могу я предложить тебе прогуляться?

Я и слова вымолвить не успела, как оказалась у Йонто за спиной.

— Не можете, господин, — отрезал он. — У госпожи другие планы. А у меня — четкие распоряжения на ваш счет, ежели вы осмелитесь ей докучать.

— Это какие же? — живо заинтересовался Таныл.

— Мой господин полагает, что гостей убивать нехорошо и для репутации не особо полезно, — медленно проговорил Йонто. — А вот о том, что бить оных гостей нельзя, не упоминал.

— Ого! — совершенно не по-владельчески присвистнул Таныл и окинул Йонто полным искреннего восторга взглядом. — А сможешь?

— Желаете проверить? — любезно предложил Йонто, за что я незаметно ущипнула его за локоть.

Ну в самом деле! Только их разборок и не хватает!

— Если ты настаиваешь, — ухмыльнулся Таныл.

— Не настаивает! — выступила вперед я. — Отстань от моего стража, он всего лишь выполняет приказы Канро-шана!

— А ты? Тоже выполняешь его приказы?

— А я устала.

— От прогулок?

От шэт-шанов. В последнее время вас слишком много, и голова болит не переставая.

Рыжий владелец озадаченно моргнул... И рассмеялся.

— Хорошо, — поднял он руки ладонями вверх. — Не буду приумножать твою головную боль. Но все еще надеюсь, что ты сделаешь верный выбор. Уж надеяться-то мне не запретит ни Канро-шан, ни твой грозный страж!

И, поклонившись, Таныл затерялся среди густых ветвей серебристых деревьев.

— Какой еще выбор? — нахмурился Йонто, когда стих насвистываемый шэт-шаном легкомысленный мотивчик. — Что ему от тебя нужно?

— Тоже хочет обзавестись ручной аштарой, — мрачно ответила я.

— Перехочет, — поджал губы Йонто и добавил с досадой: — Зря ты вмешалась. Парочка выбитых клыков быстрее поспособствовала бы этому процессу.

Я укоризненно покачала головой:

— Зачем же так грубо? Это все-таки не нечисть.

— Не нечисть, — кивнул Йонто. — Нечисть по сравнению с ними невинна и безобидна. И уничтожается не в пример легче.

На этом неожиданные встречи не закончились. Когда из пушистых кустов выскочило нечто встрепанное и запыхавшееся, я шарахнулась за Йонто, и уже из-за его спины разглядела, что это Тайро собственной персоной. Персона была изрядно взбудоражена и сама на себя не похожа.

— Йон! — возликовал наследник, взмахнув руками. — Наконец-то я тебя нашел!

— Я и не прятался, мой господин, — поклонился Йонто. Он при явлении этого чуда даже не вздрогнул, а льда в его голосе хватило бы, чтобы заморозить небольшой городок.

— Зачем ты так? — скис Тайро, заметно охлажденный подобной встречей. — Ты...

— Я — начальник вашей стражи, господин, — ловко вклинился Йонто. — И оттого мне интересно, почему вас никто не сопровождает.

— Мне не нужно сопровождение, — задрал нос шэт-ар. — Я всегда хожу один.

Зря. С его-то привычкой витать в облаках даже странно, что до сих пор в том же озере не утонул.

— С завтрашнего дня все изменится, — любезно предупредил старший эранир.

— Йонто!

— Это приказ вашего отца, господин. За пределами дворца опасно, да и здесь не мешает поостеречься. Вы — слишком легкая добыча.

— Неправда, — сверкнул глазами Тайро. — Ты меня совсем не знаешь. Позволь доказать!

— Доказать что, мой господин?

— Что я вовсе не добыча, — нахмурился наследник. — И у меня есть имя. Зачем ты так?

— Так положено, господин, — равнодушно отозвался Йонто. — А доказывать ничего не надо. Я выполняю приказ.

— Ты должен выполнять приказы моего отца, — кивнул Тайро. — Хорошо. Но почему бы тебе не выполнить мою просьбу? Пожалуйста. Не отказывай.

Он был бледен и вид имел пусть и решительный, но несчастный. Со взрослого вроде бы лица смотрели совершенно детские глаза, полные детских же надежд. Мое сердце незамедлительно дрогнуло. А вот Йонто... Кажется, в его взгляде проскользнуло нечто, похожее на предвкушение.

— Я выполню вашу просьбу, Тайро-ар, — чуть заметно поклонился он, и наследник просиял. — Если госпожа Анна не против...

— Совершенно не против, — заверила я.

Это было красиво: Невероятно, непередаваемо. Лужайка с мягкой травкой, скрытая от любопытных глаз высоким кустарником. Двое, кружащиеся в сложном, неведомом танце. Солнце, рассыпающее яркие блики по сталкивающимся клинкам, длинным, узким, поющим при каждом ударе — звонко, протяжно, ликующе.

Движения сменялись так быстро, что казались одним целым, непрерывным, единым. Сами бойцы воспринимались продолжением друг друга. И это завораживало. Заставляло смотреть, затаив дыхание. И переполняло восторгом.

Тайро не солгал: добычей он отнюдь не был. Достать Йонто он не мог, но и свою защиту держал крепко, изящно и уверенно. От мечтательного чуда я такого не ожидала.

Йонто, кажется, тоже. Я следила внимательно, но не поняла, в какой момент бой закончился. Они просто застыли друг против друга, направив острия мечей вниз, долго мерились взглядами, а потом синхронно поклонились.

Ничья?

— Убедился? — с мальчишеской радостью воскликнул Тайро.

— Убедился, — усмехнулся Йонто. — Но охрану все равно приставлю.

Я прикусила губу, скрывая невольную улыбку. Наследнику достался самый занудный и вредный эранир из всех возможных. Зато и самый надежный.

Едва мы покинули полянку, Йонто отловил пару своих подчиненных, не взаимно им обрадовался и не подразумевающим возражений тоном поинтересовался у наследника, не желает ли он показать госпоже Анне свою мастерскую. Лучащийся счастьем Тайро пожелал. «Госпожа Анна», ведомая любопытством, согласилась.

Мастерская находилась в отдельной постройке, затерянной в глубинах сада. Домик зарос плющом и травами так, что я не сразу его заметила, а дверцу Тайро и вовсе на ощупь искал, смущенно косясь то на меня, то на Йонто, который молчал излишне выразительно. Спровадив нас внутрь, поставив у дверцы несчастных стражей и наказав им никого не впускать и не выпускать до его возвращения, он сбежал. А я оглядела залитую золотистым светом комнату... и пропала.

О, чего только здесь не было! Причудливые сосуды, содержимое которых сияло, мерцало и переливалось всеми цветами радуги; металлические, деревянные, тканевые, стеклянные, глиняные и каменные заготовки всевозможных форм и размеров; ящички с инструментами, среди коих были как вполне привычные, так и совершенно незнакомые. Там и тут в художественном беспорядке валялись листы бумаги с рисунками, чертежами и непонятными расчетами. На одной из стен висела огромная светлая доска, сплошь исписанная сложными формулами.

А пахло здесь осенним лесом после дождя. Успокаивающе, уютно.

— Это... — замороженно протянула я, рассматривая мастерскую. — Это...

— Это артефакты. В основном недоделанные, готовые я держу в другом месте, — с плохо скрытым смущением пояснил Тайро.

— А я думала, ты картины пишешь! — выпалила я. — Ну или стихи...

— Спасибо хоть не крестиком вышиваю, — фыркнул наследник.

— Видел бы ты себя со стороны, — неловко пожала плечами я. — Весь такой... вдохновленный!

— А что, для артефактов вдохновение не нужно? — приподнял брови Тайро.

— Прости, до сих пор не доводилось встречать тех, кто их создает, — улыбнулась я. — И знаешь что... Они прекрасны.

— Тебе понравились недоделки? — не поверил он.

— Они светятся, — призналась я. — Как и ты. Это же не просто артефакты, правда? Ну... Не бытовые, да? Тут что-то другое...

Тайро долго молчал, не сводя с меня странного взгляда. Он будто что-то решал для себя, и я его не торопила.

— Это для магов, — наконец-то сказал он. — Для тех, чей уровень дара слишком низок. Для тех, кто обречен на фактическое рабство и раннее угасание. Я хочу подарить им нормальную жизнь.

Я выдохнула, во все глаза смотря на Тайро. Надо же... Под маской беззаботности и слоями ярких тканей скрывался по-настоящему талантливый, равнодушный, стремящийся изменить жестокий мир человек. Или шэт, какая, в сущности, разница? Сейчас его душа сияла ярче солнца, и этот свет отражался в глазах, звенел в голосе, рассыпался искрами при каждом движении...

Красиво. Как же это было красиво!

— Я видел, что происходит с ними, — говорил меж тем Тайро. — Видел, как они теряют последние крохи силы на тупой монотонной работе. Вот это, — указал он на одну из заготовок, — способно заменить каторжный труд по плетению силовых нитей для артефакторных креплений. Это — увеличит резерв мага до высшего уровня при любом изначальном. Это — позволит обычным людям видеть Сверкающую и искры, а это — собирать их. Они еще несовершенны, но то дело времени и упрямства. Я непременно доведу все до ума. Но... что потом? Я не могу убедить отца в необходимости этих вещей. Другие владельцы тоже не будут меня слушать. Они крепко держатся за старые порядки.

— Однажды ты сам станешь шэт-шаном, — напомнила я.

— Отец считает, что я для этого не годен. Что в моей голове творится неведь что. Венец я получу очень не скоро.

— Тебя это расстраивает?

— Нисколько. Я не готов править. И не уверен, что у меня получится...

— Канро-шан молод и здоров. Значит, времени, чтобы добиться совершенства не только в твоём мастерстве, но и в искусстве управления, более чем достаточно, — ободряюще улыбнулась я. — У тебя доброе сердце. Ты будешь хорошим шэт-шаном.

— У меня нет выбора, — помрачнел Тайро. — Я обязан стать таким.

— Сколько тебе лет? — не удержалась я.

— Двадцать три.

О. Я думала, не больше семнадцати... И все равно, даже если бы так. Канро-шан выглядит не старше тридцати...

— Отцу через два года семьдесят исполнится, — хмыкнул наследник, с интересом следивший за моими мыслительными процессами. — Не делай такое лицо, это совсем немного. Шэты развиваются и взрослеют, как обычные люди, но живут больше тысячи лет. Теоретически. На практике, правда, выходит гораздо меньше. Особенности характера и неумная жадность к долголетию не располагают. Знаешь, нас нелегко убить... Но вывести из себя мы умеем так, что даже живучесть не спасает. Редчайшие яды, заговоренное оружие, пьющие силу украшения... Фантазия врагов неистощима. Мой дед каким-то чудом почти до шестисот дотянул, хоть и был в высшей степени... гадом. А отец... Не знаю, что с ним будет. Ты же видишь, что происходит. Сила его... Сила — отражение души. Если душа больна, то... Я помню, он был другим. До того, как пропала мама... Ты не поверишь, но он ее любил. Тогда он еще умел любить. А мама... она просто исчезла. Слухи ходили всякие. Мерзкие. Что она сбежала. От отца. И от меня. Я тогда... Не важно. Я не верю, что она сама... А отец — поверил. И... — Тайро замолчал, тяжело сглотнул и провел ладонью по лбу. Ладонь дрожала. А вот глаза его были сухими, и горело в них что-то такое... упрямое. Злое. — Ты прости, я наговорил тут... всякого, — выдохнул он, и нечто безысходное ушло из его взгляда. Или же просто хорошо спряталось. — И... спасибо, что выслушала.

Выслушала... Молча, да. И спросить хотелось, но чувствовала — нельзя. Сказал все, что мог. Того, что не мог, несоизмеримо больше, но... Трогать это он и сам боялся. И я ворошить не стану.

Тайро вздохнул, повел плечами и нервно поддернул рукава своего наряда. А я так и застыла, воззрившись на его руки. Тонкие, изящные

руки творца, узкие запястья которых обвивали серебристые татуировки.

— Что это? — замороженно спросила я, совершенно невежливо схватив его за руку. Еще и в линии для наглядности потыкала. — Вот это? Что?

— Ийтадь, — безуспешно подергавшись в моей хватке, ответил наследник.

— Что такое ийтадь? Татуировка? — не поняла я.

— Нет. Ийтадь — часть нас. Мы рождаемся с ним. Анна, может, отдашь мне мою руку?

Да пожалуйста! Руку-то отдам, а вот тебя самого просто так не отпущу...

— Вы — шэты? — вцепилась я в ценный источник информации. — А обычные люди? У них такое бывает?

— Это не болезнь, — фыркнул Тайро, — так что «такого» у людей не бывает. У магов — тоже. Особенность нашего народа.

Это и есть страшная тайна Йонто? Та самая, которую он боится мне поведать? Если вспомнить, как он отзывался о шэтах... О себе он думает так же? И... стыдится? Или же полагает, что я испугаюсь? Перестану доверять? Что-то еще?

Проклятье. С этим парнем с ума сойти недолго!

— Ийтадь живой. Он — отражение нашей жизни. — Наследник закатал рукав и коснулся странного переплетения узоров. — Смотри, здесь — мое имя. Имена моих родителей. Род. Возраст... Семейное положение. Здоровье.

— О... — пораженно выдохнула я, следя за тем, как палец Тайро перемещается по линиям. Ничего себе биопаспорт!

— Еще наше состояние можно определить по его мерцанию, — вошел во вкус шэт-ар. Вот же солнышко, даже пытаться не надо! — Чем оно ярче, тем больше сила. Едва заметное мерцание — явный признак нездоровья.

— А если ийтадь и вовсе не мерцает? — вклинилась я, и Тайро смешался, помрачнел и попытался откровенно солгать:

— Такого не бывает.

— Ври больше, — не пощадила его я. — Ну? Я ведь могу и у кого другого спросить...

— Это означает одно из двух: либо шэт мертв, либо он — изгнанник. И поверь, первое предпочтительнее, — неохотно буркнул Тайро. — Во втором же случае помимо исчезновения мерцания меняется и расположение линий. Здесь, — он указал на основание локтевого сгиба, — появляется семилучевая звезда. Печать отступника.

Сердце кольнуло. Такая звезда — я хорошо помнила — была у Йонто.

— Что она значит? — внезапно охрипшим голосом спросила я.

— Анна...

— Что она значит?!

— Что Великий предок счел своего потомка недостойным и забрал дар. Подобное случается очень редко. В основном с теми, кто преступает высший закон.

Я закаменела.

Йонто?..

Нет. Нет-нет-нет! Да как я посмела о таком подумать! Пусть даже и на долю мгновения.

— В основном? — ухватила за последние слова окончательно посмурневшего Тайро. Он закрылся и будто бы погас, но отступать я не собиралась. — А как еще можно лишиться вашей силы? Ее можно отобрать? Отдать добровольно? Потерять в результате болезни?

— Анна, с чего такой интерес? — подозрительно прищурился наследник.

— Для общего развития, — не моргнув глазом выдала я.

— Для общего развития почитай энциклопедии, — отрезал Тайро и, отвернувшись, с преувеличенным вниманием склонился над стеллажом.

Меня разрывало от невозможности получить ответы прямо здесь и сейчас, но понимание, что и так перегнула палку, слишком уж явно продемонстрировав заинтересованность, не позволило настаивать на продолжении разговора. Да и не вышло бы — не минуло и пары минут неловкого молчания, как вернулся Йонто.

Тайро попрощался с плохо скрытой радостью, и Йонто конечно же это заметил.

— Из-за чего успели поцапаться? — спросил он, когда, раздав стражам ценные указания по охране наследника, сопровождал меня во

дворец.

— Из-за тебя, — не стала лукавить я.

— А подробнее?

— А подробнее не будет. Не только у тебя могут быть тайны.

Йонто промолчал. Я вздохнула.

Когда он наконец победит свои страхи?

Когда наконец поверит, что я его не оттолкну?

Кем бы он ни был. Что бы ни случилось в прошлом. Кто бы его ни предал.

Я остановилась. Поймала его ладонь, сжала на миг и, отпустив, вновь пошла по ведущей ко дворцу дорожке. Не оглядываясь, но зная, что невозмутимости кое у кого изрядно поубавилось.

Я подожду.

Только... пожалуйста, не заставляй ждать слишком долго.

ГЛАВА 8

Вечер я провела в компании Канро-шана. После ужина мы долго гуляли по медленно погружающемуся в сумерки саду. Владелец что-то рассказывал, кажется, даже шутил, а я... Я прилагала все силы, чтобы не оглядываться. Йонто бесшумно следовал за нами, и мне так не хватало его невозмутимости! К счастью, шэт-шан списал мою нервозность на волнения предыдущего дня и усталость. А ведь я и правда устала. Столько всего случилось. И сколько еще случится... Наверняка же. Тишины и покоя в этом мире ждать не стоит.

А на ночь к дверям моих покоев приставили двоих стражей. Я слышала, как Йонто отдает распоряжения, и кусала губы, сдерживая нервный смех. Происходящее по-прежнему казалось нереальным, и я даже думать боялась, чем все это закончится...

Я и не думала. Толку волноваться о будущем, когда настоящее тоже расслабиться не дает?

Уже через час, почти задремав в обнимку с очередной книгой, я имела счастье убедиться, что Йонто с Танылом роднили не только татуировки и телосложение, но и дурная привычка лазить по окнам. Как и отличная реакция, позволявшая уворачиваться от книг. И не то чтобы я ему не обрадовалась... Вот как только сердце из пяток на законное место вернулось, так сразу и обрадовалась, да. А еще больше — тому, что от испуга у меня пропал голос и стражи, скучающие под моими дверями, лишились возможности эту скуку развеять.

— Прости, — смущенно проговорил Йонто, спрыгнув с подоконника. — Не хотел тебя пугать...

— И на том спасибо, — выдохнула я, все еще судорожно прижимая к себе одеяло. — Что-то случилось? Ты нашел слабое место?

Я выпуталась из одеяла, села, поджав ноги, и с надеждой посмотрела на внезапного гостя.

— Увы, — покачал он головой и скромно примостился на краешке кровати. — Просто хотел отдать тебе кое-что.

Он достал из кармана форменной безрукавки знакомый кинжал. Отлично. Не уверена, что смогу им воспользоваться, но... Лучше уж

иметь такой шанс. Мало ли. А потом мне протянули книгу. Небольшую, тонкую, в очень странной обложке. Дымчато-черная, она металлически поблескивала в свете магического фонарика. И к рукам ластилась, будто кошка.

Мягкая какая. И при том — прочная. От ногтей вон даже следа не осталось...

— Это кожа нигу, — сказал мой страж в тот самый момент, когда я ласково провела по обложке ладонью.

— Йонто! — возмутилась я, выпустив книгу. Она со звучным шлепком упала на пол, и показалось на миг, что расплывется сейчас чернильной кляксой, из которой восстанет чудовище.

— Что? — удивился он, подбирая книгу. — Для ценных рукописей лучше и не придумать. В огне не горит, в воде не тонет, сохраняет написанное веками...

— А что здесь? — Брать эту гадость в руки я не торопилась.

— Сведения об аштарях. Все, что смог выпросить у Ахта. Но если ты не хочешь...

Йонто попытался убрать книгу обратно в карман.

— Хочу!

Пересилив себя, я коснулась жуткой обложки, открыла книжицу... И правда рукопись. Ну хоть почерк разборчивый, красивый даже. Буквы чуть выцвели, но не критично. Взгляд пробежался по ровным строчкам — и задержался на фразе, от которой стало грустно и очень обидно.

«Аштары сильны, но беззащитны. Вся их сила — в сердце. Вера и любовь — их оружие».

Настоящий диагноз. Неизлечимый, похоже. А я так надеялась, что смогу противостоять тэтам! Ага. Верой и любовью. Как же их возлюбить-то нужно, чтобы они от меня отстали?!

— Ана, что с тобой? — встревоженно позвал Йонто.

— Ты читал? — спросила я и, дождавшись кивка, горестно вздохнула: — Это нечестно! Даже получив магию, я осталась такой... слабой. Что я могу? Что у меня есть?!

— Я, — спокойно сказал Йонто, накрыв мои сжавшие ни в чем не повинную книгу ладони.

— Что?

— У тебя есть я. Этого мало?

— Нет. Этого достаточно, — наконец-то справившись с растерянностью, улыбнулась я. И ладони все-таки разжала.

Не дело это, ценные книги портить...

— Тебе нужно отдохнуть, — поднявшись, шагнул к окну Йонто. — Пойду осмотрюсь. В некоторые места можно попасть только ночью.

— А тебе отдых не нужен? — нахмурилась я.

— Отдохну, когда выберемся отсюда, — отмахнулся он. — И еще... Под окнами я тоже стражей поставлю. Слишком уж легкий путь.

А это смотря для кого. Но... пусть. Если окошком уже двое воспользовались, где гарантия, что до такого и кто-то третий не додумается? И что этот кто-то будет столь же дружелюбен...

Сон как рукой сняло. Книжица манила, и я, обложившись подушками, погрузилась в чтение.

Вот только информации оказалось мало, и та была щедро разбавлена водой, то есть размышлениями, непроверенными слухами и откровенными фантазиями автора. А по-настоящему нужных сведений и вовсе не нашлось. Пожалуй, самой полезной можно счесть фразу, что первой бросилась мне в глаза. В оной содержалась вся суть книги.

Аштары... Слышащие мир. Его частички. Долго живущие, но всегда по-детски впечатлительные и открытые. Способные созидать, но не разрушать. Усмиряющие бури... И буйных шэтов, полную свою противоположность. Природа любит равновесие, а ее дети зачастую его губят...

Исчезнувший народ. Уничтоженный?

Я провела пальцами по корешку книги. Прислушалась к себе...

Нет. Нет, этот мир изменился бы сильнее, не останься ни одного из способных его понимать. И тем не менее... Никто давным-давно уже ничего не слышал об аштаргах. Если сведения в книге правдивы, то почти пятьсот лет. И последний известный аштар ушел из жизни очень нехорошо: он попытался избавиться от шэт-шана, потерпел неудачу, в отчаянии убил жену, ребенка... и себя. Со словами, что никогда больше владетели не получают силы мира. Если книга не лжет...

А она не лжет?

Я задумчиво поцарапала обложку, перелистнула несколько страниц, и их шелест показался до обидного насмешливым. Что-то мне

во всем этом не давало покоя, что-то не нравилось.

Пятьсот лет... Слишком долгий срок. Тех, кто видел все собственными глазами, наверняка уже нет в живых. А историю, как известно, пишут победители.

А я? Я действительно аштара? И как тогда я оказалась на Земле? Кому-то удалось там укрыться? Но пятьсот лет... Как сохранился мой дар? За прошедшее время в крови и капли силы остаться не должно бы. Хотя... что я об этом знаю?

Я и о собственных родственниках-то ничегошеньки не знаю. Их словно и не было никогда... Раньше это меня совершенно не смущало, но если подумать... Разве такое вообще возможно?

Вопросы-вопросы... И книга их только приумножила.

Шэт-шану не спалось не только по утрам. По ночам, как выяснилось, — тоже.

Йонто обследовал тронный зал, который из-за обилия артефактов и вечно шныряющего там народа не мог осмотреть днем, когда запястье, охваченное знаком клятвы владельцу, обожгло. Коротко, но болезненно. Шэт-шан явно был не в духе.

Задерживаться и злить его еще больше Йонто поостерегся, хотя и очень хотелось. И порадовался очередной победе разума над чувствами, ибо дело оказалось серьезным.

— Лес Юкрей, — отрывисто бросил владелец, едва Йонто переступил порог его кабинета. — Сети драйта. Сталкивался с ними?

Дыхание на миг сбилось. Сталкивался? Скорее уж вляпывался. В прямом смысле. Он и его отряд полным составом. Выбрались не все... О такой пакости Йонто до тех пор ничего не знал. Как и о драйтах. Ему говорили, что в Юкрей водятся гигантские пауки, но пауков он не боялся, невзирая на их размеры. И драйты, в действительности на пауков похожие весьма отдаленно и то лишь при наличии яркой фантазии, оказались меньшим из зол. А вот их сети... Паутина? Если бы. Паутину гигантских пауков — нормальных, не этих порождений Грани — Йонто видеть доводилось. Толстая, липкая... заметная.

Сети же были невидимы. Ни обычным, ни магическим зрением. И, самое поганое, тянули жизнь из того, что оплетали.

Да, тогда Йонто этого не знал. После одной из ночевек отряд проснулся в круге превратившейся в пепел травы и конечно же

поспешил убраться с проклятого места. За считанные мгновения Йонто потерял троих: коснувшиеся невидимых нитей стали прахом. Тут-то и вспомнили страшные сказочки о драйтах. И об их дивных сетях. И о том, что охотники обречены сидеть здесь, пока не умрут. А после нажравшиеся душами драйты и плотью не побрезгуют...

Йонто смириться с участью легкой закуски не захотел. Он кружил по мертвой полянке, присматриваясь так и эдак, и все же увидел проклятые нити, образующие неровные ячейки — к счастью, достаточно крупные, чтобы в них пролезть, при должной ловкости не коснувшись нитей. Но хорошие новости на этом заканчивались. Никто больше сети не видел. Да и самому Йонто приходилось напрягать зрение так, что глаза очень быстро начали болеть и слезиться, а перед ними запорхали кровавые мушки. Только выбора не было: люди слабели с каждой проведенной здесь минутой. И они рискнули. Доверились командиру, который доверию оному вовсе не обрадовался.

Йонто их вывел. Почти всех. Двое оказались недостаточно ловкими. Или же невнимательными. Или же... Не важно. Он помнил их до сих пор. Знал, что сделал все возможное, но...

А глаза пришлось лечить. Долго. И как же ругалась Шаная... Он и слов-то таких раньше не слышал.

И сейчас... опять?

С поджидавшими их драйтами ослабленные сетями охотники пусть и не без труда, но справились. И кладку нашли... Уничтожили. Год прошел. И прорывов больше не случилось, а значит... Была еще одна кладка? Или даже не одна...

И лес движимые голодом твари покинули. Доползли до деревни. Опутали ее сетями...

Несколько часов назад. Гонец был быстр, но... Не всем подвластны теневые либо лунные тропы.

А владетель... не отмахнулся. И в самом деле обеспокоен. Людей ему жаль? Или... Без разницы. Главное, что выбора снова нет.

— Так что, сталкивался или нет? — поторопил раздраженный шэт-шан.

— Да, мой господин, — отогнав видения прошлого, кивнул Йонто.

— Я пытался найти еще кого-нибудь с таким же опытом, но, увы, не преуспел. — Владетель поморщился, с удивлением оглядел

собственные ладони, успевшие обзавестись когтями, и совершенно по-детски спрятал руки за спину. — Времени мало. Вся надежда на тебя. Что хмуришься? Страшно?

Страшно. Страшно уйти отсюда... и не вернуться.

— Я должен охранять Тайро-ара и госпожу Анну, — напомнил Йонто.

Жертв драйтов было жаль. Но Ана... Он больше не имел права рисковать.

— С Тайро ничего не случится, а об Анне я позабочусь сам, — отрезал владетель. — У тебя час на сборы. Людей... надежных, не кривись... я дам. Тропу откроешь?

И про тропы знает... Ничего удивительного в общем-то, но... нехорошо.

— Пока не могу, — сухо признался Йонто. — Травма...

Спасибо старику.

— Ладно, откроем лунную. Дольше, конечно, но... Ты все еще здесь?!

Продолжать спор было опасно. А значит... нужно идти. Идти и вернуться.

— Не геройствуй и не торопись, — бросил напоследок владетель. — Маги убрать сети не смогли, но их пагубное влияние приостановили. Будь осторожен.

Трогательная забота... Йонто от неожиданности даже о порог едва не запнулся.

С шэт-шаном определенно было что-то не так.

С его эранирами — тоже. Вот какого чентоля их на стражу поставили? Они же ничего дальше собственного носа не видят и не слышат! Не то чтобы Йонто жаждал их внимания, забираясь в окно... Но как оставить Ану под их охраной?!

— Позаботится он, как же, — проворчал он, спрыгивая на пол в комнате. — Но сначала я об этих... с-с-стражах... позабочусь.

Здесь было темно и тихо. Ана спала среди подушек. Рядом лежала раскрытая книга.

Йонто присел рядом с кроватью. Темнота... не особо мешала. Ладонь под щекой, дрожащие во сне ресницы и чуть приоткрытые губы он видел четко. Осторожно убрал со лба рыжеватую прядку. Не удержался, коснулся волос...

И понял, что еще немного — и не сможет ее оставить.

Как же так получилось?

И что теперь с этим делать? Ему, который ничего не в силах ей дать...

— Йонто? — сонно позвала Ана, открывая глаза. — Ты...

— Я должен уйти, — быстро сказал он, пока решимость окончательно не выветрилась. — Думал, лучше предупредить тебя...

— Правильно думал, — согласилась она. И ладонь его как-то совершенно незаметно оказалась в ее ладонях. — Это... опасно?

— Нет.

— Ты не умеешь врать, — пробормотала она.

Ей — не умеет. И учиться не хочет. Хотя и надо бы. Чтобы лишний раз не волновалась. Потому что успокаивать он тоже не умеет.

— Я вернусь, — не придумав ничего лучше, пообещал он.

— Конечно же вернешься, — согласилась она. — Ты же клялся меня защищать. Дважды. И... я буду ждать.

Ана закрыла глаза. И ладонь отпустила.

Уходил Йонто с легким сердцем. Когда ждут, невозможно не вернуться.

Великий предок был... велик. И странен. А еще при одном только взгляде на него замирало сердце, а душа... Нет, в пятки она не падала. Напротив, так и норовила воспарить.

Сквозь прозрачный потолок лился утренний свет, и в свете этом мраморная статуя казалась живой. Я медленно обходила ее по кругу — уже в сотый раз, наверное, — и не могла налюбоваться. И привыкнуть.

Великий предок оказался двуликим. Я знала, что он одновременно является и чентолем, и человеком, но... Выразили сей факт весьма оригинально. С одной стороны это был дракон, раскрывший крылья. С другой же — мужчина, раскинувший руки. Настоящий великан и силач. Бородатый, длинноволосый. Обнаженный. Спасибо хоть по пояс, да. И то лишь потому, что хвост у обоих воплощений Великого предка был общим. То ли скульптор не придумал, как гармонично вплести сюда ноги, то ли все делалось строго по канону... В любом случае смотрелось впечатляюще.

Говорилось с божеством легко. Я не молилась, нет, молитвой это не назовешь. Я просила. Просила сберечь одного упрямого парня,

который сейчас... не знаю, где он сейчас и что делает, но очень за него боюсь — в отличие от него, совершенно не умеющего о себе беспокоиться. И я верила, что просьбу исполнят. Только за эту веру я и могла ухватиться.

Кто бы знал, чего мне стоило отпустить его! Но... Так было надо. Сколько же этих «надо» появилось в моей жизни... Раз за разом подчинять желания разуму, раз за разом улыбаться, когда хочется плакать. И повторять, что все непременно будет хорошо, стоит только потерпеть. И запрещать себе поддаваться тоске и унынию, потому что они губят надежду, без которой и с ума сойти недолго.

Дворцовый храм Великого предка был мал: места хватало лишь для самого хозяина и пары гостей. Двое моих стражей — спасибо, Йонто, что не трое! — остались снаружи. Не выпавшиеся, бедняги, и наверняка считавшие столь ранние походы в храм настоящим сумасшествием. А я едва рассвета дождалась. Захотелось вдруг сюда пойти. Словно нашептал кто... Или в самом деле нашептал?

Я подозрительно оглядела Великого предка, но оба его лица оставались невозмутимыми. Божество, что с него взять... Толику спокойствия, может. И это уже было неплохо.

После я сразу вернулась к себе. Гулять не хотелось, как и читать.

Есть тоже не хотелось, и завтрак я пропустила. И обед. Благо Тэя сегодня отсутствовала, а никто, кроме нее, никогда не настаивал на том, чтобы я поела.

Неспокойно было. Тревожно... И, повинуясь порыву, я приладила на предплечье кинжал. Лучше, впрочем, не стало.

Ближе к вечеру незнакомая девушка, молчаливая, пугливая, похожая на тень, принесла чай и сладости. И я решила, что нужно съесть хотя бы это, ноги и так почти не держат. Вот только не сложилось.

Запах чая показался странным. Он горчил. Едва-едва, но как-то по-особому. И я, так и не сделав ни глотка, отставила чашку.

Отравлено? Какая прелесть.

К пирожному не притронулась. Красивое, воздушное, оно тем не менее выглядело совершенно неаппетитно.

Наверное, на случай, если от чая я откажусь.

Вот же... Кому я мешаю? Также на волю Великого предка списали бы?

Лучше бы сбежать помогли. Можно подумать, мне самой здесь нравится!

Нужно было сразу идти к Канро-шану, но... При одной только мысли об этом нарастало внутреннее сопротивление такой силы, что дурно становилось.

Что он предпримет? Я видела, как его накрывает. Знала, что в таком состоянии правых и виноватых он не различает... С другой стороны, это уже все границы перешло. На несчастный случай подобное не спишешь. И чего в следующий раз ожидать? Подушку на лицо? Кинжал в сердце?

Так себе перспективы. А потому не лучше ли, если владетель, коли уж сам меня сюда притащил, разберется с теми, кому я не по вкусу, пока они не разобрались со мной?

Я уже почти преодолела себя, когда двери без стука распахнулись. Я вскочила на ноги, опрокинув чашку. Отравленный чай расплескался по столику, закапал на ковер... А Канро-шан, который, кажется, намеревался вежливо дожидаться приглашения войти, вдруг подался вперед, прищурился... Крылья его носа затрепетали, а глаза налились алым.

Не успела я испугаться, как владетель оказался рядом. Опустил пальцы в чайную лужицу, поднес их к губам.

— Ты пила это?! — рыкнул он. — Пила?!

Я замотала головой и на всякий случай отступила. Его гнев предназначался не мне, но все равно стало жутко. И сила его... давила. Нет, она не вышла из-под контроля. Пока не вышла. Но разрасталась, заполняла собой комнату, застилала шэт-шану разум — красной, как кровь, пеленой. И не позволяла владетелю остановиться. Послушать. Успокоиться.

От меня он отмахнулся. Рывком открыл двери, едва не сорвав с петель.

— Кто принес чай? — спросил, пригвоздив несчастных стражей взглядом.

— Н-найта, — заикаясь, ответил тот, что посмелее.

Сила всколыхнулась, загустела. Я осела на диван, зажмурившись, зажав уши ладонями... А когда пришла в себя, шэт-шана в комнате уже не было.

Я выглянула в коридор. Стражи, все еще оглушенные, жались к стене и внимания на происходящее вокруг не обращали. А сила тянулась путеводной нитью, дразня и приглашая последовать за ней. За владельцем, который явно решил немедленно разобраться с отравителем. Как бы заодно и с кучей непричастного народа не разобрался...

Я бежала. По этому следу, мимо одурманенных придворных, которым, как и моим стражам, не повезло попасться владельцу по дороге. Бежала и смутно понимала, что направление мне знакомо...

Сад. Лестница с причудливыми перилами. Коридор, утопающий в цветах и нежных их ароматах.

Раздвижные, увитые голубым плющом двери... Ныне выломанная створка висела, удерживаемая лишь его стеблями. А в комнате, среди подушек, ярких тканей и дымков благовоний, стоял шэт-шан. И девушка, упавшая перед ним на колени, казалась маленькой, беззащитной... Знакомая девушка. Та самая блондинка, которой я так сильно не понравилась.

Неужели... настолько сильно?

— Я хотела защитить вас, мой господин! — Голос ее звенел от слез, но на рыдания не срывался. — Она околдовала вас! Все считают ее спасительницей, но я-то знаю правду! Это она вызвала гнев Великого предка! Гнев, который надет на вас! Из-за нее... Из-за нее вы можете погибнуть! Мой господин... Она недостойна жизни! Она...

— Ты... — выдохнул Канро-шан. Очень тихо, почти неслышно, но девица немедленно замолчала и еще ниже опустила голову. — Как ты додумалась до такого?!

— Я вижу то, чего не замечаете вы! — вскинулась девушка. — Она несет гибель! Я остановлю ее, чего бы мне это ни стоило!

В огромном окне пылало предзакатное солнце. Такой же красной, как и его неровный, тревожный свет, была сила владельца. Красной. Слепящей. Болезненной.

И время остановилось.

Нет, не так... Время шло. Очень медленно, но шло. Это я застряла в нем, как муха в меду. Не могла ни двигаться, ни дышать. Только смотреть. Как шэт-шан наклоняется. Как его пальцы с выросшими когтями хватают девушку за плечо, тянут вверх, вспарывая и ткань платья, и нежное тело. Как другая рука сжимает тонкое горло...

И как жизнь — капля за каплей — покидает ее, тоже видела. Кожу, прямо на глазах обретающую пергаментную хрупкость. Исыхающие руки. Волосы, из светлых становящиеся седыми.

Когда владетель отступил, на ковер упала не девушка — истонченная до предела оболочка.

Сила сыто всколыхнулась. Свернулась, послушно прижалась к хозяину, сливаясь с ним...

Я вздохнула... но не издала ни звука. Чья-то ладонь зажала рот, меня подхватили и понесли прочь от этого страшного места.

Места, где я наконец-то увидела настоящее лицо Канро-шана.

— Тише-тише-тише, — торопливо пробормотали на ухо, когда до моего скованного ужасом мозга дошло, что нужно сопротивляться. — Тише, Анна, сейчас нельзя его трогать... Даже тебе — нельзя.

Таныл. Конечно же. Он тоже почувствовал, как бесится чужая сила. Он...

Я обмякла, притихла. Рыжий шэт-шан остановился, развернул меня лицом к себе.

— Можешь идти? — спросил обеспокоенно. — Я бы тебя донес, но... Боюсь, в таком состоянии Канро-шан прикончит меня, не дожидаясь поединка. Анна?

— Я... могу, — бесцветным голосом отозвалась я.

Конечно же могу. Добраться до своих покоев. Пройти мимо ошалелых стражей. Закрыть двери.

Оглядеться. Вяло удивиться, что все еще стою на ногах.

Опуститься на ковер, уткнуться лицом в колени...

И наконец-то в полной мере осознать случившееся.

Людей в опутанном сетями драйтов поселении оказалось не очень много. Но... в основном — старики, женщины и дети. Ушедшие на охоту мужчины вернулись лишь к утру, когда деревню уже оцепили. Конечно же их туда не пустили. Конечно же их это разозлило... В общем, посланные вместе с отрядом лекари пригодились еще до начала спасательных действий.

Лунная тропа вывела точно к нужному месту. Одна беда, неучтенного «спасателя», шагнувшего следом за отрядом, заметили поздно: тропа закрылась, а на новую пришлось бы тратить время и силы... как и на то, чтобы впихнуть на нее безголового шэт-ара.

Тайро был бледен, решителен и упрямо сверкал глазами. А еще прижимал к себе сумку, в которой что-то позвякивало и подозрительно мерцало.

Пока Йонто, вновь ломая глаза, вытаскивал детей, наследник сосредоточенно ковырялся в сетях, заставляя своего эранира бессильно шипеть сквозь зубы и бороться с желанием связать подопечного по рукам и ногам. Но когда желание это окончательно победило, Тайро с радостным возгласом предъявил нечто, похожее на очки Аны, только более громоздкое, нелепое и с переливающимися толстыми стеклами. Скрепя сердце Йонто водрузил это сооружение на нос... И перестал жалеть о том, что шэт-ар за ним увязался.

Артефакт позволял видеть сети, не напрягая зрение. Да, он был тяжел и давил на переносицу, а его ремешки нещадно стискивали голову, но... Вероятность ошибки значительно уменьшилась. Как и риск для спасаемых. Теперь в деревню Йонто пробирался в чудоточках, а оттуда — полагался на собственное зрение, отдав артефакт тому, кого вытаскивал. Оставалось лишь страховать и помогать в самых сложных местах.

Он не торопился. Отдыхал. Позволял лекарям осматривать глаза и что-то в них капать. Даже едой не пренебрег, хотя есть совершенно не хотелось.

Й отчаянно гнал прочь плохое предчувствие, появившееся под вечер. Убеждал себя, что это — от усталости. Сосредоточивался на деле, не позволяя мыслям отвлекать.

Когда же все закончилось, схватил в охапку Тайро, крутившегося возле сетей со своими инструментами, и первым ушел по вновь открытой лунной тропе. Нужно было что-то решать с драйтами, с возможными кладками, но... Не сейчас. И уж точно не ему.

Едва сойдя с тропы у дворцовых ворот, Йонто вручил наследника первому же попавшемуся стражу, а сам бросился к покоям Аны.

Владелец подождет. А ему надо... Надо убедиться, что все в порядке.

На лестнице, щедро освещенной закатным солнцем, маялся рыжий шэт-шан. Непривычно растрепанный и встревоженный, какой-то... пришибленный.

Да, именно так. Витало в воздухе что-то... Тяжелое. Безумное.

Плохое предчувствие кололо уже не просто иголками — копьём.

— Что случилось?!

Йонто вовсе не рассчитывал на ответ, но рыжий его удивил.

— Канро-шан осушил одну из наложниц, — прищурился ненормально синие глаза, протянул он. — Глупая была женщина, такую не жалко, но вот Анна расстроилась... Зря он при ней это сделал. Эй, ты куда?

Йонто уже не слушал и не слышал.

Дорога слилась в невнятное серое пятно. Встречные едва успевали уворачиваться, и вослед ему зачастую неслись не самые добрые пожелания.

Ана была у себя. Сидела посреди гостиной, обняв колени и уткнувшись в них лицом.

Йонто, почти вынесший дверь и пытавшихся остановить его стражей, растерянно замер. Он видел, что могут сделать шэты с неугодными им людьми. И предпочел бы забыть, но увы...

Он склонился над Аной. Осторожно тронул за плечо. А когда она, вздрогнув, взглянула на него, подхватил ее на руки и понес. Мимо все-таки пострадавшей двери. Мимо шарахнувшихся стражей. Мимо выронившей что-то тяжелое служанки.

Подальше отсюда. Как только сможет.

Никогда он еще не видел ее такой испуганной. Бледное до белизны лицо. Полные страха глаза.

Ее страх отозвался в душе острой яростью. Ярость вспыхнула, опалила... и сгорели в ней невидимые путы.

Шаг. Другой. И в голове привычно зашумело, а дворец растворился, сменился высоким берегом реки, усыпанным крупными фиолетовыми цветами деревом и безбрежным небом, охваченным пламенем заката.

ГЛАВА 9

Меня трясло. Я слабо осознавала, где нахожусь. Понимала лишь, что больше не одна. Что Йонто рядом. Обнимает, гладит по волосам... слушает.

А я говорила. Голос дрожал, я постоянно сбивалась, но держать в себе все это не могла. Оно смешалось в моей душе, разрослось, не давало дышать.

Страх. Бессилие. И жалость. Та девушка, имени которой я даже не знала...

Она пыталась меня убить. Это подло и даже в моем мире кое-где карается смертной казнью, но... Она всего лишь глупая, ослепленная ревностью девица. И то, что шэт-шан сделал с ней... Ведь я жива. Несмотря на ее старания. А она — нет.

Возможно, жалость эта была глупой. Нелепой. Но я не хотела ее смерти. Я вообще не хотела, чтобы кто-либо погиб! Тем более — по моей вине. Не важно, прямой или косвенной.

— Поплачь, — сказал Йонто, когда я выговорила. — Тебе нужно.

И я плакала. Уткнувшись в надежное плечо, выплеснула накопившуюся в душе боль. А когда слезы закончились, он спросил:

— Ты действительно считаешь, что в этом есть твоя вина? Что должна нести ответственность за поступки других? Что, в конце концов, могла это предотвратить? Нет, Ана. От тебя ничего не зависело.

Ничего... Абсолютно ничего. Бесполезная аштара, которая не в силах никого защитить. Аштара, которая, сама того не желая, стала причиной трагедии.

— Нечестно, — еле слышно пробормотала я, чувствуя, что на глазах вновь закипают слезы.

— Мне казалось, ты уже поняла, что наш мир далек от твоих идеалов честности и доброты, — вздохнул Йонто.

Поняла. Но, как выяснилось, до сих пор не приняла. Вокруг меня по-прежнему была сказка. Злая, неправильная сказка для

неправильной попаданки, которая вместо плюшек получает шишки. Стоило ли надеяться на лучшее?

И на что мне теперь вообще надеяться?

— Йонто... Я должна доверять ему. Чтобы выжить, должна. Так?

— Так, — помрачнев, подтвердил он.

— Я не могу, — выдохнула отчаянно. — Думала, что справлюсь, что научусь, что... Это было не так уж трудно, мне и в самом деле хотелось помочь. Но сегодня... Я видела, какой он, когда убивает. Совсем другой, не такой, каким хочет казаться. Я видела его настоящего. Как я могу ему доверять?! Как я могу делиться с ним силой?! И... проблема даже не в доверии... Мне кажется, что я делаю только хуже. Что моя сила... Она — как яд для него. Или дурман. Я сама стала дурманом. Я...

— Иногда мрак слишком силен. Настолько, что способен погасить солнце, — не позволил договорить Йонто. Он легко сжал мою ладонь и грустно улыбнулся. — Ты не можешь быть ядом, Ана. Ты — солнце. Солнце, тонущее во мраке.

Я не нашлась с ответом. Просто снова уткнулась в его плечо и закрыла глаза, чувствуя, как постепенно из души уходит горечь.

А вокруг пылал закат. Закаты здесь долгие. И красивые. И можно было смотреть на переливающееся алыми и лиловыми красками небо — и ни о чем не думать. По крайней мере до тех пор, пока успокоившийся разум не опознал место.

Обрывистый берег реки, на котором мы сидели, определенно был мне знаком. И белые звездочки цветов, распускающихся в траве. И дерево, чьи ветви лениво перебирал свежий ветерок. Ветви, щедро усыпанные крупными фиолетовыми бутонами...

Дерево из моего сна. Дерево, в которое превратилась девушка, но собственной глупости потерявшая возлюбленного.

— Где мы? — прошептала я, неотрывно глядя на фиолетовые бутоны.

— Увы, все еще на территории дворца, — вздохнул Йонто.

Я поднялась на ноги. Медленно подошла к дереву. Коснулась иссеченного временем ствола, и показалось, что там, под толстой серебристой корой, бьется все еще живое сердце... И на это биение отозвался охватывающий мою руку браслет. Нагрелся, натянулся, до боли впиваясь в кожу.

Амантит. Кровь высшего чентоля, пролившаяся даром обреченной любви.

Длилось это всего лишь мгновение, и я не могла бы утверждать, что мне не почудилось.

Не могла бы, но...

— Кем она была? — спросила тихо, не отнимая ладони от горячей коры.

— Кто? — не понял Йонто. Он подошел к дереву, но встал немного дальше. Так, что печально свисающие ветви почти касались его макушки.

— Та девушка. Девушка из легенды о ченголевом серебре...

— Ты... откуда ты знаешь? — растерялся Йонто. — Я не рассказывал, что с ней стало.

— Я видела, — призналась я. — Когда ты говорил, я видела словно наяву. Но почему это случилось? Ты же знаешь... Знаешь, да?

— Знаю, — кивнул Йонто. — Но история неприглядна и в легенды не вошла. Это — Дерево владетелей. А дева... Она была любимой дочерью одного из первых владетелей Прайго. Тогда шла война. Твари Грани наступали, и шэт-шаны искали способ укрепить силы. Им нужен был артефакт, позволивший бы держать под контролем шэтхо, чувствовать все, что происходит на их территориях, иметь возможность быстро оценивать ситуацию и принимать решения... А еще — закреплять права наследования, признавать их, основываясь на крови рода, и многое другое. Артефакт, неподвластный времени и чарам. Но ни один из известных материалов не подходил. Ничто не могло вместить столько магии, выдержать ее, не расплескать... Тогда кто-то вспомнил о высших чентолях. О свойствах их крови. Добровольно отданной крови... Но высшие никогда не питали теплых чувств к тэтам и добровольно ни капли крови ради них не пролили бы. Причин было много... Не суть. — Йонто прервался, полюбовался на закат, который набирал силу, и продолжил: — Шэты всегда добиваются своего. Так или иначе. Они поймали высшего чентоля. Заточили в клетку. Мучили... Долго и непрерывно. От боли, а может, в надежде на сострадание чентоль перекинулся в человека, ипостась, которую они не слишком-то жалуют. Но все было тщетно. Попытки продолжались, пока одной темной ночью клетку не открыла

прекрасная дева. Она вывела измученного высшего из дворца. Выходила его, обессиленного и умирающего. И он...

— Полюбил ее, — закончила я, когда Йонто замолчал. — Полюбил так, что не пожалел собственной крови — ради ее защиты, ради ее спасения.

— Шэти, — презрительно усмехнулся он, — использовала высшего. Сделала все, как велел отец. И шэты получили амантит. Из которого создали венцы, символы безграничной власти и могущества. Кровавые символы.

— Она не хотела, — покачала я головой, кончиками пальцев проведя по коре. Шершавая... И влажная. Могут ли деревья плакать? — Не думала, что все так обернется. Не знала, что погубит его. Она его любила... Все-таки любила.

— Порой любовь губит вернее ненависти, — тихо сказал Йонто. И отвернулся, встав вполоборота.

Высокий. И волосы растрепались, закрыли лицо...

Сердце болезненно сжалось.

Я видела это. Уже видела. И не раз.

Не хватало лишь одной детали...

— Йонто... — дрогнувшим голосом позвала я. — У тебя есть меч?

Он обернулся, приподнял брови и коснулся рукояти меча, что висел на поясе, но я замотала головой:

— Нет, не этот! Тот меч... Длиннее. И шире. С рукоятью в виде свернувшегося кольцами серебряного чентоля. У тебя есть такой меч?

— Нет.

— Не врешь? — подозрительно прищурилась я.

— Когда я тебе врал? — устало спросил Йонто. — Клянусь, что у меня нет такого меча. И никогда не будет.

Показалось, что в его лице на миг что-то изменилось. Или то всего лишь игра света и тени?

— А в чем дело? — Он подошел ближе, посмотрел в глаза. — Где ты видела такой меч?

— Мне снился сон... — начала было я, но горло перехватило.

— Не надо, — легко провел кончиками пальцев по моей щеке Йонто. — Если сон страшный, не вспоминай его.

— Но...

— Забудь. Сны должны оставаться во снах. А вон ту бабочку ты там не увидишь. И много потеряешь.

Я невольно улыбнулась. Огромная бабочка с перламутровыми, отражающими краски заката крылышками, порхавшая меж фиолетовых бутонов, и в самом деле стоила внимания. Но... гораздо больше я потеряла бы, не увидев сейчас его улыбки, которая коснулась не только губ, но и глаз. И отчаянно захотелось запомнить этот момент, навсегда оставить в своем сердце, чтобы однажды согреться его теплом.

Пока я любовалась бабочками — и не только, — Йонто проверял местность. И судя по его хмурому взгляду, защита не имела изъянов, что неудивительно: вдалеке виднелись неприступные стены, окружающие территорию дворца, кто же допустит здесь наличие прорех?

Пламя небес потускнело, и близился миг, когда сумерки окончательно потушат его. Я оглянулась на дерево. Бутоны слегка светились, то ли отраженным светом, то ли собственным.

— Возвращаемся, — наконец признал очередное поражение Йонто.

Сердце болезненно сжалось. Вернуться? Во дворец? К шэт-шану?

— Канро уже пришел в себя, — по-своему понял мое замешательство Йонто. — Не нужно бояться.

— Кто-нибудь видел, как мы уходили? — уточнила я, нервно комкая ткань платья. — Если владелец узнает...

— Не волнуйся, я все улажу. Проблем не возникнет, — заверил Йонто и протянул мне руку, но я не торопилась ее принимать. И не потому, что сомневалась в его словах. Сказал уладит — значит, уладит, но...

Сколько сил забрала первая открытая за много времени тропа? И сколько еще заберет?

— Далеко отсюда до дворца? — спросила я задумчиво, отмечая, как он бледен и насколько глубоко залегли под глазами тени.

— Вовсе нет, — ответил Йонто с сожалением, которое я целиком и полностью разделяла. — Где-то около получаса неспешной прогулки.

— Ну так давай прогуляемся! — предложила я. — Заодно еще слабые места поищем...

— До сих пор не привыкла к тропам? — нахмурился он.

До сих пор не привык, когда о тебе беспокоятся?

Я пожала плечами и растерянно улыбнулась. Больше Йонто расспрашивать не стал, кивнул и первым пошел по узкой тропке, выходящей среди шелковистой травы. Я двинулась следом, не сводя с него взгляда.

Как ты? Что с тобой случилось, пока я тебя ждала? Ты действительно в порядке?

Столько вопросов, которые хотелось задать... И которые задавать не пришлось.

Она не произнесла это вслух, но он и так все понял. Она никогда не беспокоилась о себе. Всегда — только о нем. А он, как последний дурак, отмахивался от ее тревог, заставляя волноваться еще сильнее.

— Я в порядке, — ответил он на невысказанные вопросы, не оборачиваясь, но чувствуя ее взгляд. — Честно.

Бывало и гораздо хуже, а сегодня... Сегодня он просто устал. И если бы только мог, увел бы Ану подальше от дворца. Как можно дальше. За Чентолев хребет. Он ничего не знал о том, что там было, зато точно знал, чего не было: шэтов с их одержимостью и почти безграничной властью.

Да, Йонто был в порядке. Ровно до того момента, как его талию обвили теплыми руками и ткнулись лбом в спину. Он замер на полушаге, боясь не то что пошевелиться — вдохнуть.

— Спасибо, — прошептала Ана едва слышно, и кожу обожгло ее горячим дыханием даже сквозь одежду.

И от одного-единственного слова на душе стало и сладко, и горько.

Недавно он мучился тем, что ничего-то не может ей дать, забыв, как мало ей на самом деле нужно.

Нестерпимо захотелось обернуться. Обнять ее. Сказать... много чего сказать. Или же обойтись без слов. Иногда слова совсем не нужны.

И он почти решился, когда резко оборвалась невидимая струна, а словно лопнувшее пространство, вмиг потемневшее и похолодевшее, заполнили черные тени. Быстрые, гибкие, смертельно опасные.

Сторожевые псы, охранявшие неприкосновенность границ дворца.

Я прижималась к дереву спиной, не смея пошевелиться, не понимая, что происходит, откуда взялся этот кошмар?

Йонто только и успел крикнуть что-то про сторожевых псов, прежде чем пять тварей, возникших из ниоткуда, кинулись на нас.

Тропу открыть не получилось. Бежать было некуда.

Твари были огромны, мне по пояс, лохматы, когтисты и зубасты. И, кажется, не вполне живы...

И вот этот ужас владетель назвал псами?!

Псы бросались на Йонто, пытались обойти его и добраться до меня — и всякий раз безуспешно. Пока что безуспешно.

И я окончательно поверила в то, что он может быть шэтом. Обычным людям такое неподвластно. Очень быстрые движения. Молниеносные реакции. И сила. Вернее, остатки ее. Она рваными крыльями трепетала за его спиной, знакомая — и в то же время иная. Она не пугала. Ей хотелось довериться...

Да, Йонто был силен и быстр. Но твари, по какому-то недоразумению считавшиеся здесь псами, ни в чем ему не уступали.

Не могу на это смотреть! Не могу... Но и не смотреть — тоже. Вдруг тогда случится что-то страшное? И если не отводить взгляд, ничего не произойдет... И я смотрела. Вздрагивала от каждой пропущенной Йонто атаки, задыхалась от его боли... Сейчас я жила и дышала за двоих. Казалось, что, если я справлюсь, если выдержу, — выдержит и он.

Я потеряла связь с реальностью. И обрела ее, когда меня дернули в сторону, зажали рот и куда-то потащили.

Сначала тело и разум сковало ледяным ужасом. Потом я поняла, что держат меня вполне человеческие руки, ничего общего с демоническими лапами не имеющие, и страх исчез, уступив место злости. А злость придала сил... Кинжал скользнул в ладонь, и я не раздумывая ткнула им назад. Сдавленный вопль — и я оказалась свободна. И тут же этой свободой воспользовалась, побежав прочь от дерева и согнувшегося пополам мужчины, с ног до головы затянутого в черное.

К Йонто, который уже разделался с четырьмя тварями и сейчас пытался добраться до пятой. Который не замечал подбиравшегося к нему второго любителя черных одежд, занесшего меч для удара.

И если бы даже заметил, то вряд ли бы успел увернуться...

Зато успела я.

Добежать. Скользнуть между ним и мечом. Зажмуриться...

И провалиться в бесконечно кружащуюся тьму.

Он успел. Каким-то чудом, совершенно необъяснимым и нереальным, успел обернуться, схватить Ану в охапку, закрыть собой... И одновременно, в стремительном движении, шагнуть на все же отозвавшуюся тропу, подцепив недавно пройденный путь.

Обжегшую спину боль почувствовал уже на тропе. Теряя сознание, сумел донести до другого ее конца Ану. И, лишь рухнув на устилавший коридоры дворца ковер, позволил расцветенной багровыми отблесками темноте поглотить себя.

Тьма... Она была теплой. И пахла шоколадом. Сладко-сладко, уютно. А потом и вовсе начала таять, пока не исчезла, уступив место свету. Чистому, слепящему, наполняющему сердце беспричинным счастьем.

Солнце. Это солнце. Много-много солнца.

Золото. Шоколад. Искрящаяся радость.

Тихий смех и голос, такой родной... забытый.

Как я могла его забыть?

— Айана! Ана!

Ана...

Ветер подхватывает, смеется, несет это имя дальше... Ему нравится.

И чьи-то большие надежные руки подбрасывают меня прямо в залитое золотом небо, в котором растворяется весь мир — вместе со мной.

— Анна! Анна, очнись!

Другое имя. Другой голос. И запах. И руки, хватающие за плечи... Их хотелось стряхнуть. Вырваться. Вернуться туда, где витали то ли сны, то ли воспоминания...

Воспоминания. Они, не столь давние, и заставили очнуться. Резко приподняться, открыть глаза...

Коридор. Широкий, ярко освещенный. Люди... Много людей. Высокие какие, и колышутся, словно сосны на ветру. И шепчутся. Ветер в кронах... Ветер.

Ветер-солнце-шоколад...

Ана-Айана-Ана...

Я сжала голову ладонями, зажмурилась. Вновь открыла глаза. Я... жива? Как же так... Жива. Сажу вот. На ковре сажу. И на меня, как на диковинку, воззрились... Чиновники. И придворные. И... Канро-шан? Сидит рядом, бледный, и давит своей ненормальной силой. От нее я шарахнулась, едва не упав. И тогда заметила... увидела...

Йонто лежал чуть в стороне. Лежал на спине, и на светлом ковре расплывалось алое пятно.

Что... Почему?! Почему он ранен?! Ведь я успела, я закрыла его, я...

Невредима.

А он — нет.

Как же так? Как же...

И почему ему никто не поможет?!

— Клятвопреступник не заслуживает помощи! — гроыхнуло откуда-то сверху. — Он похитил вас, госпожа, и едва не убил...

— Глупости! — От возмущения я даже нашла в себе силы подняться. Мир качнулся, но устоял, а советники отступили, отчего стало легче дышать. — Он ни в чем не виноват! Никто меня не похищал!

— Старший эранир унес вас из дворца, пытался пробить защиту, неужто вы не считаете это похищением? — пробасил козлобородый чиновник. — Вы ранены, госпожа, он нарушил приказ шэт-шана и не уберег вас! Своими действиями...

— Да не было никакого похищения! — крикнула я, почти теряя сознание от ощущения утекающих сквозь пальцы мгновений. — Я сама попросила моего стража увести меня отсюда! Мы были возле Древа владетелей! Никто ничего не пробивал! Сначала на нас напали ваши псы, потом — двое в черных одеждах, и он меня защитил! Вы что, не слышите?!

— Не выгораживайте его, госпожа, — прокрипел другой чиновник. — Свидетели видели, как он нес вас, бесчувственную, на руках. Мы уже знаем о сторожевых псах, а они нападают только на тех, кто пытается сломать защиту, не важно, изнутри или же извне. И если его планы не осуществились, то вовсе не оттого, что он не старался. У него не получилось обойти клятву, и клятва покарала его. Ни один лекарь не прикоснется к нему, теперь лишь Небеса вправе решать, жить ему или умереть.

— Что за бред?! — воскликнула я. — Он умирает. Йонто умирает! А вы... Не хотите его лечить, что ж, не надо, это сделаю я!

Мне заступили дорогу. Я же почувствовала, как по моей коже бегут крошечные разряды, и совершенно точно знала, что смогу воспользоваться этой силой. Но понятия не имела, каковыми будут последствия.

И, слава всему, это так и осталось тайной.

— Пропустите, — раздался голос владельца, до сих пор хранившего молчание. — Вы сами сказали, что на все воля Небес. Анна — воплощение этой воли. Дайте ей все необходимое. И не смейте мешать.

Возражать шэт-шану никто не осмелился, и передо мной наконец-то расступились. На негнущихся ногах я приблизилась к Йонто, остановилась в нерешительности. Все силы потратила на глупый спор. Голова шла кругом, я совершенно не соображала, что делать... И тут мои плечи сжали теплые руки, а над ухом раздался спокойный голос:

— Несите его в мои покои. Как можно осторожнее. Туда же доставьте все, что нужно для лечения подобных ран. Немедленно.

Вэйнара.

Она говорила тихо, но все сразу засуетились, подчиняясь ее приказам.

Прежде чем позволить унести Йонто, шэти туго перехватила ему грудь и спину оторванной от шторы полоской. Собственноручно, кстати, оторванной... Она контролировала процесс переноски, я же брела следом и пыталась взять себя в руки. Только вот ничего не получалось, и в спальне Вэйнары, едва все посторонние вышли прочь, меня накрыла самая настоящая паника.

— Анна, дыши глубже, — попросила шэти. — Вот так. Не волнуйся, иначе ляжешь рядом, и что я с вами двумя делать буду? Он

жив. Он очень сильный и все выдержит. А мы ему сейчас поможем... Верно?

— Да, — выдохнула я.

— Я училась лекарскому ремеслу и кое-что умею, — ловко разрезая импровизированный бинт и одежду лежавшего на кровати Йонто маленьким кинжалом, говорила Вэйнара, и ни руки, ни голос ее нисколько не дрожали. — Сделаю все, что нужно. Но рана — полбеды. Сторожевые псы ядовиты, а в ядах я не разбираюсь. Сможешь с этим справиться?

Я кивнула. Смогу. Обязана смочь. Должна же от моих аштарских способностей быть польза! Что-то более важное, чем возможность подпитывать шэтов.

Голова все еще кружилась, и мысли в ней бродили исключительно дурацкие, а руки меж тем действовали. Перебирали принесенные помощниками лекаря склянки и мешочки, отливали в глубокую чашу зелья, отсыпали порошки... Я видела, как по венам Йонто расходится яд. Отвратительно-коричневая жижа, отравляющая кровь. Я знала, что нужно смешать и в каких пропорциях, чтобы избавиться от этой гадости. Просто знала... И не желала даже задумываться, откуда именно. Главное, это работало.

Вэйнара же занималась ранами Йонто, самой страшной из которых оказалась рана на спине, та, что предназначалась мне. Промывала, зашивала, накладывала подаваемые мною мази... Быстро и четко, без плача и причитаний, которые я изо всех сил давила в себе. Лекаря из меня однозначно не вышло бы. А вот шэти... Здесь и сейчас она была на своем месте. Я видела, что Йонто в надежных руках, и паника постепенно разжимала тиски, позволяя дышать.

Противоядие я приготовила быстро. Напоить им Йонто особого труда не составило, благо что к тому моменту он очнулся. И поначалу вел себя вполне прилично, безропотно проглотив содержимое стакана, но потом... Когда к нему вновь подошла Вэйнара, он предпринял попытку сползти с кровати. Причем с противоположного ее края... Естественно, я пресекла безобразие, но на этом капризы не закончились.

— Пусть она уйдет, — едва слышно пробормотал Йонто, сжав мое запястье слабыми, горячими пальцами. — Пусть... Пожалуйста, я не хочу... Ана...

Я положила свободную ладонь ему на лоб и нахмурилась. Жар. Неужели противоядие не работает? Оно должно бы сбить температуру, а тут... До бреда уже дошло.

— Она не уйдет, — погладила его по влажным волосам я. — Она тебя лечит. Это Вэйнара, ты ее не узнал?

— Пусть она уйдет... — прикрыв глаза, вновь прошептал Йонто. — Пусть...

— Надо увеличить дозу, — решила я и метнулась было к своим склянкам, но Вэйнара покачала головой:

— Не надо. Он не бредит. Он действительно не хочет, чтобы я...

— Да Великого предка ради! — вспыхнула я, заметив, что мой больной опять пытается уползти. Не бред? Отлично! Значит, обычная глупость, а против нее лекарство у меня имеется. Я забралась на кровать, перекрывая путь, и тихо сказала: — Йонто, послушай внимательно, повторять не буду. У тебя есть выбор: или ты лежишь смирно и желательно молча, или я больше никогда с тобой не заговорю.

Угроза сработала, и мы с Вэйнарой получили самого послушного пациента во всех мирах. А то, что пациент старательно закрывал глаза и вообще притворялся мертвым, лишь бы не видеть лекаря... Об этом мы еще поговорим. Ибо стройные ряды его гордых тараканов меня бесповоротно достали!

Наконец все необходимое было сделано, и Йонто уже ничто не угрожало. Попутно Вэйнара обработала длинную царапину на моем плече, которую я не заметила. Так вот о какой ране говорили чиновники. Ерунда, не болит даже. Особенно если сравнить с тем, что досталось Йонто...

Когда он, все же напоенный еще одной порцией противоядия и обезболивающим настоем, уснул, мы с Вэйнарой добрели до гостиной и рухнули на диванчик. Сил не было вообще, словно я не зелья готовила, а всю ночь бревна таскала. Шэти выглядела не лучше. Она ссутулилась, закрыла глаза, возле которых залегли глубокие тени, и я заметила, что у нее дрожат руки.

Бедная... Чего же ей стоило сохранять спокойствие?

А кое-кто вместо благодарности ее обидел... Я видела, как Вэйнаре было больно, когда он просил, чтобы она ушла. И эта боль не исчезла.

— Не нужно меня жалеть, — перехватив мой взгляд, слабо улыбнулась шэти. — Все, что он сказал... Я заслужила.

— Вы...

— Я его мать. Мать, потерявшая право называть его сыном.

А ведь можно было догадаться... Что-то мне давно покоя не давало, и сейчас я поняла, что именно. Они же просто невероятно похожи.

И одинаково сломаны.

Я коснулась крепко сцепленных ладоней шэти. Захотелось поддержать ее, ободрить. В то, что она и в самом деле не имеет права называть Йонто сыном, я ни на миг не поверила. Кроме горечи в ее душе была и любовь. И эта любовь только что спасла ему жизнь.

Вэйнара плакала. Сжимала мою руку дрожащими пальцами, глотала слезы... и говорила.

А я слушала.

Нам обеим это было просто необходимо.

Ей — снять с души неподъемный груз. Мне — узнать, что случилось с Йонто.

Вэйнара давно свыклась с мыслью, что рано или поздно ей придется выйти замуж за того, на кого укажет отец. Для блага Прайго. Вся ее жизнь с рождения была подчинена этому благу, и она даже не задумывалась о том, что все могло бы быть иначе. Ровно до того дня, когда во дворце появился племянник Паллира.

Токрэй перевернул мир Вэйнары. Впервые она задумалась о собственном благе. Впервые решила пойти против воли отца.

Майро-шан не пожелал смириться с выбором дочери. Всего-навсего человек! Охотник с не самыми выдающимися магическими талантами! Что мог дать такой союз? И вероятность рождения ребенка, особенно — истиннокровного, невелика. А Майро-шан нуждался в наследнике. В сыне он разочаровался, женить его отчаялся, вся надежда была на дочь. А глупая девчонка нарушила тщательно лелеемые планы!

Чтобы все исправить, владетель не гнушался никакими средствами. Токрэй избежал гибели лишь чудом, а потом... Потом взбунтовался Канро.

Он благословил влюбленных. И даже провел обряд, на что, как единственный наследник, имел полное право. Как же разъярился отец,

когда узнал! Но было поздно: соединенные Великим предком сердца не под силу разлучить даже шэт-шану. В то время Майро-шан все еще чтил законы Небес...

Через какое-то время Канро тоже женился. На чистокровной шэти, чем немало порадовал отца.

Впрочем, на этом радости Майро-шана и закончились.

Ребенок у Вэйнары и Токрэя все же родился, причем истиннокровный. А это означало, что венец по праву старшинства и силы получит тот, чьим отцом являлся обычный человек. Одна мысль об этом приводила Майро-шана в ярость.

Токрэй долго не прожил — владельцу не пришлось пачкать руки, помог случай. Но его гибель не решала проблемы с происхождением наследника.

Еще хуже стало, когда жена Канро родила сына... Слабого, болезненного, с почти погасшим ийталем. За последующие пять лет, на которые владелец возлагал огромные надежды, искра силы в мальчике не только не разгорелась, но окончательно угасла. Его ийताल умирал. Вместе со своим хозяином...

Майро-шан обезумел. Однажды ночью он забрал обоих внуков и увез их в неизвестном направлении. Они отсутствовали несколько дней; по возвращении Тайро был здоров и полон сил, и его ийताल сиял. А Йонто... на его руках расцвели семилучевые звезды, лишившие его и силы, и права на венец.

Токрэя уже не было в живых, а Вэйнара, сломленная двойным горем, не сумела защитить сына.

Тогда она потеряла его в первый раз.

Во второй же, напротив, потеряла его, защищая.

Уже не от отца, а от Канро, который, лишившись жены и заполучив власть, мало чем от него отличался.

Вэйнара сделала все, чтобы Йонто не зависел от нового владельца, строившего в его отношении свои планы. Пришлось пожертвовать самым дорогим: любовью сына, которого она дважды жестоко оттолкнула — в надежде, что он никогда не окажется во власти очередного безумца, что он будет свободен и по-настоящему счастлив.

Тогда она предпочла не размышлять, какой болью все это рано или поздно обернется...

Глубокой ночью, когда Вэйнара уснула прямо на диване, я сидела рядом с Йонто, вслушивалась в его дыхание... и думала, как бы поступила на его месте. И на месте насмерть перепуганной шэти... Выходило плохо. От одного только предположения, что это могло случиться со мной, становилось дурно. И осуждать их я просто не имела права.

А значит, будем разговаривать. Очень долго и обстоятельно. И на сей раз никуда-то ты от меня не денешься. Не закроешься, не сбежишь. Хватит, набегался уже.

Я потянулась к Йонто, чтобы проверить, нет ли жара, и наткнулась на его взгляд. Такой растерянный и беспомощный, что сердце кольнуло.

— Спи, — прошептала, понимая, что он в полусне и мало осознает реальность. — Все хорошо, засыпай.

— Не уходи...

— Не уйду, — отозвалась я. Посижу здесь тихонько, пока не уснет. Пусть глаза и слипаются, но еще немного продержусь.

Но оказалось, что речь шла о другом...

— Не уходи, — едва слышно повторил Йонто. — В свой мир. Не уходи... Ты нужна мне, Ана. Ты так мне нужна...

Он затих, вновь погрузившись в глубины сна. Я же смотрела на него и беззвучно глотала слезы, не в силах успокоиться, потому как ясно понимала: в здравом уме он никогда не попросит об этом. А я... Согласилась бы я? Зная, во что превратится его жизнь, если он будет вынужден постоянно меня защищать?

В тот день, возле Древа владетелей, Йонто был прав. Иногда любовь губит вернее ненависти...

ГЛАВА 10

Ночь распростерла черные крылья, скрыв звезды и луну. Душная тьма наполняла кабинет, и пара светильников еле теплилась под ее напором, грозясь вот-вот погаснуть.

Но для Канро и этот свет казался слишком ярким. Болела голова. То ли перед приближающимся ненастьем, на которое откликалась сила, то ли из-за самой силы, не столь давно едва не вырвавшейся на свободу... То ли от пережитого ужаса. Сначала он узнал, что Анну увели из дворца, затем она появилась в коридоре, в компании окровавленного Йонто.

И принялась его защищать. Никогда еще владелец не видел ее такой — сильной и бесстрашной, способной бросить вызов кому угодно. И, возможно, при иных обстоятельствах увиденное ему непременно бы понравилось...

— Что там произошло на самом деле? — спросил владелец привычно скрывающегося в тених Агрийо.

— Мой господин, свидетели утверждают, что Йонто унес госпожу Анну... По теневой тропе. Также я слышал, что госпожа видела... — Звездочет запнулся и неуверенно продолжил: — Вряд ли слухи заслуживают доверия, но говорят, она видела, как вы... наказали Араю.

Канро закрыл глаза и мысленно застонал. Вот только этого не хватало! Как такое вообще могло случиться?!

— Они были у Древа, — постаравшись выкинуть лишние мысли и переживания, протянул шэт-шан. — Анна сказала, что сначала там появились псы, а потом — двое чужаков. Кто-то пробил защиту дворца, потревожив псов, которые бросились вовсе не на нарушителей, а на тех, кто имел полное право находиться на этой территории... Какого порождения Грани здесь происходит?!

— Все указывает на то, что защиту сломали изнутри, мой господин, — склонился звездочет. — Возможно, Йонто сам предоставил им проход, оттого и псы новели себя столь странно...

— Это последнее, во что я поверю, — зло усмехнулся Канро. — Он бы ни за что не подверг Анну опасности... Тропу за пределы

дворца он открывал бы наверняка, в наиболее слабом месте, так, чтобы не потревожить псов. Сил и умений хватило бы. Нет, Йонто здесь ни при чем.

— Тогда... шэт-шан Таныл? — нахмурился Агрийо. — В его свите наверняка отыщется умелый взломщик. Мой господин... Кому было бы выгодно исчезновение госпожи? Разве не шэт-шан Таныл сказал вам, что хочет забрать ее себе?

У мальчишки вполне хватило бы наглости. Сломать защитные чары при наличии большого желания пусть и сложно, но вряд ли невозможно. И хвала Небесам, что рядом с Анной был Йонто. И что он сумел отбиться и от псов, и от незваных гостей, которым, увы, удалось сбежать.

— С Танылом я разберусь, — резко поднявшись и поморщившись от прострелившей затылок боли, сказал Канро. — А ты... Пожалуй, ты единственный, кому я сейчас могу доверять. Разузнай все об Арае. Не верю, что эта девица действовала в одиночку.

— Будет исполнено, мой господин, — низко склонился Агрийо и бесшумно исчез.

Вот бы так исчезли и все свалившиеся на больную голову владельца проблемы...

В гостевое крыло Канро шел в гордом одиночестве, отпустив маявшуюся под дверями кабинета свиту. Обычай всегда и всюду таскать за собой толпу с каждым годом раздражал все сильнее. Стоило бы вообще их разогнать... Пользы никакой, лишь под ногами путаются да причитают.

На стоявших у дверей стражей владелец глянул так, что их словно ветром сдуло. Слабаки. Мальчишке стоило бы озаботиться тем, кто именно его охраняет. Хотя... Кто сможет защитить от шэта, кроме другого шэта? Уж явно не простым смертным тягаться с ними.

Несмотря на глубокую ночь, Таныл бодрствовал. Он сидел в гостиной, устроившись прямо на мягком белом ковре. Рыжие волосы свободно струились по темно-зеленому, расшитому золотыми птицами облачению, тонкие бледные пальцы держали пузатую чашку. На круглом столике исходил паром изящный чайник. И вторая чашка прозрачно намекала, что здесь явно кого-то ждут.

Едва Канро без стука и приглашения влетел в комнату, как Таныл легко поднялся и, не выпуская из рук чашки, подчеркнуто вежливо

поклонился. В таком виде, непривычно-домашнем, он казался еще моложе, и это лишь подогрело злость.

— Что-то случилось, Канро-шан? Ты бледен, — обеспокоенно спросил юнец, и беспокойство это звучало вполне искренне. Но Канро знал истинную его цену. И едва сдерживался, чтобы, не дожидаясь поединка, не разорвать Таныла прямо сейчас.

— Твоих рук дело, — выдохнул он, пряча ладони в длинных, украшенных черным жемчугом рукавах алого наряда.

Подушечки пальцев знакомо покалывало, и владетель подозревал, что по радужке рассыпались огненные искры. Плохо. Мальчишка все видит, все подмечает. Хитрый, изворотливый... змей.

— Я не понимаю, о чем речь, — нахмурился Таныл и гостеприимно указал на низкий диванчик: — Присядь, Канро-шан, тебе нужно успокоиться. Чаю?

Канро сел. И предложенную чашку, белую, хрупкую, взял, отметив, что когти так и не появились.

Чай обжег горло, и вкуса владетель не почувствовал.

— Вкусно, — прикрыл глаза Таныл, отпив из чашки. — Горчит немного, но в этом есть свое очарование. Твои люди до сих пор не в курсе, что шэтов не всякий яд берет?

А ведь и правда... Горек чаек. И не так чтобы заметна эта горечь, о нет. Терпкая нотка. Изысканная. Не сразу и поймешь, что неправильная.

— Я понятия не имею, кто это сделал, — хмуро признался Канро, поставив чашку на столик.

— Плохо, — разочарованно вздохнул паршивец и, зажмурившись, сделал еще один глоток, явно смакуя, — а я хотел поинтересоваться, что это за прелесть. Придает чаю такой пикантный вкус, пил бы да пил.

И лопнул бы. Такой исход Канро вполне бы устроил.

Но все же... Откуда взялся этот чай? Для дорогого гостя расстарались? Или же по ошибке ему достался? Таныл сразу неладное почуял, а Канро только сейчас осознал, что действительно горчит. И небо жжет.

А вкус знакомый. Не из его ли личных запасов?

Проклятье. Что творится в этом дворце?!

Придется еще и с этим разбираться. А он так устал...

— Твои люди, Таныл-шан, пытались выкрасть Анну, — поморщившись от горечи и ближайших перспектив, заявил Канро.

— Пытались? — приподнял брови мальчишка.

— Пытались, — с наслаждением повторил Канро. — Мои люди не зря свой хлеб едят.

— Рад, что тебя окружают преданные воины, — чуть заметно усмехнулся Таныл, с видимой неохотой отставляя чашку. — Но зачем моим людям совершать такую глупость?

— Из-за той же преданности, — вернул усмешку владетель. — Возможно, кто-то хотел подарить тебе шанс на победу... Или же саму Анну.

Мальчишка рассмеялся. Звонко, открыто, совершенно неприлично, запрокинув голову.

Канро терпеливо ждал. И боролся с желанием вцепиться в беззащитно обнажившееся горло.

— Я могу получить и победу, и Анну без нечестных уловок, — широко улыбнулся Таныл, отсмеявшись. — Я уверен в себе и в своих силах. А ты, Канро-шан, неужто полагаешься лишь на то, что может дать тебе эта женщина? Она так ценна? Только ли как аштара?

— Она моя! — не выдержав, вскочил на ноги владетель. И тут же пожалел о своей несдержанности.

Наглец специально выводил его из себя. И он поддался, проявил слабость.

— А она об этом знает? — невинно уточнило рыжее порождение изнанки Грани.

У Канро непроизвольно дернулось левое веко.

Наверное, он и правда слишком измотан для того, чтобы общаться с такими наглецами и при том не желать придушить их на месте.

Гостевое крыло Канро покидал в куда более мрачном расположении духа, нежели раньше.

Мог ли Таныл стоять за покушениями на Анну? Мальчишку невозможно прочесть. И обвинить — тоже. Нужны более весомые доказательства, чем простые, необоснованные подозрения. Но... При всей нелюбви к рыжему владетель скрепя сердце признал, что и сам не верит в его виновность.

Было еще кое-что, окончательно лишившее покоя. Как бы мальчишка ни бесил, в одном он все-таки прав: ключик к сердцу Анны

подобрать не удалось. И удастся ли вообще?

Столь долгожданная частичка мира оказалась не только сильной, но и упрямой. И если поначалу это забавляло, то сейчас начинало злить. И к стыду своему, Канро сам не мог сказать, что будет, когда злость перерастет в ярость.

А она обязательно перерастет. После случившегося сомнений в этом практически не оставалось.

Бессонная, полная переживаний ночь вновь взяла свое, и проснулась я далеко за полдень. Вернувшись Тэйа долго охала и ахала, сокрушаясь из-за моего бледного вида и вчерашних злоключений. Еды она не принесла, пояснив, что меня ожидает обед с шэт-шаном. Не было печали... Я хотела проверить, как Йонто, а вместо этого придется фальшиво улыбаться и делать вид, что все прекрасно. Ох, если бы...

Я полагала, что отныне не смогу без страха взглянуть на владетеля. Думала, что при его приближении попросту сбегу. Но при встрече отчего-то не испытала ожидаемого ужаса. Было недоумение и недоверие, а вот страх... Он тоже, конечно, присутствовал, но какой-то обыденный. Привычный.

Возможно, попытайся Канро-шан коснуться меня, и все бы изменилось, но он держался на расстоянии, и, что удивительно, даже сила его почти не ощущалась.

Обед прошел напряженно. Вчера я не особо соображала, что делаю, и, боюсь, наговорила много лишнего. Вряд ли здесь принято беспокоиться о практически незнакомых стражах, в чьи обязанности в общем-то и входит рисковать жизнью. А я...

А что я? Я из другого мира! И страж для меня такой же человек, как и Канро-шан. Уж простите, не привыкла я, чтобы на моих глазах люди гибли. Моя тонкая душевная организация с каждым мигмом, проведенным во дворце, истончается все больше и больше. Скоро вовсе ничего не останется, и получите вы, уважаемый владетель, ненормальную аштару. Желаете? Нет? Ну и нечего тогда с неприличными вопросами и подозрениями приставать...

К концу обеда, похожего на допрос, Канро-шан заметно успокоился, и я перевела дух.

А потом меня потащили к лекарю. Как же, драгоценная аштара, пока еще вроде бы нормальная, вчера была ранена и напугана... Как-то все сказалось на ее здоровье? В итоге от царапины, громко поименованной раной, и следа не осталось; от раздражения, вызванного чрезмерным интересом к моему самочувствию, — тоже. Благодаря целебным чарам я была бодра, здорова и благодушна. Последнее, впрочем, изрядно подпортило то, что в лекарском покое, в котором меня оставили наслаждаться тишиной и уединением, появился Таныл собственной персоной.

— Не знаю, где еще можно тебя поймать без охраны, — посетовал он, нахально расположившись рядом со мной на широком диване, усыпанном разномастными подушками.

— Не надо меня ловить, — нахмурилась я, отодвигаясь. Еще и подушку побольше схватила. Так себе оружие, но, если противника от души по темечку приложить, фора будет. — Таныл, послушай...

— Тан, — перебил он. — Разрешаю тебе называть меня кратким именем.

— А для этого нужно разрешение? — озадачилась я. — Серьезно?

— Seriously, — кивнул рыжий владетель. — Это же личное. Если тебе позволяют называть себя кратким именем, значит, считают тебя важной частью своей жизни. Если ты называешь так кого-то, то тоже признаешь его важным для себя. Ана...

— Анна, — строго поправила я. — Послушай, Таныл, что тебе нужно? Чего ты добиваешься? В прошлый раз я ясно дала понять, что не расположена...

— В прошлый раз я неверно обозначил свои намерения, — перебил он, глядя столь проникновенно, что руки зачесались использовать подушку немедленно. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой и матерью моего наследника.

— А ничего, что наследника тебе может родить только чистокровная шэти? — хмыкнула я, крепче — во избежание соблазнов — обняв подушку.

Вот и пригодилась полученная из книг информация. И если кто-то думает, что может легко и просто надуть наивную попаданку, то крупно ошибается!

— Не только, — покачал головой Таныл. — Истиннокровные дети могут рождаться и в союзе с сильными магами. Или с аштарам.

Другое дело, что, в отличие от магов, аштар принудить нельзя, детей в таких браках никогда не рождалось. От вас можно получить лишь то, что вы захотите отдать добровольно. Удивительно...

— Удивительно, — согласилась я. Хотя какая-то защита от окончательно обнаглевших шэтов. Несовершенная, но совершенства, похоже, во всех мирах в принципе не существует. — Сразу предупреждаю, от меня ты наследников не дождешься, так что можешь даже не стараться.

— Я понимаю, — помолчав, сказал Таныл. — Понимаю твой страх. Ты считаешь, что я ничуть не отличаюсь от Канро. Или же что я могу измениться, забыть о своих обещаниях. Обоснованные сомнения. Нелегко доверять таким, как мы. И винить в этом, кроме нас самих, некого. Но... Если я предложу тебе не обычный брак? Если я предложу тебе разделить со мной душу? Что скажешь?

Что мир окончательно сошел с ума. Я знала — из тех же книг, — что это предложение означает стать не просто женой, которую легко можно предать и заменить, а единственной на всю жизнь. Эшени. И в таких союзах смерть одного супруга для другого ничего хорошего не сулит.

— Не удалось украсть, так пытаешься соблазнить? — скептически поинтересовалась я.

— Ты тоже считаешь, что я к этому причастен? — обиделся Таныл.

— Кому я еще сдалась? — справедливо заметила я. — Только тебе да Канро-шану. И вовсе не в качестве эшени.

— Ты не слишком романтична, — вздохнул он.

— Окружение не вдохновляет, — пожалала плечами я. — Ты и сам в любовь не веришь, раз предлагаешь такое первой встречной.

— Любовь? — усмехнулся Таныл. — Нечто призрачное и неуловимое, чего можно тщетно прождать всю жизнь? Что делает слабым, лишает воли и способно свести с ума, а то и в могилу? Я верю в любовь, именно потому и не хочу с ней столкнуться.

— Оригинально, — растерялась я.

Он прищурился и довольно улыбнулся.

— Поверь, нам будет хорошо и без любви. Ты подаришь мне силу. Я тебе — защиту. От всего и ото всех. Даже от себя самого. Подумай

как следует. Ответ дашь после поединка. Каковым бы ни был его исход, если ты того пожелаешь — я заберу тебя отсюда.

Если я того пожелаю...

Мир словно отдалился, стал зыбким, прозрачным. И лишь Таныл воспринимался реальным.

Я смотрела на него и понимала: не врет. Я четко видела, что ждет меня, если соглашусь стать его эшени.

Сине-золотые стены дворца, дорогое его убранство, и трон роскошный, широкий, на двоих рассчитанный. Возмужавший, не утративший ни лукавства, ни красоты Таныл на том троне — и я, сидящая по правую руку от него. В богатых одеждах, с тяжелой прической, и в волосах моих бриллиантов больше, чем звезд на небе, — сияют крохотными искорками, переливаются...

Моя рука в руке Таныла.

И пусть между нами не любовь, которой он так боится, а крепкая привязанность и уважение, но... нужно ли большее для того, чтобы прожить счастливую жизнь?

Миг — и мир вновь обрел ясность и твердость. Видение исчезло, оставив странное ощущение. Доверие к рыжему шэт-шану.

— Я не тороплю тебя с ответом, — тихо сказал Таныл. — Подумай. Просто подумай. Я буду ждать.

Ждать он будет... Да пусть ждет! Как бы ни была заманчива мелькнувшая картина... Это не мое. Не для меня. Это...

Шанс выжить.

Оставить ни с чем Канро-шана. И Йонто — со связавшей его на всю жизнь клятвой. Очень сильно сомневаюсь, что Таныл позволит забрать из дворца моего стража. Даже если я попрошу... Особенно если я попрошу.

Нет, такие шансы мне не нужны.

Проблем добавило еще и то, что из покоев меня выпускать запретили. Выяснилось это, когда я, поздним вечером вернувшись от лекаря, переоделась и вознамерилась навестить Вэйнару. Куда там... Хоть в окно вылезай, право слово! И вылезла бы, не будь под ним охраны, душевно пососоветовавшей плотнее закрыть створки.

Вэйнара пришла сама, благо насчет того, чтобы не пускать гостей, распоряжений не имелось. На шэти был темно-синий, расшитый драгоценными камнями плащ с капюшоном, который она откинула,

лишь оказавшись в комнате. Убедившись, что мы одни, Вэйнара сняла плащ и протянула мне.

— Йонто от меня сбежал, — пожаловалась она. — К лекарю он не обратится, дурная гордость не позволит. А ты...

— Я пойду! — выпалила я, схватила плащ и набросила на себя.

Кто разберет, та же женщина вышла из покоев или совсем другая?

— За мной не следят, а потому внимания ты не привлечешь, — сказала Вэйнара, застегивая мелкие пуговицы и поправляя глубокий капюшон. — Но утром я должна увидаться с Канро, так что...

— Я вернусь раньше, — пообещала я.

— Не торопись, — покачала головой шэти. — Не бросай его... сейчас. Может, хотя бы с тобой он поговорит... — Она закусил губу, нерешительно замаялась. — Анна... Если я о многом прошу...

— Нет! — перебила я. — Нет, все в порядке.

— Спасибо, — слабо улыбнулась Вэйнара, хотя это я должна была благодарить ее за возможность погонять кое-чьих неоправданно разжиревших тараканов.

Шэти оказалась права: никто даже не попытался меня остановить, когда я покинула дворец. Плащ надежно прятал не только мое лицо, но и сумку с лекарствами, которую я крепко прижимала к себе. Делая вид, что неспешно прогуливаюсь по саду, я подобралась к отведенным стражам помещениям. Йонто, как старшему эраниру, достался отдельный, пусть и крошечный, домик. Напротив располагался точно такой же, судя по светящимся окошkam, не пустующий. Значит, нормально войти не получится — мало ли кто заметит. Мало ли кто узнает...

Позади домика шелестел резными листочками высокий кустарник, защищающий от посторонних взглядов. Под темным окошkom, до которого я вряд ли бы допрыгнула, удачно росло дерево.

Наверное, есть в здешнем воздухе что-то такое... сумасшествию способствующее. Раньше я вела себя куда приличнее, да.

Я сняла и аккуратно сложила на травке плащ, избавилась от верхнего платья, оставшись в брюках и тонкой вышитой тунике. Да здравствует свобода движений! Перекинув через голову ремень сумки, с замиранием сердца подошла вплотную к стене. Окно открыто, и это хорошо. И вообще, всего лишь первый этаж... Правда, этажи тут высоченные, с нашими не сравнить. Зато ветви у дерева толстые,

крепкие и до самой нижней дотянуться не проблема. А там только и надо, что перебраться на следующую и уже по ней переползти к окну... Такое даже я осилю. При очень, очень сильном желании.

И каким-то чудом я действительно справилась. Неизящно перевалилась через подоконник, рухнула на колени и поперхнулась облегченным вздохом, когда в непосредственной близости от моей шеи сверкнул клинок.

Я зажмурилась. Раздался звон, невнятное ругательство, и в комнате стало светло. Рискнув приоткрыть глаза, я виновато посмотрела на бледного Йонто, перевела взгляд на валявшийся на полу меч...

Незваных гостей тут явно не любят.

— Ана... Что ты делаешь?! — выдохнул он, убедившись, что я очень даже настоящая, а не воплощение ночного кошмара.

— Порочу твою репутацию, — нервно усмехнулась я, вставая. — Подозреваю, по меркам Эйторры это крайне неприлично...

— Где твоя одежда?! — разглядел Йонто мой вызывающий для местных нравов вид.

— В кустах. — Я прижала сумку к груди и внезапно почувствовала себя... неодетой, ага. — Знаешь ли, во всех этих тряпках очень неудобно лазить по чужим окнам...

— Ты в своем уме?! — простонал он, а в следующую секунду на мои плечи опустилось покрывало. Йонто закрыл окно, задернул плотную штору и укоризненно воззрился на меня.

— Уже не уверена, — призналась я, избавившись от сумки и послушно закутавшись в мягкую ткань. — Вчера выдался поистине чудесный день. Сначала меня пытались отравить, потом на моих глазах осушили человека, потом нас хотели сожрать жуткие монстры и порубить на кусочки какие-то психи... А в завершение ты чуть не умер. Как думаешь, реально ли не сойти с ума в таких условиях? Кстати, ты шатаешься. И руки у тебя дрожат. И какого лешего ты сбежал?

— Какого... кого? — растерялся Йонто, отступая под моим натиском к низкой кровати.

— Того. — Я легко толкнула его в грудь, вынуждая сесть. — Если ты думал, что я оставлю тебя в покое...

— Ана... Тебе не стоило приходить, — помрачнел он. — Ты...

— Жива и совершенно здорова, — заверила я, примостившись рядом, накрыв его ладони своими и не позволив ему отдернуть руки. Знаю я, что у него в голове. Как бы еще все лишнее вытряхнуть...

— Я видел, что тебя ранили. Я...

Точно, угадала. Надумал, накрутил себя, теперь мучается.

— Йонто... Я взрослая. И сама несу за себя ответственность. Ты не виноват.

— Я не смог защитить тебя, — пробормотал он.

— Ты сделал все, чтобы я выжила. И я выжила. Смотри, я здесь, с тобой. Живая. Видишь? Благодаря тебе. Всегда — благодаря тебе. Без тебя меня в первую же ночь слопал бы чентоль. Хотя это было бы к лучшему. Ты бы никогда об этом не узнал, не взвалил на себя груз ответственности и сейчас не убивался из-за ерунды...

— Ана!

— Слишком много болтаю, да? Прости. И позволь взглянуть на рану. Нужно сменить повязку.

— Нет, — мягко, но решительно отвел мои руки он.

— Дело в ийтале? — прямо спросила я. — Если да, то я все знаю. Не дергайся, пожалуйста, бежать некуда. И поздно. И вообще...

Йонто все-таки встал. Отошел к стене, прижался к ней лбом...

Я тоже поднялась. Потопталась в нерешительности, едва не запуталась в покрывале. Сбросила его — вот же глупости, а! И позвала, словно окаменевшего упрямца:

— Йон!..

Я же могу? Могу так тебя называть? Ты позволишь? Дашь мне это право?

— Да? — откликнулся он после целой вечности молчания, и у меня словно гора с плеч упала.

Однако со стеной расставаться Йонто не спешил. Как бы возле нее и не прилег... Пришлось практически за руку отвести к кровати. А потом уже спросить...

— Почему не рассказал?

На ответ особо не надеялась, но случилось чудо.

— Сначала я тебя совсем не знал. А потом... потом боялся потерять.

На меня он не смотрел. Отвернулся, стиснув руки.

Не самый приятный разговор, понимаю. Но нужный. Нам обоим.

— Дила. Она знала, кто ты. — Это был не вопрос. Утверждение.

— Она увидела ийтадь... И я не стал скрывать. Тогда я думал, что... А, не важно. В то, что я не преступник, она не поверила.

— И ты решил, что я тоже не поверю?

Йонто упрямо сверлил взглядом стену. Я легко коснулась его щеки и улыбнулась.

Все хорошо. Я рядом. И...

— Мне все равно, в какой узор складывается твой ийтадь. Я знаю тебя. Этого достаточно.

— Зря я так решил, — вздохнул Йонто. — Ты слишком доверчива. Доверяешь там, где стоило бы поостеречься. Считается, что подобные мне опасны. Что остатки силы способны пробудиться и свести с ума. Я мог причинить тебе вред...

— Дурной ты, — хмыкнула я и, не удержавшись, взъерошила его волосы. — Да, дури в тебе много... А вот зла нет.

— Дури и в тебе хватает, — вернул комплимент Йонто, и я заметила, что он расслабился. Ушла из взгляда затравленная настороженность, а из тела — болезненная напряженность. Будто к удару готовился, право слово...

— Ну так... Подобное тянется к подобному. Хотя это и нехорошо. Кто-то же должен быть взрослым и рассудительным. — Я вздохнула, будто и впрямь ощутив груз свалившейся на меня рассудительности, и строго добавила: — Раздевайся. И не волнуйся, обещаю вести себя прилично.

Йонто слабо усмехнулся, покорно стянул рубашку и повернулся ко мне спиной. Я вытряхнула содержимое сумки прямо на постель, вооружилась чистой тряпицей и флаконом с голубоватой заживляющей жидкостью... Да так и застыла.

Рану прикрывала аккуратно наложенная Вэйнарой повязка, которая уже пропиталась кровью. Закусив губу, я глубоко вдохнула, выдохнула — и принялась за работу. Никакой жалости. Никаких эмоций. Все — потом. А сейчас нужно полностью сосредоточиться на собственных действиях. Нет, лекаря из меня точно не выйдет. Антиталантов в моем арсенале побольше, чем талантов, наберется...

Приладив свежую повязку, я перевела дух... и вновь едва не разревелась. Дело было сделано, и эмоции вернулись в полном объеме.

Рана выглядела, конечно, ужасно, но самое страшное заключалось в том, что в жизни Йонто она была не единственной.

Шрамы. Сколько же их! Тонкие, как паутинка, и неровные толстые рубцы, свежие, недавно зажившие, и старые, белесые от времени. Они расчертили не только спину, но и руки. И в местах пересечения со шрамами йталь казался совсем безжизненным. Когда-то эти узоры меня заморозили. Сейчас же я видела, что они пусты и неправильны. Искривленные пути для силы, от которой отрезали ни в чем не повинного ребенка. Удивительно, как он сумел не озлобиться на мир, который был к нему так несправедлив?

Бедный ты мой. Как же нелегко тебе пришлось...

Я провела кончиками пальцев по самому длинному шраму на плече, неровному, перетекавшему в другой, почти незаметный.

— Что ты делаешь? — вздрогнув, напрягся Йонто.

— Ничего, — горько вздохнула я.

Хотела бы я стереть их... Не только с тела, но и с души.

Он развернулся, перехватил мои вмиг ослабшие руки и заглянул в глаза, перед которыми все подозрительно расплывалось.

— Не думай об этом, — попросил тихо и устало. — Зачем плакать из-за того, что давно осталось в прошлом?

Йонто осторожно смахнул с моих щек влагу, и только тогда я поняла, что действительно плачу. Возможно, теми самыми слезами, что так и не выплакал он. Он ведь гордый. И удивительно беззащитный, хотя и такой сильный. И я знаю, что он не боится умереть, и от этого мне страшно, так страшно, что в глазах темнеет, а в груди становится горячо и тесно, и совершенно нечем дышать.

И кто бы подсказал, как с этим всем можно справиться!..

Ана снова плакала. На сей раз — из-за него. Узнав правду, она не испугалась. Не разозлилась. Она по-прежнему верила ему. И плакала... Это было непривычно. Неправильно. Но... это было. И что с этим делать, Йонто не имел ни малейшего представления.

Наверное, именно от растерянности, граничащей с отчаянием, он и сделал то, о чем не смел даже мечтать. Привлек ее к себе. Обхватил руками, словно желая спрятать от всех невзгод. Запутался пальцами в распустившихся волосах...

Такая теплая. Нежная. Безумно слабая и вместе с тем — смелая.

Солнце в ладонях.

И это солнце принадлежало другому миру.

Она скучала по дому. Стремилась туда всем сердцем, что сейчас доверчиво билось рядом с его.

И понимание, что рано или поздно придется ее отпустить, причиняло боль.

Останься. Я защищу тебя. Защищу от всего и ото всех, только останься. Здесь. Со мной. Навсегда.

Хотелось кричать, и Йонто стискивал зубы и крепче сжимал в объятиях притихшую Ану. Если он скажет это, она поверит. Ни на миг не усомнится. Но сдержит ли он обещание? Здесь для нее слишком опасно. И даже если он жизнь на ее защиту положит, что будет с Аной потом? Нет, не место ей в его мире.

Она как-то сказала, что попала в неправильную сказку. И правда. В правильной с ней оказался бы мужчина, способный ее защитить, сильный и уверенный, не допускающий и тени сомнений в собственной победе.

Неправильная сказка. Неправильный герой.

Йонто зажмурился, задержал дыхание, собираясь с мыслями.

Неправильный, да. Но он сделает все, чтобы финал этой сказки был счастливым.

ГЛАВА 11

Агрийо явился к ночи. С заданием он справился, вот только и Канро бездельем не маялся. Пусть шэт-шану не к лицу заниматься подобным, но сидеть сложа руки он просто не мог. Хватит, насиделся. А в итоге дворец превратился в змеиное гнездо.

Всех, кто был так или иначе связан с Араей, подвергли допросу. И столько интересного выяснилось... Ряды стражи заметно поредели. Слуг — тоже. И вроде бы и клятву они не нарушали, но... Порой дурость — преступление куда худшее, нежели расчетливое предательство.

И это преступление вполне можно вменить самому владельцу.

Арая... Невинное светловолосое создание. Как же так получилось, что никто не заметил червоточинку, со временем полностью ее поглотившую?

— Они с госпожой поссорились, — негромко докладывал Агрийо. — Девушки утверждают, что Арая была зла и очень долго не могла успокоиться. И что грозилась поставить, хм, «бесстыжую выскочку» на место... Это нашли в ее вещах. — Он с поклоном опустил на стол деревянный поднос.

— Что это? — безглаголиво поморщился владелец, рассматривая грубо обработанный бесцветный камень в медной оправе, связанный толстой красной нитью пучок черных перьев и два плотно закрытых стеклянных сосуда, в одном из которых плескалась голубоватая жидкость, а в другом слабо сияли прозрачные мелкие кристаллы.

— Она была магом, мой господин...

— Знаю, — нетерпеливо дернул рукой Канро. — Очень слабым. И что?

Он хорошо помнил первую встречу с ней. Одурманенная Сверкающей, перепуганная. Красивая. Через пару лет на предусмотренной для магов ее уровня работе от той красоты не осталось бы и следа. Владелец ее пожалел. Закрыв глаза на недовольство советников. Дал ей то, о чем она даже мечтать не могла.

Что Арая о себе возомнила? Хотела его спасти? Сама она до этого додумалась или же нет, не важно. В любом случае глупость наказуема.

Очередное доказательство, что нельзя поддаваться жалости. Ни к чему хорошему это обычно не приводит.

Агрийо вновь поклонился.

— Она столкнула госпожу Анну с площадки. Заморочила, вытянула силы... А потом, — указал звездочет на перья, — уничтожила следы.

Простой и эффективный способ — завязать чары на подобную вещь, чтобы скрыть их. Но...

— У нее не хватило бы сил, — возразил Канро.

— С этим, — указал Агрийо на камень в оправе, — хватило бы.

— Тайро, — вздохнул владетель. — Наверняка его фокусы.

Девчонка умела казаться беззащитной и невинной. Тай же... Спаситель сирых и убогих. Когда он наконец научится думать? Когда поймет, что далеко не все заслуживают доверия и помощи?

— Это, — сухой палец звездочета коснулся сосуда с жидкостью, — очень интересное зелье. Ингредиенты самые обычные и доступные, но сил и умений вложить в него надо немало. Оно безобидно и лишь слегка дурманит разум. Но близость божественного огня многократно усиливает эффект.

— Танец в честь Великого предка, — прикрыл глаза Канро.

В голове не укладывалось, как этой никогда не блиставшей умом девице удалось все осуществить. Продумать план, просчитав реакцию и дальнейшие действия советников, раздобыть необходимое...

Сама? Да, были те, кто ей помогал. Мелочи, по отдельности не заслуживающие внимания. Что-то принести. Прикрыть. «Забыть» доложить владетелю о подозрительной активности в гареме... Но ничто не указывало на то, что действовала она не одна. И это было в высшей степени странно.

Расслабляться не стоит. Если был кто-то еще... Рано или поздно он себя обнаружит.

Мог ли это быть Таныл? Арая не общалась ни с ним, ни с его свитой, что, впрочем, ничего не доказывало. Мальчишка хитер и осторожен, и со счетов его сбрасывать нельзя. Ему нужна Анна... или поражение Канро. Или и то и другое сразу. Слишком большое искушение... А Таныл явно из тех, кто ради победы готов рискнуть всем. Даже столь необходимой ему аштарой.

Владелец болезненно поморщился. Зря он поспешил. Не смог... нет, не захотел сдержаться. В тот миг он и вовсе ни о чем не думал. Ярость ослепила, лишила разума... И теперь приходится по крупницам собирать то, что можно было бы вытрясти из дурной девчонки сразу.

— Зелье она подлила в воду, — продолжал Агрийо. — Все оказались под его действием. Но вдали от божественного огня риска не было.

Только не для жрицы. И не для Анны.

Проклятье... Надо лучше следить за жизнью гарема. Похоже, у них слишком много свободного времени. И возможностей. И дури в головах.

— А это, я полагаю, тот самый яд, которым пытались отравить Анну, — кивнул на кристаллы Канро.

— Без вкуса и запаха, мой господин, — подтвердил Агрийо. — Видимо, она полагала, что такой сгодится и для аштары.

Владелец устало откинулся на спинку кресла. Наверняка тот чудесный чаек, что пришелся по вкусу Танылу, тоже ее рук дело. Надеялась взять не качеством, а количеством? Упрямая. Кричала о его благе, а сама... Затаила-таки обиду. Нет, не стоит больше связываться с подобными девицами. Добро они все равно не ценят, а пригреть на груди очередную змею совершенно не хотелось.

Кстати о змеях...

— Агрийо.

— Да, мой господин?

— Напомни-ка, где следопыты обнаружили Анну?

— В окрестностях Янтры, мой господин, — без раздумий ответил звездочет.

— Там же живет и дочь Паллира?

— И в самом деле, мой господин. Занимательное совпадение.

— Совпадение, — протянул Канро, прикрыл глаза и медленно выдохнул, гася вспыхнувший в груди огонь. — Конечно же совпадение. Занимательное, да.

Порой в жизни творятся поистине занимательные вещи.

Чего только стоит близорукость одного владельца, вовремя не сумевшего сопоставить некоторые факты.

Теперь бы решить, что с ними делать... И при этом — не ошибиться, ибо цена ошибки может оказаться слишком высокой.

Странно получилось: я шла к Йонто, намереваясь ему помочь, а в итоге он помог мне. А я... Я ревела. А потом и вовсе заснула, сама не знаю как. И впервые за долгое время спала по-настоящему крепко и безмятежно, чувствуя себя в полной безопасности.

Вернулась я до рассвета. Еще и подремать успела, прежде чем за мной явились и торжественно объявили, что владелец желает видеть свой подарочек.

Кабинет шэт-шана был небольшим и светлым. На одной стене висела голова жуткого монстра с оскаленными клыками, длинными и острыми, точно кинжалы. Противоположную занимала объемная карта Эйторры. Я рассматривала ее, потом — карманного размера портрет в овальной рамке, и вновь переводила взгляд на карту...

С портрета улыбалась юная девушка.

Золотые волосы. Медовые глаза. Пушистые ресницы.

Я знала ее. Это она помогла мне сбежать от торговцев, несомненно. Слишком уж яркая и красивая, такую ни с кем не спутаешь. И теперь я должна сказать нервно вышагивающему по кабинету Канро-шану, где она находится... Да даже попытка это разузнать была бы черной неблагодарностью!

— Ну что? — в который уже раз спросил владелец, останавливаясь рядом.

— Ничего, — пожала я плечами. — Все-таки я не экстрасенс, по фотографиям людей не ищу...

— Что? — нахмурился он, услышав незнакомые слова.

— Не могу найти, — солгала, отводя глаза. — Я...

— Ты силу не используешь, — подловил владелец. — Это несложно, Анна. Коснись карты, будет легче. И скажи наконец, где пропадает несносная девчонка!

— Она что-то натворила? — уточнила я.

— Сбежала, — скрипнул зубами Канро-шан. — Практически из-под венца.

— Она ваша невеста?! — ужаснулась я.

— Упаси Великий предок, — вздрогнул владелец. — Фиранэла — невеста Тайро.

Наследник по ветреной нареченной явно не тосковал, похоже, ее побега он и вовсе не заметил.

— Она дочь владельца Сайдо, — ткнул шэт-шан в объемное изображение соседнего шэтхо. — И он тоже не знает, где ее носит. И жива ли она вообще...

Я поежилась. Жива? Она же не одна. С таким парнем, как ее «ниндзя», не пропадешь. Но...

Я просто посмотрю. Для себя. Необязательно говорить Канро-шаку...

И я потянулась к карте. Коснулась ее края, закрыла глаза, перед которыми тут же встала Фира — такая, какой я запомнила ее.

Где ты? Что с тобой? Отзовись!

Карта будто вспыхнула. Занялась багрянцем и золотом, засияла... И собрала весь огонь в одном-единственном месте. В то же время сердцу стало тепло и спокойно.

Жива. Здорова. Счастлива.

И никто ее этого счастья не лишит, даже если очень сильно пожелает.

— Она здесь, — указала на карту я.

— Не может быть! — опешил Канро-шан, круглыми глазами уставившись на пики Чентолева хребта.

— Вы мне не верите? — нахмурилась я.

— Верю, — выдохнул владелец. — Прекратить поиски, — отрывисто приказал он застывшему у дверей звездочету. — Пусть эта взбалмошная девица делает, что вздумается. Хочет сгинуть — так тому и быть.

— Но, мой господин... — робко возразил Агрийо. — Союз с Сайдо...

— Мне не настолько нужен этот союз, — процедил Канро-шан. — Если Тэхану дорога его дочь, пусть сам за ней отправляется.

Он еще что-то говорил, отдавал какие-то распоряжения, а я неотрывно смотрела на Чентолев хребет, за которым искусно изобразили таившихся во мраке чудищ, и все отчетливее понимала: более безопасного места во всех мирах не сыщешь. И оно с радостью примет одну маленькую испуганную аштару, ежели будет на то ее воля...

Будет ли?

Я перевела взгляд на Канро-шана. И, как тогда с Танылом, мир снова утратил реальность.

Я видела...

Тот же кабинет. И владельца, перебирающего бумаги. На его висках серебрится седина, на губах играет легкая улыбка. Он смотрит на меня, сидящую в уютном кресле у стены. Я смеюсь. Что-то быстро говорю, вновь заливаюсь смехом и глажу монстра, по какому-то недоразумению зовущегося псом. Монстр повизгивает, словно щенок, и совершенно счастлив. Как и владелец. Как и я?

Мои губы улыбаются, но взгляд — безжизнен и пуст.

Мгновение, другое... И картинка возможного будущего осыпалась сияющими блестками, уступая место настоящему. И в этом настоящем мое сердце нестерпимо заныло.

Гадалка — кем бы она ни являлась на самом деле — не солгала. Передо мной лежало три пути. И лишь два из них виделись широкой дорогой.

Канро-шан. Если я перестану упрямиться, отрину свои принципы и доверюсь ему... он не тронет меня. О нет. Напротив, будет сдувать пылинки. Исполнять капризы, даже самые безумные. Да, я стану птицей, запертой в золотой клетке, но птицей сытой, балованной, а главное — живой.

Таныл. Его дворец никогда не превратится в клетку. Его воля никогда не сломит мою. А его сердце будет верным, хоть никогда и не сможет согреть меня любовью.

Третий же путь казался бездорожьем. Будущее терялось в молочно-белом тумане, зато настоящее... Здесь и сейчас, кроме страха и неопределенности, было то, от чего я уже не смогла бы отказаться. Тепло надежной ладони. Золотые искорки в карих глазах. Спрятанное в глубине души счастье, щекотно-воздушное, как одуванчик, яркое, как солнце... То самое счастье, которого никогда не будет на удобных дорогах, сулящих долгую жизнь.

Жизнь без смысла.

Пока я предавалась странным видениям и невеселым размышлениям, Канро-шан закончил с распоряжениями и переключил внимание на меня.

— Поединок состоится в полночь. Отдохни, времени достаточно.

— Что? — растерялась я. — Ваш поединок с Таныл-шаном? Я тоже должна присутствовать?

И делиться с ним силой? Сейчас? Когда я и помыслить о том без дрожи не могу?!

— Ты видела, — тихо произнес владетель. — Видела, что произошло... тогда.

Отпираться было глупо. Надевать маски я научилась, а вот держать их...

Страх, увы, тоже контролю не поддавался. Слишком уж наивна я была, полагая, что справилась с ним.

— Поэтому захотела покинуть дворец. Поэтому боишься... — Канро-шан подошел ближе, заметил, как я невольно шагнула назад, и остановился. — Анна, ее все равно бы ждала казнь, — вздохнул он. — Закон есть закон. И об этих законах знают все. Знают, чем обернется их нарушение. А о том, что будет с рискнувшим покуситься на тебя, я объявил в первый же день. Каждый сам волен решать, как ему поступать. Каждый должен быть готов к последствиям своего выбора. Что же касается Арай... Я мог бы сказать, что мне жаль, мог бы убедить тебя в своем раскаянии, но... Ты не заслуживаешь лжи. Единственное, о чем я жалею, — что ты все видела. Не для аштары такое.

А для кого, интересно? Увидеть подобное и злейшему врагу не пожелаешь.

— Я понимаю, что тебе нелегко. И силы не потребую. Ты должна успокоиться, принять ситуацию, а потом... Я верю, что мы все решим.

Как же у него все просто...

А может, так и есть? Может, это я все усложняю? И ничего ужасного в произошедшем нет?

Но эти мысли и обдумать-то не получалось, все мое существо яро тому противилось.

В одном я была согласна с Канро-шаном: не для аштары такое.

— Анна?

Я с трудом сглотнула и кивнула.

Нужно тянуть время. Так долго, как только смогу.

— Что насчет поединка? — явно обрадовался какой-никакой реакции владетель. — Это тебя ни к чему не обяжет. Если понадобится помощь мага, там будет Агрийо. Тебя же я зову как гостью. Я не настаиваю, решать только тебе.

— Я согласна.

Почему бы и нет? С безопасного — надеюсь! — расстояния полюбоваться, как шэт-шаны будут выяснять отношения... Своего рода компенсация за потраченные по их милости нервы.

— Отлично, — улыбнулся Канро-шан. — Тогда за час до полуночи за тобой придут.

К назначенному времени я была готова. Удобный наряд темных тонов, собранные в простой узел на затылке волосы... Практически походный вариант.

Я нервничала. Не из-за предстоящего действия, а потому, что за весь долгий день так и не удалось проведать Йонто. И ночью, полагаю, тоже не выйдет. Он, конечно, обещал, что обратится к лекарю, но тревога все равно не давала покоя. До того мига, как в мои двери аккуратно постучали...

Вместо стражей за порогом стоял Йонто. Вполне бодрый, собранный, в привычной уже форме.

Восклицание, какого Великого предка он тут делает, я успела проглотить в самый последний момент.

— Госпожа, вас ждут, — поклонился Йонто.

Меня-то ждут. А вот тебя-то кто из постели выгнал?! Неужто Канро-шан...

— Я сам попросил, — сказал едва слышно он, когда мы чинно шли по пустому коридору. — Больше я тебя не оставляю.

Не оставишь, ага. Только кровью истечешь, если рана откроется, а так все в порядке!

И представлять не хочу, какое у меня сейчас лицо. Попадется кто навстречу, наверняка испугается.

— Уже все зажило, — так же тихо сообщили мне, безошибочно уловив мое настроение. — На шэтах все как на нечисти затягивается.

Видела я, как на тебе затягивается. До конца жизни не забуду.

Желание высказаться достигло предела. Поняв, что сейчас попросту лопну, я развернулась... наткнулась на теплый взгляд и обезоруживающую, немного виноватую улыбку... и успокоилась.

Хорошо. В конце концов, как бы я сама поступила на его месте? Смогла бы отпустить?

У главных ворот нас уже ждали: Канро-шан, облаченный в черно-алые одежды, Агрийю, традиционно притворяющийся тенью, Таныл в

сине-золотистом наряде и молчаливо держащиеся за его спиной пужины. Маг и страж из свиты рыжего шэт-шана.

На лунную тропу я ступала с осторожностью, привыкла уже к теновым. Но оказалось, что лунные, хоть и намного длиннее, все же легче и безопаснее: от них не кружилась голова, а сердце не норовило выскочить из груди. Главным было не сойти с узкой голубоватой полоски, прорезавшей мрак. И по сторонам не смотреть... Жутковато все-таки идти сквозь туманное ничто.

Тропа вывела на ровную каменную площадку. За ее краем плескалось море тьмы, а вверху... Сияла невероятно огромная луна, и небо, пропитанное ее светом, казалось серебряным.

От этого контраста захватывало дух.

— Один из древнейших храмов Великого предка в Эйторре, — повернулся ко мне Канро-шан. — Раньше все самые важные дела решались в подобных местах.

— Вы будете биться здесь? — уточнила я, оглянувшись на появляющихся словно из ниоткуда спутников.

Крыша, конечно, довольно-таки внушительных размеров, но... Подозреваю, что вошедшие в боевой раж тэты начисто позабудут о зрителях, которым, похоже, предстоит бегать от них по всей площадке и умудриться с нее не свалиться. Что-то подсказывало, что высота храма немаленькая...

— Не волнуйся, — усмехнулся Таныл, нахально встав рядом. — Ты в безопасности.

Канро-шан хлестнул его возмущенным взглядом, но сказать ничего не успел. Йонто очень невежливо оттеснил Таныла, сделав вид, что того здесь и вовсе не стояло, и с преувеличенным энтузиазмом поклонился своему владельцу.

— Не спускай с Анны глаз, — приказал Канро-шан.

— Да, мой господин, — вновь поклонился Йонто.

— А я так надеялся, что прекрасная госпожа подарит мне поцелуй на удачу, — трагически вздохнул Таныл и, пока никто не одарил его аналогично действующим ударом в челюсть, подмигнул и приблизился к краю крыши.

Канро-шан скривился. Йонто посмотрел на шутника так, словно мерки для последнего пристанища снимал. Я же поежилась, и вовсе не

от холода. Не оставляло ощущение чужого недоброго взгляда в спину. До мурашек. До желания обернуться... А лучше всего — сбежать.

Я оглянулась, но никого, кроме охранника Таныла, его же мага и Агрийо, не увидела. Кажется, мою интуицию немного перемкнуло...

Йонто шагнул назад, встал прямо за мной. И противное чувство исчезло, позволив наконец-то расслабиться.

Спасибо, мой страж. Что бы я без тебя делала...

— Ничего не бойся, — шепнул он, когда Канро-шан тоже замер у края. — Ничему не удивляйся. И... прости, что не предупредил.

Я только обреченно вздохнула. Какая тайна вылезет наружу на сей раз? И чего от нее ждать? И...

Круговерть мыслей в голове прервал громкий хлопок, после которого шэт-шаны низко поклонились друг другу, а затем, сбросив верхнюю одежду и оставшись в одних брюках, шагнули в пропасть. Йонто поймал мою ладонь, и я сдержала испуганный возглас. А мигом позже в серебряное небо из моря мрака взмыли две крылатые фигуры...

Они застыли в воздухе, удерживаемые мощными взмахами широких крыльев. Сине-рыжих — у Таныла. Черно-алых — у Канро-шана. Я четко видела сияющие не хуже луны глаза владельцев, измененные лица с выступающими из-под верхней губы клыками, мощные когти на сжимающих изогнутые мечи руках, на которых ярко горели линии ийталя.

Золото и серебро.

Я видела это... и не могла отделаться от ощущения, что сплю. Нереальный мир, к которому я худо-бедно привыкла, стал еще нереальнее, хотя казалось — куда больше?

Красиво и страшно. Страшно красиво...

Я знала, что поединки до смерти одного из противников остались в прошлом. Сейчас же просто выясняли, кто сильнее, чья выдержка и мастерство лучше. Существовало множество правил, включающих отведенное для битвы время, разрешенные приемы, определенные ритуалы, но... Поединок есть поединок, шэты есть шэты. Случалось всякое, и невозможно было предсказать, чем все закончится.

Взметнулись вверх мечи — живое воплощение силы, — столкнулись, озарив небо алым всполохом. Раз, другой... И владельцы

закружились в стремительном, жутком, завораживающем танце, неверное движение в котором могло стоить жизни.

Ловкие, гибкие, быстрые... Настолько быстрые, что я перестала их различать — смертельный танец слился для меня в калейдоскоп ярких красок и ослепительных вспышек, вращающийся в безумном темпе под громовые раскаты схлестнувшейся силы.

Случись эта битва на земле — и шэт-шаны запросто снесли бы целый город, не заметив того.

Где-то внизу под гнетом неестественной бури протяжно стонали деревья, но здесь, на крыше храма, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка. Наверняка это место давным-давно приспособили для подобных забав владетелей, без защиты их сопровождение не выжило бы.

Чем дольше я смотрела на невероятный поединок, тем больше проникалась великолепием момента. А потом мое зрение странно раздвоилось. На фоне яростной схватки стихий проступила другая картинка — шэт-шаны двигались, словно в замедленной съемке, позволяя рассмотреть все детали битвы. Интересный эффект... И включился вовремя, будто для того, чтобы одна растерянная от обилия впечатлений аштара увидела, как неловко взмахнул крылом Канрошан, как его повело в сторону, подставляя незащищенный бок... И как Таныл — в самый последний момент и с явным трудом — меняет направление удара, который непременно сокрушил бы противника.

Я вздрогнула, и картинка рассыпалась, вновь став безумными бликами калейдоскопа.

Что это? Почему?

Не успела я придумать ни одного разумного объяснения, как яркий вихрь резко остановился и распался на две крылатые фигуры, в чьих руках медленно таяли мечи. Церемонный поклон — и вот уже оба шэт-шана ступают на крышу храма, величественные, спокойные, словно и не было никакого поединка. И лишь внимательный взгляд мог заметить дрожь пальцев и более тяжелое, чем обычно, дыхание.

Агрийо и маг Таныла шагнули к своим владетелям, подавая одежду. И только когда шэт-шаны облачились, звездочет заунывно возвестил, воздев руки к ясной луне:

— Великий предок свидетель — то был честный бой, и нет в нем ни победителя, ни проигравшего. Ибо такова воля Небес, позволивших

сразиться равным по силе, уму и достоинству, дабы ни у кого отныне и впредь не возникло в сем равенстве ни малейшей тени сомнения!

Сколько словесных кружев, чтобы объявить обычную ничью! И в том, что состоялась она именно по воле Небес, я как раз-таки сильно сомневалась... Но остальных результаты не смутили. Неужели никто больше не заметил? Или... мне просто показалось? От частых потрясений и не такое привидеться может.

Потом над Танылом колдовал маг. Впервые я видела передачу силы со стороны: стоят, взявшись за руки и прикрыв глаза, покачиваются, точно пьяные... Забавно. Канро-шан отмахнулся от сунувшегося было Агрийю, бросил на меня странный взгляд, холодком лизнувший спину, но, вопреки опасениям, слово сдержал и помощи не потребовал.

Возвращались так же, как и пришли, — лунной тропой, которая оборвалась возле главных ворот. Канро-шан был непривычно тих и задумчив, Таныл тоже казался необычно серьезным, а я кусала губы, борясь с желанием задать очень глупый и неудобный вопрос. И, возможно, все-таки не справилась бы с собой, но за воротами Таныл остановился и вежливо поклонился Канро-шану.

— Я изрядно злоупотребил вашим гостеприимством, а потому будет правильным покинуть вас немедленно. Исполните напоследок две просьбы?

— Говори, — кивнул Канро-шан.

Он выглядел утомленным и едва держался на ногах, и я вновь почувствовала себя неудобно. Будто и в самом деле обязана поделиться с ним силой... Но ведь это не так! Я ничего ему не должна. Ничего.

— В полдень я открою тропу для моей свиты, — сказал Таныл, который, напротив, был полон энергии. — Поддержите меня отсюда, чтобы путь вышел быстрым и безопасным.

— Хорошо, — согласился Канро-шан. — Что еще?

— Позвольте попрощаться с Анной. Наедине.

За спиной резко выдохнул Йонто. В глазах владельца вспыхнули алые искры.

Ох, как бы не побили рыжего шэт-шана... На дорожку, так сказать.

Я уже подбирала слова, способные остановить побоище, но Канро-шан меня удивил.

— Недолго. И без глупостей, — бросил он и скомандовал нашей немногочисленной компании: — Оставьте их. Йонто, тебя это тоже касается. И кривиться не надо, это приказ.

На мгновение я испугалась, что Йонто доступно объяснит владельцу, где он видел такие приказы, но... обошлось. Я проводила спины уходящих тоскливым взглядом и неловко переступила с ноги на ногу, плотнее кутаясь в плащ. Кажется, ответ на предложение Таныла придется дать прямо сейчас. Мне не хотелось обидеть его, и при других обстоятельствах... Да, при других обстоятельствах я сочла бы это наилучшим выходом. Но...

— Не нужно слов, Анна, — шагнув ближе, очень тихо промолвил Таныл. — Ты не готова к тому, что я предложил. Я понимаю и принимаю твой выбор. Не думал, что это будет так непросто... Но это все, что мне остается.

— Ты...

— Я не обижен, — покачал головой он. — Признаться, на согласие рассчитывал не особо. Но... Я просто обязан был попытаться. Удача любит смелых, не так ли?

— Тогда ты должен быть необыкновенно удачлив, — рассмеялась я, чувствуя, как тает в груди колкая льдинка. — Поверь, в этот раз тебе тоже повезло.

Рыжий шэт-шан слабо усмехнулся, а я все-таки воспользовалась шансом.

— Таныл... Почему ты так поступил?

— О чем ты? — состроил невинные глаза он.

— Ты мог его ударить. Я видела.

Таныл ответил не сразу.

— Это было бы слишком легко, — наконец сказал он. — И неинтересно. И потом, зачем мне эти несчастные спорные земли, и со своими мороки за глаза хватает...

— Зачем же ты бросил вызов, если победа тебе не нужна? — озадачилась я.

— Все проблемы от чиновников, в чьи дурные головы часто приходят такие же идеи, — хмыкнул Таныл. — Они уверяли, что Канро-шан уязвим и потерпит неудачу, а я... Да, мне не нужна такая победа, но... Было лень с ними спорить, и я просто решил отдохнуть и развлечься. Стоит поблагодарить инициативных советничков за

шикарный подарок, что ни говори, а развеялся я на славу, — хитро подмигнул он.

Вот же балбес... А еще целый владетель!

— Тебе очень идет улыбка, — заметил Таныл, немало меня смутив. — Не позволяй Канро погасить ее. И еще... — Он стянул с мизинца тонкое колечко и вложил в мою ладонь. — Если передумаешь, надень его. Я заберу тебя сразу же. До свидания, Анна.

— Спасибо, Таныл, — улыбнулась я в ответ. — Прощай.

Он грустно усмехнулся, поклонился и пошел к распахнутым воротам, у которых застыли недреманные стражи. Я же не торопилась уходить; было любопытно, как Таныл собирается возвращаться в свое шэтхо.

Едва выйдя за ворота, он разбежался, раскинул руки... Вспыхнули, рассыпались яркие искры, осветившие ночь, и в небо взвился изящный дракон. Его оперение мерцало синим и золотым, такими же были и мощные крылья — главное отличие от низших чентолей с прозрачными, почти невидимыми крыльями.

Стражи у ворот даже не дрогнули. Я же долго стояла, запрокинув голову, не в силах оторвать взгляд от сияющего силуэта.

Что же... Сегодня я узнала, как выглядят и кем на самом деле являются истинные чентоли, о встрече с которыми некогда столь опрометчиво мечтала...

ГЛАВА 12

Распоряжение явиться к владельцу Йонто передали после полудня, и по дороге, мучимый дурными предчувствиями, он пытался понять, зачем понадобился шэт-шану. Точно не в связи с нападением сторожевых псов и прорывом защитных чар. Вопреки ожиданиям, тогда Канро ни в чем его не обвинил. Расспросил о том, что он заметил, об ощущениях в тот момент, и все. Даже позволил сопровождать Ану к месту поединка. Конечно, это радовало, но и настораживало, заставляло гадать, что же на самом деле стояло за необычным благодушием и пониманием владельца.

И вот Канро вновь хочет видеть его. Для чего?

Предчувствия себя оправдали. Едва Йонто переступил порог, как получил приказ, причем не только устный, но и письменный, скрепленный родовой печатью: избавить Прайго от драйтов. Требование не на шутку разозлило. Йонто понимал, что в случае с деревней не было выбора, но сейчас... Он же не единственный охотник на все шэтхо! И вообще...

— Этим должны заниматься шэт-шаны, — буркнул едва слышно, ознакомившись со свитком и подавив желание порвать его на мелкие клочки.

— Что? — продемонстрировал отличный слух владелец. — Тебе наскучило во дворце? Не волнуйся, я в любой момент могу освободить тебя от клятв!

— Не нужно, — отказался Йонто. — Меня все устраивает.

— Пока что наши желания совпадают, — криво усмехнулся шэт-шан. — Ступай. Подбери оружие и людей себе в отряд. Еще несколько отрядов уже ждут на месте. Завтра на рассвете будьте у ворот, вас заберут.

Заберут. Уберут? Из дворца. Подальше от Аны.

Насколько затянется борьба с драйтами? Время, драгоценное время...

Выйдя от владельца, Йонто в сердцах пнул стену. Закрыв глаза, старясь дышать глубоко и ровно, успокоиться. Ничего. Главное — не

сдаваться. Из любой ситуации можно извлечь пользу. Если как следует подумать...

После бессонной ночи голова болела еще сильнее, и тяжелые мысли лишь усугубляли состояние.

Канро раз за разом прокручивал в мыслях поединок, вспоминая действия свои и Таныла. Каждый раз с горечью убеждался: то, что бой окончился ничьей, стало чистой воды везением. Слишком неуклюже он двигался, слишком много допустил ошибок. И сила ощущалась неповоротливой тяжестью, отзывалась запоздало и неохотно.

Нужна была помощь Анны. Но Анна не верила ему больше. Не хотела верить. И теперь Канро знал наверняка, кто в этом повинен. Догадки, которым он упрямо искал иное объяснение, подтвердились. Обращение, пусть и неполное, обострило чувства, позволило вспомнить и увидеть то, что скрывалось под покровом лжи. Мелкие и, казалось бы, незначительные детали, которые раньше проходили мимо внимания, идеально складывались в единую картину, и она сводила с ума вернее силы.

Анна и Йонто. Йонто и Анна...

Каким же глупцом был Канро! Каким слепцом...

Но все можно повернуть себе во благо. Абсолютно все. И потому владетель держался, ничем не выдавая обуревающих душу чувств.

Он обязательно все исправит. И для начала разлучит их. Ослабит связь, что протянулась между ними, а потом и вовсе оборвет.

А пока... почему бы не совместить полезное с полезным: убрать мальчишку подальше от Анны и воспользоваться его вынужденной покорностью в своих интересах?

Утро я традиционно проспала, обед провела с Вэйнарой, а вечер посвятила бесцельной прогулке по саду, в компании своих стражей. Йонто я не видела, и сердце скребло неприятное чувство, от которого я отмахивалась изо всех сил. Канро-шан ему не навредит. Наверняка владетелю что-то понадобилось. Не зря Вэйнара хотела, чтобы ее сын держался подальше от дворца...

Еще одной проблемой было колечко. Я честно хотела избавиться от него, даже пришла к озеру, чтобы упокоить амантитовый ободок под толщей воды, но... Не смогла. Передумала в последний момент, сжала

кольцо в ладони и со вздохом спрятала в кармашек верхнего платья. Нет, я вовсе не собиралась принимать предложение Таныла, ни сейчас, ни когда бы то ни было. Просто с колечком казалось спокойнее, а в спокойствии я отчаянно нуждалась.

Появления Тайро я не заметила: то ли настолько погрузилась в мысли, то ли шэт-ар действительно соткался прямо из воздуха, чему после выяснения природы шэтов я бы ни капли не удивилась. Одарив стражей поистине владетельским взглядом (перед зеркалом, что ли, тренировался?), Тайро оттащил меня подальше от них, воровато огляделся по сторонам и быстро — я и ахнуть не успела — защелкнул на моем свободном запястье браслет. В отличие от послужившего билетом в Эйторру этот был широким, украшенным изящным узором и дымчато-фиолетовыми камушками и смотрелся внушительно. Настолько, что я тут же попыталась его снять.

— Подожди, — пресек попытку Тайро. — Не волнуйся, это всего лишь защита. Знак моего покровительства. Несмотря ни на что, отец не рискнет в открытую выступить против меня.

— А мне она нужна? — растерялась я.

— Думаю, да, — нахмурился наследник. — Отец... странный.

— Немудрено, он наверняка рассчитывал на победу в поединке, — пожала я плечами. — Любой бы расстроился.

Слава Великому предку и конечно же Танылу, что ничья не обернулась проигрышем, представить страшно, как бы тогда повел себя Канро-шан.

— Нет, — мотнул головой Тайро, — он такой не из-за поединка. Не могу объяснить... Просто чувствую. Веришь?

Мне и самой было тревожно, потому поверила я охотно. И браслет не сняла. Похоже, приближался миг, когда пригодится любая защита.

Сюрпризы на этом не кончились. В своей спальне я обнаружила гостя, уютно расположившегося на полу и лениво переворачивающего страницы книги об аштарх.

— Нашел что-то новое? — спросила я, присев рядом и с любопытством взглянув на нечеткие в свете едва мерцающего шара строчки.

— Увы, — отозвался Йонто, закрывая книгу. — Но старое тоже очень даже интересно... Ты знала, что аштары добры и отходчивы?

— Если ты намекаешь, что я должна понять и простить тебя за умалчивание особенностей шэтов, то можешь не стараться. — Я выдержала паузу, во время которой Йонто заметно погрузтел, и усмехнулась: — Поняла и простила еще ночью.

— И тебя не смущает... — Он запнулся, беспомощно закусил губу.

— Меня ничего не смущает, — заверила я, не дожидаясь, пока найдутся нужные слова. — И я надеюсь, что однажды ты наконец-то начнешь принимать себя таким, каков ты есть, не смущаясь ни сомнительных моральных качеств родственников, ни прошлых, даже не твоих ошибок, ни крыльев с перьями...

— У меня давно уже нет крыльев и перьев, — тихо сказал Йонто.

— Ни того, что ты это утратил, тоже, между прочим, не по собственной вине, — дополнила я.

— И кому же я такой нужен? — усмехнулся он. Вроде бы и пошутил, но... знала я, что правды в этой шутке гораздо больше нормы.

— Твои тараканы окончательно обнаглели, — нахмурилась я. — И лишили тебя разума, да? Давай, загибай пальцы! Ты нужен Паллиру. Он заботится о тебе, защищает. Так, как умеет. Ты нужен Шанае, иначе бы она с тобой не возилась. Ты нужен Тайро, заметь уже это. Ты нужен мне...

— Потому что защищаю тебя?

Божечки... Ну почему он у меня такой бестолковый?!

— Потому что ты есть, — терпеливо пояснила очевидное я. — Сам по себе. Без всяких условий. Но если этого мало...

— Нет, — перебил Йонто. — Этого... много. Несоизмеримо больше, чем я когда-либо мог представить.

— Значит, плохо представлял, — решила я. — Или просто предпочел забыть? Точно так же, без всяких условий, ты нужен Вэйнаре. Уверена, не было ни мгновения, когда бы она не думала о тебе, не молилась бы о твоём благополучии. И что бы она ни сделала в прошлом, все было лишь ради тебя...

Он ощутимо напрягся, но промолчал.

— Твоя мама очень тебя любит и скучает, — поняв, что реакции не дождусь, продолжила я. — Не хочешь ее навестить?

— Нет, — глухо сказал Йонто.

— Не будь таким...

— Каким? — выдохнул он и попытался встать, но я не позволила.

Эту занозу надо вырвать. Столько времени упущено... И чем дольше тянуть, тем больнее будет.

— Колючим. Злым. Ты не такой.

— Да что ты знаешь?

— А что знаешь ты?

— Она сама выбрала, — с горечью усмехнулся он. — Не меня, а привычную роскошную жизнь.

— Ты в этом уверен? — не сдавалась я. — Ты говорил с ней хотя бы раз? Выслушал ее?

На сей раз удержать Йонто не получилось. Он поднялся, легко освободившись от моих рук. Я смотрела на него, бледного в скудном магическом свете, и не знала, что еще сказать, как убедить... И от этой беспомощности сердце разрывалось.

— На рассвете я ненадолго покину замок, — сказал он, отведя взгляд. — Не волнуйся обо мне и будь осторожнее. Ложись спать, уже поздно.

— А вот и не лягу, — воспротивилась я и, вопреки собственным словам, все-таки легла. Правда, не на кровать, а на пол. — Если ты не желаешь слушать, то и я не бу... Ой!

Йонто подхватил меня и перенес на кровать. Молча развернулся, но я успела поймать его за рукав.

— Вот видишь, — прошептала я, — если проблему не решить с помощью слов, ты решаешь ее с помощью силы. Я так не могу. Я даже с места тебя не сдвину, если ты сам того не захочешь. Потому что я намного слабее тебя. Твоя мама — тоже. Прошу, поговори с ней. Йон...

Ткань выскользнула из моих пальцев. Йонто, ничего не сказав и даже не обернувшись, перемахнул через подоконник. И, судя по тишине, моя бдительная охрана традиционно его не заметила.

Я села на постели, задумчиво потерла кончик носа.

Кажется, я недооценила размер его обиды. Но... все же надеюсь, что он меня услышал.

У Йонто доброе сердце, и ненависти в нем нет. Зато где-то там, пусть и очень глубоко, до сих пор есть любовь. Нужно лишь разбудить ее, ведь не существует такой обиды, которую она не смогла бы растопить.

Всю дорогу до дома в голове крутились царапающие душу слова.

Если проблему не решить с помощью слов, ты решаешь ее с помощью силы.

А ведь и правда. Так оно и есть. Сколько раз он, отчаявшись убедить Ану или же не желая тратить на это время, хватал ее за руку и просто тащил туда, куда ему было нужно? Она никогда не сопротивлялась, но даже если бы и хотела, ничего бы у нее не вышло. Маленькая, слабая, хрупкая. Ей ли с ним тягаться?

Та женщина — такая же. Что она могла противопоставить тем, в чьих руках находилась вся полнота силы и власти?

Он никогда раньше об этом не думал. Теперь же эти мысли не отступали. Они жалили, точно рой ядовитых насекомых, и причиняли боль.

Вернувшись к себе и обнаружив сидящего на полу Тайро, невесть как просочившегося в запертый дом, Йонто ощутил прилив глухой злости. Не обращая внимания на незваного гостя, расстегнул и бросил пояс с мечом у стены и тяжело опустился на кровать.

Он до сих пор не понимал, как вести себя с Таем. С одной стороны, личной вины на мальчишке не было, да и сам он оказался на редкость умным, сообразительным и — неожиданно — добросердечным. С другой же... Сложно испытывать теплые чувства к тому, кому отдали твою жизнь.

Противоречивые эмоции сталкивались и сводили с ума, а потому Йонто старался как можно реже видаться с наследником. Зато наследник, напротив, постоянно искал встреч...

Если не обращать внимания, он уйдет.

Наверное.

— Ты в порядке? — участливо спросил Тайро, и не собиравшийся оправдывать надежды хозяина дома.

— Что тебе нужно? — спрятал лицо в ладонях Йонто.

— Моего эранира, которого в последнее время я не вижу, — фыркнул мальчишка. — Ты неуловим.

— Увидел? — Убрав руки от лица, Йонто ожег незваного гостя неприязненным взглядом. — Выход найдешь сам. И дверь запрешь, уж будь добр.

Играть в покорного служаку не было ни сил, ни настроения, но Тайро такое обращение ничуть не смутило.

— Найду и запру, — закивал он и сел удобнее, скрестив ноги. — Как только мы поговорим...

Поговорить, конечно, стоило. Но не сейчас. Сейчас любой разговор мог закончиться банальной дракой. Йонто хотел доходчиво разъяснить это надоеде, но не успел проронить ни слова, как Тайро на одном дыхании выпалил:

— Вы любите друг друга. Ты и Анна.

— Что за чушь?! — Йонто не заметил, как оказался на ногах. Безотчетным движением потянулся за мечом, вспомнил, что только что избавился от него... Порадовался этому.

— Йон... — Взор Тайро был чистым, всепонимающим и полным печали. — Некоторые вещи со временем становятся настолько огромными, что их невозможно скрыть. Я видел, как ты на нее смотришь. И как она защищала тебя...

— Ты перегрелся на солнце? — нервно спросил Йонто, почувствовав себя обвиняемым на суде владельца. — Сходи к лекарю, бред — плохой признак.

— Можешь отрицать, твое право, — грустно вздохнул Тай. — Просто знай, то, что заметил один, заметят и остальные. Рано или поздно. Отец не в себе, но он не слепой.

— Хватит уже, — резко оборвал его Йонто. — Чего ты добиваешься?

— Чтобы вы были осторожнее, — серьезно ответил наследник, все-таки вставая. — Ты хочешь найти слабое место, сквозь которое можно уйти, но, Йон, его не существует. Прежде чем порвать чары, их придется ослабить. Нужен артефакт... Открывающий пути. Сложный, моих умений не хватит, но... Я знаю, что он есть — или же был — у Паллира. Собственными глазами видел. Мне он артефакт не доверил, но ты — не я. Тебе он поможет.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Зачем тебе это? — решился нарушить ее Йонто.

— Анна здесь погибнет, — тихо проронил Тай. — И ты тоже. А я этого не хочу. Мне хватает кошмаров, поверь.

— Не хочешь, значит, — медленно повторил Йонто. — И браслет на нее надел из желания защитить? А истинный смысл этого действия

объяснить конечно же не удосужился?

— Я его не активировал! — с жаром заверил наследник. — И в мыслях не было! И да, я хотел ее защитить...

— Ты и правда думаешь, что статус твоей невесты защитит Анну от твоего отца? — криво усмехнулся Йонто.

— Это все, что я могу сделать, — вскинул голову Тай. — Ничтожно мало, но... Йон. Есть еще один выход. Для Анны, для тебя и для меня. Лучший из всех возможных. И если ты согласишься...

— На что? — нахмурился Йонто, когда пауза неприлично затянулась.

— Отец не воспринимает меня как наследника, — глубоко вдохнув и выдохнув, прямо посмотрел на него Тай. — И он прав, тысячу раз прав. Ты бы справился с этой ролью гораздо лучше. Я хочу вернуть тебе силу. Ты согласен?

Йонто будто ударили. Жестко, наотмашь, до гула в ушах и кровавых мушек перед глазами. Он шагнул вперед, заставив Тайро попятиться к стене, и спросил, тихо и очень зло:

— Ты соображаешь, о чем говоришь? Умереть хочешь?!

— Ты тогда остался жив, — упрямо склонил голову наследник.

— Остался жив, — растягивая слова, повторил Йонто и вдруг со всей силы ударил кулаком в стену, совсем рядом с бестолковой головой Тая. — Да, я остался жив. И до сих пор помню каждое мгновение той ночи. И я никому — даже тебе, слышишь, мелкий паршивец?! — не пожелаю это пережить. И не позволю. Ты понял?!

Злость душила и требовала выхода, но срывать ее на бледном мальчишке, чье бесстрашие граничило с глупостью, Йонто себе запретил.

Тай не виноват. Ни в том, что родился таким. Ни в том, что одним ясным вечером безумный дед увез малолетних внуков в заброшенный храм, давным-давно оскверненный кучкой фанатиков, извративших культ Великого предка. Ни в том, что там произошло...

Йонто было восемь, и произошедшее в мельчайших деталях намертво отпечаталось в его памяти.

Изъеденные временем и запретными чарами стены. Обвитые шипастыми выюнами колонны. Алтарь из черного, будто оплавленного в диком пламени камня, и письмена, появившиеся на нем под оком заглянувшей в проломленную крышу луны. Холод, обжигающий и

царапающий кожу до крови. Свои слезы и мольбы, обращенные к обрядившемуся в черные ритуальные одежды деду... Надрывный плач перепуганного Тая. Мгновения, растянувшиеся в бесконечность, наполненную ужасом, болью и отчаянием. И ни с чем не сравнимое, сводящее с ума ощущение покидающей тело силы.

Ийтадь умирал. Вместе с ним умирал и его хозяин.

Но... Йонто выжил, о чем и жалел долгие восемнадцать лет. Казалось, что умереть тогда было бы высшим благом.

Именно что казалось.

— Я тоже помню, — тихо сказал Тайро, не отводя взгляда. — Я помню, Йон. Каждый миг помню, что моя жизнь мне не принадлежит, что я украл ее. У тебя. Я...

— Заткнись, — выдохнул Йонто, ощутив смертельную усталость. — Просто заткнись, Тай. И выметайся уже отсюда, пока я не выбил из тебя дурные мысли, вор недоделанный. Ремнем.

— Ты... — растерянно захлопал длинными ресницами наследничек. Ну чисто девчонка... Жертвенная натура, чтоб его.

— Я — твой старший брат, если ты забыл, — хмыкнул Йонто. — Имею полное на то право. Выметайся, говорю, и больше с подобными глупостями ко мне не лезь.

Сделав вид, что не заметил, как просиял Тай, он упал на неразобранную кровать и прикрыл глаза согнутой в локте рукой.

Как и когда Тайро покинул комнату, Йонто не слышал.

Пряная ночь лилась сквозь открытое окно, точно сладкий черничный сироп, и навевала сон, с которым я стойко боролась, сидя на кровати и обнимая подушку.

Еще немного. Совсем чуть-чуть...

Было темно и тихо. Где-то вдали робко пела неизвестная мне птица.

Едва слышно скрипнула, закрываясь, оконная рама. Надулась парусом и тут же опала занавеска, и отделившаяся от нее тень шепнула:

— Почему не спишь?

— Жду тебя, — шепотом же ответила я.

— А если бы не дождалась?

Йонто подошел ближе, и я запрокинула голову, хотя все равно не могла видеть его лица.

Свет зажигать не торопилась, чтобы не привлечь ненужное внимание. И так было хорошо.

— Никогда в тебе не сомневалась, — сказала я. — И начинать не собираюсь.

Йонто вздохнул, сел на пол. Я придвинулась ближе к краю постели, протянула руку и коснулась его волос. Если не могу видеть, то хотя бы могу чувствовать.

— Расскажи, — попросил он. — Расскажи о... ней. Все, что знаешь.

— Это должна сделать Вэйнара, — возразила я.

— Я хочу, чтобы это сделала ты. Ана... Пожалуйста.

Я сползла на ковер, устроилась рядом с Йонто. Накрыла ладонью его безвольно лежавшую на коленях ладонь. Холодная...

Рассказ дался нелегко. Я припомнила каждую деталь, поведенную Вэйнарой, и пережитая ею боль колола сердце, будто моя собственная. И, наверное, лучше бы это сделать самой шэти, но... Йонто непросто было решиться, и я не могла упустить момент.

Вэйнара до сих пор не знала, как ей удалось сохранить разум.

Восемнадцать лет назад она потеряла мужа. Токрэй надеялся наладить отношения с отцом жены и, следуя даже не приказу, а вскользь оброненному желанию владельца, пообещал добыть кровь высшего чентоля, многократно увеличивающую силу шэтов. Ради такого случая Майро-шан расщедрился, отдав Токрэю особый меч, право на который имели лишь наследники рода. Владелец ненавидел зятя, но жадность победила... К тому же шансы, что простой охотник на нечисть выживет, сразившись с высшим чентолем, были ничтожно малы. Так оно и оказалось. В итоге владелец и от неугодного зятя избавился, и драгоценной кровью разжился: оставшиеся на траве рядом с бездыханным телом Токрэя серебряные капли слуги Майро-шана собрали все до единой.

Вэйнара выдержала этот удар только из-за сына. Из-за него же впервые задумалась о том, чтобы сбежать как можно дальше от дворца. Но... Пока она решалась, обдумывала и готовилась, Майро-шан искалечил Йонто, лишил его силы и едва не убил. Мальчик выжил

чудом... А как только он оправился, Вэйнара, схватив его в охапку, все-таки сбежала. Правда, недалеко.

На захудалый постоялый двор, где беглецы остановились на ночь, владетель явился лично, окруженный свитой и стражами. Явился эффектно, порвав пространство и переполошив немногочисленных обитателей двора.

Из крошечной комнатухи Вэйнару выволокли без лишних разговоров. Она сопротивлялась изо всех сил, но что она могла сделать? И что мог сделать бегущий следом восьмилетний мальчик, от которого страж отмахнулся, как от надоедливой мухи? Вэйнара слышала глухой стук и болезненный короткий стон, от которого сердце помертвело, но даже оглянуться ей не позволили.

В пространственную прореху ее, исцарапанную, охрипшую и почти без сознания, занесли на руках. А уже во дворце, в пропахшем удушливыми благовониями кабинете, в присутствии Канро, владетель сказал пытавшейся достучаться до него дочери:

— Этот выродок больше не твоя забота. Пусть идет на все четыре стороны. Выживет — так тому и быть. Нет — туда ему и дорога.

Вэйнара не собиралась сдаваться. Она намеревалась вновь сбежать, разыскать сына, но... Отец приказал Канро не выпускать ее из дворца. Чем владетель пригрозил ему и грозил ли вообще, Вэйнара не знала, но с тех пор, как усилиями брата оказалась в самом прямом смысле привязана к дому, возненавидела не только отца, но и его.

И, наверное, она бы точно сошла с ума, но через пару дней в одном из закутков сада повстречала Паллира, дядю Токрэя. Он сказал, что забрал Йонто, и поклялся защищать его.

Время от времени Вэйнаре приходили весточки. Сын был жив и здоров, он рос, учился и, по заверениям его опекуна, ни в чем не нуждался.

В этих посланиях она находила и утешение, и новую боль.

Она отчаянно жаждала возвращения Йонто. И столь же отчаянно надеялась, что он никогда не вернется.

Он вернулся. Через восемь лет.

Майро-шан к тому времени уже был плох и дни напролет проводил в своих покоях, никого не желая видеть и ничем не интересуясь. Канро же, в чьих руках фактически находилась власть, тепло принял Йонто и долго с ним говорил. Услышанное и, главное,

узнанное за все годы Канро явно понравилось. Об этом он и сообщил Вэйнаре перед тем, как позволить ей увидеть сына.

— Он должен остаться, — подытожил Канро. — Он пригодится нам...

— Тебе? — недоверчиво уточнила она.

— Вэй, тебе что-то не по нраву? Ты страдала из-за невозможности видаться с сыном, а сейчас придираешься к словам? Йонто нужен здесь. Отец уже не сможет возразить. Ты меня слышишь?

Вэйнара слышала. И твердо решила, что Йонто здесь не останется. Каждое мгновение встречи с сыном, совершенно не державшим на нее зла, она пыталась сохранить в памяти, понимая, что другой может и не быть. На предложение покинуть дворец вместе она, привязанная все еще не ослабевшими чарами, лишь покачала головой. А когда Йонто пожелал остаться с ней, скрепя сердце заявила, что у нее своя жизнь, а у него должна быть своя, свободная от чьего бы то ни было влияния, и попросила его уйти — и больше не возвращаться.

Он действительно ушел. Но через два года они встретились вновь.

Майро-шан, хоть и был плох, нашел дочери жениха, и Вэйнару торжественно везли через все Прайго, дабы передать будущим родственникам. Как незадолго до этого рвали удерживающую ее привязку к дому, она предпочла забыть раз и навсегда.

Йонто нашел Вэйнару на одном из многочисленных постоянных дворов. Повзрослевший и решительный, он был серьезно настроен забрать мать с собой. Четкого плана у него конечно же не имелось. Куда бежать, как скрываться, что делать дальше... Он говорил, что со всем разберется, что ей не о чем волноваться. А она...

Вэйнара представила, как нелегко ему придется — защищая ее, все время, не думая о себе, — и едва не задохнулась от боли. Нет! Она не вправе испортить ему жизнь еще больше. Да и жизнь эта может оказаться слишком короткой, если родственники жениха не стерпят оскорбления. А они не стерпят...

— Я неясно выразилась в прошлый раз? — собрав оставшиеся силы, резко оборвала она сына. — У каждого из нас своя дорога.

— Мама...

— Я сама выбрала этот путь. Неужели ты думал, что я всю жизнь буду оплакивать того, кто давным-давно умер? Я хочу начать все заново. Хочу стать счастливой!

— Значит, я — помеха твоему сейчас тыю? — тихо спросил Йонто.

— Да! Ты... Забудь обо мне. Живи. Живи так, как хочешь. Мы оба заслужили это. Прошу...

— Я тоже тебя прошу. Прошу в последний раз. Не отталкивай меня. Я поверю всему, что ты сейчас скажешь. Приму любой твой выбор. Если ты велишь уйти, я уйду. И никогда не вернусь. Никогда не заговорю с тобой. Никогда не назову тебя матерью. Ты понимаешь это? Это твой выбор?

— Да, — с трудом сглотнув, вымолвила она. — Это мой выбор.

— Хорошо, — после долгой паузы, когда Вэйнаре казалось, что она умирает, поклонился Йонто. — Больше вы меня не увидите, светлейшая шэти.

Слово он сдержал.

А замуж Вэйнара так и не вышла. Через пару дней от затяжной болезни, об истинных причинах которой никто не знал, скончался Майро-шан, и Канро, официально получив венец владельца, под благовидным предлогом отменил свадьбу.

Вэйнара вновь стала пленницей собственного дома, живя от весточки к весточке о сыне, с которым уже не чаяла встретиться.

Ночь по-прежнему шелестела ветвями деревьев и звенела голосом одинокой птицы. В комнате немного посветлело — в окно заглянула луна.

Мы молчали. Я сказала все, что могла, а Йонто... Ему нужно было подумать, осознать. Возможно, он и сам догадывался о причинах поведения матери, но... Догадки не равны знанию. Они эфемерны и ненадежны, и полагаться на них сложно.

— Она совсем в меня не верила. Не верила, что я смогу защитить ее, — выдохнул наконец Йонто.

— Йон, — я обхватила его лицо ладонями, поймала растерянный взгляд, — иногда страх сильнее веры. Сильнее разума. Страх потерять того, кого любишь больше жизни.

Он долго смотрел на меня, не двигаясь и, кажется, не дыша, а потом медленно кивнул.

— Я поговорю с ней. С... мамой. Обязательно поговорю. Обещаю.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, что на душе становится тепло и спокойно.

Надеюсь, однажды Йонто почувствует то же самое. Слишком много неподъемных камней прошлого хранит его душа.
Пора от них избавляться.

ГЛАВА 13

Наследника Йонто нашел в его покоях. Взъерошенный Тай сидел прямо на полу, раскладывая перед собой крошечные детальки будущего артефакта. Судя по нахмуренным бровям, работа не клеилась.

Восточный край неба начинал светлеть, и непохоже было, что Тайро вообще ложился. На едва слышный скрип двери он поднял голову, мазнул по вошедшему невидящим взглядом и вновь устремил его вниз. И еще утверждает, что в охране не нуждается... Шэта, конечно, убить сложно, но все-таки можно, а конкретно этого и вовсе легче легкого. Подходи кто хочешь, втыкай в беспечно подставленную спину что угодно.

Бестолочь.

— Уделите мне немного вашего драгоценного внимания, шэт-ар Тайро, — негромко сказал Йонто, и Тая будто невидимой силой подбросило. Покатались по полу детальки, ломая одному наследнику ведомый порядок...

— Йон? — озадаченно моргнул он. — Что-то случилось?

— Тебе нравится Ана? — без обиняков спросил Йонто.

Тайро отступил, покосился на его руки, будто всерьез опасаясь затрешины за неверный ответ, и Йонто подумалось, что вопрос прозвучал слишком уж агрессивно. Как бы не сбежал братец, воспользовавшись открытым окном. Всего-то два шага до стены и три этажа вниз.

Но гордость будущего правителя Прайго оказалась сильнее.

— Да, — вздернув подбородок и забавно насупившись, признался он.

— Хорошо, — кивнул Йонто, мысленно усмехнувшись отразившемуся на бледном лице удивлению. — Ты же знаешь, что находится в восточной башне? Не делай непонимающий вид, все равно не поверю. Так вот, на плече Аны тот же знак, что и на этой штуковине. Не позволяй Канро окончательно утратить разум и совесть. Если с Аной что-нибудь случится, я убью его, — спокойно добавил он, — а потом и тебя. Ясного дня.

И, не дожидаясь реакции явно растерявшегося наследника, вышел из покоев.

Всерьез полагаться на Тая было бы безрассудно, и на сердце легче не стало, но... Большого Йонто сделать не мог.

Пока не мог.

Лунная тропа привела его на опушку мрачноватого леса, где уже ждало несколько отрядов охотников. Канро не солгал, пообещав поддержку. Организовывать людей Йонто умел, вот и сейчас без труда отдал распоряжения, убедился, что все всё поняли верно, и с чистой совестью сбежал. По опыту знал, что, занятые каждый своим делом, охотники не заметят исчезновения. Главное, вовремя вернуться.

Теневая тропа оборвалась прямо у знакомого до мельчайшей трещинки крыльца. Об это крыльцо он запнулся и едва не столкнулся с дверью лбом. Выставил вперед ладони... и все-таки упал, когда створка поддавалась, качнулась внутрь.

— Эффектное возвращение домой, мальчик мой, — раздался насмешливый голос. — Я так давно не лечила твой разбитый нос... Не сказать, что скучаю по тем временам.

— А по мне? — поднимаясь и снимая обувь, взглянул на невысокую темноволосую женщину Йонто. Она сидела возле низкого столика, усыпанного травами, что наполняли крошечную комнатку горьковато-пряными ароматами, а душу — спокойствием.

— Я всегда скучаю по тебе, Йон, — отозвалась Шаная. — Жаль, что ты редко об этом вспоминаешь.

— Прости. — Он опустился рядом с ней на колени, склонил голову. Женщина, заменившая ему мать, коснулась его волос теплой, пропахшей травами ладонью и вздохнула.

— За что? За то, что не скучал? Или за то, что ко мне тебя привело дело?

— Я скучал, — возразил Йонто. — А дело... Оно и правда есть. Только ты можешь помочь.

Шаная слушала, не перебивая. Лишь в карих глазах собирались тучи, которые, впрочем, грозой так и не разразились. Именно у нее Йонто всегда находил понимание и заботу. Именно она стала тем лучиком света, что удержал его на краю тьмы — в миг, когда хотелось поддаться боли и отчаянию, ополчиться на весь мир. Йонто искренне считал Шаная героической женщиной, ибо признавал: тогда его было

проще убить, нежели в чем-то убедить. Ей удалось невозможное. И до сих пор удастся. Кто, как не она, способен совершить настоящее чудо?

Глупая, по-детски наивная вера, за которую он и цеплялся все это время...

После того, как рассказ был окончен, Шаная долго молчала. Очень долго, но Йонто не осмелился ее поторопить.

— Чтобы притянуть человека в мир, нужен кусочек этого мира, сама его суть — или очень сильные чары-якорь, — наконец сказала она. — Есть ли у этой девушки что-то необычное?

— Браслет, — не задумываясь ответил Йонто. — Браслет из амантита, который невозможно снять. Мы пытались...

— Да, — кивнула Шаная. — Кровь высшего чентоля, суть Эйторры. Трудно придумать что-то лучше. Это ключ и одновременно — якорь. Открыть, не повредив, нельзя. Можно только сломать, тогда мир перестанет удерживать ее. Но и назад уже не притянет.

— То есть, — медленно проговорил Йонто, — повторно ключом уже не воспользоваться?

— Как ты собираешься пользоваться сломанной вещью? — хмыкнула Шаная. — Тот, кто создавал якорь, вряд ли предусмотрел возможность многократных переходов. Это слишком сложно. А в случае Аны еще и не нужно. Канро не собирается ее отпускать, и не говори, что сам этого не понимаешь.

— Как... — Горло перехватило. Он закашлялся, сглотнул и все же задал вопрос: — Как его сломать?

— Подобное лечат подобным, — задумчиво прищурилась Шаная. — Исправляют тоже.

— Очень содержательно, — досадливо поморщился Йонто.

— Уж прости, рассказала все, что могла, — развела руками лекарка. — Ты же умный мальчик. Уверена, ты найдешь решение. А сейчас иди, у тебя слишком много дел. По-родственному посидим в следующий раз. Пожалуйста, доживи до него.

Йонто поднялся и, поклонившись, шагнул к двери. Обернулся у порога и тихо позвал:

— Шана...

— Что еще? — проворчала она.

— Знаешь, где сейчас твой отец?

— На побережье. Не уверена, что он тебе обрадуется...

— Радовать его и в мыслях не было, — усмехнулся Йонто и все-таки покинул домик.

Он выживет. И найдет решение.

Обязательно найдет.

Этой встречи Паллир не ждал. Он искренне считал, что все сделал верно, и собирался провести воспитанника через пару недель, чтобы убедиться в своей правоте.

Однако что-то пошло не так.

На скалистом берегу, под порывами холодного ветра, они стояли друг против друга, и море расстиралось перед ними, бескрайнее, буйное, непредсказуемое.

Йонто был как море. Паллир видел, что в душе парня зреет шторм, и не знал, как его усмирить.

— Мне нужен Открывающий пути, — наконец нарушил настороженное молчание Йонто. — Я знаю, ты в силах его достать. Прямо сейчас.

— Что тебе нужно? — не поверил своим ушам Паллир.

Йонто повторил.

— Зачем? — удивился старый маг. — Куда ты хочешь забраться? Или... — Он покачулся, сраженный догадкой. — Или откуда выбраться?! Йон, что ты натворил?..

— Всего лишь принес клятву верности шэт-шану, — бесстрастно отозвался он. — Теперь я — эранир наследника. Неплохая карьера для простого охотника, не так ли?

— Что ты творишь, безумец?! Как ты вообще додумался до того, чтобы явиться во дворец?!

— А в чем проблема? — приподнял брови Йонто. — Как видишь, я все еще жив и даже здоров. И там довольно-таки весело. Жаль, я не пришел туда раньше.

— Ты... — Паллир подавился негодованием, перевел дыхание. Его ошибка: воздействовать на тэта, пусть и лишённого силы, как на обычного человека. И теперь ее не исправить... Старый маг прекрасно это понимал, но все же попытался. — Я знаю, зачем ты туда пришел. И знаю, что ничем хорошим это не закончится. Ни для тебя, ни для нее. Девочка принадлежит шэт-шану. И не дергайся, ты же знаешь, что я прав.

— Она принадлежит лишь самой себе, — ровно ответил Йонто. — И если пожелает уйти...

— То умрет, — перебил Паллир. — И ты тоже, дурень!

— Я не собираюсь умирать, — беззаботно улыбнулся мальчишка. — И не позволю умереть ей. И если Канро-шан не сможет это пережить, плакать не стану.

— Если владетель сорвется, плакать будут все, — не выдержав, рывкнул маг.

— И для всеобщего блага ты предлагаешь пожертвовать Аной? — прищурился Йонто.

— Меньшее зло...

— ...в итоге рождает зло большее. Не так ли было в истории с венцом? Я не хочу играть по вашим правилам. Мне плевать на ваши запреты и страхи. Я не отдам ему Ану. Даже если она сама того захочет, не отдам.

— Йон...

— Я был в башне. И видел, что там находится.

— Йонто...

— Ты мне должен.

— Что? — поперхнулся возмущением Паллир.

— Ты мне должен, — упрямо склонил голову мальчишка. — Ты забрал ее. Стер мои воспоминания. Пытался решить за меня, как поступать. Считаешь, этого мало?

— Ты не понимаешь, что творишь...

— Я понимаю, — возразил Йонто. — Впервые в жизни четко понимаю, чего я хочу. И прошу тебя о помощи. Реши здесь и сейчас, готов ли ты ее оказать.

— А если нет? Ты все равно не отступишься? — обреченно спросил Паллир, уже зная ответ.

Ветер крепчал. Море волновалось. Внешнее спокойствие Йонто, его безмятежная улыбка откровенно пугали.

И старый маг сдался. Пора признать, что воспитанник вырос и имеет право на собственные решения и ошибки, даже самые страшные.

Открывающий пути, редкий и запрещенный артефакт, у Паллира действительно был. Трофейный, можно сказать, экземпляр, носимый

на груди в связке с другими магическими безделушками много лет. Просто так, на всякий случай.

Кто же знал, что этот случай и в самом деле однажды наступит?

— Рассчитай все, прежде чем воспользоваться им, — попросил Паллир, отдавая Йонто невзрачный серый камушек в кожаной оплетке. — Артефакт рвет любые защитные чары, но силы для этого вытягивает из хозяина. Тропу легче открыть там, где меньше всего нитей. И оставайся на ней не дольше десяти ударов сердца, иначе оно может не выдержать. Не рискуй.

Зная мальчишку, глупо было просить об этом, а на ответ маг и вовсе не рассчитывал. Но ошибся.

В последнее время он слишком часто ошибался на его счет.

— Не буду, — кивнул Йонто. — Ты был прав: жизнь не настолько отвратительная штука, как я полагал.

Давно уже затянулась теневая тропа, которой ушел упрямый воспитанник, а Паллир все еще задумчиво смотрел вдаль, не замечая ни набегających на берег волн, ни зло жалящего ветра.

Пожалуй, он и правда задолжал. Если не Йонто, то Анне, которой удалось невозможное.

— Что это, Анна?

Я стояла посреди залитой солнечным светом комнаты, той самой, с объемной картой, и теребила браслет, на который указывал владелец.

Браслет заметно потеплел. Тон шэт-шана замораживал.

Кажется, вечер не задался.

Ну вот как объяснить, если я сама толком ничего не понимаю? И почему я вообще должна что-то объяснять, ведь это была идея Тайро...

— Подарок шэт-ара, — тихо ответила я и все-таки посмотрела владельцу в глаза.

— Подарок, — повторил он задумчиво. — А шэт-ар сказал, что этот подарок означает?

Я качнула головой. Глупо как-то все... Неправильно.

— И почему я не удивлен, — хмыкнул Канро-шан. — Смелости мальчишке никогда не хватало. Это брачный браслет, Анна.

Что?!

Я застыла, судорожно вцепившись в подарочек с подвохом. Вот уж от кого подобного не ожидала!

— Наверняка он говорил что-то о защите, — продолжил владетель, дав мне время переварить новость. — Он считает меня опасным. Думает, что я способен причинить тебе вред.

— А вы не способны? — вырвалось у меня.

Что-то незримо менялось. Сгущалось в воздухе, веяло тревогой... Я не понимала еще, в чем дело, но ощущала, что ничем хорошим это не обернется.

— Я хочу оградить тебя от всех опасностей, — изящно ушел от прямого ответа Канро-шан. — Оградить по-настоящему, а не так, — небрежно махнул он рукой, явно намекая на сына. — Тайро слаб, Анна. Он и себя-то защитить не может. А дворец... Увы, вынужден признать, что я сам расплодил змей. Понятия не имею, как быстро от них избавлюсь. И меня это беспокоит. Беспокоит твое положение. Не все верят, что ты избрана Сверкающей. Но если ты станешь моей женой, никто не посмеет косо взглянуть на тебя. Ты будешь хозяйкой. Дворца. Прайго. И...

— Канро-шан. Пожалуйста. Не нужно... — выдохнула я, цепенея от ужаса.

Как мы до такого дошли?!

— До сих пор боишься меня? — нахмурился владетель, приближаясь на шаг, и мне стоило больших усилий не отшатнуться. — Почему?

Да. Я боялась. Потому что поняла наконец. Увидела...

Его сводила с ума собственная сила. Давно уже сводила. Медленно, неотвратно. И я... не могла помочь. Даже если бы захотела. Могла лишь отсрочить неизбежное, но... Надолго ли?

Владетель силен. Это-то его и губит. И единственным спасением было бы от силы отказаться, только... Не откажется. Ни за что. Она ему нужна. И власть — тоже. Он жизни без них не мыслит.

Или же прячется за ними от жизни.

А ведь раньше... Он жену любил. И то, что она пропала... Ушла? Не важно. Не это ли послужило началом личного безумия?

Всем нам нужно за что-то держаться. И если мы лишаемся опоры... Кто-то сможет устоять. Кто-то — нет.

Канро-шан не смог. Несмотря на силу. По ее вине...

— Не доверяешь, — протянул владетель, не дождавшись ответа. Коснулся кончиками пальцев моего подбородка и жестко спросил: — Твое сердце, твоя вера — все для этого мальчишки, не так ли? А если его не станет? Смогу ли я заменить его?

Я прикусила губу, чтобы не закричать.

Он знает. Он все знает!

От страха меня колотило, а перед глазами то и дело темнело. Я ничего не могла ему противопоставить. Не могла пригрозить, не могла запретить...

Как же сильно сейчас я ненавидела себя за то, что Йонто пришел сюда!

— Так что? — не сдавался Канро. — Смогу?

— Нет. — Короткое слово ободрало горло. До слез.

— Нет, — с непередаваемой интонацией повторил шэт-шан. Его пальцы скользнули по моей шее, остановились на бешено бьющейся жилке. — Знаешь, ты единственная, кто смеет мне отказывать. Раз за разом. Не боясь последствий. И все ради Йонто?

— Дело не в нем, — с трудом сказала я. — И не в ком-либо другом. Дело в вас. Только в вас. Я не могу доверять вам. Вы же сами знаете... Знаете, что теперь все бесполезно. Что бы вы ни сделали. Чем бы ни угрожали...

— Я тебе не угрожаю, — не отводя глаз, в которых вспыхивали алые искры, возразил владетель. — Я лишь хочу понять... Как вы встретились, Анна? Почему он? Как мне заставить тебя забыть его?

Ничего-то он не понял. И не поймет. Пальцы не просто касаются кожи — вжимаются в нее... И дышать все тяжелее, уже не только от страха.

Убьет? Прямо здесь?

А Йонто? Что будет с ним? Если бы я только могла сделать так, чтобы он не возвращался!.. Если бы...

Я вцепилась в руку шэт-шана, пытаюсь ослабить хватку.

— Это моя вина, — прошептала, завороченно глядя на алые всполохи глаз. — И я готова ее искупить. Только... Не трогайте его. Пожалуйста. Я сделаю все...

Канро-шан молчал целую вечность. Целую вечность я сгорала в огне его взгляда. А потом... меня отпустили так резко, что я не устояла

на ногах. Пошатнулась, оступилась и налетела на стену. Прямоком на украшавшую ее оскаленную морду неизвестного монстра...

Острый клык легко пропорол и тонкую ткань платья, и кожу левого плеча, глубоко, до крови, которая мгновенно пропитала рукав.

— Анна!

От протянутых рук владельца я увернулась, попятилась, зажимая рану, готовая сбежать при малейшем его движении. Но шэт-шан больше не пытался приблизиться. Его взгляд прояснился, но мне не нужно было ни его сочувствия, ни сожалений.

— Я не трону Йонто, — хрипло произнес Канро-шан. — Более того — освобожу от клятв. Прямо сейчас. Но ты... Ты останешься со мной. Даже если не доверяешь. Я исправлю это. Я все исправлю, Анна. Только останься. И тогда я отпущу его. Клянусь.

Исправит? Как можно исправить то, что бесследно уничтожено?

Безумие. Настоящее безумие.

И я затянута в его водоворот.

Ни выбраться. Ни вдохнуть полной грудью.

Слишком поздно...

— Я останусь, — тихо сказала я. — Сдержите свое слово, Канро-шан.

Владелец прикрыл глаза, перебрал в воздухе пальцами, и я почувствовала, как что-то оборвалось, а мир едва заметно изменился.

Клятв, опутывающих Йонто, больше не существовало. Он был свободен. И теперь...

— Он должен покинуть дворец, — отрывисто приказал шэт-шан. — И никогда не возвращаться. Иначе я его не пощажу. Его жизнь отныне в твоих руках.

Я кивнула и почти выбежала за дверь, где привычно ждали мои стражи.

— Госпожа! — воскликнул один из них. — Вам нужно к лекарю!

Я вяло кивнула и, крепче прижав ладонь ко все еще кровоточащему плечу, побрела в сад, на свежий воздух.

Лекарь не поможет. Мне уже никто не поможет.

Великий предок! Ты знаешь, у меня не было выхода. Не было! Но...

Что же я наделала?!

Что же я наделала, Йон...

Тайро приходил утром. Решительный и бледный, на себя не похожий. Говорил об Анне и о том, что не позволит ее обижать. И про браслет сказал. Считал, что этого достаточно?

Вопрос, почему его невеста не сводит глаз с другого, заставил наследника замолчать и побледнеть еще больше. Он знал. Похоже, один лишь Канро ни о чем не догадывался. Слепо верил и требовал такого же доверия...

Доверие Анны он убил сам. Собственными руками. И продолжает убивать, но... Как остановиться? Как справиться с собой?

Стоило послушать Тайро. Остыть. Провести день за стенами дворца...

Вместо этого Канро позвал Анну. Чего он хотел от нее? Запугал еще больше. Ранил... Пусть и невольно, но ее боль и страх — на его совести.

Неужели он желал слишком многого? Стать единственным, кому принадлежит сердце Анны, ее сила и верность. Он так отчаянно искал ее, вызволил из чужого мира, мечтал дать то, чего у нее никогда не было... А в итоге опоздал.

И сорвался.

Канро смотрел на несколько крупных капель, застывших на светлом ковре. Они не сворачивались и не засыхали, алые бусины, манившие не хуже искр Сверкающей. Кровь аштары. Той самой аштары, что он так долго ждал. Аштары, что никогда уже не будет ему доверять.

Нет. Нельзя сдаваться. Это можно исправить.

Можно же?

Канро опустился на пол. Коснулся алой капли подушечкой пальца, и она прильнула к коже, впиталась...

Владелец отдернул руку. Тяжело сглотнул, зажмурился.

Решение всех проблем было прямо перед ним. Стоит лишь пожелать...

Нет. Он не сделает этого. Ни за что.

Но...

Безумие тягуче разливалось в воздухе. Оно шептало, молило и приказывало. Оно становилось сильнее...

Нужно было встать, покинуть это место. Остудить горящую голову. Но Канро сидел, не сводя глаз с капель крови, и задыхался.

— Мой господин!

Взгляд затянуло мутной пеленой, и Агрийо он узнал лишь по голосу.

— Вам плохо? Великий предок!

Звездочет распахнул двери, позвал стражей, и...

Дальнейшее Канро помнил смутно. Кажется, его куда-то несли. Уложили на что-то мягкое, пахнущее травами. И чья-то прохладная ладонь коснулась пылающего лба.

Он ничего не видел, но перед внутренним взором вспыхнул *ее* образ.

У нее были такие же ладони. Узкие, мягкие, дарующие исцеление.

А еще — длинные темно-каштановые волосы, никогда не знавшие сложных причесок. Тонкое бледное лицо. Огромные светло-карие глаза. Яркие пухлые губы, так легко расцветающие улыбкой при взгляде на него.

Она предала его.

То письмо... Он до сих пор помнил, что там было написано. Ее рукой, ее душой.

Она разбила его жизнь. А теперь улыбается ему и протягивает руки. Хочет, чтобы он назвал ее имя.

Имя, которое он поклялся никогда больше не произносить — и которое само слетело с пересохших губ, рая, казалось бы, давно окаменевшее сердце, до предела сгущая туман безумия, медленно поглощающий сознание.

— Кирэна...

ГЛАВА 14

Йонто нервничал.

Зачистка гнезд драйтов тянулась медленно. Следовало проверить каждый куст, нору и камень, чтобы не пропустить опасность. И время просачивалось сквозь пальцы, приближая что-то страшное. Йонто сжал в ладони висевший на груди артефакт, который казался обжигающим, и уже решился закончить на сегодня работу — все равно почти вечер, — но не успел и слова сказать, как сердце будто мечом пронзили. Боль вспыхнула, бросила его на колени, расцвела жгучим цветком и исчезла, оставив ощущение пустоты и неправильности.

Клятвы. Те клятвы, что Йонто принес владельцу, грубо разорвали. Все и сразу.

У главных ворот он оказался раньше, чем в полной мере осознал случившееся. След теневой тропы еще не погас, а Йонто уже бежал к дворцу, задыхаясь от плохого предчувствия. И запнулся на полпути, застыл, увидев Ану.

Она шла по дорожке, склонив голову и неловко зажав ладонью левое плечо. На рукаве расплывалось алое пятно...

При одном только взгляде на нее, растерянную и расстроенную, сердце в груди перевернулось.

За ней следовали стражи. В отдалении важно шествовала девица из гарема, окруженная служанками. Слышался чей-то смех... Слишком много людей. И ему надлежит сейчас, поравнявшись с Анной, просто поклониться... и пойти дальше. Нельзя остановить ее, нельзя спросить, что случилось, нельзя обнять. Ничего нельзя.

Да в бездну эти запреты! С него хватит.

— Прочь, — мрачно приказал Йонто стражам, и они послушно скрылись на одной из тропок сада.

Девицы тоже куда-то свернули. Предзакатное солнце золотило траву и деревья, и в наступившей хрупкой тишине можно было представить, что здесь никого больше нет...

Ана медленно подняла на него глаза, в которых плескался страх, тот самый, что сильнее веры и разума. И Йонто отчетливо понял, что не может позволить ей сказать ни слова.

Довольно слов. Довольно страхов и сомнений.

Он шагнул ближе, обхватил ладонями лицо Аны и, склонившись, поцеловал удивленно приоткрытые губы. Так, как давно уже хотел, вкладывая все свои чувства, которые до сих пор не смог облечь в слова. Отстранился на миг, перевел дыхание и вновь коснулся ее губ, на сей раз легко, почти невесомо, давая возможность разорвать поцелуй. Он ничуть не сомневался в ней, просто хотел, чтобы она окончательно все для себя решила... И она решила. Подалась навстречу, прижавшись всем телом, зарывшись пальцами в его волосы. Как и прежде, безгранично ему доверяя.

И в нежности губ, ласковых касаниях рук, в ставшем одним на двоих дыхании инеем осыпались условности, запреты и страхи. Вся прежняя жизнь, в которой у Йонто не было смысла, в которой ему не за что было сражаться.

Не размыкая объятий, он мысленно потянулся к силе артефакта.

Подготовка? Разговоры? К тварям Грани! Ответ на главный вопрос он получил, остальное — не важно. Ана пойдет за ним куда угодно. А он сделает что угодно ради нее.

Чары рвались, словно гнилые нити. Паллир не обманул. А Канро возомнил себя всемогущим, позабыв, что нельзя удержать того, кто по-настоящему жаждет свободы.

На открывшуюся тропу Йонто ступил, крепко прижав к себе Ану и приготовившись ко всему, кроме неудачи.

Не в этот раз. Не тогда, когда он решил бороться — и победить.

Ему предстояло сделать десять шагов — по одному на удар сердца, — но он сделал всего семь.

Рисковать понапрасну он больше не собирался. Никогда.

Как же так получилось?..

Я должна была сказать Йонто, чтобы он покинул дворец, навсегда забыл обо мне, чтобы... Я почти решилась, но не успела. Не смогла оттолкнуть его, отказаться от того, что видела в его глазах. Это было выше моих сил. Это было бы... предательством. Да, в тот миг я ни о чем не думала. Ни о том, что делаю, ни о том, что нас ждет. А ждала нас тропа, по которой мы легко прошли сквозь защиту дворца... и оказались далеко за его пределами.

Обманчиво легко. С тропы мы не сошли — выпали. Йонто на землю, я — на него. И в первые секунды мне показалось, что он не дышит...

— Йонто... Йон! Как ты? — испугалась я, встав на колени и попытавшись нащупать его пульс.

— Как ты? — эхом отозвался он, открывая глаза.

— Бестолочь! — Закусив губу, я ударила его по плечу. — Это все, что тебя волнует?!

Я хотела помочь ему подняться, но он дернул меня за протянутую руку, прижал к себе и выдохнул еле слышно:

— Нет. Это не все. Меня волнует, как ты, где ты, о чем думаешь, что делаешь, что чувствуешь. И меня волнует, в порядке ли я, потому что для того, чтобы с тобой все было хорошо, я должен быть рядом.

— Мотивация пока что хромает, причем на обе ноги, но в целом мне нравится твой настрой, — тихо рассмеялась я, уткнувшись ему в грудь.

Его руки скользнули по моей спине, плечам... И он резко сел, увлекая меня за собой.

— Что случилось, Ана? — спросил тихо, едва касаясь моего плеча. Оно уже и не болело, так, ныло слегка.

— Ерунда, — улыбнулась я. — По неосторожности поранилась.

— Где и как? И не связано ли это с тем, что я свободен от клятв? Пожалуйста, не молчи. Я должен знать, что происходит.

Должен. Но не посреди же леса, сидя на травке, разговаривать?

Оказалось, именно здесь. Без объяснений Йонто отказался куда-либо идти. Заявил, что спешить ни к чему, потому как след открытой с помощью артефакта тропы никто не найдет, обнял меня, согревая, и приготовился слушать. Пришлось рассказывать... Что могла смягчить, смягчила, но он все равно разозлился. Нет, Йонто ничем это не выразил, но... я чувствовала. Порой мне казалось, что я чувствую его лучше, чем себя.

— Я не сдержала слова, Йон, — вздохнула, выговорившись. — Обещала, что останусь, если Канро-шан освободит тебя от клятв. Он сдержал, а я — нет.

— При чем здесь ты? — усмехнулся он. — Тебя забрал я. Можешь рассматривать это как похищение.

— Что?..

— Я же не спросил, хочешь ли ты уйти со мной. Значит, я тебя просто украл.

Хм... С такой точки зрения все действительно выглядело иначе. И кого волнует, что похищенная была просто-таки неприлично счастлива?

Йонто открыл еще одну тропу, которая привела нас в маленькую, уютную и явно обжитую пещеру.

— Одно из моих убежищ, — пояснил «похититель», оглядывая свои владения. — Переночуем здесь, а потом пойдем к Шанае. Она ничего не смогла сказать мне, но что, если, посмотрев на браслет, все же подберет ключ? Тогда ты вернешься домой.

— А если не подберет? — опустившись на расстеленный на полу мохнатый коврик, спросила я.

— Ана... — Он сел напротив, осторожно пожал мою ладонь. — Я обещал тебе помочь, и я помогу. Рано или поздно, но ключ мы найдем. Тебе не место в этом мире.

Я прикусила губу. Он ведь прав. Прав... Но отчего так хочется плакать? Отчего хочется спорить, доказать, что мое место именно здесь? Рядом с ним.

Пока я боролась с собой, Йонто развел огонь в очаге, выложенном камнями посреди пещерки, и повесил над ним котелок с водой. Травы здесь тоже имелись, и это означало, что у нас будет чай, а к нему — сухие тонкие лепешки, простые, но сытные. Когда в котелке весело забулькало, я подвернула рукава, чтобы засыпать в воду травы, и вздрогнула.

— Йон... Что это?!

Подаренного Тайро браслета не было. Вместо него по запястью вился тонкий затейливый узор, похожий на серебристый иней.

Совсем как линии ийталя Йонто.

— А, это... — Он едва мазнул по узору взглядом. — Не волнуйся, ничего страшного. Само пройдет.

— И все же, — нахмурилась я, — почему это появилось? О чем ты опять пытаешься умолчать?!

— Родовые побрякушки владетелей иногда непредсказуемы, — пожал плечами Йонто, глядя на меня подозрительно честными глазами. — Главное, это безопасно. Остальное не важно.

Мне казалось иначе, но я по опыту знала, что ничего из него не выужу. По крайней мере, сразу. Ну ладно... Сделаю вид, что поверила.

Немного позже, обхватив озябшими ладонями круглые бока глиняной кружки, наполненной травяным настоем, я совершенно неожиданно для себя спросила:

— Ты бы хотел все изменить? Жить во дворце. Однажды стать шэт-шаном...

— Даже в страшном сне не видел, — нервно хмыкнул Йонто.

— Я тоже не хочу, — пробормотала я, неотрывно глядя на огонь.

— Что? — придвинулся ближе он.

— Возвращаться...

— И не придется, — заверил Йонто. — Мы сможем уйти. А потом... Ана?

Я поставила чашку, улыбнулась, кончиками пальцев коснулась обозначившейся меж темных бровей морщинки, выдававшей его тревогу, и покачала головой.

— Я не хочу возвращаться в свой мир. Не хочу.

— Ана... — Йонто выглядел растерянным. — Твои мама и сестра, они...

Они будут меня искать. Волноваться. Плакать? Наверное, да. Но любое горе не бесконечно. У каждой из них — своя жизнь, в бурном течении которой они нередко забывали о моем существовании. Я не обижалась, нет. Это было... привычно. И однажды они перестанут горевать обо мне. Однажды...

Я знала, что рассуждаю невероятно эгоистично, знала, что пытаюсь оправдаться, кинуть кость совести, но... Ничего еще я не хотела так сильно, как остаться здесь. Ничего и никогда.

— Они справятся, — с уверенностью, которой не чувствовала, желая убедить скорее себя, чем Йонто, сказала я.

— Канро не смирится, — не сдавался он. — Не оставит тебя в покое.

Знаю. Шэт-шан совсем разума лишился. Но... Можно ли считать чужое безумие достаточным основанием, чтобы отказаться от того, без чего я уже вряд ли сумею выжить?

— Я хочу остаться здесь. С тобой. — Я собралась с силами и посмотрела в глаза Йонто. — Я... могу?

Взгляд он не отвел. Но и отвечать не торопился. Не потому, что не хотел того же, я видела, что хотел, еще как... Он боялся. И я понимала, какую ответственность ему придется на себя взвалить. И если он скажет «нет»... Если...

— Останешься здесь? — нарушил затянувшееся молчание Йонто. Прозвучало это как-то странно. Робко, будто моим словам он до конца так и не поверил. — Навсегда? Со мной?..

Горло перехватило, и я кивнула. А он, прикрыв глаза и выдохнув, обнял меня, уткнулся подбородком в мою макушку и замер. Я слушала, как часто-часто стучит его сердце, и глупо улыбалась.

Кажется, это все-таки «да».

Надеюсь, он об этом не пожалеет. Наверняка сейчас думает, что делать со столь внезапно свалившимся на голову сомнительным счастьем...

— Чентолев хребет, — прошептала я.

Йонто отстранился, придерживая меня за плечи, недоуменно нахмурился.

— Я видела карту, — пояснила я. — Когда смотрела на Чентолев хребет, на душе было так спокойно... Там безопасно. Думаю, именно туда ушли оставшиеся аштары.

— Оставшиеся? — переспросил Йонто растерянно.

— Память мира гораздо лучше человеческой, но он не оплакивает тех, кого когда-то считали его душой. Он бережет их... За Чентолев хребет есть путь лишь тому, кто чист сердцем и помыслами. Другие никогда не отыщут дорогу. Йон, я знаю, как это звучит, но...

— Пойдем туда, — кивнул он.

— Ты веришь мне? — удивилась я.

— Только тебе я и верю, — улыбнулся Йонто.

Я улыбнулась в ответ и едва успела поймать в ладошку зевок.

Вечерние потрясения не прошли даром. Усталость навалилась каменной плитой, такой же давящей и холодной, веки отяжелели, и стоило большого труда держать глаза открытыми.

— Тебе нужно поспать, — заметил мое состояние Йонто, и я без возражений перебралась на лежанку у дальней стены.

Мне было хорошо. Здесь и сейчас. Рядом с этим человеком, чувствуя его тепло и заботу, зная, что с ним я могу ни о чем не волноваться и быть собой.

— Йон, — удержала его ладонь я, — однажды мне предсказали три пути, лишь два из которых окажутся торными дорогами... Но то, что я увидела на них, мне совершенно не понравилось.

— А третий путь? — серьезно спросил он. — Что ты видишь на нем?

— Небо. И солнце. Оно греет. И ослепляет. Я не вижу ничего... И не хочу видеть. Знаю только, что без тебя будет темно. А я... я боюсь темноты.

Последнее я прошептала, закрыв глаза.

И никакое он не бездорожье. Самая что ни на есть ровная дорога, широкая и надежная.

Единственно верная дорога.

Я почувствовала, как меня укрывают одеялом, и провалилась в вязкий, точно свежий мед, сон.

Огонь лениво облизывал поленья, освещая пещеру неровным светом, а на стенах танцевали тени. Ана обязательно увидела бы в этом танце какой-то смысл. Она во всем видела смысл, даже в жизни того, кто уже отчаялся оный отыскать.

Она сама была смыслом его жизни.

Ана спала, а Йонто сидел рядом и просто смотрел. Вспомнилась ночь, когда он встретил ее — босую, растрепанную, испуганную. От одной мысли, что он мог не вернуться за ней, становилось страшно. Тогда она пообещала найти то, что он ищет, а Йонто не поверил. Каким же глупцом он был...

Сейчас он не сомневался в ее словах. Чентолев хребет так Чентолев хребет, в конце концов, сам недавно размышлял, что лучшего места для беглецов не существует. И если им действительно удастся...

Они будут счастливы.

До недавнего времени Йонто не задумывался над тем, что такое счастье. Он ничего не ждал от судьбы, ни о чем не просил, не веря, что его услышат. Не молился ни Великому предку, ни Небесам... Он понятия не имел, что счастье невелико ростом, сероглазо и доверчиво. Не знал, что ради него захочется жить.

Йонто осторожно коснулся ее лба, отводя прядку волос, и нахмурился. Кожа была ледяной.

— Ана? — тихо позвал он, но она даже не пошевелилась.

Она вообще была слишком тихой... И дыхания он не слышал.

— Ана! — сжал ее плечи Йонто. — Открой глаза! Что с тобой?

Глаза она открыла. Взгляд был затуманенным, беспомощным, и от него внутри что-то оборвалось.

— Холодно... — едва различимо прошептала она. — Мне так холодно... Йон...

Ресницы сомкнулись, и, сколько он ни звал, она не просыпалась, была холодна как лед и почти не дышала.

Подхватив Ану на руки, Йонто открыл тропу и вышел перед знакомым домиком. Дверь оказалась незаперта, и он без стука распахнул ее, перешагнул порог.

— Шана! — выдохнул с отчаянием, увидев хозяйку дома. — Помоги! Умоляю, помоги!

Шаная без слов метнулась к лежанке, смахнула с нее какие-то вещи и бросила:

— Неси сюда.

Она долго молчала, сжимая тонкое запястье Аны, и к моменту, когда все же заговорила, Йонто вконец извелся.

— Это чары. Сильные и древние, кто же сейчас такими в здравом уме пользуется?

— О чем ты? — тихо спросил Йонто, глядя на темный от сока трав палец Шанаи, обрисовавший прореху на рукаве платья Аны.

Неужели?..

— Ее привязали через кровь, — подтвердила ужасную догадку Шаная. — Это та самая девушка, которую ты хотел вытащить из дворца, так? Ничего не выйдет, Йон. Чем дольше она пробудет вдали от дворца, тем меньше сил останется. Впрочем, даже там ее силы будут уходить, медленнее, но все же. До тех пор, пока...

— Разорви привязку! — перебил он. — Прошу, разорви!

— Это не в моей власти, — покачала головой лекарка. — Только тот, кто наложил чары, может их отозвать.

— Канро... — с ненавистью выдохнул Йонто. — Это он... Он ни за что не отпустит ее. Он...

— С его смертью ничего не решится, — легко прочитала мысли воспитанника Шаная. — Привязку это не снимет.

Она смотрела на него как на глупца. Откровенно говоря, оным он себя и чувствовал.

— А что снимет? Шана!

— Нити прочны и уже проросли в тело и душу... — пробормотала она, коснувшись амантитового браслета на неподвижной руке. — Лишь границы миров уничтожат чары. Но ты так и не нашел способ избавиться от браслета, верно? И хотел ли искать?

Шаная выразительно кивнула на другое запястье Аны, где вился тонкий обручальный узор. Символ возможного и такого близкого счастья, сейчас он казался насмешкой.

— Отнеси ее во дворец, — устало сказала Шаная, прерывая затянувшееся молчание. — Иначе до утра она не доживет. И, Йон... Без глупостей, ладно? И ей не поможешь, и себя погубишь.

— И что ты предлагаешь? — хрипло спросил он. — Сдаться? Вот так просто?!

— Иногда смирение — лучший выход, — пряча взгляд, обронила лекарка. — Но решать только тебе. Не ошибись, мой мальчик. Об иных ошибках приходится жалеть всю жизнь...

Йонто не помнил, как открыл тропу, как ступил на нее. Очнулся уже в коридорах дворца, темных, пустых и тихих. Слишком тихих, будто никто и не заметил их исчезновения...

Он нес Ану, легкую, как перышко, холодную, словно камень, а в голове эхом звучали последние слова Шанаи.

У него нет права на ошибку. Он не готов заплатить за нее жизнью Аны.

Но и смиряться тоже не желал.

У Йонто было что предложить владельцу. Безумная идея, которая, тем не менее, могла сработать.

И поставить на кон свою собственную жизнь он совершенно не боялся.

Дворец тонул в тумане. Белом, то густеющем, то редющем, позволяющем разглядеть очертания предметов и лица людей. Последних, как назло, было слишком много, и все что-то хотели, что-то говорили... Звуки вязли в липкой влажности, и смысл сказанного получалось уловить не всегда.

Да и не нужно было. Из туманного забытья Канро выныривал лишь затем, чтобы выпить очередной горький отвар, приносимый

упрямым Агрийо. Отвар успокаивал, отгонял боль... На время.

Сила корежила тело. Рвалась наружу, чувствуя слабость хозяина, нашептывала, соблазняла... Канро пытался ее усмирить, черпал дрожащими ладонями, но она утекала сквозь пальцы... вновь не подчинялась, а подчиняла, не питала его, не отзывалась.

Сила и туман сплетались в единое целое, и под их покровом к ложу владетеля кралось безумие.

Безумие смотрело печальными глазами и качало головой.

— Ты слишком жаден, — говорило оно. — Жадность тебя погубит...

Безумие грустно улыбалось и касалось его волос прозрачными ладонями. Оно хотело, чтобы он отпустил Анну. Отказался от той, что могла даровать ему безграничную силу...

— Зачем тебе сила? — удивлялось безумие. — Зачем тебе власть? Ты помнишь, кем был когда-то? О чем мечтал? Чего хотел настоящего, к чему стремилась твоя душа?

Канро не мог ответить на эти вопросы. Он честно старался, но проклятый туман скрывал воспоминания, путал их. Владетель знал лишь одно: Анну он не отдаст. Не позволит ей уйти. Не допустит, чтобы она дарила свое доверие кому-то еще.

— Ты никогда не любил делиться, — вздыхало безумие. — И никогда никому не верил сам...

— Я верил тебе, — с трудом прохрипел Канро. — Верил... тебе...

Она говорила, что любовь — бессмертна и безгранична. И чем больше отдаешь любви миру, тем больше ее становится... Лгала. От первого до последнего слова. Вечной любви не досталось тому, кто имел глупость поверить ей.

Нужно было закрыть ее во дворце. Нужно было...

Тогда бы все сложилось иначе.

Безумие слушало его сиплый злой шепот, и по прозрачным щекам катились слезы.

Еще одна ложь. Призраки прошлого не умеют плакать... зато в совершенстве отравляют настоящее.

Наполненную безумием ночь Канро все же пережил. А ближе к рассвету туман рассеялся, оставив часть себя в его голове — колыхался при каждом движении, обволакивал мысли... Правда, стал

еще плотнее, но Агрийо сказал, что к вечеру будет легче, и вновь принес чашу с отваром.

От непроходящей горечи мутило, и Канро замешкался, поднеся чашу к губам... Именно в этот момент двери распахнулись и порог его спальни переступил Йонто. На руках он держал Анну, которая, казалось, не дышала.

Чаша выпала из ослабших пальцев, покатилась по полу, расплескивая лекарство.

— Что... Что ты наделал?! — прохрипел Канро, вскакивая с постели.

Перед глазами полыхнуло алым, сила крыльями развернулась за спиной... и тут же опала, когда с белых губ аштары сорвался едва слышный стон.

— Это я хотел вас спросить, — прямо взглянул на владельца Йонто, и в его глазах было столько злости и отчаяния, что Канро невольно отступил. — Что вы сделали с ней?

Шэт-шан нахмурился, не понимая, о чем речь. Посмотрел на Агрийо, и тот взял дело в свои руки.

— Отнеси госпожу в ее покои, ей нужен отдых, — велел он, заступая Йонто дорогу.

— И возвращайся сюда, — добавил Канро, твердо решивший во всем разобраться.

Пока Йонто отсутствовал, Агрийо поведал о том, что случилось, когда владелец изволил плавать в тумане.

— И ты не искал их?! — возмутился Канро.

— Не было необходимости, мой господин. — Старый звездочет оставался невозмутим. — Ваша привязка получилась прочной, как видите, она сработала безупречно...

— Привязка? — растерялся шэт-шан, невольно потирая лоб — туман ворочался, сбивая с мыслей. — Какая еще привязка?..

— На крови, — подсказал Агрийо. — Вы наконец-то осознали, что иначе от аштары силы не добиться, и прибегли к крайнему, но эффективному средству...

Перед глазами тут же встал залитый предзакатными лучами солнца кабинет, бледное лицо Анны, алые капли на светлом ковре...

Нет. Канро никогда не поступил бы так с ней. Он этого не делал. Не делал! Или... Неужели сила настолько свела его с ума, что он не

помнит собственных действий?

Туман всколыхнулся, обвил грудь ледяным щупальцем, выбил дыхание...

— Выпейте, мой господин, — заботливо подал закашлявшемуся владельцу кубок Агрийо.

Канро выпил. Щупальце разжалось, позволяя дышать, но вместе с кратким облегчением пришло желание уснуть... и не просыпаться.

— Вы не обязаны ничего объяснять, — шелестел старый звездочет, подводя шэт-шана к кровати, помогая сесть и пытаясь укрыть его одеялом. — Отдохните, а я позабочусь о том, кто посмел вас предать...

Соблазн поддаться усталости был велик, но Канро преодолел его. Сбросил одеяло, поднялся... Как раз вовремя — Йонто вернулся. И, судя по мрачному взгляду мальчишки, предателем он себя вовсе не считал.

— Оставь нас, — приказал владелец Агрийо, и тот тенью выскользнул из спальни, хотя в каждом его движении сквозило неодобрение. — Теперь ты... — Канро плотнее запахнул домашнее облачение в тщетной попытке избавиться от холода и пристально посмотрел на Йонто. — Ты осознаешь, что наделал? За похищение невесты наследника, за оскорбление рода полагается казнь!

— И чем же я оскорбил род? — и бровью не повел тот. — Да и похищение — слишком громкое слово. Пафосное. Как-то... фу.

Шэт-шан подавился воздухом, даже туман на миг отступил. Фу?! Да он издевается?!

Мальчишка был серьезен. Ни тени улыбки ни на губах, ни в глазах.

— Вы бы для начала проверили, чья она невеста, — посоветовал он.

О том, что помолвка ненастоящая, Канро конечно же знал, но такая постановка вопроса насторожила. Что значит «чья»? Что этот безумец еще успел натворить? Неужели...

— Вы все еще полагаете, что я виновен? — спросил Йонто, дернув вверх рукав.

Линии ийталя на его запястье, подтверждая худшие подозрения Канро, точь-в-точь повторяли узор родового брачного браслета.

Этот узор владетель помнил до сих пор, хотя с его собственного запястья он давным-давно исчез.

Йонто стоял прямо, чуть склонив голову. Слишком похож на отца. Та же порода. И закончит наверняка так же.

Упрямый мальчишка, не понимающий, когда нужно остановиться. Не желающий останавливаться.

— Я никого не похищал, — твердо сказал он. — Моя невеста, которую я клялся защищать ценой собственной жизни, сама ушла со мной. Мы имели на это полное право. А вот вы... Спросили вы хоть раз о ее желаниях? Видите в ней человека, а не просто полезный живой артефакт? Дядя... Умоляю, одумайся. Отпусти нас. Жадность тебя погубит...

Слова-эхо. Слова-стрела. То же самое сказала *она*... Настоящая или та, что пришла с туманом?

— Да что ты об этом знаешь? — разозлился владетель, видя перед собой не глупого мальчишку, а ту, чье имя он поклялся забыть. — Это не жадность. Это жажда. Жажда жизни. Ты и понятия не имеешь, что это такое!

— Я знаю. Дед был совершенно таким же, — отчаянно выдохнул мальчишка.

— Не смей сравнивать меня с ним! — вскипел Канро. — Он, а не я, сделал это с тобой! Я пытался тебя защитить... Я отпустил Паллира, чтобы он позаботился о тебе!

— Ты действительно думаешь, что вы чем-то отличаетесь? — горько усмехнулся Йонто. — Ваша жадность губит все, к чему вы прикасаетесь. Аштары исчезли не потому, что пытались сместить шэтов, а потому, что шэтам мало было добровольно отданной силы. Вам всегда хотелось больше. И чем больше вы получали, тем ненасытнее становились. Скажешь, я не прав?

— Ты... — Владетель задохнулся, вновь ощутив обвивающееея вокруг груди щупальце силы.

Прав. Конечно же прав.

Канро жаден. Необычайно, бескрайне... Но разве это плохо? Хотеть от жизни большего — и получать желаемое, доказывая себе и окружающим, что невозможное возможно?

Другое дело, что порой в этом стремлении совершаются не самые благовидные поступки.

И так легко утратить себя, превратившись в чудовище.

...алые капли на светлом ковре...

Канро зажмурился, потер виски, наливающиеся тяжестью.

Когда-то все было иначе. До того, как сердце превратилось в бездонную дыру.

Он стремился заполнить эту пустоту. Но время шло, пустота росла. Она разъедала душу, лишала разума. То, что изначально было жаждой жизни, обернулось простой жадностью.

Жадностью, губящей жизни.

Неужто Канро и в самом деле стал похож на своего отца?..

— Отпусти ее, — тихо сказал Йонто. — Прошу. Ана не даст тебе того, чего ты так желаешь. Не сможет. А я смогу. Я принесу нечто в тысячу раз лучше силы аштары. Нечто драгоценное, нечто, способное наделить небывалым могуществом.

Слова взяли в тумане, вновь выползшем из головы и медленно наполняющем комнату. Дворец. Весь мир. И из белесого марева проступало лицо прежнего владельца, искривленное в глумливой усмешке.

Похож. Еще как похож. Кровь от крови. Дух от духа.

— Ты предоставишь мне все необходимое?

Канро не понимал ни слова — все сливалось в низкий гул. То заходилась смехом Майро-шан...

Нет. Отца здесь нет и быть не может. Есть только этот упрямец, и ему что-то нужно... Что?

Туман медленно пеленал владельца, и, чувствуя приближающуюся тьму, он махнул рукой, останавливая мальчишку. Пусть делает что хочет, только уйдет отсюда. Ему нельзя видеть, сколь жалок законный хозяин венца. Никому нельзя это видеть...

Когда Йонто наконец оставил его, Канро нашарил на столике кубок с лекарством, непослушными пальцами сжал его, поднес к губам... И рухнул на ковер, так и не успев сделать ни глотка.

В личную оружейную Канро-шана удалось попасть без проблем — во дворце до сих пор не знали о подвигах старшего эранира наследника. Это было странно, но сейчас мысли поглощали иные заботы, и ничто не могло от них отвлечь. Йонто пересек наполненное разномастным оружием помещение и остановился напротив обитого

защитной тканью длинного сундучка. Помедлив, откинул крышку, поморщился от прикосновения охранных чар к лицу, на миг прикрыл глаза...

Он пообещал, что достанет для владельца нечто драгоценное. То, ради чего отец пожертвовал жизнью.

Кровь высшего чентоля.

Отданная добровольно, эта кровь была самой желанной, но ценилась и добытая в честном поединке. Да, она содержала меньше силы, но все равно творила чудеса, пусть и не столь невероятные.

Высших Йонто видел только раз. Издалека. И вовсе не горел желанием вновь их встретить. Они обладали внушительными размерами и скверным характером, а еще очень не любили шэтов, и, надо признать, причин для этого хватало. И сейчас он вызовет высшего на бой, вооружившись лишь мечом, пусть даже и выкованным специально для усекновения чентолей.

На меч Йонто имел полное право. У него не было сил, и дом он давно покинул, но в его жилах текла кровь, дающая власть над своенравным оружием. Меч легко пошел в руки, удобно лег в ладонь. Тяжелый на вид, на поверку он оказался почти невесомым.

Кончики пальцев легко скользнули по клинку.

Длинный, с широким лезвием и рукоятью в виде свернувшегося кольца чентоля.

Недавно Йонто поклялся Ане, что у него нет и никогда не будет такого меча.

— Не думал, что когда-нибудь нарушу данную тебе клятву, — прошептал он, вспомнив, как напугана она была.

«Мне снился сон...»

На одно краткое мгновение Йонто пожалел, что не позволил ей тогда рассказать об этом, но тут же отменил сожаление. Разве что-нибудь переменилось бы? Даже если Ане действительно приснился он... Даже если действительно все было плохо... Разве он отказался бы от единственного шанса спасти ее?

— Всего лишь сон, — сказал убежденно, прилаживая меч к поясу и готовясь открыть теневую тропу. — И он останется в снах, что бы там ни было. А я вернусь за тобой. Ты просто подожди меня, ладно?

ГЛАВА 15

Длинный коридор тонул во мраке. Впереди светлела арка, и на ее фоне Йонто походил на вырезанную из черной бумаги фигурку.

Он стоял ко мне спиной и казался таким чужим и далеким, что сердце закололо. Я остановилась в растерянности, не зная, что делать, что сказать... и нужно ли ему это?

Впрочем, сомнения точили меня недолго. Я обняла его, прижалась к напряженной спине... Ух какой каменный! Как статуя в саду. И такой же холодный... Ничего, согреем. Отогреем...

Я никуда не уйду. Никогда. Что бы ты там себе ни надумал... Слышишь?

Но он легко вырвался из моих объятий. Просто шагнул вперед, и мои руки, вроде бы крепко цеплявшиеся за него, разжались, повисли безвольными плетями. А Йонто уходил все дальше и дальше и к тому моменту, как я опомнилась, миновал арку, растворившись в ослепительном свете. Я кинулась следом, подобрав неудобные юбки, но стоявшие по обеим сторонам арки стражи скрестили копья, преграждая путь, и, сколько ни билась, я так и не смогла прорваться. Только ладони изранила, и с них на каменный пол часто капала кровь. Алая, горячая... Слишком горячая. Она обжигала кожу, а потом и вовсе, взметнувшись вихрем, окутала меня с ног до головы, обдала жаром...

И я проснулась.

В дворцовой спальне, в собственной кровати, закутанная в одеяло почти с головой...

Одеяло я тут же сбросила на пол. Нахмурилась, обнаружив, что лежу прямо в одежде, причем не особо чистой. И подскочила, едва не последовав за одеялом, вспомнив, что случилось.

Ну как вспомнив... То, что Йонто забрал меня, и его временное убежище, и решение остаться в этом мире память сохранила, а вот что было потом... Как я попала сюда? И... не приснился ли мне побег?

За окном колыхалась ночная мгла. Неяркий свет золотистого шара, плавающего под потолком, отчего-то резал глаза и крохотными молоточками стучал в виски.

Я медленно поднялась с постели. Тело наполняла слабость, неприятная, как после длительной болезни. Руки дрожали, ноги подгибались, но я добрела до порога спальни — и отпрянула, нос к носу столкнувшись с закутанным в черный плащ человеком.

Агрийо, как всегда, точно из теней соткался. Совершенно жуткий тип, честное слово.

Пока я растерянно хлопала глазами, жуткий тип легко коснулся моего плеча, и слабость отступила, забрав с собой головную боль.

— Спасибо, — пробормотала я, устыдившись недостойных мыслей.

Агрийо кивнул, продолжая сверлить меня немигающим взглядом из-под капюшона.

— Вам что-то нужно? — вежливо спросила я, начиная нервничать.

Если подумать, странно это... Что он вообще забыл в моих покоях посреди ночи?

Эта мысль была уже не просто недостойной, а откровенно пугающей. Я попятилась, прикидывая, звать ли стражей или лучше пока не позориться, и тут Агрийо нарушил зловещее молчание.

— Я хотел бы поговорить, госпожа, — проскрипел он, очень сильно меня удивив.

О чем нам разговаривать? Ни одной общей темы в голову не приходило.

— Хорошо, — когда пауза из долгой грозила перерасти в неприличную, кивнула я. — О чем именно? Вы чего-то хотели?

— Помощи, — откинув капюшон, прямо уставился на меня звездочет. — И осознания, что, помогая мне, ты прежде всего помогаешь себе.

— О чем вы? — сглотнула я, делая шаг назад. Наткнулась на кровать и неловко села, во все глаза рассматривая этого странного человека.

— О твоей жизни, Айана. — Знакомое-незнакомое имя выбило из легких воздух, как метко брошенный булыжник. — Ты же хочешь жить? Хочешь, чтобы жил Йонто?

Я зачарованно кивнула, не понимая, что происходит, но чувствуя, что дальнейшее мне очень сильно не понравится.

— Канро-шан безумен, — продолжил звездочет. — Это уже не остановить. Никакие мольбы, воззвания к разуму или совести не помогут. Что бы вы ни делали, все заранее обречено на провал. У него дурная кровь, кровь его отца. Как и у Тайро... Когда он получит венец владетеля, кровь эта заговорит в полную силу. Тайро слаб, и если в нем проснется жажда...

Жажда? В Тае? В этом солнечном мальчишке с огромным добрым сердцем?!

Кажется, я все-таки сплю. Или же полностью утратила связь с реальностью, если слышу подобное... И не просто слышу, а еще и слушаю, не перебивая!

— Да вы бредите, — выдохнула недоверчиво. — Что вы вообще от меня хотите?!

— Вернуть тебя домой, — сверкнул глазами Агрийо.

— И что я должна для этого сделать? — не торопилась радоваться я.

Как оказалось, правильно.

— Уничтожить порченную кровь.

Я не удержалась от нервного смеха. Кое-кто явно преувеличивает мою роль. В этом дворце я — всего лишь забавная игрушка, которая рано или поздно надоест, и даже если бы захотела...

Если бы.

— Шэты невосприимчивы к ядам, почти ко всем, а те, которыми их можно отравить, не достать, — посетовал звездочет. — Их невероятно сложно убить, ибо для простых смертных они практически неуязвимы. Но если дать им отравленную силу...

— Нет.

Я не намерена это выслушивать! Не хочу. Не буду.

— Ты! — Жесткие сухие пальцы впились в мой локоть, потянули вверх, вынуждая подняться. — Думаешь, Канро отпустит тебя? А Йонто? У него всего два пути. Либо умереть, либо стать владетелем.

Йонто? Владетелем?

Да что нужно этому сумасшедшему старику?!

— Поначалу у меня был иной план, — признался он. — Я хотел убить тебя на глазах у Канро, чтобы он окончательно сорвался, чтобы Совет старейших шэтов увидел, какой он на самом деле, чтобы его проклятый род утратил право на венец... Я даже привлек эту дуру

Араю, благо настроить ее против тебя труда не составило. Но она не справилась, и я взял дело в свои руки...

Агрийо изливал душу, а я только и могла что слушать и внутренне холодеть.

Он с детства ненавидел Майро-шана — за жестокость, легкость, с которой он отбирал жизни, — но, обреченный клятвой служить ему и его наследнику, вынужден был смирять свои чувства. В Канро ослепленный ненавистью звездочет всегда видел лишь отражение Майро-шана и свято верил в то, что бед новый владетель натворит еще больше, нежели прежний. И всеми силами старался это предотвратить, пока не понял, что лучшим выходом будет от него избавиться. Как и от проклятого рода в целом.

О том, что в другом мире есть живая и здоровая аштар, Агрийо узнал от своего отца, и это навело его на безумные мысли. А сложившиеся в определенный узор звезды придали уверенности и заставили действовать.

Поведать Канро-шану об утраченной частичке мира. Заразить его этой идеей. Подпитывать огонь сумасшествия сказками о несомненной пользе аштар.

Владетель, в отличие от звездочета, понятия не имел, кто придет из другого мира. Агрийо же рассчитывал, что Канро-шан привяжется к хрупкой девушке, потеря которой вдвойне его подкосит.

В принципе, расчет оправдался. А вот с покушениями катастрофически не везло.

Агрийо следил за мной. Постоянно. И когда увидел, что Йонто унес меня к Древу владетелей, решил воспользоваться шансом и выставить его похитителем... Звездочет открыл путь наемникам, которых готовил для другого покушения, одурманил сторожевых псов, чтобы те бросились на нас как на преступников... За столь короткое время он идеально все распланировал и организовал. Не учел только моего верного стража.

— Тогда я увидел, на что способен Йонто, и порадовался, что мой план не удался, — вещал Агрийо. — Все это время я полагал, что он сломался, однако ошибся. И звезды подтвердили, что в нем нет слабости и безумия. Он — единственный наследник, настоящий шэт-ар, достойный венца Великого предка.

— Он не может стать шэт-шаном, — растерянно напомнила я, окончательно выбитая из душевного равновесия жуткими откровениями. — У него нет силы...

— Со смертью вора сила вернется к истинному хозяину, — заверил Агрийо. — Когда Тайро не станет, ослабнет и Канро. У него нет другого наследника, и ради сохранения Прайго он будет вынужден признать таковым единственного своего кровного родственника мужского пола. И уже не сможет причинить ему вреда. Более того, не пройдет и года, как Канро сам отдаст Йонто венец. Прайго наконец-то получит шэт-шана, которого заслуживает. Йонто — судьбу, определенную ему при рождении. А ты вернешься домой. Если того пожелаешь. И все будут счастливы.

Все. Кроме Тая. Невинного мальчишки с золотым сердцем, которому отвели роль жертвы. А мне так легко и просто предложили стать убийцей...

— Тебе не придется делать ничего особенного, — увещевал звездочет, на глазах которого вырос этот несчастный ребенок. — Я дам один артефакт... И ты поделишься с наследником силой. Подействует не сразу, он угаснет постепенно. Шэтам трудно навредить, но они не бессмертны и подвластны болезням. Тебя никто не заподозрит.

Агрийо говорил уверенно, не сомневаясь в моем согласии.

Убей, чтобы не быть убитым.

Похоже, этот принцип действует во всех мирах.

Только вот далеко не все готовы им руководствоваться.

Я смотрела на старика, расписывающего прелести правильного выбора, и пыталась унять дрожь.

Он не безумен. Отнюдь. Он обманчиво покорно гнет спину, пряча глаза. Умные, проницательные. Жестокие. Смотрел ли в них Канро хотя бы раз? Вряд ли. Это ниже достоинства высокородного.

— Нет.

Мое терпение закончилось. И голова вновь разболелась. Хотелось закрыть уши, зажмуриться... и проснуться. Я давно уже не питала иллюзий относительно сказочности этого мира, но такое было чересчур даже для него.

Агрийо прервался на полуслове. Смерил меня странным взглядом, почесал подбородок и медленно кивнул.

— Хорошо, — пробормотал, как показалось, зловеще. — Этого следовало ожидать. Но я могу тебя переубедить.

— Вот уж вряд ли, — отступила я.

Бежать. Подальше от расчетливого старика и его речей. Почему я все еще стою здесь, почему выслушиваю этот бред?

— Идем со мной, — поманил пальцем Агрийо. — Тебе ничего не грозит, ты же знаешь.

Знаю. Сейчас он меня не тронет. Да и кто бы, находясь в здравом уме, уничтожил единственное свое оружие?

И я иду. Иду за звездочетом, которого всегда считала тенью шэтшана, безмолвной и послушной, не имеющей ни чувств, ни мыслей.

Люди способны удивлять. Чаше всего неприятно.

Ночной дворец мерцал приглушенным светом волшебных шаров, навевая обманчивое ощущение покоя и защищенности.

Открытые коридоры. Подвесные мостики. Террасы. Арка входа в башню. Узкая длинная лестница.

И дрожь в руках, нарастающая с каждой пройденной ступенькой.

Комнатка под прозрачной крышей, просторная, пустая. Лишь зеркало напротив большого окна да что-то длинное, прямоугольное, покрытое темной тканью. Она свисает тяжелыми складками и неохотно сползает на пол, сминаемая худой желтоватой ладонью.

Это... гроб? Массивный, из темного дерева, покрытый белой росписью. Изящные символы мне незнакомы, но кажется, что, стоит присмотреться, и ухватишь самую их суть.

Не выходит. Агрийо нетерпеливо откидывает крышку, и я с замиранием сердца заглядываю внутрь, ожидая...

Чего?

Сама не знаю. Там нет ни иссохшего тела, ни горстки костей... Лишь круглый сосуд с мерцающей золотистой пылью, коей осталось совсем мало — едва донышко покрывает, — да толстая книга в багровой кожаной обложке, на которой распростер крылья искусно нарисованный чентоль.

Один в один как родинка на моем плече...

Сосуд Агрийо не трогает, а вот книгу берет. Гладит переплет, хмурится... И вручает мне.

Обложка льнет к ладоням, словно живое существо.

Но не открывается.

— Капля крови, — подсказывает звездочет, протягивая кинжал.

Легко касаюсь острия, провожу пальцем по корешку книги... И она поддается. Тихо шелестят торопливо переворачиваемые страницы, и я понимаю, что это и не книга вовсе.

Дневник.

Ровные строки пляшут перед глазами, и я ничего не могу разобрать. А руки дрожат пуще прежнего, и я почти роняю обретенное сокровище... Да, я еще не знаю, что это такое. Зато знаю, что оно бесценно.

— Потом, — останавливает очередную попытку прочесть хотя бы слово Агрийо. — Уйдем отсюда.

Я не спорю. Прижимаю к груди чужой дневник, в праве читать который ничуть не сомневаюсь, и вновь следую за стариком.

И обратной дороги совершенно не замечаю.

Очнулась я лишь в своей спальне.

Дневник читала жадно, перелистывая тонкие сухие страницы непослушными пальцами.

На желтоватой бумаге — не только записи, но и рисунки. Какие-то схемы, чертежи.

Изящная головка молодой женщины. Очень знакомой мне женщины...

Девочка на веревочных качелях. Ветер треплет ее платье и длинные волосы. Она смеется.

Ветер. Солнце. Шоколад.

Айана...

Ана.

Он всегда называл меня так.

Ана. Солнышко.

Говорил, что я такая же яркая и теплая. Что от моей улыбки мир становится светлее...

Папа. Мой любимый, самый замечательный отец, которого я умудрилась забыть.

Как?..

Что-то туманит взор, и я растерянно провожу ладонью по глазам. Слезы... Они текут по горящим щекам, и воздуха не хватает, но я упрямо скольжу взглядом по ровным строчкам, вчитываюсь в них, пытаюсь понять смысл...

И смысл этот все-таки до меня доходит.

Тот последний известный аштар, бросивший вызов шэт-шану и якобы убивший себя и свою семью...

Он никого не убивал. Он действительно хотел положить конец злодеяниям Майро-шана, с которым не справился слабый в те времена Совет, но перед тем, как выступить против владельца, отправил нас — меня, маму и еще не рожденную Еву — туда, где никто никогда не сумел бы найти.

В другой мир.

Я глотала слова торопливо, будто боялась, что не успею... Что дневник в моих руках растает, оставив меня ни с чем.

Но он не таял, а я... Я наконец-то узнавала правду. И пыталась соотнести узнанное со своей реальностью.

Кое-что упрямо не сходилось.

Здесь, в Эйторре, оказавшейся моим родным миром, миновало четыреста восемьдесят лет. На Земле — всего-навсего двадцать. Как такое возможно? Мне, непривычной к магии, было тяжело это принять... Отец переместил нас не просто в другой мир, но и в другое время? Для чего? В расчеты вкралась ошибка? Почему нас никто оттуда не забрал? Некому было? Или опасно? Даже после смерти Майро-шана? И почему мы ничего не помнили? Вернее, не помнила я... А мама?

Ответ на последний вопрос нашелся быстро. Почерк изменился, стал нечетким, нервным. Папа адресовал эти строки маме. Он просил прощения за свое решение, за то, что рискнул собственной жизнью и нашим благополучием. И за то, что стер наши воспоминания. Он боялся, что проиграет, и хотел, чтобы при таком раскладе мы смогли жить на Земле, как в родном мире, ни о чем не сожалея, не оплакивая того, кого уже не вернуть... не опасаясь жестокого владельца, который строил планы в отношении не только отца, но и нас с мамой. И Ева, едва родившись, тоже попала бы в сплетенную Майро-шаном ловушку...

— Теперь ты понимаешь, что должна отомстить? — вкрадчиво раздалось над ухом, и я вздрогнула, едва не выронив дневник.

Агрийо стоял рядом и буравил меня тяжелым взглядом. Как давно он здесь? Тень и есть тень... Осталось ли в нем хоть что-то человеческое?

— Того, кому я могла бы мстить, уже нет, — возразила я хриплым от слез голосом.

— Есть его род, — не унимался звездочет. — Канро использует тебя, словно артефакт. Тайро будет не лучше, поверь. Проклятая сила и кровь сведут его с ума, как и Канро...

— Какая трогательная забота, — нервно хмыкнула я. — Особенно учитывая, что не так давно вы пытались меня убить.

— Был не прав, прости, — равнодушно пожал плечами Агрийо. — Главное — вовремя признать ошибки, не так ли? И вспомнить, что мы на одной стороне. Как и наши отцы.

При чем здесь мой папа?

— Думаешь, Рангэр боролся в одиночку? Это не так. Были те, кто помогал ему. В том числе и спасти семью... Сейчас бы он спрятал вас за Чентолевым хребтом. Ты же чувствуешь, что там безопасно? Но тогда там простирались пустынные и мрачные земли. Аштары ушли за Хребет уже после смерти твоего отца, до глубины души потрясенные как ею, так и безнаказанностью убийцы. До тех же пор в Эйторре не нашлось бы места, способного защитить от гнева шэт-шана. Мой отец стер тебе и твоей матери память и отправил вас в другой мир. Он же должен был вернуть обратно. Вот только ничего не вышло. Рангэр хотел избавиться от шэт-шана, а в итоге шэт-шан избавился от него. И вас бы с удовольствием превратил в источник силы, но опоздал. О том, где вы, знал лишь мой отец, и он унес бы этот секрет, как и тайну исчезновения аштар, с собой в могилу, не случись с ним однажды приступа откровенности. А я всегда умел слушать. Я обнаружил дневник, сумел обойти защиту и открыть его, изучил и нашел способ вернуть тебя обратно...

— Чтобы превратить в оружие, — напомнила я.

— Сейчас это не важно, — отмахнулся Агрийо. — Ты умираешь, Айана. Чувствуешь ведь? Не можешь не чувствовать. Канро взял твою кровь. Не он ранил тебя, а ты и не подумала уничтожить все пролитое до последней капли... Можно считать, что кровь ты отдала по собственной воле, что многократно увеличивает действие чар и ценность твоей жертвы. Чары вытянут из тебя все силы, и магические, и жизненные, и Канро соберет их в особый сосуд. А когда ты умрешь, сожжет твое тело и добавит туда же прах. И обеспечит себя и своих потомков силой. Еще лет на пятьсот при рачительном подходе... Ты

повторишь судьбу отца, глупая девчонка. Не стоило рассчитывать на другое, вы слишком похожи!

— Какой еще сосуд? — пробормотала я, окончательно замороченная.

Мне бы сейчас поспать, а не выслушивать все это... Только кто же даст?

— Ты видела тот сосуд с золотой пылью? Это сила, вытянутая из крови высшего чентоля... и твоего отца. Большая часть ушла на восстановление Майро-шана после того, что он сделал со своими внуками, а также на лечение его болезни. Он и в самом деле не понимал, чем болезнь вызвана. Не понимал, что магия ему не поможет. Канро отыскал поистине уникальный яд... Жаль, что на него самого этот яд действует иначе, всего лишь ослабляя контроль над силой, и то слишком медленно. Шэт-ара же и вовсе ничего не берет. Ты — моя последняя надежда, Айана. Помоги мне. Уничтожь гнилой род, отомсти за тех, кого они загубили, и спаси тех, кого еще могут сгубить.

Яд? Так вот что происходит с Канро-шаном... Неудивительно, что он не в себе. Неужели Агрийо не понимает, что сам превращает владетеля в неуравновешенное чудовище?! Я все-таки ошиблась, звездочет безумен. Ненависть к Майро-шану лишила его способности трезво оценивать свои поступки и их последствия...

— Йонто этого не захочет, — прошептала я.

— Захочет. Даже если его не прельщает власть, я дам ему то, в чем он нуждается больше всего. Я дам ему тебя.

— Что? — растерялась я.

— Привязка на крови — древнее и сильное колдовство. Запрещенное. Необратимое. И очень, очень быстро действующее... У тебя почти не осталось времени. Канро не сможет ее снять, потому что ничего не смыслит в магии. В отличие от меня... За такой подарок Йонто и жизни не пожалеет, не то что сомнительного существования в качестве полудикого охотника.

Ох ты ж какое щедрое предложение... Так и тянет отблагодарить чем-нибудь тяжелым по голове!

И вообще... А Канро-шан ли собрал мою кровь и использовал столь извращенным образом?

— Йонто на это не пойдет, — твердо сказала я.

— Ради тебя? — усмехнулся Агрийо. — Он пообещал владельцу добыть кровь высшего чентоля, чтобы тебя защитить. Высших осталось мало, приманить их непросто, убить — еще сложнее. Йонто силен, но не настолько. Но даже если случится чудо, живым он отсюда не выйдет. Тебя ему не отдадут. Ты слишком ценна, Айана, не важно, живая или мертвая, а Канро слишком жаден.

Что этот безумец пообещал сделать?! Где он? Как мне...

— Держи. — В мои дрожащие ладони ткнулся прозрачный шарик. — Это лунная тропа, она проложена к месту, где проходят бои с высшими. Просто раздави сферу...

Я тут же сжала пальцы. Брызнувший из-под них свет смешался с первыми лучами солнца, проникшими в спальню, и свился в знакомую узкую дорожку, на которую я без промедления шагнула...

— Останови его! — крикнул мне в спину Агрийо. — Мы все решим. Мы...

Дальше я уже не слышала. По серебристой тропе я не шла — бежала. Из всех сил, не боясь оступиться, сойти с нее. И, когда лунная полоска оборвалась, я запнулась и упала на траву. Огляделась по сторонам, соображая, куда идти и где искать Йонто, и помертвела...

К объятому рассветным пламенем небу тянуло ветви Древо владельцев. Или же точь-в-точь такое же, потому как, судя по мгновенно навалившейся слабости и разлившемуся по позвоночнику холоду, находилась я далеко от дворца.

Но какая разница, то ли это дерево или же другое, если здесь и сейчас сбывался мой самый страшный кошмар, столь долго преследовавший меня во снах?

Золотисто-багряное небо — рассвет щедро поделился с ним своими красками. Усыпанное крупными фиолетовыми бутонами дерево, огромное, крепкое, с мощным стволом, который и трое человек не обхватят. На примятой синеватой траве — такой же багряный, как и небо, меч. Рядом с деревом стоит высокий мужчина, лица которого почти не видно из-за растрепавшихся темных волос.

А над ним, немыслимым образом выгнув длинное гибкое тело, навис огромный чентоль, белый, как свежавывавший снег. И струйки дыма, вырывающиеся из его ноздрей, ясно намекают на дальнейший ход событий...

Огонь. В моих снах он раз за разом поглощал дерево, траву... и Йонто, который отчего-то не предпринимал ни единой попытки спастись.

Я подхватила с земли. Время песком ускользало из-под босых ног, которые вдруг сделались вялыми, тяжелыми... Казалось, я не бегу — топчусь на месте. Задыхаясь, выбиваясь из сил...

Я успела. В тот самый миг, когда высший чентоль, расправив крылья, выдохнул первый язычок пламени, встала между ним и Йонто. Вернее, влетела, едва не упав, зажмурилась и вскинула руки в смешном стремлении оттолкнуть огненную волну, которая неминуемо должна обрушиться на нас.

Она не обрушилась. Секунды шли одна за другой, а я все еще жила. А когда рискнула приоткрыть глаза, наткнулась на пристальный взгляд огромных ярко-золотых глаз чентоля, по-прежнему нависающего над нами.

Я завязла в этом взгляде. Дракон иного мира. Еще не человек, но уже и не чентоль. Промежуточное звено между низшими и истинными.

Йонто молчал. Не двигался. Вообще не подавал признаков жизни. Но он был в порядке, я чувствовала. Высший что-то сделал с ним? Одурманил, лишил воли? Не особо честно, если разобраться!

А убивать ради таящейся в крови силы — честно?

Я вздрогнула, услышав густой голос в голове.

Шэты были, есть и будут бесчестными. Это их природа. Но ты, аштар, частичка души Эйторры, почему ты встала между тем, кто явился забрать мою жизнь, и моим гневом?

Потому, что гнев направлен не на того...

Каждый, взявший в руки этот меч, заслуживает смерти!

Ой. Я же просто подумала... Он читает мои мысли? В самом деле читает?

Ты хочешь говорить со мной. Ты открыта миру, и мир открывается тебе. Я слышу тебя, маленькая аштар, но не понимаю.

Я тоже много чего не понимаю. Например, такой жгучей ненависти.

Они видят в нас всего лишь источник силы. Нам не стоит ни на миг забывать об этом. Их венец, средоточие власти, создан из крови нашего собрата. Того самого, что позволил себе отпустить ненависть и полюбить деву проклятого рода... Древо владетелей! Так

они называют символ предательства. Мы унесли его семечко и вырастили свое древо. Древо скорби. Чтобы помнить. Всегда помнить, как обманчива красота — и на что способны шэты ради достижения своих целей.

Но вы почему-то забыли, что девушка стала такой из-за боли от потери любимого... Избирательная память тоже служит для достижения собственных целей. Чем же вы тогда отличаетесь?

Высший возмущенно выдохнул струйки горячего пара, хлопнул крыльями, подняв неслабый ветер.

Не понравилось ему мое сравнение. Как и неудобный вопрос.

Мы разные! Боль? Любовь? Ложь! Шэты лгут. Шэты неспособны любить.

Неправда. Все ошибаются. Но и признают ошибки. И исправляют их.

Не все ошибки можно исправить.

Не все. И мне жаль. Мне действительно жаль, что все получилось... так.

Жаль, что в Эйторре есть амантит и что год за годом цветет Древо владетелей.

Жаль, что истинные забыли о жертве высших.

Жаль, что ненависть туманит разум обеим сторонам.

Мне жаль.

Но я не могу что-либо изменить. Я всего лишь крохотная песчинка, затерявшаяся между мирами. Я не могу спасти вас... но хочу спасти свою любовь. Что ты хочешь за нее?

Глупая маленькая аштар... Ты умираешь. Ты угаснешь на закате, и этот день станет последним в твоей жизни. Лишь меч грани миров способен разорвать убивающие тебя чары. Так что ты можешь мне дать? Ты не в силах спасти даже себя. Но тебя могу спасти я. Отправить в мир, который ты считаешь своим. И цена моей помощи невелика: отдай мне шэта. Просто отойди и закрой глаза. А откроешь их уже в своем доме. Живая и здоровая.

Нет. Никогда.

Ты о нем даже не вспомнишь. Я сотру его из твоей памяти. Сотру все, что ты пожелаешь стереть. Отойди, позволь мне...

Нет!

Неужели ты не хочешь выжить? Вернуться в свой мир?

Ты действительно не понимаешь... Не можешь понять?

Он и есть мой мир. Если его не станет, мне некуда будет возвращаться.

Шэты не умеют любить. И я тебе это докажу. Ты сделала свой выбор. Теперь — его черед. Скажи ему: то, что он хотел взять силой, я отдаю в дар. Он достаточно умен, чтобы понять. Но достаточно ли любит, чтобы принять? Посмотрим, кто из нас был прав, маленькая аштар. Прощай!

Высший выдохнул, обдав нас волной жара, и взвился в небо. Хлопнули огромные крылья, порождая ветер, и с дерева пролился дождь из лепестков.

Силы закончились, ноги подогнулись, и я бы упала, но очнувшийся от наваждения Йонто поддержал, усадил на траву.

— Ана... Как ты? Зачем ты пришла сюда?!

— Тот же вопрос можно задать и тебе, — укорила я. — Стоит лишь отвернуться, а ты уже с высшими дерешься...

— Ты могла пострадать, — нахмурился Йонто. — О чем ты вообще думала?!

О том, что обязана все изменить.

Как бы я жила дальше, если бы мой сон сбылся?

Хотя... Если верить высшему, жить мне совсем ничего осталось.

И об этом нужно как-то рассказать Йонто. Как-то так, чтобы он сгоряча не наделал глупостей.

Я не сомневалась в нем. Просто не хотела, чтобы он хотя бы на миг задумался над возможностью выбора, чтобы хотя бы в мыслях допустил, что способен это сделать...

— Пострадать мог только ты, — возразила я. — Меня бы он не тронул. Даже домой предлагал вернуть. В обмен на тебя.

От одного только воспоминания неуютно стало.

Я хочу жить. Но не ценой жизни Йонто. Или Тая.

Это не выбор. Никто не имеет права решать, кому жить, а кому умирать.

Наверняка существует другой выход. И на его поиски у нас есть целый день.

Не так уж мало.

— Ты должна была согласиться, — выдохнул Йонто, с тревогой смотря на меня. Щеки горели, губы пересохли, и, подозреваю,

здоровой я не выглядела. — Возможно, это единственный шанс...

— Мне не нужны такие шансы, Йон, — покачала я головой.

Тяжелая какая... И мысли неповоротливые, ленивые... Никак не могу сосредоточиться. Подобрать верные слова...

Кажется, само это место плохо на меня влияет. Нужно уйти отсюда. И тогда... Тогда я сумею рассказать об откровениях Агрийо и своих соображениях насчет привязки.

Но Йонто подниматься с травы не спешил.

— Я слышал все, что говорил высший. Я...

— Поверил? — перебила я, почувствовав одновременно и досаду, и облегчение. — Почему? Почему ты решил, что он не ошибся? Не солгал? Высший чентоль, существо, всей душой ненавидящее шэтов?

— А он солгал? — тихо спросил Йонто. — Ты же знаешь, Ана... Он солгал?

Я тяжело сглотнула, не в силах отвести взгляд от его потемневших глаз.

Знаю. Конечно же знаю. Высший говорил чистую правду, без всяких «если», «возможно» и «есть другой вариант». И даже Агрийо не разорвет чары, что бы он там себе ни думал. Заигравшись, он связался с силами, которые ему неподвластны.

Глупо и бессмысленно обманывать себя, пытаясь убедить в обратном. И Йонто — тоже.

Но... Сдаться — еще глупее. Как и заранее похоронить надежду.

Его надежду.

И мою. Потому что, Невзирая на знание, которому противилась каждая струнка моей души, я упрямо верила в возможность другого исхода.

И в чудо, да.

Не настолько же эта сказка неправильная, чтобы не подарить нам самое настоящее чудо? Разве мы того не заслужили? Разве наша любовь того не стоит?

— Шанс все исправить есть всегда, — улыбнулась я, окончательно поддавшись иррациональной, невозможной вере. — И неужели ты думаешь, что я смогла бы спасти свою жизнь ценой твоей? Даже не попробовав отыскать иной способ? Да и без этого дурацкого условия ни за что не согласилась бы сбежать в свой мир, не сделав все,

что от меня зависит, чтобы остаться. У нас есть время. Давай потратим его с пользой?

Йонто судорожно вздохнул и подался вперед. Его губы обожгли мои, коротко и отчаянно, и я оказалась в крепких объятиях. Дышать стало нечем, но я и не думала вырываться. Зажмурилась, чувствуя вместе с привычно разливающимся в сердце теплом смутную тревогу. Но уловить, что именно не так, не успела — Йонто отстранился. Окинул меня странным взглядом, легко провел тыльной стороной ладони по моей щеке. Какой он горячий! А мне снова было холодно.

Этот холод пронизал не только тело, но и душу. Заморозил нелепую веру, покрыл инеем надежду...

Зашуршал песчинками в невидимых часах.

Мгновение за мгновением моя жизнь превращалась в золотистую пыль в прозрачном сосуде. Сколько мне еще осталось? День? Краткая вспышка между рассветом и закатом...

А может, и того меньше.

Может, следующий вдох станет для меня последним...

Великий предок... Если у нас действительно не выйдет... Если все попытки обратятся в прах... Если мы просто не успеем ничего предпринять... Что будет с Йонто, когда меня не станет? Что мне сказать ему, чтобы он нашел в себе силы жить дальше? Что я могу сделать за отмеренные крохи времени, чтобы избавить его от боли?

Нет! Я не имею права думать об этом!

Я же не сдалась. И сдаваться не собираюсь.

Не собираюсь же, верно?..

— Он сказал, что выбор за мной. Но выбора нет. Каждый миг может оказаться для тебя последним, — созвучно моим мыслям прошептал Йонто. Он вновь поцеловал меня, и я ощутила соль на губах. Чьи это слезы? Я же не плачу... И не заплачу. В его памяти не должно остаться моих слез. Только улыбки. Пусть и столь жалкие, как сейчас... — Ты будешь жить, Ана. Несмотря ни на что. — Горячие губы легко коснулись щек, дрожащих ресниц... Нашли мои губы, делясь необходимым теплом, даря еще один поцелуй, такой долгий и нежный, что сердце едва не растаяло, а мысли стали легкими и не важными. — Подобное исправляется подобным. Ключ — всего лишь часть замка...

Он бережно сдвинул край моего рукава, погладил охваченное амантитовым браслетом запястье. А потом обмакнул пальцы в небольшую густую лужицу, серебрившуюся рядом с нами, на которую я лишь сейчас обратила внимание.

Кровь высшего чентоля? Йонто все-таки удалось его ранить...

Так это о крови говорил высший? Ее принес в дар?

Зачем?

— Йон? — забеспокоилась я, все еще не понимая, что происходит, но ощущая некую неправильность, давящую на сердце и сбивающую дыхание.

— Я люблю тебя, — отчаянно выдохнул он и быстро мазнул кровью по браслету.

Браслет мгновенно нагрелся... и распался на две половинки, которые с тихим звоном упали в траву.

В тот же миг перед глазами замерцало. Тело стало невесомым...

— Нет! — наконец-то все осознав, крикнула я, рванулась, стремясь ухватиться за Йонто, но вместо его руки мои ладони сжали пустоту... и меня с бешеной скоростью швырнуло куда-то вниз, сквозь ставшее мягким и податливым пространство, сквозь лишившиеся замков границы миров.

Туда, где был мой дом... и не было Йонто.

ГЛАВА 16

Дыхание было тяжелым. Хриплым. И в груди что-то нестерпимо жгло, будто там, внутри, рассыпали горящие угли.

Йонто смотрел на свои руки, которые только что обнимали Ану. Смотрел и не мог поверить, что ее больше нет.

Здесь нет.

Нет в мире, где она испытала столько боли. В мире, где почти умерла. И который, несмотря ни на что, любила.

Он ее потерял.

Вокруг разгорался день, жаркий, суматошный, наполненный оглушающим солнечным светом и птичьими трелями, порывами ветра и ароматами трав, а Йонто все так же стоял на коленях, пытаясь справиться с тяжестью, которая крылась в одном-единственном коротком слове.

Навсегда.

Слово царапало сердце и ширило пустоту внутри, о которой он уже успел позабыть за эти несколько недель, по ощущениям вместивших в себя целую жизнь.

— Надо же, — удивленно протянул знакомый густой голос, разрушая оцепенение, — ты все-таки не прельстился призрачным шансом и предпочел, не рискуя ее жизнью, убить себя.

Облаченный в белые одежды высокий юноша с длинными белыми же волосами и огромными ярко-золотыми глазами, странно смотрящимися на худом бледном лице, стоял в какой-то паре шагов, склонив набок голову. Во всем его облике чувствовалась некая неправильность, чуждость, что, помимо неспособности долго удерживать эту ипостась, и отличало высших от истинных.

— А ты, — не поднимаясь, глухо сказал Йонто, — вернулся меня добить? Так давай... Окажешь великую милость.

— Добить способного пожертвовать собой шэта? — в притворном ужасе взмахнул изящными руками юноша. — Глупо уничтожать редчайшие чудеса Эйторры. Да и потом, не настолько я милосерден.

— Что тебе нужно?

— Неправильный вопрос, — чуть заметно поморщился беловолосый. — Что нужно тебе? Любовь? Она у тебя есть, и этого ничто уже не изменит. Надежда? Я дам ее. Ни одно лезвие грани миров не разорвет связь, основанную не на магии, а на чувствах. Посмотри на запястье. Видишь? Эта нить удивительно крепка, гораздо крепче самых злых и древних чар. Что у нас еще осталось? Вера? А вот ее ты должен отыскать в своем сердце сам. Без веры, уж прости, ничего не выйдет. Стань маяком для той, что стремится к тебе. Сияющим, не ведающим сомнений, надежным светом, на который она сможет пойти. Светом, способным гореть долго, возможно, не год и даже не два, светом, который не потушит усталость и разочарование. Все зависит лишь от тебя. Ах да. Немного мотивации лишним не будет... Если ты надеялся, что она тебя забудет, то ты ошибся. Она будет жить, но счастливой без тебя никогда не станет. Так что прекращай страдать и подумай, что ты можешь для нее сделать.

Высший усмехнулся и резко провел ногтем по ладони, а наполнившую ее серебряную кровь заключил в прозрачную, но прочную оболочку.

— Сам решишь, как этим распорядиться, — сказал он, бросив получившуюся сферу ошеломленному Йонто. Она мягко сияла, словно волшебный фонарь, разгоняющий мрак отчаяния. — Я уже убедился, что твои решения достойны уважения.

— Зачем тебе это? — недоверчиво спросил Йонто.

— Я чувствую вину перед маленькой аштарой, — вздохнул высший. — А еще мне стало интересно, возможно ли то, во что она верит. Прощай, неправильный шэт! А может, всего лишь до свидания...

Тонкая фигура подернулась рябью, ее очертания поплыли, за клубился вокруг золотистый туман... и в ясное небо, широко раскинув крылья, взмыл белоснежный чентоль.

Йонто долго смотрел ему вслед, даже тогда, когда мерцающий силуэт растворился в солнечной вышине, и чувствовал, как отпускает подобравшаяся к сердцу черная пустота.

У него есть любовь. Есть надежда. И вера тоже есть.

Он ни на миг не усомнится. И не отступится.

— Однажды ты нашла дорогу сюда, — тихо сказал Йонто. — Ты же сможешь вернуться? А я... Я сделаю так, чтобы этот мир стал

достоин твоей любви.

Осторожно сжав в ладони сферу с кровью чентоля, он поднялся на ноги.

Это будет непросто и не быстро. А потому следует начать прямо сейчас.

Храм был одним из древнейших — пожалуй, даже древнее того, где проходили поединки, — и сила, заключенная в его стенах, чувствовалась издалека.

Добраться до него труда не составило. Войти будет куда сложнее.

Теневая тропа выкинула Йонто у подножия скалы. Он с тоской воззрился на бесконечные крутые ступени, взбегающие вверх, к невидимым отсюда вратам.

Каждый страждущий милости божества должен доказать — прежде всего самому себе, — что его намерения тверды и непоколебимы, а цель того действительно стоит. И Лестница чаяний, в народе называемая Лестницей мучений, весьма неплохо сему способствовала.

Редкий проситель добирался до ее середины. Еще реже кто-то входил в храм.

Йонто решительно шагнул на первую ступень.

Ему нечего было себе доказывать. Все свои желания и цели он давно осознал и ничуть в них не сомневался. И подъема почти не заметил... Остановился перед ажурными воротами, словно кованными из солнечных лучей, и без раздумий коснулся створки. Она поддалась, открылась легко и бесшумно, приглашая уставшего путника погрузиться в живую тьму, вздыхающую за порогом.

Свет и тьма. Вечная борьба. Вечное единение.

Разве этого нужно бояться?

Ты можешь умереть...

Невесомый шепот легким ветерком прошелестел прямо в голове, предупреждая, вразумляя.

Умереть?

Йонто улыбнулся и ступил за ворота.

Тот, кому есть ради чего жить, умереть не может.

Тьма ластилась к нему, пока он шел по узкому коридору, скрадывала эхо шагов, пила любые звуки. Льнула к коже, щедро

рассыпая по ней мурашки, закрывала глаза сухими ладонями. Перед дверью Йонто сбросил с плеч душные объятия и, распахнув ее, очутился в сияющем круглом зале. Постоял с минуту, привыкая к свету, низко поклонился изваянию Великого предка, опустил перед ним на колени. Неспешно снял безрукавку и рубашку, достал из кармана сферу с кровью высшего чентоля и, затаив дыхание, коснулся ею ийталя.

Сфера вспыхнула, разрушаясь, и кровь мгновенно впиталась в кожу, потекла-побежала по тусклым линиям, наполняя их живым серебром. И болью.

Ийталь пылал. И Йонто горел в этом огне. Горел, но не мог сгореть.

— Я невиновен, — громко и четко произнес он, глядя прямо в каменные глаза человеческой ипостаси Великого предка. — Услышь меня, исправь несправедливость. Ты же знаешь это. Ты можешь помочь. Я невиновен!

Это мало походило на молитву, но молиться Йонто не умел. Он пришел сюда не для того, чтобы униженно просить, а для того, чтобы поговорить на равных. Пусть даже с божеством. Пусть даже с тем, кому долгих восемнадцать лет и дела не было до свершенного с его попустительства злодеяния.

Йонто не хотел возмездия. Он хотел справедливости. И он имел на нее полное право.

Он стоял на коленях, неотрывно глядя в бесстрастные глаза Великого предка, охваченный пламенем и уверенностью в собственных силах. Стоял до тех пор, пока боль не разрослась и не поглотила его, отправив в небытие.

Йонто не знал, сколько времени прошло. Может, пара часов, а может, и лет. Это не казалось важным. А вот то, что он держал в руках... то, что скрывал тончайший алый шелк, расшитый золотыми узорами... то, ради чего он и ходил в храм...

Здесь и сейчас только это имело значение.

Йонто стоял перед парадным входом во дворец и ждал. Ворота он миновал без проблем — никто не посмел остановить его.

Кровь высшего чентоля исправила рисунок ийталя, убрав позорное клеймо преступника, но вот вернуть силу не сумела. Йонто

не особо расстроился, а царапнувшее сердце сожаление удалось изгнать быстро, так, что оно толком разойтись не успело.

Главное, что все получилось. Шэ́т из рода владетелей, пусть и лишенный силы, но не прав, не то же самое, что заклеянный изгнанник. И он немало способен изменить...

Йонто мог бы пройти и дальше, собрать всех в том же тронном зале, но... Не хотелось. Слишком теплой и ясной была ночь, да и дело, которое он замыслил, лучше свершить под прямым присмотром Небес, не прикрываясь заговоренными стенами.

Стражи оказались расторопными, и вскоре у подножия ведущей во дворец лестницы собрались все участники предстоящего действия. Замерли, разглядывая возмутителя ночного покоя...

Встрепанный Тай с перемазанными чернилами руками и щекой, недоуменно хмурящийся и хлопающий ресницами.

Бледная Вэйнара, прижимающая к губам дрожащую ладонь.

Канро-шан, мертвенно-белый в неяром ночном освещении, исхудавший, с совершенно безумными глазами.

Его тень Агрийо привычно маячил чуть позади. Перебуженная свита толпилась на верхних ступенях.

Что ж, все в сборе. Пора начинать.

Неделя. Минула неделя с той ночи, как безумный мальчишка украл Анну.

Канро помнил, что он приходил. И что-то говорил... Но вот что именно — забыл. Да и в реальности этой встречи владетель сомневался.

Он теперь сомневался во всем. Еда и напитки казались горькими, и чудился на языке терпкий привкус яда. Краски выцвели, солнце больше не светило — туман, и не думавший покидать голову, застилал глаза, и даже сны были наполнены им. Канро снились кошмары. Прошое причудливо переплеталось с настоящим и рождало страшное будущее. От видений он просыпался в холодном йоту, но явь тоже пугала. И лекарства уже не спасали.

Как и крохи золотистой пыли, что хранилась в восточной башне.

Да, Канро боялся. Каждого шороха. Каждой тени. Но больше всего он боялся себя самого. В зеркалах черты его лица приобретали

сходство с чертами отца, и казалось, что он превращается в монстра. Или уже превратился?

Он не хотел. Никогда не хотел быть таким. Но туман упорно показывал неприглядные картинки, от которых становилось тошно. И та, что пряталась в белесой мгле, сочувственно вздыхала, лишь проворачивая меч в кровоточащей ране.

По прошествии наполненных кошмарами дней Канро не был уверен, что Йонто в самом деле стоит в нескольких шагах от лестницы, что он добровольно пришел сюда, что...

Зачем бы вору возвращаться?

Но, во сне или наяву, он был. И взгляд то и дело соскальзывал с бледного серьезного лица на мерцающий в лунном свете, что-то скрывающий шелк. Сверток Йонто держал бережно, словно боясь уронить, и в груди у Канро неприятно екнуло.

И туман всколыхнулся, отпрянул... Позволил разуму пробудиться.

Йонто же, окинув собравшихся внимательным взглядом, направился вперед. В полной тишине его шаги звучали слишком громко. Зловеще даже.

Канро знал, что нужно действовать, и прямо сейчас, иначе ничем хорошим это не кончится, но отчего-то продолжал стоять и смотреть.

Как Йонто остановился напротив Тайро.

Как приложил занятые свертком ладони сначала ко лбу, а потом к сердцу.

Как преклонил колено...

Перед мальчишкой преклонил!

— Тайро-шан, — нарушил молчание хриплый голос окончательно спятившего эранира, — примите этот дар и мою верность.

Он протянул руки, и шелк скользнул на землю, явив выкованный из амантита венец. Он сиял даже в скудном освещении, и дарованные Сверкающей искры мерцали на его остриях.

Как находившийся в зачарованной комнате венец оказался в руках мальчишки с печатью отступника?! Венец, который мог призвать лишь тот, кто имеет полное на него право...

— Здесь и сейчас клянусь жизнью и честью оберегать вас, мой господин, чтобы вы могли стать надежной опорой и защитой Прайго, — четко сказал Йонто, и Канро пришел в себя.

— Какого... Что ты творишь, глупец?! — прорычал он, чувствуя, как дрожит в предвкушении обращения тело. — И где Анна?!

— Анна дома. В полной безопасности. А я меняю шэт-шана на более симпатичного, — не моргнув глазом заявил смутьян и, ловко поднявшись, возложил венец на голову замершего Тайро.

От грянувшего грома содрогнулись стены, зашелестели, застонали. И вырезанные на них узоры ожили в свете ослепительно-белой молнии, задвигались, меняясь, складываясь в иные пророчества, прославляя другое имя.

Великий предок, вопреки всем традициям и здравому смыслу, признал нового владельца.

Прежний же тряпичной куклой рухнул на колени. Сила, миг назад безумствовавшая в крови, окончательно предала его, предпочтя того, на чьей голове ныне сиял венец владельцев.

Канро смотрел, как медленно поднимает руки Тайро, как осторожно касается прохладного амантита, как улыбается, недоверчиво, будто все еще полагая, что с ним сыграли шутку.

Злую шутку, враз перечеркнувшую мечтания и стремления Канро. Он вдохнул. Выдохнул. И рассмеялся, тихо, страшно, задыхаясь и почти теряя сознание. А потом, собрав крохи силы, разорвал пространство и провалился в неизвестность прежде, чем Йонто успел хоть что-то предпринять.

Не догонит. Не найдет. У него сейчас другие заботы. Без него мальчишка, ставший владельцем, не проживет и мига.

Неизвестность сомкнулась душным пологом, окутала с ног до головы, забрала мысли и дыхание.

О том, что разрывы опасны даже для тех, кто полон сил, Канро совершенно позабыл.

Агрийо и не надеялся на такой подарок Небес. Целую неделю он считал, что все потеряно, и отчаянно раздумывал, что предпринять. Но Великий предок не оставил его, дав еще один шанс избавить Прайго от проклятой крови. Шанс, который он не имел права упустить.

Канро умудрился нырнуть в разрыв, и Агрийо затаился, ожидая, когда Йонто бросится в погоню. Даже если Анна и успела все ему рассказать, он не знал, что это не Канро собрал и использовал ее кровь. Ведь не отпустит же он просто так того, кто отнял у него все? Не

сможет отпустить! Не позволит умереть врагу так быстро... Ярость шэтов слишком сильна, чтобы противиться ее зову.

Йонто кинулся к месту исчезновения Канро, и звездочет осторожно шагнул ближе к Тайро. Ошеломленный мальчишка пока не осознал, что случилось, кем он только что стал.

Сейчас он был легкой добычей. Венец подстраивался под нового владельца, переплетал свою силу с его, одновременно лишая юного шэта защиты. Всего на несколько мгновений. Именно в эти мгновения можно нанести смертельный удар. Освободившаяся сила наверняка сметет полдворца, но... Перемены всегда требуют жертв, а Агрийо не считал ни свою, ни чью-либо еще жизнь слишком большой платой за светлое будущее.

Он нашарил в складках плаща кинжал. Крепко сжал вспотевшей от волнения ладонью рукоять. Скользнул к ничего не подозревающему мальчишке... и замер, ощутив, как к тонкой коже шеи прижалось нечто холодное и острое. Первое же неверное движение станет для него самым последним...

Ладонь разжалась. С грохотом упал на землю кинжал.

— Я... хотел позаботиться о владельце, — сглотнув, сипло выдавил из себя звездочет.

— Я сам о нем позабочусь, — отрезал Йонто, убирая от горла неудачливого убийцы меч. Данная клятва оказалась для него важнее мести... — А тебе придется обживать покои западной башни. В тишине и одиночестве сподручнее продумывать новый план по спасению Прайго от неугодного шэт-шана. И поторопись, пока он не решил твою судьбу.

Агрийо обреченно сглотнул.

О таком исходе Небеса его не предупреждали.

Они, всегда манившие Агрийо звездами и однажды позволившие разгадать свои послания, сулившие исполнение всех чаяний, показавшие путь к лучшему будущему, предали его.

Жестокие, равнодушные.

Лживые.

Да будут они прокляты...

В храме Йонто видел сон. Яркий, осязаемый. О том, что было. О тех, кто рядом.

Он видел прошлое и настоящее. Видел, кто сплел гигантскую паутину, а кто всего лишь стал ее пленником. Видел... И не знал, реальность ли это или же игра воображения.

Но на всякий случай решил быть настороже. И не зря.

Поведение Агрийо разрушило последние сомнения, и Йонто стоило большого труда сдержаться и не убить на месте того, кто едва не погубил Ану, того, по чьей вине он ее потерял.

Небо медленно светлело. В воздухе пахло грозой, а мир удивленно дрожал, приглядываясь к новому, не менее изумленному владельцу, и одновременно болезненно вздыхал, пытаясь затянуть место разрыва.

К этому-то месту Йонто совершенно непочтительно, чуть ли не за шкуру, и подтащил Тая.

— Латай... те, мой господин, — приказал, кивнув на слабо мерцающий воздух.

— Я?! — растерялся бестолковый, но перспективный шэт-шан.

— Это ваша обязанность, мой господин, — терпеливо напомнил Йонто и состроил младшему страшные глаза, благо что ошарашенные подданные все еще толпились на верхних ступенях лестницы. И едва слышно шепнул: — Представь, что это большой артефакт, и почини его!..

Тай представил. Просиял. Поправил сползший на лоб венец, трижды обошел место разрыва, оценивая и что-то рассчитывая, и, вдохновенно махнув руками, щедро плеснул туда силу.

Из хорошего — разрыв затянулся, и мир, облегченно выдохнув, затих.

Из плохого... Надо бы намекнуть этому... владельцу, что силу стоит использовать с умом!

Пока свита прежнего шэт-шана и подтянувшиеся на шум обитатели дворца соскребали себя и ближних со ступенек, а верные эраниры убеждались в целостности и невредимости ошеломленно трясущего головой — и как только венец не слетел! — Тая, Йонто помог подняться Вэйнаре, которую успел закрыть от прокатившейся по двору воздушной волны.

— Мама... — Непривычное, давно забытое слово оцарапало горло. Почти до слез.

— Йон?... — тихо отозвалась она.

Прости. За то, что обвинял. За то, что не желал выслушать. За то, что так долго не мог понять. Прости.

— Пожалуйста, позаботься, чтобы Тайро вспомнил все, что полагается знать шэт-шану... и проследи, чтобы он не сровнял дворец с землей, — вместо этого попросил Йонто.

Но по тому, как засияли глаза Вэйнары, как осторожно ее ладонь коснулась его щеки, он понял: она услышала все без слов. Которые он все-таки однажды скажет ей. Обязательно скажет.

Тайро проснулся от глухого удара. Подскочил, ошарашенно завертел головой, не понимая, что произошло. Смерил взглядом кровать, с которой свалился, и со стоном растянулся на полу.

Наглое солнце сияло в распахнутое окно, намекая, что скоро верная свита потащит несчастного шэт-шана на очередное, несомненно, важное мероприятие. Тайро признавал, что порой без его участия было не обойтись, но чаще всего присутствие владельца являлось простой формальностью, отнимающей время и силы. Уж их-то можно потратить с куда большей пользой... И вовсе не на сон! Он и сам не понял, как уснул. Всего-то прилег на минуточку, чтобы дать отдых спине и слезящимся глазам, а оно вон как вышло... Нехорошо.

Нехорошо было уже год с лишним. Тайро работал не покладая рук и не щадя головы, но результаты не впечатляли. А ведь поначалу поставленная задача вдохновила. Создать портал между мирами... Заманчиво! Настоящий вызов! И вроде бы все шло не так уж плохо, но... Чего-то по-прежнему не хватало.

Разбирая записи Агрийо, коротающего свой век в западной башне, Тайро наткнулся на любопытные вещи и всерьез увлекся магией зеркал. О возможности перехода с их помощью упоминалось как-то вскользь, больше внимания уделялось передаче мелких предметов, требующей наличия связанных зеркал. Из вредного звездочета, оставленного во дворце лишь ради ценных сведений, вытянуть эти самые сведения оказалось нереально, но шэт-шан не сдавался. Все свободное время, которого, к сожалению, из-за новых обязанностей отчаянно не хватало, он посвящал изучению зеркал, выяснению их свойств и расчетам, которых было неприлично много. В итоге Тайро добился невероятного — превращенные в артефакты зеркала смогли стать порталами, но... Имелась одна загвоздка: они работали лишь в

паре и — самое неприятное — в пределах Эйторры. И на незнание координат другого мира не спишешь — Тайро их знал. Из дневника отца Анны, который дал ему Йонто. Дневник вообще оказался занятным чтивом... Жаль, что Анна не изучила его до конца, тогда никому не пришлось бы мучиться.

Тайро волновался за Йонто. Брат вел себя так, словно Анна уехала в другое шэтхо. Он ждал ее. И слепо верил, что она вернется. Верил год. Верил полтора... И пятьдесят лет будет верить. Несомненно.

И это пугало.

Йонто пришлось нелегко. Разрыв, в который угодил прежний владетель, залатали быстро, но порожденная им волна сыграла роковую роль. Разойдясь, словно круги на воде, она обеспечила несколько жарких месяцев охотникам на нечисть, в том числе и старшему эраниру шэт-ара... нет, теперь уже шэт-шана Тайро. Тогда ненормальная вера брата пригодилась, не давая ему бездумно рисковать собой... На этом ее плюсы, пожалуй, заканчивались.

Тайро тоже скучал по Анне и хотел ее возвращения, но он мыслил трезво и осознавал, что шансы создать артефакт перехода минимален. Затея с браслетом провалилась: ни одну вещь Анны не удалось превратить в ключ и якорь. Но, не желая расстраивать Йонто, Тайро продолжал изыскания.

Он горестно вздохнул, сел и потянулся к валявшимся неподалеку расчетам, которые мучил невесть сколько, не в силах понять, где же кроется ошибка... А она меж тем совершенно точно была. И путала вычисления, выходившие громоздкими, лишенными логики и неприменимыми на практике.

Тайро вновь вздохнул, запустил руку в растрепанные волосы, массируя наливающийся тяжестью затылок, да так и застыл, недоверчиво рассматривая лист бумаги.

Почерком, ничуть не отличимым от его собственного, рядом с двумя перечеркнутыми формулами красовалась аккуратная цепочка цифр. И складывались они в столь четкую и чистую картинку, что душа радовалась.

— Когда это я успел?... — удивился Тайро.

Он не помнил, как это писал. Ни малейшего проблеска воспоминаний!

— Нужно меньше работать, — придя к выводу, что записал все во сне, пробормотал он. Провел кончиком пальца по формулам, обретшим-таки смысл и ценность, и добавил: — Или больше.

И, не переодеваясь, выбежал из покоев. В мастерскую. Подтверждать теорию практикой.

Кирэна проводила взглядом перепрыгивающего через ступеньку и размахивающего листами с расчетами Тая, за которым, причитая, неслась свита, и грустно улыбнулась.

Он бы непременно все понял сам, ее одаренный мальчик, но... Это заняло бы время. Время Йонто, перед которым она чувствовала вину, и Анны, без которой у нее ничего бы не вышло.

Теперь же... Все зависит только от них. Небеса к ним благосклонны. Сумели бы еще оной благосклонностью воспользоваться в полной мере...

Дождавшись, когда переполох утихнет, Кирэна направилась к западной башне. Облачение служанки внимания не привлекало, и дорога получилась короткой и спокойной. Перед самой башней, правда, пришлось проявить осторожность и хитрость, чтобы скачущие на посту стражи не заметили незваную гостью.

Незванная. Нежданная.

В доме, который когда-то по праву считала своим... и в который спустя долгие годы проникла под чужой личиной.

Кирэна медленно поднималась по крутым ступеням, борясь с нахлынувшими воспоминаниями.

Шэты обладали особой силой, которая не имела ничего общего с магией. Но из любого правила бывают исключения... Кирэна, младшая дочь сурового владельца Алэйто, появилась на свет с даром. И дар этот хранился в строжайшей тайне, потому как считался серьезным изъяном, препятствующим продолжению рода.

Девочка росла. Сила — тоже. И однажды, когда во дворце гостил шэт-ар Канро, она вышла из-под контроля...

Во время прогулочного полета на чентолях переполнявшие Кирэну эмоции обернулись ураганным ветром, что едва не стоило жизни наследнику соседнего шэтхо, самой девушке и их сопровождающим. К счастью, а может, и к сожалению, в число оных входил Агрийо.

Он обуздал ураган. И, безошибочно вычислив и его магическую природу, и источник этой магии, не выдал Кирэну. Более того, предложил ей помощь. Юная и наивная, она ухватилась за предложение, не задумавшись о цене, которую рано или поздно придется заплатить.

Агрийо обещал Кирэне, что разовьет ее способности и научит держать их в узде, конечно же в обход воли ее отца, мечтавшего навсегда избавить дочь от изъяна. Для этого нужно было, чтобы Кирэна покинула дом... Хотя бы в роли жены Канро-ара, который к тому моменту глаз с нее не сводил.

Устроить их свадьбу для Агрийо оказалось делом несложным. Майро-шан прельстился плюсами этого союза, а отец Кирэны — возможностью выгодно отдать «бракованную» дочь.

Так Агрийо достиг сразу двух целей.

Ему нужна была послушная ученица. И гарантия, что в ближайшее время наследников в проклятом роду не будет.

Но случилось то, чего звездочет не предполагал, то, о чем умолчали Небеса. Мало того что у младшей дочери Майро-шана появился истиннокровный ребенок, так еще и Кирэна по-настоящему полюбила мужа. Настолько, что пошла наперекор учителю и нашла способ — с риском для собственной жизни — родить сына. О чем и сама впоследствии пожалела.

Тайро родился очень слабым. Без силы. Тогда-то Агрийо и вернул контроль над Кирэной, пригрозив, что расскажет Майро-шану об истинных причинах болезни его любимого внука. В том, что в гневе владетель ребенка не пощадит, сомнений не было — Кирэна хорошо изучила отца своего мужа. И она согласилась на настоящее безумство.

Приказ был лаконичен: привести из другого мира девушку. Кто она и зачем нужна, Кирэна не знала. И не узнала бы, не прихвати по ошибке записи учителя. Из них-то и выяснила, кого так ждал Агрийо... И для чего. А еще Кирэна с ужасом вникла в некоторые особенности течения местного времени...

Окончательно разочаровавшись в учителе, она произвела собственные расчеты, благо что в тех же записях отыскалась и карта расположения звезд, по которой строил планы Агрийо. Кирэна действовала от отчаяния и особо ни на что не надеялась, но Небеса преподнесли ей поистине сказочный дар.

У нее появился шанс все исправить. Кто бы от такого отказался?

В новом мире оказалось непросто. Устроиться, позаботиться о пропитании и крыше над головой, найти девушку... Придумать, как к ней подобраться.

К счастью, подруга Анны отличалась беспечностью и доверчивостью, и внушить ей мысль о ритуале с зеркалом не составило труда. Жаль, что все сорвалось, но... Зеркала слишком ненадежны. Кирэна, в отличие от Тая хорошо знакомая с их особенностями, много думала над этой проблемой, потому и смогла подправить формулу сына. А тогда пришлось искать другой способ. С браслетом все получилось идеально...

Времени ушло изрядно, и понимание этого измотало Кирэне душу. А уж когда с запястья исчез брачный узор... Это могло означать лишь одно: Канро разлюбил ее. Гораздо позже Кирэна узнала, что его сердце, как и тело, отравил Агрийо. Поддельным письмом, в котором она отрекалась от мужа. Чарами, растворившими узор Канро, заставившими его поверить, что любовь Кирэны бесследно прошла.

Несмотря ни на что, она всей душой желала возвращения. Но одного желания было мало.

В качестве якоря звездочет использовал кольцо с бриллиантом, найденное в вещах Рантэра. Оно открыло ворота между Эйторрой и Землей... и стало кандалами, приковавшими Кирэну к чужому миру. Все попытки снять кольцо терпели крах. Даже когда она наконец-то поняла, как от него избавиться, ей не хватило самой малости. Магии. Сгодились бы и несколько искр, но они, предусмотрительно прихваченные с собой, бесследно испарились при переходе.

Но Небеса сжалились над отчаявшейся женщиной. Возможно, потому, что видели искреннее стремление все изменить... и ее истинную цель.

Кирэна защищала свою семью. Как могла. И, кажется, у нее все-таки получилось.

Старый змей оказался в клетке. Цапнул сам себя за хвост ядовитыми зубами. И теперь мог лишь бессильно шипеть сквозь толстые прутья...

Западная башня, холодная и сырая, раньше была необитаемой. Сейчас же здесь, в комнатухе наверху, забранной оплетенной чарами решеткой, обосновался старый звездочет. Действительно старый... Эти

без малого двадцать лет, ставшие для Кирэны несколькими месяцами, его не пощадили.

Или все дело в банальной злобе?

Кирэна замерла перед решеткой, разглядывая старика, вычерчивающего щепкой на стене узоры. Лишенные силы, зато полные безысходности...

— Свиделись-таки, учитель, — негромко обронила она, когда от этого зрелища стало невыносимо муторно.

Агрийо вздрогнул всем телом, выронил щепку, обернулся... Постоял, подслеповато щурясь, и с придушенным воплем кинулся к решетке.

— Ты! — выдохнул он, вцепившись узловатыми пальцами в прутья. — Как ты вернулась?!

— Ты рассчитывал, что я никогда не избавлюсь от якоря, да? — скривила губы в болезненной усмешке Кирэна. — В чем-то ты был прав. Мне не хватало магии. В том мире ее почти нет... Но возвращение Анны привело к всплеску, который смыл твой якорь.

Она не ожидала этого. Не подготовилась. И осталась в живых лишь чудом. Еще и занесло чуть ли не на другой край Эйторры. Пришлось восстанавливаться, долго, мучительно... А потом искать дорогу домой. Туда, где ее никто не ждал. И где все разительно изменилось.

Раскрывать себя Кирэна не спешила. Она чувствовала свою вину перед Таем. Она боялась... Не сомневалась в нем, нет. Но и от страха избавиться не могла. И этот страх подсказал, как действовать дальше.

Для начала она выяснила, что произошло за годы ее отсутствия. Слуги — бесценный источник информации. И желающих просветить новенькую оказалось немало... Так Кирэна узнала о том, что Майрошан почти сразу после ее ухода сделал с Таем и Йонто. И о письме, в котором она якобы отказалась от мужа. А еще — что именно и по чьей вине случилось с Канро полтора года назад...

Учитель бил по самому больному. Травить ядом и ложью лишенного душевной опоры владельца было намного проще, чем счастливого и уверенного в себе.

— Чего ты хочешь? — проскрипел Агрийо. — Что бы ты сейчас ни делала, для тебя все кончено. Для Канро — тоже. Он мертв. А ты... Думаешь, твой сын примет тебя? Он...

— Добрый мальчик с чистым сердцем, — резко перебила Кирэна. — Да, однажды он примет меня. Как примет и своего отца. Настоящего, такого, каким он был до того, как ты его искалечил.

— Ты рехнулась! — взвился Агрийо. — Канро уже давно нет в живых! Он угодил в пространственный разрыв, без малейшей капли силы, без единого шанса спастись!

— И не мечтай, — спокойно отозвалась она. — Пока жива я, он тоже будет жить. Уж на это моих умений с лихвой хватило.

— Когда успела?.. — прошелестел звездочет, опускаясь на пол.

— Перед тем, как ты заставил меня уйти, — пожала плечами Кирэна. — Я не могла тебе доверять и решила подстраховаться... Он сейчас в безвременье, в сплетенном мною коконе, куда его выдернули мои чары в момент смертельной опасности. Его жизнь крепко привязана к моей, а я сильная. Я удержу обоих, учитель, и буду держать столько, сколько нужно.

— Ты... Бестолковая!..

— Да, — покорно кивнула она. — Совершенно бестолковая. Иначе бы ни за что не поддалась твоим угрозам, все рассказала Канро и сохранила свою семью... Но ничего. Тех крох толковости, которыми меня наделили Небеса, хватило, чтобы спутать твои планы. Ты же оценил, правда?

— Ты? Так это ты все испортила?! — изумленно вскинул голову Агрийо. — Но как... Я же все просчитал! Звезды четко показали, что дочь Рантэра приведет к гибели этот род!

— Все, да не все, — с наслаждением протянула Кирэна. — Твои, несомненно, сложные и мудрые расчеты не учли, что я отправлю сюда не младшую, а старшую дочь. Ох, учитель, что же ты так побледнел? Неужели звезды умолчали о существовании еще одной девочки? Какая неприятность... За небрежность нужно платить. Так ты всегда говорил мне. Вспомни свои слова и смирись с тем, что это не я, а твоя собственная ошибка привела тебя к краху.

Легко поклонившись, Кирэна отступила от решетки.

— Стой! — вскричал Агрийо, прильнув к прутьям. — Не смей! Ты должна вытащить меня... Ты жива лишь благодаря мне!

— И я сполна расплатилась за это, — тихо сказала она. — Всему есть предел, учитель. Больше я ничего тебе не должна. Прощай.

Отвернувшись от звездочета, обуреваемого смешанным с яростью страхом, Кирэна прикрыла глаза и, сосредоточившись, провела крошечным ножиком по ладони. Взмахнула ею и шагнула в образованную алыми каплями арку, которая тотчас же бесследно истаяла, закрывая путь в ничто.

Получилось.

Наконец-то у нее получилось!

Недавно Кирэна предсказала одной смелой девушке три пути, ничуть не сомневаясь в ее выборе.

Небеса, в отличие от живущих под ними, никогда не лгали, но и волю свою не навязывали, оставляя открытыми множество путей. А в душе Анны Кирэна увидела отражение своих мыслей и чувств. И не ошиблась.

Они обе искренне верили, что по любому бездорожью можно проложить свою собственную дорогу. Это трудно, больно и опасно, но в итоге такая дорога станет самой удобной и надежной.

Для Кирэны этой дорогой стал Канро. Кто бы что ни говорил. Что бы им ни пришлось пережить. Она никогда не нуждалась в проторенных тропках, на них ей было тесно — несмотря на комфорт и безопасность...

В безвременье не существовало ни света, ни запахов, ни звуков. Кирэна ступала осторожно, закрыв глаза, полагаясь на чувства. Здесь лишь они являлись надежным проводником. Компасом, способным привести к одной-единственной, самой желанной цели. Кирэна всей душой благодарила Небеса, что послали ей идею привязать к себе мужа... и что помогли удержать его. Даже из другого мира.

Та нить, что связала их однажды, оказалась невероятно прочной. Никакие чары не сумели ее разрубить.

Кирэна пыталась вернуть Канро все это время, но сил не хватало. Она копила их, крупица за крупицей, и наконец-то собрала достаточно. Возможно, сам дворец, выстроенный в особом месте, узнал ее и щедро напичкал силой. Не суть важно.

Шаг. И еще один. Протянутая вперед рука...

И что-то теплое, живое под ладонью.

Стук сердца. Частый, неровный. Рваное дыхание над ухом.

Запах. Знакомый. Родной. Так пахнет огонь и счастье...

И неуверенный хриплый шепот:

— Кирэна?..

Нашла!

Крепко обняв свою находку, она оборвала ниточку чар, загадав оказаться в самом тихом и спокойном месте Эйторры, где их никто никогда не потревожит.

Земля уплыла из-под ног, и, если бы не поддерживавший ее Канро, Кирэна непременно упала бы. Она смотрела, как медленно рассеивается тьма, как все четче становятся черты любимого лица, нахмуренного, растерянного...

Канро был болен. За те годы, что Агрийо непрестанно травил его, он потерял не только физическое, но и душевное здоровье. Но... он выжил. И это — главное. А остальное... Она все исправит. И тогда... Они вернутся к Таю, не сломанными и потерянными, как сейчас, а такими, какими были раньше. И попросят прощения у всех, перед кем виноваты. Непременно.

— Кирэна, — повторил Канро уже более уверенно, глядя на нее изумленно расширенными глазами. — Ты... вернулась?

— Я вернулась, — отчего-то шепотом ответила она. — И никогда тебя не бросала. Я люблю тебя. Всегда любила.

— Неправда...

Он болезненно поморщился, попытался отстраниться, но Кирэна не позволила, благо что сил у бывшего владельца практически не осталось.

Так, не отпуская его, согревая своим теплом и согреваясь сама, она говорила. Быстро, взволнованно, боясь чего-то упустить, забыть... Боясь, что Канро не захочет слушать. Поверить. Простить.

Но он слушал. И все крепче сжимал ее в своих объятиях.

А вокруг шелестел лес, светлый и звонкий. Неподалеку журчал ручей, и на горизонте вздымались подернутые туманной дымкой пики гор.

К сугубо лесным запахам примешивался аромат свежей сдобы...

Самое тихое и спокойное место Эйторры.

Где бы оно ни находилось, здесь они будут счастливы.

Кирэна выстрадала это счастье. Для них двоих. И никому больше не позволит его разрушить.

ГЛАВА 17

Я падала... и вместе с тем оставалась недвижима. Вокруг клубилось нечто прозрачно-серебристое, лишенное запахов, цветов и звуков. Я словно оглохла и ослепла, да и другие чувства притупились, а мысли исчезли.

Нигде и Никогда. Блаженное безвременье, дарящее забвение.

Увы, долго это не продлилось.

Я ощутила под ногами что-то твердое, и серебряный туман исчез, являя мне реальность. Некогда желанную, сейчас же — выворачивающую наизнанку душу...

Рассветное небо Эйторры сменилось мутно-черным, подсвеченным красным. И на фоне этого неба четко вырисовывался шпиль университета, в котором я проучилась пять лет.

Шпиль дрогнул, накренился и с грохотом рухнул на обледенелую землю. Тело прошила тупая боль. Что-то пронзительно взвизгнуло, ударил по нервам громкий резкий звук, тревожный, до противного знакомый...

Последнее, что я вспомнила, прежде чем окунуться в грязно-алую, как небо моего родного мира, тьму, — полные отчаяния глаза Йонто.

Как выяснилось позже, меня выбросило на проезжей части. Хорошо хоть не на самой оживленной, иначе бы испугом и шишкой на голове я не отделалась. Впрочем, в больницу все равно попала... Пришла в себя я быстро и даже вспомнила номер Светы. Верная подруга примчалась незамедлительно, прихватив нормальную одежду, и помогла мне добраться до дома.

— Оставила без присмотра на сутки! — возмутилась она, едва мы переступили порог моей квартиры. — И что? Ты тут же оказалась в больнице, да еще в таком... виде! Наряд странный, обуви нет, а от самой одни глаза остались, и те — больные! Как это понимать?! Куда ты успела влипнуть, причем без меня?!

Похоже, последнее задело подружку сильнее всего. Приключений ей явно не хватало... Я же была сыта ими по горло. Сейчас мне

хотелось не отношения выяснять, а уснуть. И желательно никогда не просыпаться. И...

Что она сказала?..

Головой я все же ощутимо приложились, и смысл уловила с трудом.

— Когда мы виделись последний раз? — хрипло спросила, опускаясь в кресло.

— Вчера. Когда к гадалке ходили, — ответила Света и подозрительно прищурилась. — Что за вопросы? Совсем голову отшибла? Так нужно было в больничке остаться! Ты...

Подруга говорила что-то еще, но я уже не слышала.

Вчера. С моего исчезновения прошли неполные сутки, тогда как там, в Эйторре, миновал почти месяц.

И прожили мы здесь всего двадцать лет, хотя по меркам того мира все случилось около полтысячи лет назад.

Мысли, колкие и суматошные, бились в больной голове, вызывая дурноту. И дышать становилось все тяжелее...

Время. Время двух миров текло с разной скоростью.

Это открытие лишило последних сил. Я закрыла лицо ладонями, уткнулась в колени... и разрыдалась.

Свете я все рассказала в ту же бесконечно длинную ночь. Удивительно, но она поверила. Сразу, безоговорочно. Не скажу, что мне стало лете — да и существовало ли хоть что-то, способное меня утешить, — но... Я была рада, что есть человек, с которым можно разделить казавшееся неподъемным горе.

Горе заполнило собой весь мир, и я не представляла, каково это — быть счастливой. Без Йонто. Зная, что он тоже ничего не забудет. Как он вообще на такое решился? Как он мог решить все за меня?!

Я злилась. Плакала. Признавала, что сама поступила бы так же... И снова злилась, не в силах смириться с его выбором.

А все тот высший... Он подкинул идею. Он подтолкнул Йонто к этому шагу.

Да, чары действительно исчезли, кровная привязка оборвалась, и я осталась жива... Но зачем мне такая жизнь?

Ты сделала свой выбор. Теперь — его черед.

Если бы высший намекнул, о каком выборе речь, я бы ни за что не позволила Йонто... Я бы...

Понятия не имею, что бы я сделала. Но точно бы не сбежала в свой мир, не попытавшись найти другой выход! Пусть даже и зная, что это обречено на провал...

Я люблю тебя.

Я даже ответить не успела! Я еще столько всего не успела!

Я не предупредила его об Агрийо. Он не знает, что на самом деле представляет собой тень владельца... До меня звездочет не доберется, но ведь есть Вэйнара... Что помешает этому безумцу втянуть ее в свою грязную игру?

Если бы я только сразу обо всем рассказала!

Если бы...

Все, что мне осталось, — бессильное сожаление. Острая игла в глубине души. Не дотянуться. Не вытащить.

Еще один день без тебя.

Еще одна ночь в пустоте.

Теперь я знала, о чем предупреждал грёзник, и горько жалела, что не поняла этого раньше. И цеплялась за последние строчки, словно утопающий за соломинку.

К тебе я вернусь. Только верь.

Он верит? Я бы верила. День. Неделю. Месяц. Год.

Сколько бы продержалась моя вера? Сколько продержится его?

Само время против нас.

Неделя здесь. Полгода там.

Я обошла все гадательные салоны в городе. От самых крупных до мелочи, о которых почти никто не знал. Но увы. Той, что когда-то отправила меня в Эйторру, я так и не нашла. Возможно, потому, что ее уже не было в этом мире.

Две недели здесь. Год — там.

Я закрывала глаза и от всего сердца желала, чтобы Йонто забыл меня. И тут же ловила себя на мысли, что отчаянно хочу, чтобы он помнил. Каждый миг, проведенный вместе. Каждое сказанное слово. Каждый взгляд. Улыбку. Прикосновение. Если он забудет, что станет со мной?

Мне все чаще казалось, что я всего лишь чужое воспоминание. Страшное чувство, неправильное. Весь этот мир теперь казался неправильным. Он перестал быть моим домом, да и был ли им когда-то в полной мере?

Месяц. И два года.

В тот вечер я бродила по городу, но так и не нашла волшебную дверь в Эйторру. Ведь у меня больше не было волшебного ключа, способного не только открыть, но и отыскать ее.

Я надеялась... Все еще надеялась на чудо. И, случайно увидев знакомую фигуру, ничуть не усомнилась, что это именно оно.

— Йон... — прошептала я и бросилась к нему, ничего вокруг не замечая. Протянула руки, уже чувствуя его тепло... И не дотянулась самую малость. Меня дернули назад. Взвизгнули шины резко затормозившей машины, послышалась отборная брань...

— Чего творишь, ненормальная?!

Света. Это Света. Она... стоит, вцепившись в мои плечи, злая, покрасневшая... ругается. А я... я смотрю туда, где только что видела Йонто. И ничего-то больше не вижу, кроме дороги и мчащихся по ней машин... Но ведь он был. Был.

И есть. Но не здесь. Как бы того ни хотелось, его просто не может быть в этом мире. Как и меня — в том. И мне уже не прорваться сквозь невидимые и нерушимые границы, не коснуться его. Никогда.

— ...какая же ты бестолковая!.. И... эй, ты что, плачешь? Ань...

Я растерянно дотронулась до щеки. Влажная. И странно, что это — всего лишь слезы, а не кровь. Казалось, что ею захлебывается мое сердце.

Никогда. Только сейчас я осознала, что все кончено. Нет выхода. Нет надежды.

— Анечка, милая, — увещевала меня Света, дотащив-таки до дома, заставив переодеться, усадив в кресло и вручив кружку горячего чая, — любое горе, даже самое страшное, не длится вечно. Рано или поздно оно если и не забудется, то потускнеет. Все непременно наладится.

И она была права, конечно. Применительно к нормальным людям. А вот аштарам и тут не повезло. Нам невероятно сложно найти того, кому можно безоглядно доверять. И влюбляемся мы лишь единожды — и на всю жизнь, сколь бы долгой она ни была. Потому отец и заблокировал память мамы. Он не исключал своего поражения и хотел, чтобы в этом мире она могла жить дальше.

Отец... Спасая нас, мог ли он знать, что выйдет так... Что мы все равно останемся чужими новому миру. Что мама не будет счастлива,

раз за разом безуспешно пытаюсь отыскать того, кого забыл ее разум, но не сердце. Что Ева, яркая и уверенная днем, будет плакать по ночам во сне, не осознавая причин своей тоски.

Я не могу им рассказать. Они не поверят. А даже если поверят... Чего я добьюсь? Подразню миром, где им была уготована иная жизнь, миром, отныне и навсегда недоступным? Растравлю память о том, кого мы потеряли?

Нет, иногда правда не нужна. Достаточно того, что знаю я. Достаточно моей боли, достаточно моих слез. Я буду помнить за троих. Прости, папа, за то, что не смогу быть счастливой.

Когда подруга, выбив слово не делать глупостей, ушла, я сняла с шеи кулон-переводчик и, вытянув руку, отрешенно наблюдала, как преломляется свет в гранях прозрачного кристалла.

Искры, которые я, точно бусины, повесила на шнурок, испарились при переходе, а сам переводчик уцелел. Забавно...

А еще был узор на запястье, который так и не исчез. Напротив, стал ярче, и от одного взгляда на него на душе становилось чуточку светлей.

Медитативное состояние нарушил требовательный стук в дверь. Так стучать мог лишь один человек, и я со вздохом поплелась открывать.

Ева ворвалась в квартиру ярким, благоухающим розами вихрем. Скинув шубку прямо на пол, она скользнула в комнату и зарылась в книжный шкаф, бросив на ходу:

— Анька, ты похожа на призрак, но я рада тебя видеть!

— Угу, — буркнула я, привалившись плечом к стене.

Не то чтобы радость была не взаимной... Просто пока я не могла смотреть сестре в глаза. Казалось, что я ее обманываю, утаиваю важную часть жизни.

— Ух ты! — раздалось из недр шкафа. — Это кто?!

Ева вынырнула, потрясая листами бумаги, и я вздрогнула, опустила взгляд...

Я снова рисовала его.

Растрепанные волосы цвета темного шоколада. Внимательные карие глаза.

Строгая линия губ.

— Клевый, — оценила сестра. — Только почему такой грустный?

Я не помнила его улыбки. Лишь этот взгляд, которым он смотрел на меня тогда.

— Так получилось. Положи на место, — нахмурилась я.

— Не больно-то и хотелось, — фыркнула Ева. — Ты же красотка, Анька, найди себе настоящего парня, хватит уже их рисовать!

— Ты никуда не торопишься? — прищурилась я.

— Тороплюсь, — кивнула она, стянула с полки пару книг и протанцевала в прихожую, где от души пнула стоявший у напольного зеркала пакет...

С ним я вернулась из больницы да так и не решилась ни разобрать его, ни выбросить... Теперь до него дорвалась Ева.

— Классное! — прокомментировала она, приложив к себе выуженное из пакета верхнее платье. — И тебе точно пойдет. Правда, тут какая-то дыра на рукаве... Но все лучше этой жуткой пижамы в розовый цветочек, да еще на два размера больше... Ань, ну в самом деле, разве можно носить такое?! Это что, фланелька? Фу...

Ну... Фланелька, и что? Главное, уютная и теплая.

— Я замерзла, Ева. Я слишком сильно замерзла, — пробормотала я, невольно прижимая руку к груди.

Под сердцем словно кусочек льда притаился. Вечного, не тающего льда, из-за которого я не могла согреться.

Качнулся пропущенный меж пальцев шнурок, блеснула подвеска, привлекая внимание сестры.

— О, какая прелесть! — воскликнула Ева и, выронив платье, ловко выхватила кулон.

Ну чисто сорока!

— Отдай! — ожила я.

— Что это? — проигнорировала мое возмущение сестра.

— Амулет на удачу, — не придумав ничего лучше, брякнула я. О чем тотчас же пожалела.

— Класс! Мне очень нужна удача, ты даже не представляешь насколько! — прошептала Ева и, накинув на плечи шубку, шагнула к выходу.

— Верни немедленно! — потребовала я, впрочем прекрасно понимая, что ничего уже не добьюсь.

— Верну, — пообещала она, ловко обувшись. — Вот только сделаю кое-что важное и обязательно верну!

И наглая девчонка, махнув рукой с зажатым в ней переводчиком, упорхнула.

Вот же зараза малолетняя! Ну и что теперь делать? Не гоняться же за ней! Все равно не догоню, слишком уж шустрая.

— Эйторра бы ее не пережила, — вздохнула я, осматривая учиненный сестрой беспорядок.

Ничего, кулон я верну. Ведь это — память о Йонто. Единственная...

Я сглотнула горький комок, мотнула головой, привычно уже отгоняя тяжелые мысли, и подняла платье. Провела ладонью по нежной ткани и, вновь ощутив подступающие слезы, резко встряхнула злополучный наряд.

Что-то звякнуло, покатилося по полу и замерло, столкнувшись с зеркалом... Забыв о платье, я метнулась вперед, упала на колени, во все глаза разглядывая тонкий серебристый ободок.

Колечко, что подарил мне Таныл.

Руки дрожали, и поднять кольцо удалось не с первой попытки.

Оно сияло. Чистым, мягким светом, от которого сердце забилося чаще, а дыхание перехватило.

На моей ладони лежала частичка настоящего волшебства. И оно, теплое, живое, рождало в душе надежду.

Аман гит. Кровь высшего чентоля. Суть Эйторры...

— Пожалуйста... Пожалуйста! — прошептала я, сама не зная, к кому обращаюсь, и, зажмурившись, надела кольцо.

Я сидела, закрыв глаза, и чего-то ждала, но... ничего не происходило. Не было знакомого ощущения падения, и безвременье не спешило размыкать свои границы.

Я до боли закусила губу и зажмурилась сильнее. Нет. Нет, это просто не могло не сработать! Мой последний шанс. Моя последняя надежда. Моя вера, казалось бы, иссякнувшая, но вдруг захлестнувшая и разум и душу...

Не могло все это оказаться обманом!

В отчаянии я ткнулась пылающим лбом в холодную зеркальную гладь.

По щекам, просочившись сквозь плотно сомкнутые ресницы, заскользили первые горячие капли. Ногти до боли впились в ладони. В груди жгло... И я поняла, что не дышу.

Вдохнула-всхлипнула, распахнула глаза... Да так и застыла, вновь забыв о дыхании.

Моя крохотная квартирка пропала. Все тонуло во мраке, откуда-то тянуло послегрозовой свежестью и доносился шелест ветвей. А к спине прижималось что-то твердое и прохладное... Я обернулась. Зеркало. Большое, в тяжелой овальной раме. Его поверхность мягко сияла, и мое отражение казалось нереальным...

Кроме меня, зеркало ничего не отражало. Даже тьму. В его глубинах было светло.

Я с трудом поднялась, не отводя от него взгляда. Выставила вперед ладонь и замерла, почти коснувшись манящего света...

В то же мгновение раздался хлопок, и мрак отступил, явив просторную комнату, в которой только и было что странное зеркало, незаправленная низкая кровать да разбросанные по полу подушки.

— Ана?

От хриповатого голоса, растерянного и такого знакомого, меня обдало сначала холодом, а потом жаром.

Сколько раз я слышала его во сне! Сколько раз бежала на него! Лишь для того, чтобы очнуться.

Отдернув ладонь от зеркала, я медленно обернулась.

Он стоял всего лишь в нескольких шагах от меня. Босой, в светлых штанах и незашнурованной рубашке, с влажными растрепанными волосами... Такой родной. Такой... далекий.

Стоял и смотрел на меня, а в глазах плескалось недоверие.

Правильно. Нельзя верить снам, даже если очень хочется. А это определенно сон. Сколько подобных снилось мне последнее время...

Сон. Мой любимый сон.

Я замороженно шагнула вперед. Протянула дрожащую руку, и Йонто повторил мой жест. Я отчаянно жаждала прикосновения — и столь же отчаянно боялась его. В предыдущих снах этим все и заканчивалось. Стоило дотронуться до него — и сон неумолимо таял. Сейчас... будет так же.

И я отступила было в стремлении продлить ненастоящее счастье, но Йонто подался ко мне, и наши руки все-таки встретились, пальцы сплелись, крепко, надежно... реально.

Всего лишь одно движение — и я оказалась в его объятиях, окутанная родным теплом и запахом лунного леса, ощущая, как сильно

и быстро бьется под моей щекой сердце того, с кем я уже отчаялась свидеться.

— Ты не сон? — выдохнул он.

— Ты не сон, — эхом отозвалась я, сама себе не веря, скользя ладонями по его рукам, плечам, шее, зарываясь пальцами в волосы.

С каждым миготом внутри нарастал восторг. Настоящий! Он настоящий! Я и в самом деле не сплю, я... вернулась?

С трудом нашла силы отстраниться — чтобы убедиться, что это действительно он.

Конечно же он. Такой же, каким я его запомнила... и в то же время не совсем.

Здесь прошло два года. Неудивительно, что он изменился.

Повзрослел.

И волосы еще больше отросли. А по левой щеке протянулась тонкая ниточка шрама...

Я очертила ее кончиками пальцев. Йонто поймал мою ладонь, прижал к губам, улыбнулся.

— Это всего лишь шрам. Я жив.

— Не иначе как чудом, — не удержалась я.

— Нет. — Он покачал головой. И крепче сжал мою ладонь. — Я был осторожен. Я хотел жить. Я знал, что однажды вновь увижу тебя.

Такое заявление вмиг меня обезоружило, а Йонто, коварно этим воспользовавшись, обхватил мое лицо, бережно, едва касаясь, провел большими пальцами по щекам.

— Ана... какая же ты... — прошептал едва слышно.

— Какая? — улыбнулась я, но вместо ответа он накрыл мои губы своими.

Поначалу осторожный и нежный, с каждым миготом поцелуй становился все более и более жадным, нетерпеливым... Впрошающим.

Ты здесь? Ты не уйдешь?

Робкое пока что счастье и не до конца растворившийся в нем страх. Потребность касаться, чтобы вновь наполнить опустошенную потерей душу.

Останься. Не уходи. Никогда.

Мне плохо без тебя.

Чьи это слова? Или все же мысли?

Не важно.

Сбившееся дыхание. Стук сердца. Его. Моего.

Не исчезай. И не позволяй исчезнуть мне.

Я хочу окончательно поверить, что это не сон, что ты рядом. Хочу быть с тобой. Сегодня. Завтра. Всегда.

Й знаю, что ты хочешь того же.

Одно желание, поделенное на двоих. Две жизни, слившиеся воедино.

Несмотря на границы миров. Несмотря на время и расстояние.

Я люблю тебя, Йон.

Люблю.

Ночь медленно отсчитывала мгновения своего владычества над миром. Тихая, спокойная... светлая.

Я сидела на кровати, откинувшись на подушки, Йонто же предпочел подушкам мои колени. Неравноценная замена, но мне же лучше. Можно просто любоваться им, благо что луна, заглянувшая в окно, вытеснила мрак, высеребрила кожу, резче обозначила шрам на щеке...

— Так откуда это? — спросила я, осторожно проведя по нему пальцами.

— Разрывы пространства два года назад, — отозвался Йонто, не открывая глаз. — Пришлось поработать...

— А кроме тебя, охотников не нашлось?

— Нашлось. Но разрывов было много... Тварей, вышедших из них, — тоже. — Он открыл глаза и поймал скользнувшее по моему лицу выражение: — Не хмурься... Я был осторожен. Веришь?

— Верю.

Больше всего я боялась, что Йонто, поддавшись своей боли, забудет об осторожности. Отрадно было видеть, что мои страхи оказались напрасными.

— Твой ийтадь изменился, — заметила я, очертив мерцающие в лунном свете линии. Точно помню, что все было иначе... А главное — исчезла семилучевая звезда, испортившая ему жизнь. — Значит, и твоя сила...

— Нет. Сила не вернется, пока жив Тай. Или же пока он не пройдет обряд, который наверняка не выдержит.

Оказалось, что Йонто сделал это не для того, чтобы вернуть силу, а для того, чтобы вручить Таю венец владетелей.

О случившемся в мое отсутствие я слушала, затаив дыхание. И вот ведь незадача: несмотря ни на что, Канро-шана было жаль. Лишенный счастья, доведенный до безумия... Никому такого не пожелаешь.

Мы говорили обо всем. О том, как жили, разделенные границами миров. И мне стало стыдно за свои слезы и отчаяние, за то, что я потеряла веру и надежду. Всего-то за месяц! В то время как Йонто ни на миг не переставал ждать. Целых два года. Два бесконечных года, за которые я бы однозначно сошла с ума...

— Я рад, что твое ожидание было короче, — сказал он и добавил с очень серьезным выражением лица: — И из этого вытекает еще одно обстоятельство, которое изменилось.

— Какое такое обстоятельство? — насторожилась я.

— Теперь я старше. Больше ты не сможешь называть меня мелким.

Я едва сдержала улыбку. Неужто и вправду настолько задевало?

— Хорошо, дяденька, — не менее серьезно кивнула я, — как скажете!

И попыталась удрать, но не тут-то было... Меня до обидного легко поймали, вернули на место и подло защекотали.

Ну разве это честно, маленьких — во всех, попрошу заметить, смыслах! — обижать?!

А потом я все-таки увидела то, что должна была увидеть сразу...

— О! — воскликнула, разглядывая его запястье. — Что это?! Узор точь-в-точь как мой! Йо-о-он?!

— Это брачный узор, — с обреченным видом признался он.

— А? — растерялась я. — Не припомню, чтобы замуж выходила... Даже предложения не помню!

Интересно, это все еще девичья память или уже склероз?

— Все претензии к Тайро и его браслету, — нашел виноватого Йонто. — Подобные артефакты носят до и во время свадебного обряда, а потом снимают без всяких последствий, но иногда, если чувства настоящие и взаимные, если сила рода признает и благословляет их, появляются такие узоры. Поверь, все получилось случайно. Перед тем, как мы покинули дворец...

— Так это из-за поцелуя? — уточнила я, вспомнив, что тогда произошло.

Он кивнул и выдохнул, словно в ледяную воду прыгнул:

— Прости, Ана, но теперь мы крепко связаны, пусть и без обряда. — И добавил упрямо: — И я о том ничуть не жалею.

Я ошарашенно уставилась на свое запястье. Сколько же еще сюрпризов таит в себе этот мир... Перевела взгляд на все-таки смутившегося Йонто и спросила:

— А как от этого можно избавиться?

И лишь когда он помрачнел, поняла, что крайне неудачно сформулировала вопрос.

— Нужно просто разлюбить, — не сводя с меня потемневшего взгляда, ответил Йонто. — Тогда оно само исчезнет.

Просто? Да во всех мирах не существовало более нереального способа! И более нежеланного.

— Тогда и ты меня прости, — улыбнулась я, — но ходить тебе с этими узорами веки вечные.

— И ты готова здесь остаться? — недоверчиво прищурился Йонто. Эх, не все тараканы пали смертью храбрых... Или за два года новые завелись? — В мире, где нет кошек?

— Подумаешь, кошки... — пренебрежительно фыркнула я. — Здесь есть кое-что важнее.

— Чентоли? — вспомнил свои собственные слова он. И можно было бы поддержать игру, но...

Шутить мне совершенно не хотелось.

— Ты.

На этот весомый аргумент, озвученный шепотом на ухо, возражений у Йонто не нашлось...

А наутро я вспомнила, в чем главный недостаток спонтанных путешествий между мирами.

Впервые я взглянула на любимую пижаму глазами Евы. Если в таком виде выйду из комнаты, меня неправильно поймут... Особенно если учесть, что покои Йонто расположены в непосредственной близости от покоев владетеля, потому как умному, но бестолковому шэт-шану требовался постоянный присмотр.

— У тебя есть какой-нибудь плащик? — без особой надежды спросила я, понимая, что и в плаще буду выглядеть странно. — Или...

можешь у мамы что-нибудь одолжить?

С Вэйнарой они все же помирились, что меня несказанно обрадовало. Найдется же у шэти какое-нибудь платье для несчастной попадании?

— Посмотри там, — указал Йонто на смежную комнату, которая вообще-то должна служить спальней, но отчего-то превратилась в гардеробную. Отнюдь не пустую...

Платьев было не просто много. Их было невероятно много! И, самое удивительное, моему вкусу они очень даже соответствовали.

— Это чье? — с подозрением спросила я.

— Твое, — отозвался Йонто.

Я озадаченно нахмурилась.

— Я купил их тебе, — пояснил он и смущенно улыбнулся. — Подумал, что ты будешь странно одета и непременно понадобятся приличные наряды...

Не дослушав, я бросилась ему на шею.

— Спасибо!

— Так обрадовалась платьям? — растерялся он.

— К лешему платья! Спасибо, что верил... Что ждал. Йон, я... Я так боялась, что...

На сей раз не дослушали меня. Но я и не возражала.

Мы столько времени потеряли... Стоило ли тратить его на слова?

Когда, умытая, переодевшаяся и даже — при активной помощи Йонто — причесанная, я вышла в коридор, то почти сразу столкнулась с Тайро. В прямом смысле, потому что он, как всегда, витал в облаках.

— Анна?! — ошеломленно выдохнул он, разглядев, кого только что чуть не сшиб с ног.

— Ясного дня, Тайро-шан, — улыбнулась я.

— По сторонам смотреть не пробовали, мой господин? — с заметной угрозой осведомился Йонто. — Для здоровья весьма полезно!

— Анна! — не обращая на него внимания, просиял Тай и сцапал меня в объятия, словно большого плюшевого медведя. Оным я себя и почувствовала, пока владетель — божечки, мне еще предстоит с этим свыкнуться! — самозабвенно выражал переполнявшие его эмоции.

Недолго, впрочем. «Медведя» у Тая отобрали, задвинули себе за спину и хмуро высказались:

— Никаких манер!

— В бездну манеры! — взмахнул руками Тайро. — У нас получилось! У нас все получилось, Йон!

— У тебя получилось, — смягчился Йонто. — Но я в тебе и не сомневался. — Й, повернувшись ко мне, сказал: — Это Тай создал то зеркало. Правда, пройти сквозь него мы не смогли, якорь найти так и не удалось... Это настоящее чудо, что артефакт пропустил тебя.

Так вот оно что... А я-то думала, дело в одном лишь кольце. Хотя без него, того самого чуда, ничего бы и не вышло. И я в тысяча первый раз, пусть и мысленно, поблагодарила Таныла и от души пожелала, чтобы счастье, от которого он упрямо бежит, все же его настигло.

— Смотрю, переодеться успела, — прекратив изображать ветряную мельницу, прищурился Тайро. — Давно вернулась?

— Ночью, — наивно призналась я.

— Ага... И до сего момента вы не нашли времени, чтобы обсудить, как именно тебе удалось вернуться? Наверное, занимались куда более важными делами...

— Тай! — нахмурился Йонто, и владетель, шкодливо улыбнувшись и подхватив полы длинного наряда, припустил по коридору. Остановился у поворота и с заговорщицким видом сообщил:

— У него еще на правом бедре жуткий рубец, видела? Кродрок цапнул, думали, ходить не сможет!

— Мелкий паршивец! — прошипел верный эранир шэт-шана и попытался этого самого шэт-шана удавить.

Но, увы, не преуспел — слишком уж шустрым был владетель.

Казалось бы, с таким Прайго не устоять, но он не только устоял, но еще и процветал.

Мальчики постарались на славу.

Йонто вычистил-таки дворец от мутных личностей. Многие сбежали, не дожидаясь разбирательств, остальных выслали на границу шэтхо, приносить практическую пользу, возделывая землю, осваивая труднопроходимые территории и борясь с разными напастями. Тайро принципиально никого не казнил. Заявил, что смертей с него довольно. Даже Агрийо пощадил, и тот уже полгода жил в приграничном городке на юге, под присмотром местных магов. Говорили, что звездочет окончательно сошел с ума, дни напролет возится с расчетами и успел

предречь щедрый урожай, жену-стерву для градоправителя и несколько концов света.

Йонто на брата давить не стал. «Владейте, как душа желает», — только и сказал он.

Ну... Тай и владел. От души.

Первым делом он отпустил чентолей, содержащихся в неволе. Снял ошейники, уничтожил привязывающие чары... Они улетели. И вернулись. Через неделю, ночью, прямоком подокна Тая. До сих пор признают лишь его да парочку придворных, проявивших положенную вежливость. Благо что я ошибалась и ездовые животные, отдаленно похожие на лошадей, в этом мире все же имелись.

Потом безбашенный шэт-шан решил наладить отношения с высшими чентолями, для чего в одиночку — как он думал, не заметив последовавшего за ним Йонто, — явился под копню Древа владетелей. С тем самым мечом наперевес...

Меч действительно перевешивал и совершенно не шел к яркому и более чем мирному наряду Тая. Откликнувшийся на зов белоснежный высший долго и неприлично ржал... И столь же неприлично застыл с открытой пастью и вывалившимся языком, узнав об истинной причине встречи.

В знак добрых намерений Тай предложил сломать меч. Ломал долго и упорно, но тщетно, умаялся, проникся бессовестным хохотом высшего и попросту закопал меч под Древом. А сверху водрузил внушительного вида каменюку, на которой выцарапал единственное слово.

Мир.

Высший ржать перестал. Зато начал икать. В результате камень приобрел слегка подкопченный вид... Ну и в целом казалось, что под деревом кого-то спешно закопали и придавили валуном, чтоб не выбрался.

Но высшему, похоже, понравилось. Впрочем, я его понимала: Тай мог обаять кого угодно, не прикладывая ровно никаких усилий.

А еще он — не без войны с чиновниками, которую пусть и с трудом, но выиграл, — объявил рогатых торговцев вне закона, запретил преследование и продажу одаренных и довел-таки до ума свои изобретения. Последние опыты доказали их эффективность, а

значит, скоро жизнь слабых магов, причем не только в Прайго, изменится к лучшему.

Две недели пролетели незаметно. Я встретила с Вэйнарой, которая очень обрадовалась моему возвращению; познакомилась с Шанаей и приняла извинения Паллира, на которого, впрочем, и не обижалась, потому как тогда он защищал своего воспитанника; подружилась с чентолями; обустроила покои не по принципу «и так сойдет», а исходя из соображений удобства... Вновь привыкла к здешней жизни. А каждую свободную секунду мы с Йонто проводили вместе. Наверное, над нами потешались все кому не лень... Не важно. Важно было знать, что он рядом, постоянно чувствовать его тепло, дыхание... Нам обоим это было жизненно необходимо. По крайней мере до тех пор, пока вызванное разлукой потрясение не притупится.

Одним ясным вечером Тайро подкараулил нас в саду и преподнес мне поистине царский подарок.

— Держи, — вручив синюю бархатную коробочку, смущенно улыбнулся он. — Сделал, пока бился над принципами переходов между мирами...

В коробочке лежал смартфон. Я опасливо коснулась экрана... и он засветился, явив моему недоверчивому взгляду знакомые иконки приложений!

— Тай! Ты гений! — От избытка чувств я шагнула к нему, намереваясь обнять, но Йонто ненавязчиво вклинился между нами и нежно, так, что Тайро поперхнулся, улыбнулся:

— Не беспокойся, Ана, я сам его обниму...

— Не надо, с удовольствием приму благодарность словами, — торопливо отказался от щедрого предложения шэт-шан и укоризненно покачал головой: — Между прочим, ты увел мою невесту, а теперь даже обнять ее не разрешаешь!

— Что ты сказал? — очень ласково спросил Йонто.

— Тебе послышалось, — нервно улыбнулся Тай.

— Йон! — возмутилась я, но он уже открыл теневую тропу и без лишних слов увлек меня за собой.

Нет, все-таки некоторые вещи не меняются! Ни через два, ни, подозреваю, через двадцать два года!

Но в этом и заключаются их особое очарование и ценность, не так ли?

Тайро медленно брел по дорожкам закрытой части сада, вздыхал и предавался унынию. За аркой входа маялась свита, но страдания придворных его не интересовали. Тысячу раз уже просил оставить его в покое и заняться чем-нибудь полезным, так нет ведь. Традиции, чтоб их... Закон, что ли, издать? Об изменении давным-давно изживших себя традиций, а еще — о праве владельца на личное пространство и личную жизнь.

Хотя последней, похоже, никакие законы не помогут.

«Ищи свою женщину», — строго посоветовал Йонто. Легко сказать! Где ж ее искать-то? Не каждый день с Небес падают такие девушки, как Анна. А другие, падающие пусть и не с Небес, но прямоком к ногам шэт-шана, казались Тайро предсказуемыми, глупыми и надоедливymi.

Но в конце концов именно из них и придется выбрать ту, что разделит с ним жизнь... Единственную, ибо он и с отцовским-то гаремом намучился, решая, кого куда определить и при этом не обидеть. Свой собственный он заводить не планировал. Еще одна дурацкая традиция, требующая отмены.

Надо бы заняться.

От размышлений Тайро отвлек подозрительный шум в пышно цветущих кустах аранды. Бело-розовые, похожие на облака, они затряслись, звонко чихнули... Не успел владелец удивиться чихающим кустам, как из них, отчаянно сопя, выбралась девушка.

Невысокая, с растрепанными светлыми волосами, живописно украшенными веточками и лепестками, в странной одежде... Платье было длинным, но тонким, кружевным, на узких бретельках, и совершенно бесстыдно открывало плечи, изящные руки и хрупкие ключицы... В ямочке меж ними уютно лежал кулон — бледно-голубой, огранный в форме капли кристалл на затейливо плетеном шнурке.

Сглотнув, Тайро поднял взгляд и недоуменно нахмурился.

Незнакомка с тонкими чертами лица и огромными серыми глазами определенно кого-то ему напоминала...

— Мы не встречались? — осторожно спросил он, чувствуя, что напряженное взаимное разглядывание несколько затянулось.

— Вот уж вряд ли, — фыркнула девушка, отбросив за спину длинные волосы и скрестив на груди руки. — Я бы точно запомнила. Красивое платьишко. На заказ шили?

Лесной домик встретил их радушно. Даже дорк прибежал, получил свою законную порцию ласки от Аны и вновь скрылся среди деревьев — к вящему ее разочарованию, ярко обрисованная перспектива попасть во дворец звереныша не прельстила.

Ана обошла дом изнутри и снаружи, глядя стены и блаженно жмурясь, и Йонто всерьез задумался о том, чтобы перебраться сюда. Тай не маленький, окружен верными людьми, сам со всем справляется, и нянька ему не нужна.

В этом доме они были счастливы. И вновь будут. Теперь уже — навсегда.

Пока Йонто, сидя на краю колодца, обдумывал этот вариант, Ана вспомнила о подарке Тая.

Подарок оказался гораздо полезнее, чем она полагала... А братец и правда гений. Но не настолько, чтобы напрашиваться на объятия.

Когда полянку огласил странный резкий звук, Йонто вздрогнул, а Ана восторженно закричала:

— Работает! Ион! Работает!

Она прыгала, сжимая в руках свой смартфон, и просто-таки лучилась счастьем. А немного успокоившись, показала ему, что именно заработало. Вживленный в чудо иного мира артефакт позволил принять пришедшее из того мира сообщение...

— Это от Евы... Моя ненормальная сестра все-таки решила удалить родинку, — расстроено вздохнула Ана, прочитав короткое послание. — Ну вот чем она ей помешала?! Красиво же, а?

Родинка и в самом деле выглядела красиво. Особенно на ее плече. Особенно в лунном свете...

Но дело было отнюдь не в красоте. И об этой маленькой, но важной детали Йонто упомянуть забыл.

— Э... Ана, — смущенно кашлянул он. — Я выяснил это уже после того, как ты... Как ты ушла отсюда...

— Дипломатично. Честнее было бы сказать — после того, как ты меня отсюда выставил, — проворчала Ана, и Йонто сделал вид, что не

услышал. Тогда ей угрожала опасность, и, если бы ему вновь пришлось выбирать, он поступил бы точно так же.

— Так вот, — продолжил он, отогнав невеселые мысли, которые за два года прогрызли в душе не одну дыру и даже сейчас не спешили окончательно исчезать, — из дневника твоего отца я узнал, что ключ, открывший границы, он же якорь, удерживающий вас в том мире, — это родинка, личный знак Рантэра, материальное воплощение его чар. Сложных, истинно аштарских, мы их не то что воссоздать, даже понять не смогли. Но вот избавиться от них просто. Нужно всего лишь удалить родинку...

— Подожди... — перебила Ана, бледнея на глазах. — Ты хочешь сказать, что если бы я удалила родинку, то сразу же оказалась бы здесь? С тобой? Так просто? Это было так просто?! Вот же черт! — Она застонала от досады и запустила пальцы в волосы, растрепав прическу. — Да если бы я только... Если бы я... О нет.

Она замерла, пораженная осознанием случившегося. И сейчас Йонто легко мог читать ее мысли.

Ева удалила родинку. Якорь, удерживающий ее в мире, который сестры привыкли считать родным. А это значит, что...

— Йон! Этому миру конец!

— Любой конец — всего лишь новое начало, — улыбнулся Йонто, ловя мечущуюся по полянке Ану в объятия.

— Мир спасет себя сам, да? — недовольно фыркнула она, впрочем не пытаясь вырваться. Напротив, притихла, успокоилась.

— Именно.

— А мы?..

— А мы просто будем счастливы. Разве не так положено в сказках?

— Правильные сказки, — рассмеялась Ана, уткнувшись носом в его плечо, — всегда заканчиваются хэппи-эндом.

Йонто не особо понял, что такое хэппи-энд, но все равно порадовался, что их сказка неправильная, а оттого вряд ли когда-либо закончится.

— Поднимешься со мной на вершину храма? — спросил он с замиранием сердца. — Станешь моей эшени, Ана?

Узоры узорами, но этого было мало. Отчаянно хотелось сделать все правильно. Связать свою жизнь с ее, накрепко, навсегда. Так,

чтобы ничто уже их не разлучило. Даже границы миров.

— Да, — без раздумий ответила Ана, и последний страх — страх ее отказа — растворился в умиротворяющей лесной тишине.

Их собственная сказка только начиналась. И они в силах сделать так, чтобы она — правильная или не очень — стала бесконечно счастливой.

Йонто не рассказывал мне о злополучной родинке потому, что не хотел лишать меня шанса вернуться к семье. Он всерьез боялся, что я могу передумать и сбежать от него. Боялся, что когда-нибудь пожалею о своем выборе. И этого последнего таракана я прихлопнула с особым удовольствием, удалив родинку, а вместе с ней и привязавшие меня к Земле чары.

Но перед этим все же ненадолго наведалась в мир, который целых двадцать лет считала родным, благо вернуться в Эйторру теперь было несложно: колечко Таныла, побывавшее в безвременье, утратившее наложенные хозяином чары и взамен старых свойств приобретшее новые, служило хорошим ключом и якорем, а зеркало Тая стало той самой волшебной дверью, что я когда-то искала.

Несколько часов в том мире я провела с пользой.

Объяснила все Свете, попрощалась с ней, обещала быть счастливой и никогда ее не забывать, наревелась... и убедила разочаровавшуюся в новом муже маму избавиться от родинки, описав такие ужасы, что она сразу в больницу побежала. В ту же, где была и Ева, так что, зная место появления мамы, я дождалась ее в закрытой части дворцового сада.

Да простит меня отец, но на Земле она счастья не нашла. И я надеялась, что Эйторра утешит ее мятущееся сердце, ведь дом есть дом, пусть даже и забытый на долгие годы.

Тем более что обе ее дочери вполне неплохо здесь устроились. Ева, конечно, поначалу скандалила, но как-то подозрительно быстро успокоилась. Зато Тайро стал очень задумчив и временами откровенно грустил, и я ему искренне сочувствовала, но помочь ничем не могла. Ева всегда олицетворяла ту самую силу, против которой даже Великий предок не выстоит.

Маме пришлось сложнее, но постепенно она привыкла. А спустя несколько недель память вернулась и к ней... Мы проплакали всю

ночь, вспоминая отца. С тех пор мама изменилась. Она стала более спокойной, теплой... и родной, как прежде. Она больше не гналась за миражами, ей хватало того света, что дарила все еще живущая в душе любовь. Я думала, что воспоминания о былом счастье могут лишь ранить, но оказалось, что они могут и лечить...

Йонто мое желание оставить маму и сестру в этом мире одобрил и поддержал. Подозреваю, исключительно потому, что пока не знал, каково долгое время общаться с моими любимыми родственницами. Это вам не высших чентолей за хвост таскать!

Но он конечно же справится. Он всегда со всем справлялся. Даже со мной. Даже тогда, когда я сама не могла этого сделать.

Мое бездорожье, обернувшееся самой надежной тропой.

Мой мир, где всегда безопасно и светло.

Моя неправильная сказка, ставшая неотъемлемой частью жизни.

Навсегда.

ЭПИЛОГ

Храм Великого предка возвышался неприступной темной горой, и лишь ступени — бесконечные, ведущие, казалось, прямоком на Небеса, — серебрились в свете огромной луны.

Я долго собиралась с духом, прежде чем преодолеть первую ступеньку. Осторожно, подобрав юбки, молясь, чтобы легкие шелковые туфельки не скользнули по гладкой, отполированной тысячами ног поверхности.

Многочисленные свадебные обряды Эйторры были красивы. Тот, что связывал две жизни в одну навсегда, был безумно красив.

Нежно-розовый, словно яблоневый цвет, наряд невесты, расшитый лунным жемчугом, и тот же жемчуг, вплетенный в распущенные волосы. И больше никаких украшений. Невеста — сама по себе драгоценность, не нуждающаяся в фальшивом блеске.

Ночь полнолуния, ночь пробуждения силы.

Древний храм, налитанный этой силой и щедро ее дарующий тем, кто уверен в себе и своей любви.

Мерцающие ступени.

Рассвет, который двое, поднимающиеся друг к другу с разных сторон, должны встретить вместе на самой вершине.

Символ того, что никакие препятствия не способны стать преградой на пути любящих сердец.

Практика с теорией прилично разошлась...

Здесь было зловеще тихо, и лишь понимание, что Йонто где-то рядом, останавливало меня от паники. Многослойный наряд удобством не отличался, подошва туфель так оказалась скользкой, порывы ветра то и дело бросали волосы на лицо, рассеивая внимание.

Возможно, местные женщины, с рождения закаленные суровыми нравами, взлетали по ступенькам легкокрылыми бабочками, я же, избалованное дитя цивилизации, чувствовала себя неуклюжей, испуганной и несчастной, потому как быстро осознала: до цели доберусь не раньше полудня.

Или вообще не доберусь.

Я поскользнулась на пятой ступеньке, зажмурилась, взмахнула руками...

Божечки, стоило ли рваться в этот мир, чтобы так нелепо умереть?!

Сильные ладони легли на плечи, удерживая от падения, теплые губы невесомо коснулись лба, утешая. Распахнув глаза, я недоверчиво посмотрела на нежданного спасителя. Он улыбался и, в отличие от меня, выглядел вполне довольным жизнью.

— Йон... Что ты делаешь? — растерянно спросила я того, кто сейчас должен покорять лестницу с противоположной стороны храма.

— Поднимаюсь, — невозмутимо отозвался он, положив мою ладонь на свой согнутый локоть, и в самом деле шагнул на ступеньку выше. Пришлось последовать за ним.

— Это же не по правилам! — напомнила я. — Нужно же поодиночке...

Еще одна ступень. И еще...

С Йонто было легко и совсем не страшно.

Впрочем, как всегда.

— Поодиночке мы преодолели гораздо больший путь, чем все лестницы всех храмов Эйторры, — отозвался он. — Теперь — только вместе, Ана.

Вместе.

Уверенный и полный тепла голос, и надежная рука под моей ладонью, и биение его сердца, которое я ощущала всем телом... Все это вновь сделало ночь сказочной, позволило забыть о страхах, расслабиться и насладиться моментом.

Ветер утих. В прохладном воздухе разливались медвяные ароматы, от которых кружилась голова и хотелось улыбаться. Внизу было темно. Вверху тонуло в лунном серебре небо. И храм уже не казался таким недоступным.

Мы шли медленно, не торопясь, и время словно застыло, подыгрывая нам.

Каждая ступень — пройденное испытание.

Встреча, которой не случилось бы, не оказался я в этом мире.

Знакомство, которого не было бы, не вернись Йонто за мной.

Все мелкие и не очень недоразумения, которые пришлось преодолевать, смиряя свой нрав и пытаясь понять и принять другого...

Разлука, заставившая так много переосмыслить.

Йонто прав. Мы слишком долго шли по этому пути в одиночку. И преград было слишком много.

Куда до них каким-то ступеням...

До ворот мы добрались, ничуть не устав, когда небо начало светлеть. Взявшись за руки, перешагнули порог, миновали короткий узкий коридор и оказались в круглом зале с прозрачным потолком.

Посередине во всем своем двупостасном великолепии застыл каменный Великий предок. Остановившись перед его человеческим обликом, мы повернулись друг к другу, в полном молчании ожидая, когда купола храма коснутся рассветные лучи.

Здесь было странно. Не темно и не светло. Не холодно и не жарко. Будто безвременье между мирами, но совершенно не пугающее, умиротворяющее даже.

Йонто, в бело-голубом одеянии, щедро украшенном серебряным шитьем, с собранными в низкий хвост волосами и сияющими не хуже луны глазами, казался не менее сказочным, чем все это место в целом.

Я вспомнила, что подумала, впервые его увидев. Мальчик-картинка. С того момента много воды утекло, и мальчик превратился в мужчину. Самого надежного, верного и любимого мужчину во всех мирах. Единственного.

Не знаю, о чем думал Йонто, но от его взгляда сердце билось чаще, а в душе поселилась искристая легкость.

Рассвет наступил внезапно. Обрушился сквозь хрустальный купол ослепительным золотым потоком, окутал нас, скользя по коже, наполняя сердца. Мгновение. Другое. Пронизанная счастьем вечность... И, когда безумие света стихло, на запястьях наших сплетенных рук остались мерцающие узоры. Не такие, как от браслета. Более яркие, живые и теплые. Связавшие нас в одно целое.

Мир изменился. Неуловимо и необъяснимо, но я точно знала: отныне все будет иначе.

Получив благословение Небес и Великого предка, мы покинули храм, но спускаться не торопились. Стояли у самого края выступающей над бездной площадки и наблюдали, как ликующий рассвет омывает пробуждающуюся землю, возвращая ей потускневшие за ночь краски. Ветер, свежий и радостный, пахнувший травами и

полевыми цветами, растрепал волосы, остудил пылающие щеки. И я улыбалась. Ясному утру. Принявшему меня миру. Новой жизни.

Нашему бесконечному началу.

— Чего бы ты сейчас хотела? — тихо спросил Йонто, заключив меня в уютное кольцо рук, и я не нашлась с ответом.

У меня было все. Все, о чем я когда-либо мечтала... и даже не могла мечтать, не зная, что так бывает.

Хотя... Одно заветное желание все же было. И почему бы не исполнить его сейчас, в лучащемся силой храме, когда — под влиянием этой силы — в душе ни единого сомнения в собственных возможностях не осталось?

Я повернулась, посмотрела в сияющие глаза... и решительно сказала:

— Раздевайся.

Удивление серебристыми искорками вспыхнуло в медово-карей радужке и тут же в ней растворилось. Йонто молча снял верхнее облачение, длинное, с широкими рукавами, затем — безрукавку, оставшись в тонкой вышитой рубашке.

— И ее — тоже, — нетерпеливо потребовала я.

Он беспрекословно подчинился, зябко поежился — только что проснувшееся солнышко не успело согреть воздух — и вопросительно посмотрел на меня. И его безграничное доверие прошлось по сердцу мягкой пушистой лапкой, вызывая на губах улыбку.

— Постой так, — попросила я, подходя ближе и в волнении сжимая ладони.

Нет! Прочь волнение.

Аштары могли менять мир. Разве нельзя и мне чуть-чуть его изменить?

Чтобы совершить чудо, нужно поверить в него всей душой.

И я верю. Волшебство искрилось в ладонях, волшебство самого мира, ластящегося ко вновь обретенной дочери, готового исполнить любой ее каприз...

Подняв руки, я осторожно, едва касаясь, провела пальцами по линиям ийталя Йонто, от плеч до запястий. Он не вздрогнул, ничего не сказал, стоял, как я и просила, молча, недвижимо, и только взгляд стал растерянным, непонимающим...

Ничего. Еще чуть-чуть. Подожди еще чуть-чуть, пожалуйста. Ты дал мне так много... Что я могу дать взамен?

Только это.

Чудо на кончиках пальцев. Рожденное не Небесами, не Великим предком, а самим миром.

Мир любит меня. А я люблю тебя.

Это — моя любовь.

Золото, наполняющее иताल. Пробуждающее его.

Ты же чувствуешь?

Чувствуешь. Понимаешь.

И я улыбаюсь, скользя ладонями по ладоням, видя, как исчезают шрамы, как оживают узоры, как меняется твой взгляд...

Тебе не нужна власть. Но ты же не откажешься от крыльев?

— Я хочу вернуть тебе небо, — все-таки ответила на вопрос я и в следующий миг оказалась в крепких объятиях.

Но крылья, взметнувшиеся за спиной, заметить успела.

Синяя гладь теплого моря и лунное серебро.

Красиво. До сбившегося дыхания и слез на глазах.

— Ана... — прошептал Йонто, зарывшись лицом в мои растрепавшиеся волосы. — Ты — мое чудо...

Я счастливо вздохнула, прикрыла глаза, растворяясь в нежности, что мне столь щедро дарили.

Его чудом я быть согласна.

В конце концов, в каждой сказке, даже неправильной, должно быть свое чудо, пусть такое же неправильное, зато настоящее.

Иначе какая же это сказка?